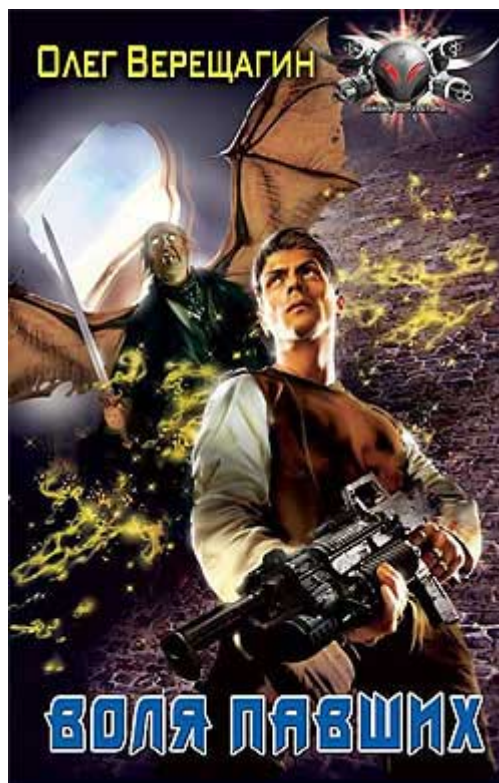

Олег Николаевич Верещагин Я иду искать. История первая

Я иду искать (СамИздат) – 1

Текст взят с СамИздата, версия от 22.11.2009 http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/
«Олег Верещагин. Воля павших»: Ленинградское издательство; СПб.; 2008
ISBN 978-5-9942-0140-4

Аннотация

Ты можешь только стоять. До конца. До смерти. До понимания жизни... Либо умереть, как лягут карты судьбы. Как человек. Или как тварь дрожащая. Тебе выбирать.

Молодость и ненависть против расчета, закон против совести, режущий глаза «свет цивилизации» против утренних туманов без запаха химии... Война на уничтожение.

В этом мире редко доживают до тридцати.

Олег Верещагин Я иду искать. История первая

— Не отчаивайся. Мальчишкам всегда почему-то казалось, что ничего такого... героического им уже не достанется.

— А потом?

— Что потом?

— Ну... им всегда доставалось?

— Доставалось. Всегда. И ещё как!..

С. Павлов. «Лунная радуга».

*Светлой памяти: Желько Ражнятовича по прозвищу «Оркан»,
Симо Дряка, Эрнесто «Че» Гевары, Петра Машерова, Генерала*

де Вета, Ивана Турчанинова, лорда Джорджа Нозля Гордона Байрона и сотен других, считавших, что чужого горя не бывает, а свобода и вера стоят того, чтобы за них драться.

С благодарностью и восхищением посвящает автор эту книгу.

Пролог

Позывной не отвечает

Кто-то гибнет, тонет, и зовёт, и стонет...

Чей корабль в море погибает?!

Или это крик затравленных погоней?!

И людей пытаются или убивают?!

Ю. Кукин

Он пришёл в город под вечер, когда ворота уже закрывались.

Стражники-хангары в плоских хвостатых шлемах видели, как он возник из вечернего сумрака шагах в ста от ворот. Они хмуро разглядывали приближающуюся фигуру человека, обмениваясь негромкими замечаниями на своём языке — кто же под вечер таскается со стороны Великого Леса? Колдуны, бродяги, убийцы... а то и ещё кто похуже. С молоком матери хангары впитали убеждение, что лес буквально кишит нечистью. По-этому они с надеждой поглядывали на стоящего ближе к воротам данвана — не прикажет ли он сразу рубить позднего пришельца, пока он не натворил дел в городе, как уже бывало?..

Рослый, широкоплечий человек шагал размеренно и легко, чуть наклонив корпус вперёд. Лица ещё не было видно в быстро сгущающихся сумерках, но хангары видели серо-зелёный плащ, накиннутый поверх зелёной кожаной куртки, стянутой на груди ремнями, такие же зелёные штаны, заправленные в высокие сапоги, подбитые железом и перевитые ремнями накрест. Длинные чёрные краги доходили почти до локтей. На широком, в два ряда проклёпанном медью поясе висели тощий кошелёк, дорожная сумка, широкий меч в обтянутых шкурой длинным белым мехом наружу ножнах и тяжёлый нож-камас. Сочетание оружия и одежды делали позднего путника вдвойне подозрительным, потому что меч и камас могли принадлежать лишь северному горцу-славянину, а кожаная одежда всадника — только анласу, кочевнику из западных степей. И те и другие были давними врагами данванов — так одеться и вооружиться можно было лишь в знак вызова могущественным господам, лично Капитану здешней крепости и последнему наёмнику-хангару.

Но данван, стоящий возле ворот, остался неподвижен. Похожий на чудовищную башню из гибкой брони, угловатый, огромный, безликий, он стоял, широко расставив ноги и положив ладони в металлических перчатках на своё страшное оружие, висящее поперёк широкой груди. Казалось, ему нет дела ни до наёмников, выжидательно поглядывающих на него, ни до приближающегося странного путника, ни до города за спиной. Матовый блеск маски шлема был исполнен холодного равнодушия. Способность господ, личной стражи Капитана крепости, то часами сохранять полную неподвижность, то взрываться молниеносным броском пугала хангаров, но в то же время придавала им уверенности в своих силах на чужой, враждебной земле... И теперь они успокоились тоже. Раз господин неподвижен — значит, опасности нет. Опершись на короткие хвостатые копы с широкими наконечниками, предназначенные для ближнего боя, хангары уже с ленивым любопытством следили за чужаком.

Тот подошёл совсем близко — так близко, что стал виден цвет его глаз, серых и спокойных. Длинные русые волосы падали на спину и плечи. Такого же цвета усы гордо покоились за ушами, как было принято у славян во всех землях. Тёмную от ветра, солнца и холодов кожу лица пересекал от правой брови до угла рта шрам, в котором любой из

наёмников мог легко узнать след хангарской сабли — такой же, как висевшие у них на поясах. Симпатий к пришельцу это не прибавило, а он ещё вознамерился пройти через ворота, словно сквозь пустое место! Было от чего остолбенеть, но в последний момент один из стражников преградил лесовику путь своим копьём:

— Пошлина давай, — гортанно прокаркал он с неистребимым хангарским акцентом.

— Пошлину? — глуховато спросил человек на славянском языке, останавливаясь и обращая на стражника слегка отсутствующий взгляд светлых глаз. Эти глаза всегда раздражали хангара, вот уже пятнадцать лет служившего господам в лесной земле — равнодушные, невыразительные глаза рыбы, по которым невозможно понять, о чём думает и чего хочет их обладатель.

— Пошлина, — повторил хангар, расправляя грудь и выпятив губу: он был на полголовы ниже пришельца. Двое стражников помоложе засмеялись — не над своим старшим, а над лесным дикарём. Может, он и вообще не знает, что такое пошлина — думает, что в город, где есть Капитан, можно входить, как в лес, без разрешения и свободно?! Но тот уже достал из кошелька серебряную монету с Летящим Фрегатом и Грифоном Данвэ.

— Возьми, — монета упала в ладонь стражника. Но вместо того, чтобы идти дальше, человек вдруг спросил: — К кому в городе можно наняться на службу, скажи?

— Служба? — переспросил хангар. — Э, что твоя умеет делать?

— Я воин, — так же глуховато, словно оберегая голос, ответил человек. — Могу быть следопытом в лесу. В горах. Могу водить корабли по звёздам.

— Ты? — хангар скривился. — Хай!

— Я спрашивал совета, а не насмешки, — без обиды сказал человек.

— Могучий Отважный Всевидающий, Капитан под Грифоном Данвэ, Капитан крепости Виард Хоран, — титуловал хангар Капитана полностью, назвав даже данванское наименование крепости, — не принимает в свои отряды червей, которые только и умеют, что ковыряться в земле. Тут есть лишь место для могучих сынов Белого Верблюда, рождённых в Ханна Гаар.

Эту тираду стражник произнёс без акцента — отшлифовал долгим и частым употреблением. Остальные стражники откровенно заржали. Их веселье ещё более усилилось, когда ничтожный лесовик проглотил и это оскорбление. Смирненно наклонил голову:

— Я понял... А есть ли у вас в городе рынок рабов?

— Эй, ты где видеть город без рынок рабов?! — насмешливо спросил хангар. Пришелец был глуп и безопасен, даром что с оружием.

— А если видел? — с непонятной насмешкой ответил вопросом лесовик.

— Тогда твоя зарабатывать много денег, да? — хангар ткнул человека в грудь волосатым пальцем. — Рассказывать об этом чудесном месте и зарабатывать!

— Я смогу зарабатывать деньги у себя дома, рассказывая, каких глупцов держит вместо стражи тот, кто называет себя Капитаном Крепости Трёх Дубов.

Хангар на миг застыл, хватая ртом воздух, а потом схватился за рукоятку сабли. Во-первых, проклятый лесовик говорил на языке Ханна Гаар — знал, знал его и заставил ломать язык своей тарабарщиной! Во-вторых, он открыто и нагло исковеркал титул Капитана и осмелился назвать Виард Хоран СТАРЫМ названием!!! Это требовало кары — немедленной и беспощадной — его голова скатится раньше, чем лесовик успеет достать свой неуклюжий меч...

Пальцы хангара словно примёрзли к рукояти, украшенной речным жемчугом. Нет, лесовик ничего не сделал, не пошевелился, даже не моргнул. Прост наёмник, как на копьё, натолкнулся на его взгляд — уже не безразличный и равнодушный, нет! Рука хангара упала вдоль бока. Ему показалось, что сквозь прорези в маске проглянул демон из сказок. Но голос лесовика остался прежним, и говорил он опять на своём языке:

— Вот что. Я не знал, что у вас в городе стражникам отдана монополия на шутки. И если ты хочешь и в дальнейшем шутить без помех — не задерживай меня, достойный сын Белого Верблюда, хорошо?

Неведомым ухищрением голоса он ухитрился превратить родовое прозвище хангара в оскорбление, и стражник понял это... но сейчас он пропустил бы в город хоть самого Храага Огненного — лишь бы больше не встречаться с этим взглядом... И лесовик уже двинулся дальше — но его задержал ещё один голос:

— Стоять.

Пятнистая башня данвана двигалась механически и бесшумно. Ростом выше лесовика, шире в плечах и массивней, он подошёл вплотную, не обращая внимания на раздавшихся в стороны стражников — те брызнули от него, словно плотва от щуки.

— Назови имя.

Данван говорил без акцента и без насмешки, но в голосе хангара были человеческие эмоции, по сравнению с монотонно падавшими словами данвана наёмник говорил почти приятно...

— Немой, — сразу, хотя и без подобострастия или испуга, ответил лесовик.

— Это имя?

— Какое есть, — он пожал плечами.

— Откуда идёшь? — продолжался бездушный допрос.

— Из Фрайск Тайн.

— Что делал там?

— Служил разведчиком в гарнизоне.

Данван протянул руку, обтянутую гибким металлом:

— Документы.

Так же без промедления, но и без суеты Немой подал карточку, покрытую пластиком. Данван помедлил, задержал её перед слепой маской и отсалютовал, вскинув прямую ладонь к правой брови:

— Удачи в городе, разведчик. И приятного отпуска, — добавил он, возвращая карточку. — Если тебе и вправду нужен рынок рабов, то он начинается свою работу рано, на центральной площади. Ты её легко найдёшь по указателям. Может быть, один из них. — жест в сторону застывших хангаров, — покажет тебе гостиницу — корчму, как вы говорите?

— Я так никогда не говорил, — равнодушно ответил Немой. — Я хобайн, а не славянин... Лайс свэс хлаутс н'д байра хит.

— О-о! — голос данвана вдруг изменился, стал моложе и приобрёл живые интонации. — У хлиган ват'с хаусйен?! Скейнан!

— Т'экт, — Немой тоже отсалютовал рукой и, больше ни на кого не глядя, вошёл в город через ворота, бесшумно и плавно закрывшиеся за его спиной...

... Узкой мощёной улицей Немой шёл между двумя рядами высоких домов, чьи окна были закрыты ставнями. В тишине по ровным булыжникам коротко стучали шаги подкованных сапог. Далеко впереди, над крышами домов, вознеслась, словно чёрный призрак, Цитадель Капитана. Такая же, как и в любом другом городе. Построенная по плану, с пристрелянными подходами, непоколебимая и несокрушимая. Символ власти данванов — ни для кого не секрет, что они специально строят свои крепости вот так, чтобы их было видно из каждого уголка города, чтобы они висели над кварталами и площадями, над крышами и стенами, как судьба, как рок... Это не просто крепость. Это напоминание.

Лайс свэс хлаутс н'д байра хит.

Я знаю своё место и несу жребий.

Немой сплюнул. Каждый раз, когда он говорил на этом языке, ему хотелось потом прополоскать рот родниковой водой.

Было пустынно. Лишь нарушал теперь тишину доносящийся откуда-то спереди голос, возвещавший что-то через равные промежутки времени. Металлический, неживой голос, похожий на голоса, которым данваны говорят на языках своих рабов. Автомат говорит. Наверное, какое-нибудь объявление Капитана.

Он ещё раз посмотрел на Цитадель. Площадка для кораблей была пуста. Ни фрегатов, ни даже патрульных вельботов. Все в разгоне. Это и к лучшему.

Что он там твердит?

Впереди, в свете мощных прожекторов, обрисовался вход на площадь. Та самая, на которой днём рынок рабов — или другая? Голос нёсся оттуда...

— ... так! Эти четверо злоумышленников казнены согласно законам Данвэ за разбой, нападения на слуг Данвэ и злоумышления против граждан Данвэ! Да будет так! Эти четверо злоумышленников...

Немой остановился у выхода на площадь — небольшую (вряд ли это рыночная), залитую иссушающе-мощным дневным светом четырёх ламп, наклонно размещённых на четырёх мачтах по углам. Идти дальше было опасно. Кроме того, Немой боялся.

Он боялся того, что мог увидеть и что означало провал. Полный провал десятилетий работы.

Четыре человека были посажены на колья, вделанные между булыжниками площади. На тонкие металлические колья — такие, чтобы человек умер не сразу. Колья были в засохшей крови. И булыжник. И люди.

НЕ ТЕ, кого он боялся увидеть.

Немой испытал кошунственное облегчение, когда понял это.

Он не знал никого из умерших на этой площади. Ни могучего сложения мужчину лет тридцати с огненно-рыжей бородой. Ни другого — помладше и пониже ростом. Ни седого старика с обожжёнными ногами. Ни коротко подстриженного мальчика примерно лет четырнадцати. Отсюда, с края площади, он видел белые лица казнённых, запрокинутые вверх, к небу, залитые кровью рты. Видел пыльные, остановившиеся глаза. Видел одинаковые позы, характерные для принявших смерть на колу — руки вытянуты вдоль тела, ноги чуть расставлены и выпрямлены последней судорогой.

Немой пожалел, что уже давно не верит ни в каких богов. Иначе он непременно помолился бы. Трудно верить в богов, живя здесь. Впрочем, Христос принимает всех. И утешение дарует всем. А в обмен забирает одно только — желание бороться ЗДЕСЬ, на этой земле, в этой жизни.

Недаром эту веру так поощряют данваны.

* * *

Когда Немой добрался до полуподвала, на дверь которого висела доска с изображением факела и надписью глаголицей: «Ночной огонёк», то уже совсем стемнело. Он пригнулся и вошёл внутрь по ступенькам, заросшим в углах у стены мохом.

«Ночной огонёк» больше напоминал берлогу ведьмака, а то и что почище. Но сейчас тут не было обычного люда — беглых рабов, разных перехожих из леса, нищеты с окраин... Для всей этой публики было ещё слишком рано.

Хозяин смерил клиента скучающим взглядом, но всё же придал своему разбойничьему лицу максимально приветливое выражение — даже вышел из-за грязного прилавка, на котором удобно отдыхало его брюхо.

— На площади был, — вместо приветствия сказал Немой.

— На той, где четыре трона стоят? — спросил хозяин. — Знаем, видели... Сидеть на тех тронах колко, да только тех, кто на них садится, народ по-выше Капитана ставит. Жаль только, что сойти с тех тронов своими ногами никому не пришлось...

— А ты, Чреватый, не меняешься, — тихо бросил Немой. Лицо хозяина осталось прежним, лишь чуточку сузились зеленоватые глаза, и через секунду он так же негромко спросил:

— Немой? Зато ты поменялся, не узнать... Так это тебя ждут? — Немой наклонил голову. — Тогда пошли, чего стоять-то?

Он неожиданно быстро зашепшил за стойку, нырнул, отодвинув серый занавес из некрашеного льна, в низкую дверь. Немой, быстро оглянувшись, скользнул за ним, почти упершись в спину корчмаря — тихо пыхтя, тот с натугой отводил в сторону рожок масляного светильника, вделанный в стену короткого коридорчика. Послышался тихий лязг — и небольшой квадрат стены ушёл в темноту, открыв лаз, в который Немой ловко и без промедления юркнул, ухитрившись не звякнуть, не лязгнуть и не зацепиться ничем из своей амуниции. Он услышал, как корчмарь за спиной отпустил рожок — и стало темно.

Несколько секунд он стоял неподвижно, полный неприятного ощущения, что его — слепого — внимательно разглядывают из темноты. Потом негромкий девичий голос произнёс:

— Он, всё в порядке, — и зажёгся свет газового рожка.

В колеблющемся, призрачном свете Немой увидел двух человек, одетых, как горожане — в сероватые просторные рубахи, синие штаны и короткие сапоги с завязками. Девушка лет восемнадцати с переброшенной на грудь великолепной косой держала в правой — уже опущенной, впрочем — руке пистолет, у кряжистого густобородого мужика был наготове самострел. Правда, он тут же опустил своё оружие, в спутанной бороде блеснули крепкие зубы — улыбка.

— Здорово, друг!

Помня об искреннем убеждении Ломка, что объятие без хруста в рёбрах не считается, Немой успел подать руку. Ломок немедленно обиделся:

— Что ты мне руки тычешь? Или я не верю тебе, не вижу, что зла в ладони не держишь?! Обидеть не хочешь — так давай обнимемся, да поцелуемся, как заведено...

— погоди, дядя Ломок, — остановила его девушка, и Немой вдруг понял с изумлением, что это Зоринка. Боги, как переменилась-то за три года! Так выходит, не восемнадцать ей, а шестнадцатый... — Дядя Немой, знаешь, зачем вызывали?

— Догадываюсь, — неохотно ответил Немой. — Ведите давайте.

Запалив от рожка факел, Зоринка пошла впереди. Ломок тащился следом, всё бубнил что-то обиженно. Выложенный камнем коридор уводил вниз с еле заметным наклоном.

— Каких людей казнили на площади? — на ходу спросил Немой. Зоринка передёрнула плечами под грубой рубахой:

— Не наши, — тихо сказала она. — Стреляли в Капитана. Из самострелов.

Глупые...

Немой стиснул зубы. Да, глупые. Он вспомнил, как отлетали от ненавистной брони тяжёлые стрелы отца... и как данван подошёл почти вплотную и выстрелил.

И он, рождённый в славянской семье, в лесной вёске, превратился в хобайна. По крайней мере, так ОНИ думали, не подозревая, что по какому-то странному капризу природы он ЗАПОМНИЛ...

Да, запомнил, хотя больше не помнил ничего из своей прошлой жизни.

Немой стиснул зубы ещё сильнее и встряхнул головой, выбивая навалившиеся воспоминания. Нет, об этом сейчас нельзя думать.

А в следующий миг стало не до воспоминаний — Немой услышал, как впереди надтреснутый голос повторяет:

— Трук, трук, йа хнесто, йа хнесто... Трук, трук, офеть хнесто...

— Живой?! — с искренним изумлением выдохнул Немой, даже остановившись.

— Чего ему делается, — буркнул за спиной Ломок. — Лопатой не прибьёшь, нас с тобой переживёт...

Но Немой его почти не слушал, потому что они вошли в небольшую комнатку, в которой немой последний раз был три года назад... и этот же надтреснутый голос тоже звучал здесь, со своим чудным, неистребимым выговором произнося славянские слова.

Тут было совсем светло — горела электрическая лампа. Около установленной на двух сдвинутых вместе столах станции, внутри которой что-то потрескивало и скрежетало, сидел в кресле, обтянутом мягкой кожей, Ялмар Берг, бессменный (и бессмертный, как порой

казалось Немому) связист виардхоранских «крамольников». Сухощавый, подтянутый, в чёрном мундире, на котором во множестве поблёскивали непонятные значки — такой, каким Немой помнил его всегда.

Ялмар Берг появился в городе лет пятьдесят — нет, больше! — назад, когда всё ещё только начиналось. Рассказывали, что там, откуда он пришёл, Ялмар был убийцей и преступником. Но для «крамольников» он оказался настоящим кладом, потому что... потому что дал им связь. Странную, как он сам. Непонятную. Но связь. И надежду.

— Не отвечает? — спросил Немой, сбрасывая плащ. Ялмар повернул сухое, изрезанное морщинами лицо:

— А, это ты... Пусть Зоринка коворит. Йа попропую снофа... — и, отвернувшись, заговорил в микрофон: — Трук, трук...

— Молчит уже восьмой день, — печально сказала девушка. — Поэтому мы позвали тебя. Надо идти. Помнишь, так уже было, когда он попал в больницу? — Немой кивнул. — Надо хотя бы узнать, что с ним. И где груз...

— Он мог просто умереть, — тихо сказал Немой. И сам ужаснулся своим словам. Если Друг умер... или с ним что-то случилось... тогда они остаются без помощи. Без оружия. Без... Об этом не хотелось думать.

— С чего ему помирать? — недоверчиво спросил Ломок. — Сам же говорил — у них там сила. Как у данванов. Мёртвых поднимают!

Пять лет назад серия уколов поставила его на ноги после того, как он получил воспаление лёгких, провалившись под лёд на реке, и с тех пор в нём поселилась твёрдая уверенность, что помощь они получают на святое дело напрямую из виррая, от бога Перуна. Вслух Ломок об этом не говорил, конечно — не горец дикий, горожанин, как-никак! — но легко можно было понять, о чём он НЕ говорит.

— Старость, Ломок, старость, — устало сказал Немой. — Он старый, почти как... — кашлянув, он перебил сам себя, но Ялмар насмешливо каркнул:

— Как йа, хотеть сказать?! Это ферно, старость не попеть. Йа, он мох умирать. Тепе нато итти, Немой. Ты хорошо уметь открывать канал.

Зоринка уже доставала из сундука у стены одежду. Расстёгивая пояс, Немой подумал, что каждый раз боится он этого момента. Каждый раз...

— Хочешь пойти со мной, старик? — задал он уже ставший ритуальным вопрос. До этого его задавал Ялмару Добромир, погибший где-то в лес-ах — Немой помнил его... Ялмар тоже ответил ритуально:

— Что телать хауптштурмфюрер ЭсЭс ф мир, хде йего зфаний есть рухательстф? Найн! Йа умирать здесь, с мой милий слафянски сфинья...

— Я могу задержаться, — предупредил Немой, критически осматривая каждую вещь, которую Зоринка вынимал из сундука. — Если он и правда... Если его нет, то я попробую найти другую связь.

— Будем верить в лучшее, — твёрдо сказала девушка.

И никто не услышал, как Ялмар Берг, гауптштурмфюрер СС, негромко сказал по-немецки, отвернувшись к своей странной рации:

— И готовиться к худшему.

Рассказывает Олег Марычев

Только тайна даёт нам жизнь.

Только тайна.

Гарсиа Лорка

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я ! Иду! Искать!

Обычно, играя в прятки, эту считалку отбарабанивают поскорее, чтобы можно было

мчаться на поиски, а не торчать, как столб, когда все уже попрятались. Но «водившему» мальку — пацану лет десять — доставляло какое-то удовольствие вопить эти слова. Они звучали у мальчишки чётко, отдельно и очень весело, словно он собирался найти не попрятавшихся друзей, а что-то необыкновенное, суперклассное. Так... Отнял ладони от лица, стрельнул по сторонам счастливыми глазами и помчался куда-то... Беги, беги, мелочь, наслаждайся своими десятью годами, какие у тебя проблемы? Что ты скажешь, когда стукнет четырнадцать? Да ещё так стукнет, как мне...

Тридцать первого мая, в последний день занятий, я шёл из школы домой, гордо отсвечивая на всю улицу великолепным фингалом под левым глазом.

Самое обидное было не в фингале даже, а в том, кто мне его поставил. Олег Полосухин, мой тёзка, тот самый, который в первом классе прилепил мне неоригинальную, но обидную кликуху «жиртрест».

Кликуха сама по себе была вполне заслуженной. Я, например, стараюсь не смотреть на фотки тех лет — одно расстройство, честное слово. ТАКОГО просто хочется обозвать жиртрестом. Но одно дело — кличка, пусть и обидная, а совсем другое, когда тебя лупят.

А Олег меня лупил. Да ещё как! Сдачи ему дать я не мог — просто не умел, да и боялся. Колотить меня ему доставляло удовольствие. Если покопаться в умных вещах вроде «подсознания» и «комплексов», то можно решить, что он колотил меня как раз потому, что мы были тёзками, его злило, что такое же имя носит человекообразное бегемотоподобное. Так что понять его было можно.

Но мне от этого было не легче. Что я мог? Жаловаться родителям значило прослыть «стукачом», тогда лучше повеситься — это понимают в первый месяц подготовительного класса. Можно было реветь втихомолку да строить планы грандиозной мести обидчику. И всё-таки достал он меня окончательно не кулаками. Просто на перемене причалил к подоконнику с двумя своими приятелями — это было уже в третьем классе — и начали они там что-то нести, вроде даже и не про меня. Потом Олег спросил Сашу Рыльева по кличке Рыло, своего вернейшего «шестёрку»: «Санёк, а ты рожи смешные показывать умеешь? — тот заорал, что а как же, конечно, и Олег его попросил — Ну покажи. » И Сашка со словами: «Гляди, вот!» — ткнул меня в лицо пальцем.

Я убежал с уроков даже без рюкзака. Просто не мог больше. Дома стащил из шкафа деньги (!!!), побежал на рынок и с лотка купил пакет «гербалайфа» — тогда как раз был его бум. Вернулся домой — и...

Неизвестно, успели бы меня откатать, или нет, потому что в целях радикального похудения я собирался сожрать пакет целиком. Но тут как раз явился мой фазер. Он тогда только-только ушёл из армии и развернулся в авторемонтном бизнесе, отразил несколько «наездов» и счёл, что настала пора обратить внимание на семью. Для меня это оказалось удачей. Фактически он застал меня «с занесённым пакетом».

«Гербалайф» он отобрал и спустил в унитаз. Я ждал разборки по поводу денег и, возможно, даже физической кары — но фазер вдруг поставил меня между колен — сам он гордо сидел на унитазе, — долго рассматривал и грустно констатировал: «Нда. Упустил. Ну ничего. »

Круто, да?! Но как мне потом пришлось... Позже я читал «ОНО» Стивена Кинга — если кто помнит, у одного из главных героев были те же проблемы, что и у меня. Как я его понимал, когда читал!

Фазер... а, пошло оно! Отец у меня казмэс по боксу. Ну, он и взялся меня наставлять. Мало того! Притащил меня на стадион «Динамо» к какому-то своему знакомому, руководителю конно-спортивной секции, и буркнул: «Этому найдёшь ярославского битюга. Не будет появляться на занятиях — звякни. » А под занавес забабахал меня в кружок фехтования при областном Доме Детского Творчества.

ДДТ.

И начались для меня муки не хуже освенцимовских. Нет, неплохо, конечно, научиться

раскидывать противников парой тычков кулака. Я, правда, заикнулся, что каратэ лучше, но отец мне серьёзно сказал: «Запомни, парень — настоящие мужики дерутся кулаками. » Но начали мы с зарядки — после каждой с утречка пораньше я дышал, как рыбка на песке. На «Динамо» мне приходилось в основном чистить в стойлах и подметать проходы. В фехтовальной секции просто ничего не получалось. Правда, ребята везде подобрались хорошие, никто надо мной не смеялся особо. А за то же «Динамо» я отцу особо благодарен, потому что там познакомился с Вадимом... но это особый разговор.

А пока у меня даже читать времени не оставалось — а читать я научился и полюбил ещё до школы, это маме спасибо. И самое главное — лупить-то меня в школе не перестали! Наоборот — скрыть мои занятия не удалось, и начались — плюс к пинкам и щелбанам — ещё и добавочные насмешки...

И как-то странно... Я занимался. Пыхтел. Плакал. Потом перестал пыхтеть и плакать. Потом перестал быть мишенью на фехтовальной дорожке. И бить по отцовской ладони уже не приходилось — он хмыкал и говорил: «Выбьешь, чем я от наездов отмахиваться буду?» И стипль-чез¹ вдруг перестал пугать и начал увлекать. И новую одежду приходилось покупать больше по росту и меньше по объёму. А жил я — как прежде. Короче — боялся и получал.

Изменилось всё, когда я вернулся с летних каникул в шестой класс, за лето, проведённое в деревне, практически полностью позабыв, кто я есть в школе. Отдыхал я в Троицкой Дубраве, в восьмидесяти километрах от нашего Тамбова, и местные пацаны восприняли меня просто как... как пацана. Не «жиртреста» — да я им уже и не был.

«Тёзка» примотался ко мне в первый же день, когда я шёл домой через парк — для меня этот парк был хуже ночного кошмара с Фредди Крюгером. Ну и вот. Он что-то сказал. Я смолчал — по привычке, ускорил шаги. Он подскочил спереди, ткнул в губы раскрытой ладонью. А до меня вдруг дошло, что я на полголовы выше его...

... Короче, я услышал, как какая-то тётка орёт «милиция!» — и рванул от валявшегося в куче мусора Олега. Он зажимал глаз и скулил, даже не пытаясь встать. Прямой правой получилась у меня сам.

Почти весь этот год я прожил спокойно. Как в сказке. Одного удара хватило, чтобы научить его осторожности. Но совсем унять его он таки не смог — и майским вечером подстерёг меня в парке, почти там же, с двумя «мистерами сиксерами». Очевидно, он считал, что месть — это блюдо, которое едят холодным, хотя вряд ли слышал такое высказывание. «Шестёрки» понесли на меня матом, а он, совершенно уверенный в победе, ухмыляясь, их даже оборвал, зловеще сказав: «Ну это вы зря. О покойниках плохо не говорят. »

Не люблю матюков, честное слово. Одному я выбил челюсть хуком справа и почти тут же встретил Олега прямым в солнечное. Третьего не догнал. Да и не очень старался.

Третий — решающий! — раунд состоялся у нас в конце того же мая. Очевидно, тёзка не мог поверить, что я уплываю из-под его влияния. Они пришли вчетвером и с обрезками арматуры. Я пришёл с Вадимом и с голыми руками. Почти.

Чего-то подобного я ожидал и не хотел, чтобы мне проломили голову. Когда я объяснил Вадиму, что к чему и попросил его пойти со мной, он согласился тут же. Мой отец часто повторяет: «Нетрудно умереть за друга. Трудно найти друга, за которого можно умереть. «

Короче, может это и высокопарно. На у меня такой друг есть.

Палку я подобрал у входа в парк. Ничего себе палочку. Бить ею я никого не собирался, мне она была нужна, чтобы убрать арматуры, и я не прогадал. Один противник вышел из строя сразу — он, глупенький, слишком цепко держался за свой прут, и я вывихнул ему кисть.

Остальных мы немного побии. Вадим занимается не боксом, а самбо, но это тоже неплохо, особенно если в тебя вцепляются накоротке. Побии и правда немного — много не

¹ Скачка с препятствиями.

понадобилось.

Отцу я рассказал обо всём до конца только после этого, потому что чувствовал себя победителем. Всё, что он мне ответил: «Узнаю, что бьёшь тех, кто слабее — накажу. »

Бить тех, кто слабее, я не собирался. В скором времени занял второе место на стипль-чезе, а в начале этого года выиграл первенство города по фехтованию. Дружил с Вадимом и водил компанию с целой кучей ребят и девчонок — и из нашей школы, и нет. Читал. И по мере необходимости дрался, тем более, что тёзка по временам «прощупывал оборону». Всё реже и реже. И вот сегодня — под занавес учебного года! — я расслабился. Олег ухитрился пристать за школьными воротами к одной девчонке, к ней ничего не имею, просто мимоходом указал, чтобы он свалил. Он огрызнулся и врезал мне в глаз.

Такого удивлённого лица, как у него, я в жизни не видел! В следующие несколько секунд я подмёл им улицу... но фингал налицо. Точнее — на лице. На моём лице, чтоб его.

Я свернул в парк — тот самый. Народу тут, как всегда, было полно, но парк всё равно казался пустынным, что вполне соответствовало моему настроению. Правда, стоило мне об этом подумать, как мимо пронеслась орда погромщиков младшего подросткового возраста — лет по двенадцать. За ними нёсся дворник Аристарх Степаныч (это не прикол — наградили родители имечком, да?), разя их с тыла метлой и вопя:

— Ну, прости господи, ничего, мать вашу, святого не осталось — даже в туалете, прости господи, курят!

Дыхалка у нашего дворника олимпийская — бежать за пацанами, орать и махать метлой одновременно не всякий сумеет. У него получалось. Два месяца назад дворник изловил в одиночку двух чеченских террористов и отконвоировал их в отделение, «нанеся, — как было сказано в протоколе, — вышепоименованным телесные повреждения средней степени тяжести». Чеченцы, правда, оказались дагестанцами и вся их вина была в том, что они подыскивали квартиру на неделю, пока будут распродавать какие-то радиодетали. Но от нашего дворника их это не спасло...

Аристарх Степаныч и преследуемая им банда унеслись в зелёные парковые дали. Тоже проблемы у людей, подумал я, лениво шагая дальше по сырой от утреннего дождя тропинке. Господи, хоть бы поскорей неделя прошла! Через неделю я должен был ехать в летний военно-спортивный лагерь, а по возвращении отец грозился, что мы все вместе «махнём на месячишко на Алтай!» Я бы предпочёл Анталию или какие-нибудь острова — деньги у отца были, а некоторые ребята из нашего класса говорили, успев там побывать, что это здорово. Но отец не признавал заграничных курортов. Я один раз видел, как он наехал на своего школьного приятеля, который работал где-то по линии МИДа и, будучи у нас в гостях, расхвастался — Рим, Париж, Лондон, Нью-Йорк, Иерусалим... Все он видел и везде побывал. Я ему, если честно, позавидовал. А отец слушал-слушал, да и спросил наконец: «Погоди, а ты на Дальнем Востоке по тайге ходил? — Не, — приятель этот отвечает. — Так. А по Енисею на плотах плавал? — Нет, не плавал. — А северное сияние над Нарьян-Маром видел? — Не видел. — А карельские озёра фотографировал? — Нет, не было. — А на Урал ездил? — Не ездил я на Урал, когда мне?! — вот тут отец его и припечатал: — Э, так ты ж ни черта не видел!»

Мама — та тоже не против где-нибудь на островах отдохнуть. Ей на море хочется, а отца море бесит. Он его иначе как «моча» не называет. «Что, захотелось в моче побултыхаться?!» Ну это им там виднее, а мне с моим украшением главное побыстрее в лагерь смыться, а до этого — максимально ограничить контакты с окружающим миром. Благо, школа накрылась до сентября.

Стоило мне про это подумать, как впереди нарисовался ещё один персонаж — Юрка Юрасов. Впрочем, я облегчённо вздохнул — это был не худший вариант. С Юркой мы вместе занимались фехтованием, и он на этом деле был вообще задвинутый — недаром занимался не только в нашей секции, но ещё и в клубе исторической реконструкции «Борсек» Мы пару раз ходили смотреть, как он там работает. Ничего, даже интересней, чем в

разных там исторических фильмах... Ну вот. Из-за своей задвинутости, да и по природе, Юрка болтливым не был. Мне временами казалось, что всё вокруг ему просто до фени. Вот и сейчас — он сидел на ограждении детской площадки, подыгрывал себе на обшарпанной гитаре и напевал что-то. Он вообще часто так проводит время, и я несколько раз видел, как люди останавливаются и слушают, а кое-кто ищет шляпу, кепку или там консервную банку, чтобы бросить туда мелочь. Но Юрка выступает не из-за денег. Вернее — он вообще не выступает...

*— А всё-таки было бы хорошо,
Чтоб в людях жила отвага,
Чтоб каждый по городу гордо шёл
И сбоку висела шапка!*

*И пусть бы любой, если надо, мог
Вломившись в дверь без доклада,
С обидчиком честно скрестить клинок
И твёрдость мужского взгляда.*

*Как сладко за подленькое словцо,
За лживую опечатку
Врагу в перекошенное лицо
Надменно швырнуть перчатку!*

*Тогда б не бросали на ветер слов
Без должного основанья
И стало б поменьше клеветников,
Болтающих на собраниях...*

Кто его знает, где он выкапывал тексты... Я шёл тихо, но Юрка услышал, поднял голову и, взглянув из-под светлой шторки волос, тихо присвистнул. Хлопнул ладонью по струнам.

— Что, очень красиво? — спросил я, останавливаясь рядом и пожимая протянутую руку. Юрка повёл плечами:

— Да как тебе сказать... По ночам можно без фонарика ходить. Кто?

— Итс май троблз², — ответил я. — Вот как ты считаешь — может, его на дуэль вызвать?

— Лучше на хольмганг³, — предложил Юрка. — С дуэлей часто живыми возвращались. Вот с хольмганга — почти никогда... А он согласится?

— Не-а, — вздохнул я. — В том-то и проблема... Ты чего в школе не нарисовался? Последний день...

— Вот именно, — усмехнулся Юрка. — Последний день весны — и я его потрачу на школу? Да ты шутишь, брат.

— Вообще-то я про последний день учёбы говорил, — заметил я. — Ладно, твоё дело.

— Мои траблз, — согласился Юрка. — Ну, а в лагерь-то едешь?

— Куда я денусь. — я кивнул. — Анекдот про Вовочку слышал? Вовочка у бабки спрашивает: «Бабуль, а вот как я на свет появился?» Та начала ему про капусту задвигать, про аиста, всё такое... Вечером Вовочка в постели с одноклассницей лежит и говорит ей:

² Это мои проблемы (англ.)

³ Дословно — «поход на остров». Судебный поединок у викингов.

«Вот думаю — сказать бабке правду, или пусть душой необразованной помрёт?»

— А я по-другому слышал, — вспомнил Юрка. — Бабка ему про капусту рассказала, а Вовочка вздохнул и говорит: «Бабуль, ну я же в январе родился. » Она: «Ну и что, внучек?» — «Какая на хрен капуста зимой?!»

Мы оба заржали. Потом я — не без подначки — спросил:

— А мушкетёрский кодекс не мешает похабные анекдоты рассказывать и слушать, а, Юр?

— Во-первых, это не похабные, — не смутился он. — Не понимаешь разницы между порнухой и эротикой... А во-вторых — ты «Мушкетёров» читал вообще?

Если честно, эту книгу я не читал. Точнее — попробовал и бросил, не понравилось. Занудная, не понимаю, что в ней раньше находили? Но зато я смотрел кино, и наше — которое с Боярским — мне всегда нравилось, поэтому я и кивнул головой:

— Угу.

— Ну и о чём это произведение? — Юрка поставил гитару между ног и серьёзно посмотрел на меня. — Гляди сам. Главный герой крадёт деньги у квартирного хозяина, спит по очереди с двумя женщинами и попутно плетёт политические интриги. Его друг — хронический алкоголик, явный клиент ЛТП — занимается махинациями различного рода. Второй приятель — сутенёр, имеет любовницу, муж которой больной и парализованный старик, обирает его, лжёт и хвастает на каждом шагу. Третий — религиозный лицемер, прохвост и бабник. Все четверо по ходу действия объединяются, чтобы убить женщину, которая была женой одного и любовницей другого... Всё вместе — «Три мушкетёра», роман, который учит добру, благородству и справедливости.

— А? — растерянно вякнул я. Потом потёр лоб и признался: — Вообще я с такой... интерпретацией не сталкивался.

— Не моё, — признался Юрка, сладко потягиваясь. — Это я в интервью Невзорова прочитал, который «Чистилище» снял.

Мы с минуту помолчали. В парке царила весна — а точнее, уже лето со всей его бездельной беззаботностью, и я, неожиданно воспрянув духом, подумал, что фингал — это не самое страшное, а впереди — масса времени, которое можно будет провести куда полезнее, чем в школе. И странным диссонансом прозвучала пришедшая на ум строчка из «Алисы в Стране Чудес»: «Провести Время?! И не мечтай!»

— Ладно, пойду, — кивнул я Юрке и решительно зашагал к дому, а он за моей спиной запел, как ни в чём не бывало:

*— А совесть и гордость имели б вес,
И, сдержанный блеском шпаги,
Никто бы без очереди не лез,
Тыча свои бумаги! ⁴*

* * *

На кухне разговаривали на повышенных тонах. Придерживаясь рукой за стену, я прислушался — не для того, чтобы подслушать, а от удивления. Мама с отцом никогда не ссорились. У нас вообще была очень дружная семья — это и бабульки у подъезда отмечали; отмечали с долей неудовольствия, явно считая, что это уж слишком — семейное благополучие вдобавок к материальной обеспеченности. По-моему, они были бы очень довольны, начни я глотать «колёса», отец — бухать, а мама — гулять на сторону. Тогда было бы что обсуждать, соболезнующе качая головой.

⁴ Стихи И. Кобзева.

И всё-таки родители ссорились. Или — во всяком случае — спорили, да так, что не слышали, как я пришёл, хотя мама слышит это, даже если спит — и всегда выходит навстречу.

Наверное, можно было проскочить к себе в комнату, не отсвечивать украшением... Я вздохнул, скovyрнул с ног кроссовки и, не надевая домашних тапочек — мама всегда за это ругала — пересёк коридорчик. Сбросил на пол рюкзак, открыл дверь в кухню:

— Родители! Я пришёл, можете поздравить...

Отец сидел в своей обычной позе — ноги широко расставлены, пальцы спелетены под подбородком, локти на столе. Мама стояла около окна. Вид у неё был скорее растерянный, чем рассерженный, да и отец выглядел абсолютно спокойным...

И тут я со своим фонарём... Похоже, пока я шёл от школы, он стал ещё более вызывающим, потому что мама расширила глаза и сказала:

— Поздравляю с окончанием учебного года... — а отец хохотнул и заметил:

— Ого, давненько мы такого не видели...

— Олeжка, что это? — мама подошла ближе, я уклонился от её руки и буркнул:

— Фингал... Ма, где у нас свинцовая примочка?

— Поздно примачивать, — заметил отец. — Ладно, это мелочи...

— Какие мелочи, Сашка?! — сердито обернулась она. — Чем тебя так?! — это снова мне. — Кто?!

— Бейсбольной битой, — отец явно развлекался. — Олег, ты ей скажи, скажи, кто, пусть сбегает разберётся, кто её маленького обидел... Свет-ка, отойди от парня!

— А в следующий раз он придёт без глаза! — воинственно заявила мама.

— Не приду, — заверил я. — Это я в конце года расслабился. А... он у меня ещё получит. Потом.

— Господи боже! — мама схватила меня за уши и несколько раз помотала моей головой из стороны в сторону. — Неужели нельзя решать споры не кулаками?!

Отец за столом захрюкал и забулькал. Я пожал плечами:

— Можно... Разным местами можно. Коленька Лёвшин, например, с первого класса проблемы задним местом решает, даже трусы не носит, чтоб не мешали... Только мне кулаками привычней.

— Гадости говоришь... — поморщилась мама, усаживаясь на табурет.

— Какие гадости, если правда... — начал я, но отец показал мне кулак и строго потребовал:

— Дневник.

Я ногой выдвинул из-за двери рюкзак и, протянув отцу требуемое (никаких опасений это у меня не вызвало, потому что там всё было нормально), присел к столу и взял из хлебницы сухарь. Мама заглянула отцу через плечо, заметив:

— Олeжка, терпимей нужно относиться...

— Ы, — ответил я, разгрызая сухарь с каменным треском, — ыхау, — проглотил я кусок и пояснил: — Не хочу терпимее... А чего вы шумели? Наследство получили?

Отец аккуратно закрыл мой дневник с портретом Мэла Гибсона в роли Уоллеса на обложке и отложил на край стола. Они с мамой обменялись непонятными взглядами, и я заволновался, сам не понимая, почему:

— Что случилось, товарищи производители?

— Наследство получили, — буркнул отец, а мама вновь сердито сказала:

— Поздравляю, сын, мы переезжаем на Эльдорадо. Твой... производитель, — она метнула на отца испепеляющий взгляд, — собирается продать квартиру и переезжать.

Я подавился вторым куском сухаря и захлопал глазами. Переезд в мои планы не входил. Во-первых, я вполне уютно чувствовал себя в нашей школе, а переезд означал новую школу. Во-вторых — это что же, уезжать от Вадима, от фехтования, от скачек?! В третьих, я не понимал, зачем продавать квартиру, в которую полгода назад вбухали кучу денег, соединив нашу нижнюю и купленную у соседей наверху. В четвёртых — Эльдорадо! Это ж

километров двадцать отсюда, в зоне отдыха! Красиво там, это да, но жить?!. Да и как же отец со своей мастерской?!

— Не понял, — выдал я наконец, откладывая сухарь. — А как же вы...

— Тебе купим мотоцикл, — прервал меня отец, — ты давно мечтал.

— Ещё чище, — почти удовлетворённо вставила мама. Я ничего не имел против мотоцикла, как средства передвижения, но по-прежнему не мог врубиться, о чём идёт речь. Отец продолжал:

— И я вполне могу оттуда на работу добираться.

— А я застрелюсь от скуки в двадцати пустых комнатах, — скорбно сказала мама. — Олег, твой отец сумасшедший. Это наследственное...

— Заведём второго, — отец моргнул мне. — Тогда скучать будет некогда.

Мама просто покрутила пальцем у виска и промолчала.

— Да вы про что разговариваете?! — не выдержал я. — Какие двадцать комнат?! Какое наследство?! Объяснить кто-нибудь хоть что-нибудь!

— Отец оставил нам свой дом, — сказал отец. И мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять — он говорит про СВОЕГО отца, моего деда, тоже Олега, который умер неделю назад.

* * *

Моя комната располагалась как раз на втором этаже нашей квартиры и имела свою лоджию, которую я решил не застеклять. С неё было видно парк, а на него здорово смотреть даже зимой, когда деревья голые и чёрные, а снег расчерчен параллельными следами лыж. Летом смотреть вообще классно. Только сейчас мне этого делать не хотелось.

Сложившаяся ситуация требовала всестороннего обдумывания.

Переодевшись, я обрушился в мягкое кресло и обвёл комнату пристальным взглядом. Как будто это могло помочь.

Да, семья у нас не бедная. У меня в комнате — полный набор, даже сверх того, и ни одна вещь не вырвана с мясом из родительского бюджета. Я и не замечал, как всё это появлялось — телик с видео, комп, центр... Ещё масса всего по мелочи. Приятные вещи, делающие жизнь удобнее и веселей. Не могу сказать, что у меня не получится без них обойтись, но с ними — лучше.

Правда, есть в комнате вещи, которые я на самом деле ценю. И, кстати, не самые дорогие в денежном исчислении.

Конечно, горка с моими призами и грамотами. Это — моё, это я сам завоевал, не заработал даже. Кое-кто похихатывает, а мне начхать с «Минтоном».

Ещё — винтовка. Настоящая. Десятизарядный «тигр» под патрон калибром 9. 3 мм, могучая штука, купленная отцом на прошлый день рождения. Записана она, конечно, пока на него, но это ничего не меняет, он сам так сказал.

Наперекрест с ней — шпага. Не спортивная, а настоящая, с почти метровым широким лезвием и гардой из переплетённой бронзовой проволоки. Весит эта штука больше трёх килограмм, и посмотрел бы я на японца, который решил бы выйти против неё со своей катаной⁵. Это подарили мне ребята из фехтовального клуба после моей победы, специально заказывали.

И — последнее. Наверное, самое важное, хотя я и не могу объяснить, почему мне так кажется.

Это тоже подарок на прошлый день рождения, но только не от отца, а от Вадима —

⁵ Прославленный фильмами японский меч со слабо изогнутым лезвием. На самом деле — очень хрупкое оружие из скверной стали — самураев даже специально учили не допускать столкновения клинков, так как те могли обломиться!

картина. Метр на метр, в простой рамке. Вадим рисовал её сам, он вообще здорово рисует. Я не великий ценитель живописи. Вообще не ценитель. Могу сказать — нравится, не нравится, и никто меня не убедит, что в «Чёрном квадрате» Малевича есть хоть какой-то смысл.

Так вот, эта картина... Над бескрайним лесом горит алый закат. Холм, увенчанный каменным столбом с полустёртыми загадочными знаками. Около столба — группа ребят и девчонок, все — в современной одежде, один — с бумбоксом на плече... но у всех средневековое оружие, в основном — мечи. Стоят и задумчиво смотрят на закат, на солнце, уходящее за лес, левее которого — ещё два маленьких диска, белёсый и зелёный, оба поменьше Луны. Вадим ничего не объяснял — просто подарил мне эту картину... За год до этого я прочитал «Нарнию» Клайва Льюиса и часто (сам от себя скрывая эти мечты: они казались мне детскими!) представлял себе, как оживает всё, нарисованное на картине. Оживает... и можно, перемахнув обрез рамы, отправиться исследовать бесконечный лес с пятнами озёр, отражающих закат, спускаться по жилкам далёких рек к морю, которого нет на картине, но которое, конечно, есть где-то там, за её краем, где лежит большой и неизведанный мир... Я завидовал тем, кто был нарисован на полотне. У них впереди был весь мир.

Вадим знал, что мне дарить.

Сидя в кресле, я пытался понять, почему мне так грустно. Как будто я расстаюсь со всеми этими вещами! Это ведь ерунда, я их увезу с собой на новую квартиру — в новый дом — и там, если придёт фантазия, могу рас-ставить их в том же порядке, что и здесь...

И всё-таки я понял. Я оставлю тут то, что увезти нельзя. Двор оставлю. Парк. Улицу, остановку на ней, стадион, знакомых. Ко всему этому я привык — и как раз всего этого с собой не взять.

Уезжать не хотелось.

Дотянувшись до центра, я толкнул в него диск «Нау», и Бутусов негромко запел для меня:

*Последний поезд на небо отправится в полночь
С полустанка, укрытого шапкой снегов.
Железнодорожник вернётся в каморку
И уляжется в койку, не сняв сапогов...*

Надо было позвонить Вадиму, и я, не дослушав песни, поднялся, набрал его номер. Довольно долго никто не подходил, потом, когда я уже собирался класть трубку, гудки прервались, и как раз Вадим, фыркая, как бегемот, откликнулся:

— Ага!

— Хайль, — поприветствовал его я и тут же перешёл к делу: — Вад, ты не подъедешь сейчас к нашему кафе?

Кажется, он что-то почувствовал в моём голосе, потому что, секунду помедлив (на заднем фоне шумела вода в ванной), коротко ответил:

— Буду.

* * *

«Нашим кафе» мы называли небольшую забегаловку «Петербургер» недалеко от стадиона «Динамо», куда часто «забегали» (отсюда и «забегаловка») после возни с лошадьми и скачек. От моего дома до «Петербургера» было минут пять ходьбы. Вадим жил дальше, ему нужно было добираться на транспорте, поэтому я, устроившись за столиком — тут они были стоячие — и заказав себе фирменный «петербургер» и колу, уставился в большущее окно, через которое хорошо можно рассматривать тёплую, зелёную улицу.

Впрочем, улицы я не видел. Я думал про странный выверт происходящего.

Деда я помнил очень плохо. Да нет. Не помнил вообще, только фотографии видел. Когда отец не захотел идти по его стопам и ушёл служить просто в армию, дед рассорился с моим отцом насмерть, не желал ни видеть, ни слышать его, его жену и своего внука — меня. И у нас в семье про него говорили не очень охотно.

Дед всю жизнь прослужил в спецслужбах. Причём начинал ещё тогда, когда ФСБ было не ФСБ и даже не КГБ, а НКВД. Был дед в больших чинах и, выйдя в отставку — довольно рано, как это всегда бывает у военных — поселился в своём доме на Эльдорадо, в практически безлюдном месте. Раньше это была его же дача, но дед превратил её в постоянное место жительства, а в город почти не приезжал.

И вот теперь он умер.

Не скажу, чтобы я был расстроен или хотя бы огорчён. Все умирают, а дед был практически чужим человеком. Просто, когда я вспомнил, кем он был, во мне впервые шевельнулась положительная эмоция, связанная с переездом. Интересно же посмотреть дом, в котором безвыездно жил секретный агент! Чёрт его знает — может, там осталась масса любопытных вещей...

Додумать эту мысль я уже не успел.

Вадим, наверное, прошёл дворами, потому что перед окном «Петербуркера» он не появлялся, а сразу возник в дверях кафе, крутя головой в поисках меня — одетый в свои обычные штаны от «ночки», кроссовки, чёрную тишотку с портретом Милошевича и надписью по-русски: «Янки, гоу хоум!» на груди. Я поднял руку, и мой друг, улыбнувшись, махнул в ответ, уже лавируя между столиками.

— Ну хайль. — он пожал протянутую мою ладонь и оперся локтями о стол, глядя на меня своими странноватыми, серыми с золотыми искрами глазами, от которых девчонки обмирали и начинали складываться в штабеля у его ног раньше, чем Вадим открывал рот.

Я молча пожал крепкую ладонь. По телику, установленному над стойкой, «знаток русской кухни известный повар Владимир Соколов» рекламировал майонез «Кальве», и я в который раз подумал, что Соколов дурак — в традиционной русской кухне отродясь не было майонеза... Дурацкая мысль означала, что я боюсь разговора с Вадимом, поэтому я отвёл взгляд от экрана и решительно сказал:

— Влад, я уезжаю...

... Мы дружили столько, сколько были знакомы — последние пять лет. Почти пять. Взрослые посмеются над этой цифрой. Но для нас это треть жизни. Лучшая треть — самая интересная, самая весёлая... Вадим не перебил меня ни разу. А я ни разу не отвёл взгляд. Очень хотел этого и не отвёл.

Когда говорить стало нечего и я умолк, Вадим опустил глаза. Он, оказывается, уже давно крутил в пальцах мой пустой бокал из-под колы — прокатывал снова и снова по его краю оставшуюся на дне капельку. Сейчас эта капелька выскочила на пластик стола, и Вадим, бесшумно поставив на неё стакан, поднял голову:

— Значит, в лагерь не поедешь? — обычным своим голосом спросил он.

Как будто ничего не произошло.

— Отец сказал — мотоцикл купит, — вместо ответа пробормотал я. — Тут всей езды — на четверть часа... Долго приехать, что ли?

Вадим кивнул. И он, и я понимали — долго. Мы учимся в разных школах. Просто ради встреч с ним не наездишься. Значит, мы сможем видеться только на «Динамо». И уже не забежишь друг к другу после уроков, не отправишься вместе на лодочную станцию, или в парк, или в кино с девчонками из его дома... Понимаете, нельзя дружить по-настоящему на таком расстоянии. Даже если очень хочется. Да и в лагерь я в самом деле не смогу — с переездом будет куча хлопот, отец не справится, даже если возьмёт парней из фирмы, а их и нельзя надолго снимать с работы...

— Ты тоже будешь ко мне приезжать, — сказал я. — Родаки не будут против.

Это тоже была правда — Вадим нравился и матери, и отцу. Он это тоже знал и кивнул:

— Ага, буду... Помнишь, как в прошлом году мы с тобой маньяка поймали?

Я невольно заулыбался — эту историю я помнил хорошо, даже слишком, потому что выслеженный от вечернего безделья Вадимом маньяк, которого мы заперли в котельной, оказался новым сантехником. Он не обиделся и даже с тех пор всегда здоровался с нами при встрече... Я кивнул, совсем уже было хотел сказать, что помню, но Вадим вдруг оттолкнулся от столика и негромко сказал:

— Ну давай. Счастливо, — повернулся и пошёл к выходу. Не оборачиваясь пошёл, а я глядел ему в спину, и мне было страшно обидно, словно Вадим ни за что меня оскорбил — и страшно стыдно, как будто это я был виноват в том, что мы вот так разъезжаемся. А около входа он повернулся и сказал: — Не ходи за мной.

И быстро вышел.

* * *

Миру вокруг нас плевать, есть мы, или нас нет.

Я подумал так, стоя около садовой ограды. Она была из посеревших слег, надёжно притянутых проволокой ко вкопанным в землю столбикам-опорам. Пара столбиков — совсем свежие, недавно сменённые. Дед сменил. Может быть, в тот самый день.

Непроизвольно вздохнув, я оглянулся. День был пасмурным, но тёплым, сад зеленел, над какими-то цветами жужжали пчёлы, в траве копошилась разная насекомая мелочь. Из-под густых кустов крыжовника пахло сырой землёй. На тропинке, уводившей вниз по откосу в полусумрак речного берега, сидел и умывался здоровенный рыжий котик.

Этот сад посадил и вырастил дед. И работал в нём каждый день. В нём и умер, в нём его и нашёл почтальон. Ну и что?

Ничего вокруг не изменилось. И, может быть, так же сидел и умывался, глядя на мёртвого хозяина, этот кот.

— Пошшёл! — заорал я, и кот электрической искрой порскнул в кусты. Я сплюнул и зашагал к дому.

Дом стоял посреди большого сада. Парадной дверью — на тропинку, ведущую к калитке, открывавшейся на грунтовку; чёрным ходом — на спускающийся к реке склон. Около этой, задней, двери стоял колодец-журавель с привязанным гусеничным траком для противовеса, хотя в доме были водопровод, газ и газовая колонка для нагрева воды.

Сад занимал не меньше полугектара. Дом в саду был просто-напросто неразличим, хотя строили его в шесть окон по фасаду и в два этажа. Точнее, в два с половиной — эта «половина» называлась «мезонин» и раньше, говорят, была популярна, как рыцарские башенки на новорусских особняках. Последние десять лет — после смерти бабушки — дед жил в этом огромном доме один.

Дом не понравился маме. Я это понял сразу, потому что на лбу у неё собралась морщинка, ещё когда я отвалил прижавевшие ворота и мы через сад подъехали к дому. Она ничего не сказала. **ВООБЩЕ** ничего — и молчала весь день, пока мы с отцом и двое ребят из его фирмы таскали и кантовали мебель, которая так и не нашла себе места среди старомодной обстановки комнат дедова дома — вернее, мы смогли её расставить, но смотрелась она идиотски. Замучились мы жутко, и я даже не осмотрел толком две доставшиеся мне комнаты — каждая больше моей в городской квартире. Я решил, что одну оборудую как спальню, а вторую — как рабочий кабинет. Раз она есть — не пропадать же ей без дела?

Ближайшие наши соседи — в похожем здоровенном доме — жили метрах в двухстах, за нашим и их садом, и признаков жизни не подавали. В свою первую ночь я несколько раз просыпался именно от противоестественной тишины и лежал без сна чуть ли не по полчаса, прислушиваясь, как шуршит, поскрипывает и вздыхает дом. Честно говоря, было жутковато...

Именно об этой ночи я вспомнил, когда на третий день пребывания в «родовом гнезде»

(все вещи уже почти нашли свои места и коридор у входной двери почти ничего не загромождало) отец, хмурясь, сказал мне, что им с мамой надо на два дня съездить в Тамбов и решить кое-какие вопросы с городской квартирой. Маме это очень не понравилось (мне тоже), и она сказала — точнее, приказала, что с ней бывает редко:

— Позвони Вадику, пусть приедет и заночует, вдвоём будет веселее.

Я, конечно, пообещал позвонить, а про себя подумал, что Вадим, конечно, уже в лагере. Отец ничего не говорил, но перед отъездом молча показал мне, где лежат патроны к моему «стволу». Похоже, они с мамой ухитрились крепко поссориться незаметно для меня, и я проводил их с максимально весёлой физиономией, как будто был невероятно счастлив.

Чёрта с два я был счастлив! И сейчас, шагая к дому, думал лишь о предстоящей ночи, хотя только-только наступило утро.

Я не трус и не боюсь темноты. Не боялся я ни маньяков, ни грабителей каких-нибудь, ни тем более бомжей, которые любят ночевать в пустых дачах. Я бы, пожалуй, даже пустил к себе на ночлег с кормёжкой какого-нибудь бомжа, только бы не сидеть одному в двухэтажной пустоте, слушая тишину.

Говорят, если вот так её слушать — можно услышать всё, что угодно. И проверять это мне не хотелось.

Я бы занялся осмотром дома, но вот беда — осмотреть я успел почти всё, кроме мезонина. И ничего заслуживающего внимания тут не было. Словно не контрразведчик тут жил, а профессор или врач знаменитый. Никаких признаков профессии. Неосмотренным остался лишь мезонин — запертый на висячий замок.

— Глупости всё это, — сказал я в сад, останавливаясь на крыльце. — Ничего с тобой не может случиться.

Кроме шуток — я совершенно точно знал, что не бывает ничего сверхъестественного. Ничего такого, что показывают в ужастиках. Да, бывают крезанутые или просто бандиты. Но ни тем, ни другим нечего делать в таких местах. И всё-таки я знал — наступит темнота, и все эти рассуждения забудутся, и я буду сидеть, запершись в своей комнате и поставив рядом с креслом заряженный и взведённый «тигр», хотя отец мне бы руки оборвал, узнав о таком. И даже в обнимку с «тигром» я буду думать о серебряных пулях и прочей ерунде... которая кажется ерундой только днём. Вот блин!!!

Закрыв за собой дверь, я решил всё-таки заняться осмотром мансарды. Даже если для этого мне придётся взломать дверь! Не знаю, чего уж меня так заело, но я зло протопал вверх по лестницам и остановился у коричневой двери, обитой дерматином, как во многих городских квартирах.

Замок тут был не врезной, а висячий — могучий, в чешуе ржавчины, из тех, для которых — знаете? — ключи делались с дырочками. Сейчас таких не делают, кажется, а на этом замочке под слоем ржавчины вполне могло быть клеймо Тульского Императорского Оружейного Завода. Во всяком случае, делали его, похоже, из отходов танковой брони, и он наглядно демонстрировал собой несокрушимость тоталитарного строя.

Примерно с минуту я с ним повозился — просто так, ради интереса. Подёргал дужку, исследовал утопленную в дверь и косяк скобу с пробоями. Похоже, она готова была «сопротивляться всем видам взлома», как пишут в рекламе, ближайшие четверть века. .

Я перешёл к дверным петлям. Их не было. Ну, они были, конечно, но прятались где-то в дерматиновых глубинах. Я расковырял складным ножом обивку. Хренушки, не в дерматиновых, а в стальных — под дерматином серела хмурая металлическая поверхность.

Теперь я был уверен, что за дверью — всё самое интересное, что только может быть в этом доме. Не знаю, что — коллекция оружия, секретные документы КГБ, золотые червонцы... Но что-то, очень дорогое деду. Мысли о предстоящем ночном одиночестве отодвинулись даже не на задний план, а за горизонт. Я вылез из рубашки, повесил её на перила лестницы и, отойдя на шаг, окинул дверь мрачным взглядом.

Стоп. Самое простое — с разбегу биться в эту конструкцию телом, пока не посинеет.

Тело, конечно. Но ГОРАЗДО умнее — подумать. Дед ведь как-то входил туда? Жил он в доме один. Умер внезапно. Значит, по идее, ключ не должен быть запрятан так уж хитро... Хотя — с другой стороны! — может, он клал ключ в место, казавшееся ему вполне обычным. А для других — век не найдёшь...

Звонок у парадной двери раздался до такой степени неожиданно, что я без преувеличения подпрыгнул и обернулся. Звонок повторился — короткий, деликатный, но как бы предупреждавший, что посетитель не уйдёт, пока ему не ответят. Проще всего, кстати, и было бы — не отвечать, но я внезапно рассердился. Кто-то будет там трезвонить, а я — стоять на лестничной площадке МОЕГО дома, обливаясь потом и ждать, когда он соизволит уйти?! Чёрта с два!

С нарочитым грохотом я спустился по лестнице, сунулся не в тот коридорчик, вернулся и открыл дверь как раз когда визитёр поднял руку, чтобы позвонить в третий раз. Вместо этого перед ним предстал я.

Он удивился, это точно. Но я не знаю, кто удивился больше.

Человек, стоявший на парадном крыльце, был гигант. Во мне — метр семьдесят восемь, для своих лет я очень и очень высокий и вовсе не хлипкого сложения. Так вот он был выше меня на голову. Нет, больше. Но дело не только в росте. В дверь этот неожиданный гость вряд ли смог бы пройти иначе, чем боком. И при виде его в моей памяти всплыла строчка из «Борьбы за огонь» Жоржа-Рони Старшего: «На его груди могла улечься пантера. » Могла. Запросто. И не одна, а с выводком.

Кожаной курткой, потёртыми джинсами и офицерскими сапогами гость напоминал байкера или ещё кого-то неформала. Сходство усиливали диких размеров и густоты усы, заложенные (!!!) за уши. Но в самом лице ничего неформального не было. Напротив, оно было весьма официальным и жутковатым — грубо загорелое, с длинным шрамом справа. Лицо человека, который всю свою жизнь проводит на свежем воздухе. В том числе — на очень свежем.

— Здравствуйте, — наклонил он голову, и в его речи тут же проскользнуло что-то, из-за чего она казалась неуловимо странной. Хотя я и не смог бы объяснить, в чём эта странность...

— Здравсь, — рассеянно вякнул я. — Вам кого?

— Я хотел бы видеть товарища генерал-майора. Товарища Марычева, — сказал он, и я понял, что визитёр говорит про деда.

— А вы кто? — бесцеремонно спросил я, рассматривая его в упор.

— Я друг его старых сослуживцев, — терпеливо и спокойно ответил усач. — Так товарищ Марычев дома?

Он говорил безупречно вежливо — никаких «позови его, мальчик» или «это тебя не касается, пацан», хотя меня это и правда не касалось. Поэтому я и не стал задавать больше вопросов, а просто ответил:

— Вы извините... вы, наверное, были в отъезде, но дедушка, к сожалению, умер.

Впервые в жизни я увидел, как у человека каменеет лицо. Только что было живое, хотя и странноватое. И вот — каменная маска, даже глаза застыли, словно кусочки серого гранита. Мне даже жалко его стало, хотя я и не сам не понял, почему.

— Это не может быть ошибкой? — тихо спросил он, шевеля только губами.

— Нет, это не ошибка. — покачал я головой. — Теперь тут живём мы, дедушка оставил нам этот дом по завещанию.

Он не стал уточнять — ни кто это «мы», ни сколько нас. Но спросил:

— Товарищ Марычев... он ничего не оставлял... для друзей?

— Я не знаю, — пожал я плечами. — Дедушка умер внезапно... Если хотите, приезжайте дня через два, отец освободится, и вы узнаете всё точно.

Я нарочно не стал говорить, что родителей нет дома. Пусть думает, что они просто заняты. На всякий случай... хотя, похоже, его уже не интересовали ни дом, ни сам я лично.

— Очень жаль, — сказал он, глядя мимо меня, но не в коридор, а вообще — мимо. —

Спасибо. Может быть, я зайду через два дня. До свиданья.

Он повернулся и тяжело, но быстро спустился с крыльца и пошёл по дорожке, не оглядываясь и не глядя по сторонам. Я смотрел ему вслед, пока широкая спина, обтянутая кожей, не скрылась за деревьями, потом передёрнул плечами — стало холодно.

Странные у деда были знакомые. Похоже, он из вояк. Хотя — какие они ещё могли быть у отставного генерала КГБ? Я спустился по ступенькам, вышел на тропинку — человека уже не было.

И всё-таки странно он говорил. И вёл себя странно. Что должен был оставить ему дед? У меня в мозгу закопошились подозрения. А может, дед и правда не умер? В смысле — не сам. Может, его убили, потому что он знал какие-то секреты... и хотел их передать кому-то... Вот его и убрали. А что если те, кто убил деда, явятся за его бумагами... или из-за чего там его убили?! А тут я! Да ни одна в мире спецслужба не станет церемониться с пятнадцатилетним пацаном, оказавшимся у неё на пути! Вколют какую-нибудь дрянь и скажут, что умер от «золотого укола» и вообще был наркоман со стажем...

Куда в таких случаях звонят?! В ФСБ? А вдруг это не иностранные спецслужбы, а наши? Скажут спасибо и тут же примчатся... спасать.

Я провёл рукой по лбу — он был весь мокрый. Ну и дичь в голову лезет. Это одиночество виновато, не привык я к такому. Да любая спец-служба сто раз уже слазила бы в дом, пока он стоял пустой. По-другому только в дурацких голливудских триллерах бывает. Мало ли, что и кому должен был оставить дед?!

Повернувшись, я нашёл взглядом два окна мансарды. И вдруг понял, что влезать до них довольно легко. И нечего мучиться с дверью. Выставлю, или, на худой конец, вышибу стекло. И всё!

Высоты я никогда не боялся и в два счёта взлетел на крышу второго этажа, на которой, как домик Карлссона, стояла мансарда. Отсюда в просветы между древесными кронами можно было видеть дорогу и дом соседей. Нет, я всё-таки не один на белом свете... Окончательно успокоившись, я подошёл к перильцам балкончика и обнаружил, что одно из окон — вовсе не окно, а небольшая дверь, которая, кстати, открылась, когда я нажал на ручку. Просто открылась, и всё.

Обеими руками я медленно развёл шторы. Сердце неизвестно почему стучало где-то в горле...

Первое, что я увидел в мансарде, был лозунг, выписанный напротив окна, над входной дверью, белой краской по тёмным брёвнам.

БОЙСЯ ГОВОРЯЩЕГО О МИЛОСЕРДИИ!

* * *

Мансарда изнутри не была ни оштукатурена, ни хотя бы обшита досками — голые брёвна с ровными ниточками шпаклёвки между ними. На полу из некрашенных досок лежала дорожка — половик. Такие можно встретить в деревенских домах — из разноцветных лоскутков. Под вторым окном стоял широкий стол, на нём — пишущая машинка в чехле, стопки бумаги — чистой и с текстом, копирка нескольких цветов, какие-то книги; рядом — отодвинутый стул с высокой, неудобной прямой спинкой. Около стены — большой шкаф из полированного дерева вишнёвого цвета.

Мне вдруг стало грустно. Я уже говорил, что никогда не знал деда. Но было во всём окружающем что-то обидное и неправильное. Хозяин этого кабинета — а это был именно кабинет — вышел на минутку, чтобы вернуться. Отдохнуть в саду, поработать руками, дать отдохнуть голове — и вернуться.

Но не вернулся. И не вернётся.

Однако, грусть моя тут же испарилась, когда я увидел, стену напротив шкафа.

От потолка и почти до пола её сплошным слоем увешивали заключённые в простенькие рамочки фотографии. Чёрно-белые, старые, некоторые даже коричневатого оттенка, какой бывает у фотографий тридцати- сорокалетней давности. А между фотографиями висело оружие. Его было немного. Но оно было, и этого за глаза хватило, чтобы я подскочил к стене.

Ближе всего висела деревянная кобура в исцарапанной лакировке. На откидной крышке была врезана серебряная табличка с надписью — это оказался подарок деду, сделанный в 1955 году (ему тогда было 35 лет) «за отвагу, проявленную при исполнении интернационального долга». Я нажал защёлку — крышка со щелчком отскочила, и в ладонь мне выехал АПС — автоматический пистолет Стечкина с вытертым до белизны воронением. Очевидно, эта штука не часто висела на стене, пока дед служил... Где же он в 55-м выполнял интернациональный долг? Я попробовал вспомнить — ничего не вышло. Вьетнам или Ближний Восток... Мы тогда много кому помогали. Пистолет был заряжен и я, убрав его в кобуру, повесил на стену, удовлетворённо подумав, что смогу взять в любой момент, если захочу.

Неподалёку висела ещё одна кобура — вытертая, из хорошей рыжей замши, тоже с наградной пластинкой, только надпись была сделана по-французски. Французский у нас был вторым иностранным, я напряг память и сложил слова в осмысленную фразу: «Наш Легион — наследник легионов Рима. Честь. Слава. Франция. Майору Анри д' Эстье Сент-Валери. » Внутри оказался большой незнакомый мне пистолет, отделанный слоновой костью, пожелтевший от времени. Вот как! Похоже, дед прибил где-то иностранного легионера, и не из последних!

Дальше — крест-накрест — располагались две финки в ножнах. На рукоятках, в венчавших их серебряных дисках, распростёршие крылья орлы несли свастику. Похоже, и это трофеи. Только ещё более древние... А над ними висел...

А это что за чудо?

Из грубых, потрескавшихся кожаных ножен неопределённо-бурого цвета, сшитых через край серой, необычайно толстой нитью, выглядывала ребристая изогнутая рукоять, увенчанная стилизованной головой хищной птицы. Вместо глаз кроваво поблёскивали мелкие алые камешки, даже необработанные. Я снял ножны со стены — и удивился их тяжести. Положив ладонь на рукоять, осторожно вытянул оружие на свет божий.

У меня нет средневекового прибабаха, как у Юрки. Но любой человек, занимающийся фехтованием, разбирается в холодном оружии, без этого — никуда. Так вот — я не знал, что держу в руке.

Оружие напоминало турецкий ятаган, только уменьшенный — лезвие в полруки длиной, с середины расширено и загнуто в направлении удара, гарды нет совсем. Полировки или покрытия тоже не было — серый цвет, сумрачный, как речная поверхность в дождь, многочисленные царапины и проступивший рисунок — словно сплетённые то ли стебли трав, то ли струи воды... Кромка была заточена до лунного сияния, я даже не осмелился до неё дотронуться. Удар таким оружием должен быть страшен. А самое главное — это и было ОНО. Оружие.

Сейчас некоторые любители старины заказывают себе целые коллекции средневекового оружия. Дорогое, кстати, удовольствие. Не муляжи, а настоящее оружие у хороших кузнецов — с заточкой, сбалансированное... И всё-таки посмотришь — и видно, что это так. Для коллекции.

Так вот, то, что я держал в руке — это было Оружие. И на стене оно оказалось потому, что состарился его хозяин.

И всё-таки, что это за оружие-то?

Что-то похожее я видел в небольшой коллекции нашего тренера по фехтованию — боевой нож непальского горца, называется «кукри». Только тот был покороче и посильнее изогнут, а это — почти меч... или, скорее, сабля. Я не удержался — несколько раз махнул клинком, прислушиваясь, как словно бы вскипает от ударов воздух: «З-з-з-зых... з-з-з-зых... »

Наигравшись (и покраснев при мысли об этом), я повесил клинок обратно, вставив его в ножны (кстати, выстланные изнутри какой-то шерстью, вытертой и не очень чистой). Мельком подумал, что надо будет поискать его в справочнике «Ножи мира», который стоял в книжном шкафу в нашей новой гостиной — и подошёл к фотографиям.

Сейчас не принято вешать фотографии на стены. А здесь они висели, как в некоторых деревенских домах, где мне приходилось бывать. Впрочем, ничего удивительного — дед был старше, чем обитатели многих тех домов. Только вот его снимки не имели ничего общего с молодыми мужчинами и женщинами, одетыми в топорщащиеся парадные костюмы специально для того, чтобы позировать у столика или вазы с цветами...

На первом же попавшемся мне на глаза снимке я узнал деда. Ему было на вид лет тридцать, могло быть и больше — кажется, он был из тех подтянутых людей, которые мало меняются с возрастом. Одетый в офицерскую форму без погон или ещё каких-то знаков различия, дед стоял на фоне крупной каменной кладки, почему-то вызвавшей у меня ассоциацию с церковью. Большие пальцы рук — за широкий ремень, на бедре — планшет, на другом — уже знакомая мне кобура «стечкина». Голова деда была непокрыта, волосы — слишком длинные для офицера — откидывал в сторону сильный ветер, гнувший высокую траву у его ног. На фотке это выглядело чудно. Внизу фотография была мелко подписана: «Около стен Крентаны». Название мне ничего не говорило, и я ещё какое-то время просто рассматривал снимок, чтобы сравнить деда с собой. Мы были не очень похожи, как мне показалось — да и с отцом у деда выходило мало общего. По тем снимкам, которые я уже видел — и где дед был старым — это не замечалось, а тут несхожесть бросалась в глаза.

Крентана. Странное название. Где это, интересно? Я повернулся к следующей фотографии и невольно хмыкнул.

Дед и ещё группа людей были сняты за полевым столом, заваленным бумагами. Дед выглядел так же, как и на первом снимке, только по-верх кителя был надет мешковатый маскхалат с расхлустанными завязками, а на ремне висели подсумки. Но окружали его какие-то хиппи, как в кино про 60-е. У здорового, как лось, мужика на расшитую бисером кожаную жилетку опускались роскошные косы, в них были вплетены какие-то феньки, а голые руки охватывали спирали татуировки. Другой — бородатый — носил нормальный маскхалат, зато бороду свою расчесал надвое и забросил за плечи. Третий... короче, их там было человек десять, и нормально смотрелись только дед, да двое мужчин помладше его. Всё это действительно выглядело бы тусовкой не могущих расстаться с детством шестидесятников, но эта банда носила самое разнообразное оружие (в том числе — хрестоматийные «калаши»). А подпись была и вовсе несуразной: «Штаб 2-й интербригады».

Слово «интербригада» вызвало у меня ассоциации с Испанией и тамошней гражданской войной, имевшей место быть где-то в конце 30-х годов прошлого века. Деду тогда ещё и двадцати не было. Это во-первых. А во-вторых, я готов был поклясться, что в те времена не было ни «стечкиных», ни «калашей», ни другого оружия, которое я узнал на снимке. Да, ещё в-третьих — запечатлённые персонажи и рядом с испанскими коммунистами не лежали. Интересно, мой дед что — организовывал волнения хиппи в Америке 60-х? Кроме этой версии ничего в голову не приходи-ло...

Третий снимок — он висел повыше, точно на уровне моих глаз — был уж вовсе убойным. Деда на нём нет. Стоял мальчишка моих лет в какой-то средневековой кожанке, шаровароподобных штанах и идиотских сапогах, перетянутых ремнями. Длинные волосы обхватывала повязка с узорами. Физиономия была — как будто случилось самое важное в его жизни событие, а на плече он держал... зенитный комплекс, в них не разбираюсь — «стингер» или что там... На заднем плане дымилась и местами горела неопознаваемая куча металла, из которой торчало что-то вроде короткого крыла.

Под снимком значилось: «Яромир около подбитого вельбота».

Я взгляделся. То, что лежало за спиной счастливого мальчишки, больше всего напоминало остатки великанской ванночки. Только очень серьёзной. Как бы это объяснить... Ну вот танк, например, похож на утюг. Смешной и плоский. А смеяться над этим утюгом не

хочется ни хрена. Так и здесь — чувствовалось, что эта «ванночка» ещё недавно была грозной боевой машиной, всё такое...

Только не бывает на свете летательных аппаратов, похожих на ванночки. Просто не бывает. И я не помнил, чтобы какой-нибудь летательный аппарат назывался «вельбот» — сейчас или в прошлом.

Фотографий было множество. Все они до такой степени не соотносились с реальной жизнью, что я подумал бы — не иначе как дед на старости лет увлёкся ролевыми играми. Но я совершенно точно знал, что ролевые исторические игры появились у нас лет пятнадцать назад, не больше. Да и то, чтобы было на фотках, выглядело слишком масштабным для ролевой игры.

Слишком масштабным и слишком... слишком НАСТОЯЩИМ, вот что.

Например — снимок «После битвы у Чёрных Ручьёв». Где, во время какой игры могло быть снято огромное поле сражения, сплошь заваленное трупами людей в полусредневековых одеждах, с оружием от мечей до всё тех же «калашей»?

А может, дед на склоне лет тронулся и занимался фотомонтажом, находя в этом некое невинное удовольствие? Я всмотрелся в фотографии. Где-то мне приходилось читать, что невозможно сделать настолько искусный фотомонтаж, чтобы его нельзя было обнаружить при детальном осмотре... Но на снимках вроде всё было в порядке, и я бросил поиски несоответствий, занялся осмотром других фотографий.

Вот дед в обнимку с человеком в ЭсЭсовском мундире при всех регалиях... Оба широко улыбаются в объектив. А почему нет, в конце-то концов?! Вот все те же хиппи на марше. Огнестрельное оружие не у всех, зато у всех мечи, а у многих — щиты и арбалеты... Подписи я даже не читал — боялся увидеть что-нибудь вроде «41-й эльфийский эскадрон на переходе».

Все снимки я так и не посмотрел, потому что внезапно заинтересовался шкафом. Он выглядел, как обычный одёжный, какие сейчас собирают коллекционеры — старый, основательный, с резными украшениями на углах. Подсознательно я ожидал, что шкаф будет заперт, но левая дверца легко распахнулась, и я увидел в самом деле одежду — офицерский китель, ещё один, маскхалат старого образца... На верхней полке лежали свёрнутые ремни, фуражка без кокарды, пограничная панама — тоже старая, выцветшая до белизны. На полу под одеждой стояли аккуратно вычищенные сапоги, высокие ботинки с какими-то клоунскими носами (в американской армии такие называются «Микки Маус», вспомнил я), а в самом углу поблёскивала пара шпор.

Я наклонился.

Шпоры были золотые. Без сомнения. И не с круглым, а с зубчатым колёсиком, как в старину. А наклонившись, я увидел в другом углу аптечку — большую, кожаную, настоящий чемодан, перетянутый ремнями и отмеченный облезшим красным крестом.

Продолжая коситься на шпоры, я открыл вторую дверь. И не удержался от посвистывания. Эта часть шкафа внутри делилась на секции. На уровне моей груди стоял какой-то аппарат — плохо было видно, что за штука. А выше оказались выдвижные ящики вроде ящиков библиотечно-го каталога, только побольше. На одном было написано: «ПЕРЕПИСКА». На другом — «АРХИВ 2-й ИБР». На третьем — «ЭТНОГРАФИЯ, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, ВОЕННОЕ ДЕЛО» И на четвёртом, последнем — «КИНО — И ФОТОМАТЕРИАЛЫ, КАССЕТЫ».

Поколебавшись, я потянул к себе «архив». Там оказались туго про-шнурованные и застёгнутые на ремни кожаные папки, помеченные цветовыми кодами — трёхцветными квадратами. Возиться с ними мне не захотелось, и я вытащил третий ящик. Он внутри был поделен на секции, в каждой из которых лежали скреплённые степлером стопки листов — или растрёпанные блокноты разного формата. Я схватил один — толстый, но размером не больше ладони. Желтоватые плотные страницы оказались сплошь исписаны... но не по-

русски, не по-английски, даже не по-французски, а значками, в которых я узнал глаголицу! ⁶

Это не лезло уже ни в какие ворота. Какой человек в здравом уме и твёрдой памяти станет писать мёртвой азбукой?!

Я сунулся в четвёртый ящик. Тут лежали магнитофонные кассеты — вернее, бобины к катушечнику — пакеты из плотной чёрной бумаги — скорее всего, тоже фотки — и жестяные коробки с киноплёнкой, подписанные тоже глаголицей.

Я не помнил, чтобы видел в доме проектор или катушечный магнитофон. Можно поискать, но... Не вполне уверенно я потянул первый ящик, коленом задвинув остальные.

Тут лежали в основном письма. Их читать я бы не стал ни за что. Можете смеяться — считаю, что это непорядочно. Но вместе с письмами лежали два больших блокнота в зелёных обложках. Я достал один.

Он распух, потому что страницы скоробились, их покрывали разноцветные пятна, часть строк расплылась, обложка-картонка отслоилась от дермантинового верха. . Чернильные строчки мешались с другими — написанными карандашами разных цветов, да и чернила были разноцветные. Стоя около шкафа, я наугад перелистал несколько страниц, наткнулся на красную строчку, яркую, как солнце морозным утром:

ЛУЧШЕ ТВОРИТЬ ЗЛО, ЧЕМ НЕ ЗАМЕЧАТЬ ЕГО.

А ниже чуть вкось шли строчки стихотворения, написанного уже карандашом⁷:

*— На перекрёстке будущих дорог
Последний раз взглядишь в родные дали.
Войны мы не хотели, видит бог!
Но в этом мире мира нам не дали...*

*Их гуманизм — во лжи, крови, грязи,
В смертях детей он и в палёной коже...
Не бойся в бой и мира не проси,
Когда враги его тебе предложат.*

*Всё сбудется, куда ты и я
Ещё живём и в самой верной силе.
Сражается вокруг земля твоя,
А вдалеке живёт моя Россия.*

17 мая 1967 года (травень 65-го года Беды)

Во рту у меня пересохло, я плотно сжал блокнот, словно боялся, что его у меня вырвут. Странное ощущение возникло — как перед походом, когда ждёшь начала, первого шага и знаешь, что будет здорово, и это «здорово» надолго. Я ещё раз перечитал — не строчки, нет. Странную двойную дату.

Чушь, чепуха. Дед точно был сумасшедший. Я листнул блокнот.

Завтра дежурить мне.

⁶ Употреблявшаяся в основном на Балканах славянская азбука. Скорее всего, именно она восходит к алфавиту, употреблявшемуся славянами в первые века нашей эры.

⁷ В качестве стихов генерал-майора Марычева здесь и далее употреблены стихи поэтов-«афганцев». Автор просит прощения у этих людей за то, что не назвал их пофамильно — их десятки, да и зачастую фамилии их мне неизвестны.

*Сидеть в прохладной пещерной тьме
И деревяшку ножом строгать,
Слушать, как стонут под пыткой во сне,
Идут в контратаку и кличут мать...*

И ещё:

*Я ещё не вернулся.
Я пока ещё там.
Я ползу третьи сутки
По морозным лесам.*

*Я ползу. И за мною
Алый тянется след.
Полон снегом и болью
Каждый проклятый метр...*

И ещё:

*Добрая, красивая страна —
Храбрые, доверчивые люди —
Снова криком заходиться будет,
Палачам грифонным отдана...*

Там было ещё много их — стихов, написанных в 60-х, 70-х, 80-х и 90-х годах прошлого века. Не всегда понятных. Я не очень люблю стихи как стихи. Я и эти читал с пятого на десятое. Но почему-то у меня возникало странное ощущение — мой дед не сумасшедший. Он...

Я повернулся, отложив блокнот. Дед, стоящий у стены крепости со странным названием Крентана, смотрел на меня с чёрно-белого снимка. И — неожиданно для себя — я спросил:

— Дед, ты кто? А?

* * *

«Верность — это ограниченность со знаком +, » — сказал он, прежде чем мы его расстреляли. Я не уверен в себе, а это плохо. Может быть, это потому, что я всегда привык чувствовать за собою мощь своей страны — и в фашистском тылу, и в джунглях Индокитая, и в Египте. Здесь этого нет. »

Я отложил второй блокнот. За окнами было темно, но меня это мало колебало. Второй блокнот оказался чем-то вроде дневника. «Вроде, » — потому что тут не было хронологического изложения событий, имён тоже почти не встречалось, да и самих событий не было как таковых. Дед — аккуратным, очень разборчивым почерком — излагал обрывки своих мыслей, записанные на какой-то войне. Я не мог понять — какой, и это раздражало и злило.

Я не нашёл ключей от сейфа. Магнитофона и проектора — тоже, а фотографии в пакетах оказались почти такими же, как на стенах. Они ничего не проясняли, только больше запутывали. «Архив» писался глаголицей — какие-то сводки, ведомости, рапорты... Я вспотел, как мышь. Я завалил стол этими бумагами и весь день рылся в них в поисках ответов, не ощущая голода и не отвлекаясь даже на туалет, хотя временами казалось, что сейчас лопну. Телефоны, кажется, не звонили. И никто больше не приходил. Слава богу —

сейчас я бы, наверное, спустил всех собак на того, кто отвлёк бы меня от «работы с документами», как любили говорить про того, кто именовал себя нашим президентом ещё недавно.

Одно было ясно: выйдя в отставку в 65-м, дед почти сразу ввязался в какую-то войну, в которой активно участвовал (с перерывами, правда) до середины 70-х. А до последнего времени помогал одной из воюющих сторон пассивно.

А вот другое неясно совсем.

ДА ГДЕ ЖЕ ШЛА ЭТА ЧЁРТОВА БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА ?!

У меня ещё пару раз возникло опасение, что дед просто спятил и тщательно придумал себе «виртуальную реальность» — я про такие случаи слышал. Но потом опасения таяли. И дело даже не в эмоциях каких-то. Уж слишком огромной была проделанная фальсификация. Просто не под силу одному человеку даже с современной техникой.

«Странно, но эта штука стопроцентно сделала в начале века в России! Конечно, две трети деталей с тех пор поменялись, но базовые узлы прежние и помечены клеймом Сестрорецкого Императорского Оружейного Завода! Совершенно необъяснимая вещь... Интересно было бы узнать, сколько их вообще и где они находятся. Пока совершенно точно можно сказать — эта, в Трёх Дубах — не единственная... »

Я снова пролистал и отложил блокнот, даже зашипев от досады. Хрень какая-то непонятная. Всё равно как разговаривать на совершенно неизвестную тебе тему — вроде все слова у собеседника понимаешь, а смысла в них нет.

Подойдя к шкафу, я потянул на себя центральную полку — с непонятным агрегатом — в слабой надежде, что эта штука поможет разобраться.

Полка выдвинулась легко и плавно. Я отшатнулся — откуда-то сбоку, словно гигантская пружина, выскочила и замерла в приподнятом положении странная антенна, похожая на две спирали, противоестественным каким-то образом скрученные друг вокруг друга. В их глубине прятался длинный прямой штырь.

Опасливо покосившись на эту конструкцию, я посмотрел на то, что стояло передо мною. И озадаченно заморгал.

Передо мной стоял древний, как библейский пророк, радиоприёмник «Урал». Ламповый. С посеребренной сеткой динамика. С красной стрелочкой, бегающей по шкале с названиями городов в такт вращению ребристой ручки.

«Хариан». «Крентана». «Скейван». И ещё — много других названий на шкале. Названий, которым я не мог найти аналогии ни в одной географии — ни в политической, ни в экономической. НИ В КАКОЙ.

Я покрутил ручку. С еле слышным гудением стрелочка пробежала шкалу, уперлась в край. Я ткнул кнопку «СЕТЬ» — упруго щёлкнуло, шкала озарилась тускло-жёлтым светом. Я нажал «ВКЛ. » — из невидимого, но мощного динамика понеслись шумы, от которых мне всегда вспоминались стивенкинговские лангольеры.

Осторожно, словно ручка успела раскалиться, я повёл стрелочку по шкале с непонятными названиями, которых — я мог поклясться! — не имелось ни на одной карте Земли.

Хариан передавал музыку. Настолько обычную, что я изумился до предела — знакомый шум, как говорится, «заводной», за которым почти не слышно было слов. Впрочем, это расстраивало — писклявенький девичий голосишко что-то вопил о том, что ей плевать, что он ушёл, потому что таких на её жизненном пути было, есть и будет... ну и т. д. Для меня слушающие такие песни стояли по уровню развития повыше моллюска рапана, но ниже хорошей лошади... однако, как я уже сказал, музыка и слова были настолько обычными, что я решил — принимаю «Русское Радио» или ещё какую-то знакомую станцию.

Я повернул рукоятку. Город (или что?) Наарт передавал проповедь. Тоже самую обычную, я даже вслушиваться не стал, потому что слышал эти слова и по телевизору, и по радио, и вживую — красивый голос, убедительный и мягко-напористый, проникающий аж в

подсознание...

С досады (а что я, собственно, ожидал услышать-то?!), я проскочил несколько пунктов — и вдруг краем уха уловил чужой язык. Я вернул стрелочку, пошарил в эфире...

— ... вейтан вейх гартс. Аль навис. Хайусен? Хайусен? — спрашивал металлический голос. — Родйан, свара, свара... Вейтан руст. Хайусен! — в голосе отчётливо прозвучало раздражение.

Голос ещё что-то повторял — то монотонно, то со всё большим раздражением... Язык был совершенно незнакомым. Или нет... Я знал английский и французский достаточно хорошо, чтобы понимать разговорную речь. В языке, звучащем в эфире, было что-то общее с ними обоими и, как ни странно — с русским. Что-то неуловимое, неясное, но — общее.

Долго, как заворожённый, я стоял перед приёмником и слушал чужую речь. Потом снова повернул ручку, провёл до конца шкалы, нигде не задерживаясь. В приёмнике скреблись обрывки передач — хотели вылезти, сердились, что их не выпускают. Я не вслушивался. Меня заинтересовал переключатель волн.

Тут не было обычных УКВ, ДВ, СВ и прочих. Приёмник стоял на обозначении «верхняя волна» — так и было написано под кнопкой, нажатой, наверное, ещё дедом. Но была ещё одна — с надписью «дно». Так и было написано — дно. Помедлив, я нажал эту кнопку.

Эфир почти полностью молчал. Не было даже шумов, только по временам за секунду, не больше, проскакивали какие-то разряды. Уже у самого конца шкалы я наткнулся на связную речь — и вздрогнул, так неожиданно и громко она звучала.

Молодой голос по-русски, как и почти все предыдущие на верхних волнах, устало говорил, обращаясь к какому-то собеседнику:

— ... лучший выход. Они настолько сильнее нас, что позволяют себе глупость нас не замечать. Мы же себе такой роскоши, как глупость, позволить не можем.

— Я вас выслушал, — ответил ему густой, булькающий бас. — Жила?

— Я не буду здесь говорить, — раздался третий голос. — Хватит с меня и того, что...

Волна вдруг стремительно куда-то поплыла, я зашарил в эфире — и потерял её совсем. С досады я хватил кулаком по приёмнику, почти отпрыгнул от шкафа и, подойдя к окну, распахнул его.

Летняя ночь была тёплой и звёздной, как небо в планетарии. Глядя туда, вверх, я неожиданно вспомнил, как отличить звезду от планеты: мерцает — значит, звезда, горит ровно — планета... Кто же мне это говорил?

Через плечо я посмотрел на приёмник, чья шкала по-прежнему горела ровным, мутноватым светом. Оставив окно открытым, я вернулся к столу, снова листнул блокнот. Наткнулся на слова, где дед говорил о своей жене — о моей бабушке.

«Последними её словами были: «Это ты виноват!» Я много думал над этим. Это — правда. Я испортил ей жизнь. Всю жизнь она любила меня и ждала меня, а я таскал её за собой по гарнизонам, я заставлял её месяцами ждать писем или звонков в нечеловеческом напряжении. Сын наш родился поздно, и это моё упрямство поставило между им и мною стену, от которой больше всего страдала она. Но... если бы она могла увидеть... Даже ради любви к ней я не мог отказаться от участия в этом. Тот, кто не борется со злом, становится крёстным отцом зла, потому что даёт ему второе рождение. »

Я отбросил блокнот. Ответ насчёт природы дедовых странностей лежал на поверхности. Хороший, всё объясняющий ответ.

Года три назад я бы принял его с восторженным повизгиваньем. Я тогда обожал читать Крапивина, хотя отец что-то и хмыкал насчёт «вечно молодого интеллигентика». Потом Крапивин меня достал — бесконечным повторением сюжетов, эпитетов и портретов героев. Книжки его до сих пор стоят у меня на полках... но речь не об этом. Вот ТОГДА я бы радостно уцепился за версию, что мой дед умел связываться с параллельными пространствами. Или с иными планетами.

НО ВЕДЬ ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ !!!

Или... может?..

* * *

В доме было полно народу. Все ходили, что-то таскали, перекликались, а я как дурак лежал в своей спальне под простынёй и понимал, что совершенно неуместен в этом доме. Двое бородатых мужиков — в точности с фотографий в дедовом кабинете! — сняв со стола компьютер, принялись устанавливать на его место полевую рацию. Задребезжал вызов...

Я проснулся в полу-свесившемся с кровати состоянии — головой почти на ковре. Она (голова) дико болела. Во рту стоял омерзительный вкус позднего пробуждения, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, где я нахожусь и что звонок надрывается не у меня в голове, а в телефоне, стоявшем на шкафу.

Я упал с кровати окончательно. Потряхивая головой и издавая противоестественные звуки, которые должны были обозначать, как мне плохо, я с трудом принял вертикальное положение (голова закружилась, я вцепился в шкаф, как в спасательный круг) и снял трубку:

— Да?

— Олег, ты? — голос отца.

— Я, а что случилось?! — почему-то забеспокоился я.

— Да ничего, — спокойно ответил отец, — просто звоню узнать, как ты там. — Вадим с тобой?

— Да, — неизвестно зачем соврал я.

— Поздно легли?

— Вроде того, — я покосился на часы. Ужас!!! Первый час!!! Правда, я лёг в седьмом часу утра... — Так чего звонишь-то?

— Ничего, — повторил отец. — Всё в порядке?

— В полном, — подтвердил я. Если бы ещё голова так не болела...

— Ну ладно, не скучай. Завтра утром приедем, — информировал он меня и отключился.

... После холодного душа голова прошла, и я, стоя на пороге ванной и ожесточённо вытираясь полотенцем, вдруг понял, что хочу есть. Очень хочу, что не удивительно — вчера-то я весь день проголодал!

Я уже почти вошёл в кухню, держа в руке почти свежие трусы — но остановился. Прислушался.

На меня упала тишина. Огромная и бесконечная. Я стоял и слушал её, глядя, как медленно и плавно ползёт вдоль стены по полу косою солнечный четырёхугольник с танцующей над ним пылью.

Был яркий солнечный день. И тишина в пустом доме — такая, что распадалась на несуществующие, осторожные звуки.

Нервы. Это просто нервы, нервы, нервы, новое место... Постукивает в тишине беда — не беда, а так, что-то напряжённое и странное, хрустят осколки разбитого спокойствия под чьими-то шагами. Тяжело ступает неизвестность, подходит ближе, ближе, останавливается за плечом. Стоит и смотрит спокойным, пристальным взглядом. Если обернуться — можно увидеть её лицо со знакомыми чертами... Чьими? Деда? Вчерашнего посетителя? Людей с фотографий в кабинете?!

Весь в поту, я обернулся, чтобы увидеть пустой коридор, лестницу наверх, дверь ванной.

— Это всё бред, — громко сказал я в пустоту.

А ведь уезжать надо. Не есть садиться, а подняться к себе, одеться, сунуть в карман деньги, ключи, запереть этот дом — и на станцию. И больше никогда — НИКОГДА!!! — не оставаться тут одному.

Потому что если я не уеду, случится что-то... что-то страшное. Вот прямо сейчас. Не

ночью, а днём, днём...

Это не я. Это дедовы дела, дедовы счёты, а он мёртв. Я тут ни при чём. Не трогайте меня!!!

— Не трогайте меня!!!

Я вдруг понял, что бормочу это вслух. Мне неожиданно стало стыдно до жара в щеках, и я, заставив себя перевести дыхание, громко спросил:

— Олег, ты здесь? — после чего сам себе ответил: — Здесь.

Этому дурацкому на первый взгляд фокусу обучил меня наш Игорь Степанович, тренер по фехтованию. Помогает, надо сказать — и на этот раз беспричинный страх начал откатываться прочь, как почти зримая волна. Конечно, это я сам себя накачал. Нет, клык даю, дед занимался какими-то странными вещами, но это совсем не значит, что на меня немедленно должны обрушиться тридцать три несчастья. Я влез наконец в трусы и отправился на кухню — инспектировать холодильник.

Тишина в доме меня больше не пугала.

* * *

До вечера я успел привести в порядок тот бардак, который устроил в дедовом кабинете, а потом, прихватив удочку, отправился через заднюю дверь и по тропинке к реке, протекавшей внизу сада, разбитого на склоне холма. Но переключиться мне не удалось — может, ещё и поэтому рыба не клевала, совершенно игнорировала мою удочку. В конце концов я просто положил дурной кусок пластика на берег и устроился поудобнее, обхватив руками колени, да отмахиваясь по временам от комарья.

На воде колебалась дорожка света от полной луны. Комарьё над этой блестящей зубчатой лесенкой толклось тёмным облачком, и я вспомнил, что это означает наступающий тёплый день. Потом ниже по течению плеснула рыба, я досадливо поёжился, но тут же снова застыл — уж очень тихой и красивой была ночь возле реки. Где-то за деревьями, на-верху, ещё догорал закат, но тут темнота полностью вступила в свои права.

Над рекой, приплясывая в воздухе, пронеслись несколько летучих мышей, я услышал писк и словно очнулся. Комары успели-таки нагрызть мне руки, и я, подхватив удочку, зашагал сквозь чёрную тишину сада вверх, к дому.

На берегу я чувствовал себя вполне комфортно. А вот в саду стало вновь жутковато — не по себе идти мимо тёмных силуэтов деревьев. Луна еле просвечивала сквозь кроны, от полос её бледного света, рассекавших темноту, та казалась только непроглядней под кустами и деревьями. Я специально не ускорял шаги, чтобы не дать страху разрастись — вполне обычному страху перед ночной темнотой; казалось, что кто-то смотрит в спину тяжёлым, неприятным взглядом. С таким страхом я научился справляться ещё в первых турпоходах.

На верхней ступеньке я остановился, посмотрел через плечо в сад, в его тёмную пустоту. Взглянул и вошёл в дом.

Вчерашние страхи меня оставили совсем. Убрав удочку в чуланчик, уже приспособленный отцом под рыбацье-охотничье снаряжение, я решил, что поднимусь наверх и ещё раз поищу ключ от сейфа. Дедова тайна не давала мне покоя... а вам, спрашиваю, дала бы?! Конечно, можно просто отвернуться, зажать уши и сделать вид, что ничего не происходило. А на дверь мансарды повесить новый замок — побольше и попрочнее, если удастся такой найти. Но мне было слишком интересно, чтобы отказаться от поисков разгадки.

Собственно, отмечу ещё раз, разгадку я знал. Просто слишком уж дикой она была, чтобы вот так сразу поверить, не попытавшись найти ещё доказательства. Не знал я другого — что мне делать **ВООБЩЕ** с этой разгадкой. От предчувствия какой-то опасности временами дрожь пробегала по телу, честно. А ещё от самой мысли, что такое — возможно наяву, в жизни, а не в книге. Вернее всего будет посоветоваться с отцом... но не раньше, чем

я сам — САМ — распотрошу эту «тайну загородного особняка».

Размышляя так, я проник в коридор между чёрным и парадным ходом. Свет тут не горел, в стеклянных окошках по обе стороны парадной двери я видел тропинку между деревьев, ведущую к воротам. Луна её здорово освещала... Тропинка местами искрилась — посвёркивали крупинки кварца в песке.

У меня всё-таки хорошо развито шестое чувство. Это генетическое, наверное — от отца, да и от того же деда. Я уже совсем собрался подняться наверх, но почему-то медлил, не уходил, а потом — неожиданно для себя! — подошёл к двери и, распахнув её, на два шага вышел в ночь. Прислушался.

И — в который уже раз здесь! — поразился тишине.

Ночью не бывает так испуганно-тихо — разве что перед грозой, но небо над головой висело ясное, чистое. И всё-таки тишина стояла гробовая. Поёживаясь, я внимательно осмотрелся, стараясь дышать потише и в душе удивляясь, почему всё ещё не вернулся в дом.

А потом темнота впереди шевельнулась. Метрах в десяти от меня, около кустов крыжовника, у самых корней, я увидел движение — словно что-то большое и тяжёлое поднималось с земли.

Я не заорал только потому, что язык прикипел к нёбу, и у меня получилось выдавить лишь еле слышное сипение. Меня вообще парализовало, и какой-то частью мозга — ещё работавшей! — я понял, почему так легко со своими жертвами — часто здоровыми, крепкими парнями и девчонками — расправляются разные там маньяки. Потому что это парализует — сознание и зрелище того, как в обычном, привычном тебе, понятном мире происходит что-то ужасное и противоестественное. Ко мне — почти пятнадцатилетнему, спортсмену, совсем не трусу — можно было сейчас подходить и делать со мной всё, что угодно. Я покорно и тупо смотрел на оживший кусок темноты, похожий на Тварь из легуиновского «Волшебника Земноморья», ожидая, что же он предпримет в моём отношении — хотя до двери за спиной было шаг шагнуть.

Потом я услышал самый обычный человеческий стон. Негромкий, еле слышный — будто ветер что-то прошептал в ветвях... только ветра-то не было.

Стон повторился — в такт жутковатому подёргиванию тени. Я вздрогнул — гипнотическое наваждение пропало. Пьяный, что ли? Или, может, раненый — машиной на дороге подшибло?.. Да нет, незачем ему на участок ползти. Да и ворота раненый не откроет. Точно, пьяный — не соображает, куда занесло, и ноги дальше не идут.

В тот момент я не подумал, что и пьяный ворота не откроет, не сможет...

Пьяных я не любил. Отец не пил почти совсем; вид шатающегося, идиотски выглядящего человека вызывал у меня брезгливое отвращение. Позволять такому валяться в саду у меня не было никакого желания — я решительно пошёл по дорожке к лежащему, на ходу говоря:

— Какого чёрта вас сюда принесло? Ну-ка...

Лежащий человек — теперь я хорошо видел, что это именно человек, рослый и крепкий — вдруг тяжело перевернулся на спину и прохрипел голосом, выдававшим страшную боль, но с голосом пьяного не имевшим ничего общего:

— Помоги, мальчик...

Я остоленел вторично, но теперь — от изумления. Луна осветила лицо вчерашнего посетителя. Только теперь оно было искажено невероятной гримасой то ли боли, то ли напряжения. Роскошные усы превратились в липкие чёрные сосульки — кровь, тёмная и густая, вязко текла из пролома на месте левого глаза; казалось, там шевелится что-то живое.

Я очень хотел отвести взгляд от этого лица, но не мог, лишь мельком заметив, что правый бок мужчины тоже окровавлен, куртка там разодрана в мокрые, лоснящиеся клочья, а под кустами тянется примятый, почти сплошь помеченный кровью след — там он полз, пока не потерял силы окончательно.

— Что с вами? — выдавил я, чувствуя, что меня сейчас начнёт тошнить. — Кто вас так?

— Времени нет... — он тихо кашлянул и задышал, как дышит на жаре большая собака.
— Скорее...

— Я сейчас вызову «скорую»! — опомнился я, но рука раненого с неожиданной быстротой перехватила меня за штанину джинсов. — Вы чего, я же помочь вам хочу...

— Молчи, слушай, если хочешь помочь... — он кашлянул снова, и изо рта выплеснулась кровавая струйка. — Это я виноват. Меня выследили. Наверное, кто-то нас предал. Они шли сразу за мной и сейчас будут здесь... я чудом опередил их, они думали, что я мёртв. Да я и правда мёртв.

— Кто «они»? — холодея, спросил я, подумав почему-то о конкурентах отца, хотя среди них не было настолько серьёзных. — Вы о ком?! Вы кто?!

— Тише... — он отпустил штанину — вернее, его рука просто соскользнула и бесшумно упала на траву, я дёрнулся, чтобы бежать, но почему-то остался на месте, слушая, как страшно он дышит. — Мальчик, я друг твоего деда. Мы никогда не виделись, но там, откуда я родом, его имя помнят, как имя героя... поэтому я говорю, что я его друг... Они идут сюда, потому что думают — твой дед жив. Им надо его убить. Спрячься, мальчик. Не в доме. Они скоро уйдут. Вот... это...

Он неловко полез левой рукой под куртку, пошарил, скалясь — словно беззвучно смеялся. Я следил за ним. «Бе-ги, бе-ги, бе-ги...» — выстукивала у меня в висках кровь. Вместо этого я ждал.

— Вот, — повторил он и протянул мне на ладони что-то, похожее на сотовый. — Нефиксированный... настраивается на любой канал... им не должен достаться. Бери и уходи. Если случится чудо... с тобой свяжутся наши... скажи им... Немой...

Рука с приборчиком упала. Больше ничего не изменилось — лишь луна, светившая в глазах раненого, заполнила их целиком, лишив собственного выражения. Там больше не было ни боли, ни страдания... ничего. Только красивое и холодное серебристое сияние.

И я понял — странный и страшный ночной гость умер.

Нагнувшись, я поднял «сотовый», выскользнувший из его руки на песок. Антенны у него не было — всю поверхность занимали шесть плотных рядов по пять квадратных кнопок в каждом, помеченных странными символами, не похожими ни на цифры, ни на буквы — во всяком случае, знакомые мне. Скорее это были просто рисунки. Как это... а, вспомнил — пиктограммы! Но самым странным был значок, расположенный не на кнопке, а на верхнем торце прибора.

Миниатюрная, изящная серебряная свастика.

Толком удивиться этому я не успел. Моё счастье, что, рассматривая прибор, я боковым зрением всё время видел тропинку. И заметил две словно бы плывущие над землёй фигуры раньше, чем они заметили меня — неподвижного.

На самом деле они, конечно, не плыли над землёй, а шли — просто очень ровным, размеренным шагом, плечо в плечо, неспешно и уверенно. Луна светила им в спины, и я не видел лиц. Двое рослых мужчин в одинаковых — то ли белых, то ли светло-серых — костюмах.

Пригнувшись, я метнулся к дому, в два прыжка оказался в коридоре и, стараясь не дышать, закрыл дверь на засов. Затравленно осмотрелся и бросился к висящему на стене телефону, мысленно благодаря отца за то, что он не поскупился установить несколько аппаратов.

В дверь постучали. Потом раздался звонок — такой резкий и неожиданный, что я чуть по правде не обдул джинсы. Потом снова стук — уже не вежливый и короткий, а несколько сильных ударов кулаком. Не сводя глаз с двери, я наощупь пытался попасть в кнопки аппарата.

«Отворить именем Моргота!... После второго удара дверь рухнула вся — вместе с крюками, запорами и цепочками...» Ой, мамочка! Сведя коленки, чтобы унять сильнейшие позывы, не отпускавшие меня, я наконец набрал спасительный 02. Телефон пискнул и... равнодушно «сбросил» номер! Я набрал снова, снова, снова... Все три раза — сброс.

Хана.

Сейчас меня убьют.

Только бы быстро, сразу.

Удары повторялись с размеренной неотвратимостью, но всё-таки вокруг была не сказка, и дверь — добротная, мощная! — выдерживала. Обливаясь потом, противным и липким, я набрал номер квартиры родителей — и потерял ещё полминуты, выслушивая длительные гудки. Никого нет дома.

Колотить в дверь неожиданно перестали. Я замер, прижимая к уху пищущую телефонную трубку. Ушли?! В доме было полно оружия, но я даже не подумал о нём — стоял, как истукан, и слушал, слушал... пока не услышал за дверью два тихих голоса, говоривших явно не по-русски! Я не мог понять, по-каковски...

Да. Да, это был ТОТ ЯЗЫК. Который я слышал вчера вечером в «Урале».

Вот так. Пришли за дедом, а убьют меня.

Деревянным пальцем я набрал 3-59-66 — телефон Вадима. Не знаю, зачем. Может быть, подсознательно — из-за чувства вины перед ним, в этой ерунде любят копаться психоаналитики в штатовских фильмах.

— Да? — прозвучал в трубке хорошо знакомый голос Вадима.

— Вадим, ты?! — заорал я, и Вадим холодно переспросил:

— Да, кто это?

— Вадим, это я, я, Олег, — зашептал я, но было уже поздно — удары в дверь возобновились с невероятным ожесточением.

— Олег?! — я уловил в голосе друга вспыхнувшую радость. — Ты с Эльдорадо звонишь, что ли?

— Да! — снова крикнул я, потому что уже не имело значения, услышат меня за дверью, или нет — они знали, что я здесь и что я звоню по телефону. — Вадим, я тут один! Двое ломаются в дом, слышишь?! Звони в ментовку, скорее!

Он ни на секунду не подумал, что я валяю дурака. Понимаете?! НИ НА СЕКУНДУ. И сразу разобрался в моих нечленораздельных выкриках.

— Сейчас! — услышал я его крик. С визжащим хрустом рухнуло стекло слева от двери. Внутрь просунулась рука — я увидел вздёрнувшийся рукав костюма, призрачную белизну рубашки и блеск больших часов на запястье — рука шарилась по двери в поисках щеколды. Хрен тебе, сука, кто бы ты ни был — засов с защёлкой, без ключа не откроешь... — Олег! Убегай из дома! Или запишись, я звоню! Продержись, слышишь?!

Где-то в глубине первого этажа с треском вылетела рама, долго сыпалось разбитое стекло. Поняв, что это значит, я похолодел и неожиданно спокойно сказал в трубку:

— Поздно. Они уже в доме.

Я аккуратно повесил трубку на место. И понял неожиданно, что аппарат висит... рядом с дверью чёрного хода! А за ней — ночной сад, река... спасение!

Я рванул дверь. Заперто! Ах, да... Сквозь открытую дверь в комнаты я заметил краем глаза человеческую фигуру — кто-то стоял через комнату от меня, озираясь и прислушиваясь. Я повернул ручку замка — щелчок! Он утонул в грохоте слетевшей с петель двери за моей спиной.

— Штайс! — крикнул вломившийся в коридор человек. Это было ужасно — нас разделяли три шага, протянутая рука почти касалась моего плеча. Не выдержав, я вскрикнул от дикого страха — к счастью, не цепящего. Наоборот — во меня словно поддали энергии. Ночные гости рванулись ко мне оба сразу. Распахнув дверь, я ударил одного — того, который выскочил из комнат — её створкой (ударил хорошо, крепко, потому что он даже не закричал — молча опрокинулся на пол). Второй схватил меня за плечо — пальцы скользнули по рубашке, я присел и с низкого старта метнулся в дверной проём, в темноту.

«Тв! Тв! Тв!» — странные звуки послышались сзади, но только когда над моей головой что-то свистнуло, я понял, что в меня стреляют из пистолета с глушителем. И это, как ни странно, вызвало настоящее облегчение! Почему? Да очень просто — всё это время я в

глубине души больше всего боялся, что пришельцы — НЕ ЛЮДИ. Вообще не люди, а... ну, кто-то ещё. Пистолет — это другое дело...

... Никогда не бегайте по ночам в плохо знакомом месте. Я споткнулся о корень. И упал. Не просто упал — грохнулся на живот так, что внутри всё словно замерло, ссохлось. Дышать не получалось. Двигаться не получалось. Можно было только смотреть, как ко мне бежит, а потом — идёт, уже неспешно и спокойно, один из нападавших.

Он остановился в пяти шагах. Да, самый обычный человек — я слышал, как он взволнованно дышит и мог рассмотреть, хотя и неясно, лицо — тоже абсолютно обычное. А в руке он держал пистолет с несуразным надульником глушителя. Большой пистолет, воронёный — лунный свет на нём становился чёрным. Несуразно звучит, но это так...

— Не убивайте, — попросил я. И нажал в кармане джинсов кнопку «мобильника». Первую попавшуюся — с отчаянья, потому что не знал, что мне ещё сделать.

Ничего не произошло.

— ЭнТэ, — вдруг сказал человек. — Дай сюда ЭнТэ.

Он говорил по-русски совершенно правильно и столь же совершенно безжизненно, как робот в дурацком старом фильме.

— Что? — пискнул я. Пискнул, больше имитируя страх. Нет, я боялся — я ОЧЕНЬ боялся. Но не безрассудно. Мозг работал изо всех сил. Мне не хотелось умирать. Я нажал на другую кнопку.

Ничего. А чего я ожидаю-то? Надо сейчас бросить ему эту штуку, а самому — в кусты. Только встать сначала.

— То, что у тебя в кармане, — ровно сказал он.

— У меня нет ничего, дяденька. — хныкнул я, возясь на земле и понемногу поднимаясь.

Ствол пистолета переместился — теперь он смотрел мне между ног.

— ЭнТэ, — повторил человек. — Я могу сам забрать его у тебя. У мёртвого. Лучше отдай.

— Это? — я достал «мобильник», словно бы невзначай нажав ещё одну кнопку.

Ничего!

— Они не работают, — человек улыбнулся, что совершенно не вязалось с его равнодушным тоном. — Мы уничтожили все машины. Вчера захватили последнюю — мы вернёмся, и её уничтожат тоже. Даже ЭнТэ тебе не поможет. Давай его сюда и убирайся.

Я не понимал, о чём он говорит. Человек, которого они с напарником убили, был другом моего деда. И он не хотел, чтобы эта штука попала в руки к этим двоим.

Девять из десяти пацанов на моём месте отдали бы «мобильник». Десятый — особо заядлый «тормоз». Как я.

— Возьмите, — я переложил мобильник в левую и, весь трясаясь, сделал шаг к человеку с пистолетом. — Возьмите, мне не надо, — ещё шаг. — Только не трогайте меня, не стреляйте, дяденька...

Третий шаг.

Скорее всего, он бы меня и в самом деле не тронул. Я потом десятки раз думал об этом, обсасывая ситуацию со всех сторон — незачем ему было меня трогать. Но он сделал шаг навстречу, протягивая руку — и пистолет его уже смотрел в землю.

Вот тогда я выдал ему по полной. Свинг в левую скулу — отработанный, поставленный. Человек был на пятнадцать-двадцать килограммов тяжелее меня, но... Короче, отец мог бы мною гордиться. Убийца рухнул, как манекен — полностью вышел из строя на какое-то время.

Но к нам уже бежал второй, которого я уложил дверью. В поднятой руке — пистолет, снова пистолет... В отчаянье я надавил на ещё одну кнопку.

Когда багровое пламя брызнуло в глаза, я подумал с тоской, что всё-таки убит. И перестал воспринимать что-либо вообще.

История I

Стража горных границ

*Убежал, я из дома —
Бродить по сказочным мирам...*
Группа «Hi-Fi»

Солдат в пятнистом мешковатом маскхалате и глубокой каске, с фаустпатроном на плече и мужественным лицом целился в Олега. За плечом солдата стоял рабочий — усатый, в спецовке, с винтовкой в руках. На винтовке был примкнут кинжальный штык, хорошо знакомый по фильмам о Великой Отечественной.

Ни солдат, ни рабочий не двигались. И всё-таки прошло некоторое время, прежде чем Олег начал понимать, что видит перед собой большой яркий плакат. Точно — плакат. И что-то написано внизу наискось — по немецки, кажется, колючими готическими буквами...

Лежать на бетоне было холодно. Да, под Олегом был бетонный пол — серый, щербатый и неожиданно чистый. Откуда-то по полу поддувал ветерок. И потолок наверху был бетонный.

И бетонной казалась тишина вокруг. Полная. Абсолютная. Глухая.

Олег вспомнил, что с ним произошло, сразу. И сел, стиснув зубы от ужаса.

Ничего. Никого. Никто не бросался на него, не грозил пистолетом, не требовал что-то отдать... Первое, что пришло ему в голову — оглушили и бросили в какой-то подвал. Но на подвал под домом — уже исследованный Олегом — это ничуть не походило. А в следующий момент Олег увидел ту машинку, похожую на пульт — она лежала у самой его головы.

Впрочем, она заняла внимание мальчишки на какую-то секунду, потому что, обернувшись, Олег увидел остальную часть подвала.

Он сидел на полу совсем рядом с высокой — метра два-три — и широкой — грузовику пройти — аркой, увитой проводами. Тут и там из гнёзд торчали радиолампы. На арку чуть сбоку было направлено нечто, вызвавшее у Олега ассоциации с боевым лазером из фантастического фильма начала 80-х годов. Всё вместе это напоминало создание излюбленного персонажа Голливуда — сумасшедшего учёного, который на дому громоздит машины времени и преобразователи материи.

Неясная, но беспокоящая мысль скользнула по краю сознания Олега. Он нахмурился, рассматривая машину, но поймать мысль не успел. Тем более, что за «лазером» виднелся пульт с тремя высокими креслами возле него. На пульте одиноко и ритмично мигал зелёный светодиод.

Олег поднялся, машинально отряхивая сзади джинсы. Куда же его упрятали? Он прислушался — было тихо. Свет лился из двух узких окон под потолком, забранных мутными стеклоблоками — даже если научиться прыгать на три метра в высоту и зависать в воздухе, всё равно ничего не разглядишь. Олег подошёл ближе к арке, присмотрелся... Вблизи она производила впечатление вещи, которую сделали очень давно и с тех пор много раз подновляли, заменяя целые узлы. Сама же основа была выполнена из чугуна! Точно — из чугуна, если Олег хоть что-то в этом понимал.

Сбоку арки, на шероховатой поверхности, была гравирована длинная надпись. Мальчишка подошёл ближе, нагнулся, упираясь ладонями в колени...

СЕСТРОРЕЦКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

Лампы в арке были не только русские, но и немецкие — по крайней мере, так можно было понять по надписям. Протиснувшись между аркой и «лазером» (на нём надписей не было — ну, видимых, во всяком случае!), Олег осторожно подошёл к пульту, на самом

видном месте которого красовался ширококрылый орёл со свастикой в когтях и хорошо читаемая даже без знания немецкого языка надпись: «Сталелитейный завод Круппа». Однако, на чугунной же основе пульта Олег ещё издали заметил всё то же — Сестрорецкий и так далее. Снова что-то такое шевельнулось... и опять Олег не успел поймать мысль за хвостик, потому что мысль эта сбилась, а сам Олег вцепился обеими руками в спинку кресла, к которому подошёл.

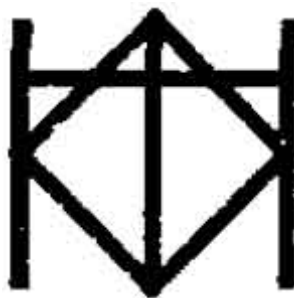
Из второго — среднего — кресла ему улыбался скелет. Именно его жуткую улыбку Олег заметил в первую очередь. Но страх прошёл очень быстро — Олег не относился к тем людям, которые боятся скелетов или покойников вообще, тем более, что совсем недавно фактически у него на руках умер человек. Кстати, это событие в памяти словно какая-то дымка подёрнула, словно было это уже очень и очень давно...

Скелет был одет в старую офицерскую форму — обветшавшие китель и галифе, пыльные хромовые сапоги... Китель был без погон, его перетягивали... нет, на нём висели потрескавшиеся портупей. Очевидно, именно форма и не давала скелету рассыпаться.

Обращённый к мальчишке правый висок скелета был пробит — аккуратная глубокая дырочка глубоко чернела на кости. И Олег сразу понял, чем была сделана эта дырочка. В глубоком кресле рядом с упавшей рукой лежал револьвер. Воронение тускло поблёскивало сквозь пыль. Курок, мушка и спица бойка были вытерты до белизны.

— Ёлки... — прошептал Олег.

Бросил быстрый взгляд на пульт. Зелёный диод мигал — спокойно и ритмично, это мигание успокаивало... но успокаиваться как раз и не следовало. Олег сунул руку в карман, достал «мобильник». В отчаянии осмотрелся — ниже орла со свастикой в металл был врезан значок:

Точно такой же значок был под одной из кнопок. И Олег был уверен — он нажал, спасаясь от ворвавшихся в его дом убийц, именно эту кнопку.

— Ёлки! — плачущим голосом повторил Олег и начал давить на все обозначенные кодами кнопки.

Ничего не произошло. Тогда Олег ещё раз огляделся дикими глазами, сел в кресло, обхватил голову руками и застыл в полном отчаянии. Скелет с сочувствием смотрел на него.

Плакать не хотелось. Орать не хотелось. Хотелось немедленно проснуться. Сию секунду проснуться, потому что это могло быть только дурным сном. Мозаика из разрозненных кусочков сложилась — и кто-то шептал мальчишке в уши: «Романтики хотел? Хотел узнать дедову тайну? Вот она, хлебай полной ложкой. Давай-давай!»

Олег просидел так долго. Солнечный луч успел вползти с пола на стену. Своими собственными руками отправить себя в мир, о котором не знаешь ничего, кроме того, что тут воевал твой дед, что тут он снимался в обнимку с хипповыми типчиками, персонажами средневековых фильмов и ЭсЭсовцами в полной парадной форме! СВОИМИ СОБСТВЕННЫМИ РУКАМИ!

От равнодушия Олег перешёл к острому желанию убить себя. Что будет с мамой?! Что станет с отцом?! Они вернутся, а его нет! **ВООБЩЕ** нет в нашем мире! Найдут труп на дорожке, разгром в доме. Станут, конечно, искать, мама будет ездить на опознания сбитых машинами, утонувших, убитых в разборках и маньяками. Будет рассматривать

изуродованные, обожжённые, искалеченные трупы подростков — в ужасе, в страхе узнать собственного сына... и в надежде, что хоть так прояснится его судьба... Отец будет нанимать детективов, они будут искать...

Но как найти того, кого даже и на Земле-то нет?! На другой плане-те... в другом измерении, вообще неизвестно где?! Они же сойдут с ума от горя и тоски, его родители, для них сам дом станет склепом, могилой...

Олег всхлипнул. Слезы сами собой капали на руки, тёмными звёздочками оставались на бело-голубой ткани джинсов. Он не плакал уже много лет — ни от боли, ни от страха. А сейчас не смог удержаться. Да и не захотел.

Он перестал плакать только тогда, когда слёзы перестали течь. Сидел — оглушённый, опустошённый, не знающий, что делать. Сидел так, пока на глаза ему не попала дверь, спрятанная за пультом.

От внезапно вспыхнувшей надежды сердце заколотилось, как барабан в атаке! Отшвырнув кресло, Олег метнулся к двери, навалился на колесо всем телом, хотя оно шло легко — со всей силой открыть дверь и увидеть... что? Да что угодно! Помойку, свалку, заброшенный завод — только бы это был ЕГО мир! Пусть Чечня, пусть Африка какая-нибудь, Тибет — что угодно, но НА ЗЕМЛЕ, там, откуда можно вернуться домой!

Дверь отворилась медленно, но одновременно очень мягко. И на Олега хлынули звуки и краски — зелень лета, пение птиц, запахи летнего леса. Да, перед ним был самый обычный летний лес. Тесно стояли дубы, ясени, белели стволы нескольких берёзок... Густо разросся огромный — по пояс! — папоротник, почти исчезнувший в средней полосе России. Ярко светило над головой солнце — приземистый бетонный блок, из которого Олег вышел, стоял на большой поляне-вырубке.

Опершись руками о косяки, Олег улыбался. Улыбался глупо и счастливо. Всё в порядке. Он дома. Его зафигачили в какой-то заброшенный центр в лесу — глухом лесу, звуков человеческой жизни совсем не слышно! — но это его мир, Земля. А значит, он выберется. Доберётся домой, даже если он...

Олег застыл с поднятым в небо лицом. Радость сбегала с него, как вода. Мальчишка закрыл глаза, крепко зажмурил их, потряс головой. Открыл глаза снова.

Звёзды. Он видел звёзды в небе. Солнце — и бледные, но чётко различимые пятнышки других звёзд. Над земным лесом в земном небе светили дневные звёзды.

На этот раз Олег не дал себе заплакать, хотя и было такое желание. Он вернулся в подвал и обследовал машину. Понятно было, что его перемещение сюда связано именно с ней... и что она работает. А если она работает — должен быть способ отправить его обратно. И должны быть люди, которые этот способ знают.

Нужно найти друзей Немого. Того человека, который умер на тропинке перед домом. Они знают деда Олега. Они помогут. Не могут не помочь.

А чтобы найти — нужно искать.

— Хватит ныть, — приказал себе Олег вслух. — Никакой пользы от этого нет. И быть не может.

Стараясь всё-таки не смотреть на скелет, Олег подобрал револьвер. Его познаний в оружии вполне хватило на то, чтобы понять — это обычный семизарядный «наган» калибра 7, 62. Барабан у этого револьвера не откидывался, как у американских в фильмах, но Олег быстро нашёл защёлку и убедился, что шесть из семи гнёзд заполнены — в них тускло поблёскивали донца гильз. Сомнение было одно — сохранили патроны свои свойства, или нет? Скелет сидел тут не меньше двадцати лет, это же ясно... Да и маловато это — шесть патронов. Олег обыскал всю комнату, выдвинул два ящика под пультом — там был пепел, но именно среди этого пепла он нашёл жестяную, плотно закрытую коробку. Отбив крышку о край пульта, мальчишка убедился, что тут в самом деле патроны — много, они лежали, завёрнутые в промасленную пергаментную бумагу. Подумав, Олег дозарядил оставшееся гнездо барабана, затем выбросил шесть подозрительных патронов и заново снарядил весь барабан. Остальные патроны — сорок три штуки — он пересыпал в карман джинсов.

Заставить себя обыскать скелет Олег неожиданно не смог. Всё, на что его хватило — снять с кителя (морщась и отворачиваясь) широкий офицерский ремень с большой кобурой. Ремень прошёл в петли джинсов почти идеально, и Олег, уложив наган в кобуру, на миг даже забыл о своих неприятностях — какой мальчишка не мечтает покрасоваться вот так с оружием на бедре?! Он даже попытался несколько раз быстро выхватить наган из кобуры, но очень быстро понял, что армейская кобура — не ковбойская. Крышка мешала.

Олег постоял ещё в нерешительности около скелета, но так и не смог заставить себя слезть в карманы кителя и галифе, хотя и признавал, что там могут оказаться полезные вещи. А потом вдруг подумал, что сидящий в этом кресле знал когда-то его деда. Наверняка знал... Почему он застрелился? Может быть, странные враги, которые летают на вельботах, окружили это здание? Нет, вряд ли — они бы не оставили целыми машины — Олег помнил, как они говорили о том, что уничтожают их... Скорее всего, этот человек просто перестал верить, что можно победить.

— Я дойду! — вслух громко сказал Олег. Подошёл к дверям и, обернувшись в пустое помещение со странной машиной, фашистским плакатом на стене и скелетом советского офицера в кресле, добавил: — И вернусь. Обязательно.

Потом Олег с усилием закрыл за собой дверь — так, чтобы щёлкнул фиксатор, сделал глубокий вдох и решительно зашагал в лес. По прямой от двери.

* * *

По опыту походов Олег знал, как трудно ходить по лесу без тропинок. Этот лес не обманул худших ожиданий мальчишки — приходилось то перешагивать через валежины, то подлезать под рухнувшие деревья, покрытые бородой мха. В конце концов Олег оказался на небольшой лужайке и решил отдохнуть — благо, по ощущению, отшагал часа три, не меньше.

Обстановка располагала к отдыху. Было жарко, душно и дремотно. Солнце скрылось за вершинами могучих деревьев. Сухо, одуряюще пахла трава на поляне, где-то в кронах шумел лёгкий ветерок. Олег стащил с себя мокрую от пота рубашку и плюхнулся в траву у корней огромного, непредставимо толстого и кряжистого дуба. Мальчишка был в мыле и какое-то время наслаждался прохладой, но на потное тело стала собираться мелкая гнусь — бескрылая, но кусачая, она несчётно обитала в траве вокруг.

— Говно с крылышками, — Олег несколько раз хлопнул себя по плечам вынужден был снова влезть в рубашку.

Проведённая тут же инвентаризация карманов ничего не дала. Кроме револьвера, патронов и пульты не было ни фига. Даже часов. Не надел, отправляясь на рыбалку. Так...

Несмотря на укусы, Олег было задремал — ноги гудели... но его разбудил словно бы внутренний толчок. Олег очнулся с тревожной мыслью — куда же ему идти? Лес, глушь. Ни признаков жилья, ни хотя бы свидетельств о том, что тут вообще есть люди. А между тем никто не стал бы ставить переходник — так для себя Олег обозначил арку с прибабасами — в глуши. Ей же пользоваться надо! Значит, где-то поблизости должна быть цивилизация. Или её остатки.

Олег решительно поднялся. Дуб — дерево не из высоких... но с другой стороны, тут кругом почти что одни дубы. Можно взобраться и посмотреть. Вот ещё странность — почему тут вся флора — земная?

Первая попытка влезть на дуб окончилась печально. Подошвы соскользнули, и Олег треснулся о ствол дерева животом и местом, наиболее болезненным для любого мальчишки или мужчины. В довершение всего он грохнулся на задницу.

— У-у-у-у-й-й... — вырвалось у него. Неизвестно, что болело больше — копчик или... хм, промежность. Перетерпев боль, Олег с хмурой решимостью начал разуваться.

Босиком дело пошло на лад — он смог добраться до того места, откуда землю было

видно уже плохо, а ветки истончались. Тут его ждало разочарование — дуб и в самом деле оказался мелковат, хоть и могуч. Всё, что он смог увидеть, был лес во все стороны. Без малейших признаков человеческого жилья. Лишь на севере (если принять за исходные данные, что солнце уходит на запад) вроде бы начинались горы, и местность в ту сторону повышалась...

... Обуваясь, Олег размышлял, куда ему стоит идти. Он находился в положении инопланетянина, оказавшегося на Земле, которому показали клочок местности и предложили найти лучший путь домой. Выбирай, дорогой, что перед тобой — Альпы или Алтай. И не забывай, что это могут быть Апаллачи... Да. Влип.

И всё-таки надо было решать, куда идти. Ной не ной, плачь не плачь.

На севере лес кончается, так, может быть, туда и следует двигать? Может, там живут люди? Не исключено... даже наверняка. Но КАКИЕ люди? Если судить по фильмам и литературе, то хорошие парни — партизаны, сопротивленцы — прячутся именно по лесам. Однако, с другой стороны — и по горам тоже. А если это континент размером с Африку? «С револьвером по лесам» — название для книги...

Кроме всего прочего, Олег хотел есть. И сильно. В грибах и ягодах он разбирался, но пока не видел ничего, достойного внимания. Нет, надо будет пристальней приглядываться...

Олег поднял голову и обомлел. В десятке метров от него поляну пересекал медведь. На секунду у мальчишки возникло странное чувство нереальности происходящего. Словно во сне, мимо него вперевалку двигалась бурая туша, и Олег разглядывал свалившуюся у брюха шерсть, порванное правое ухо, маленький добродушный глаз, слышал смешное похрюкивающее дыхание. Ему даже в голову не пришло взяться за револьвер — медведь показался вдвое больше, чем на самом деле.

Между тем, бурый даже не обратил внимания на мальчика, застывшего у дуба. Лесной медведь не был склочным и плотоядным, как горный... Кусты ещё долго трещали после того, как широкий мохнатый зад со смешным коротким хвостиком скрылся в них. И только тогда Олег перевёл дух... а потом со всех ног рванул прочь, уже не колеблясь, куда бежать. На север — но только потому, что эта сторона была противоположной движению медведя...

... Опомнился он лишь когда споткнулся о рельс и, грохнувшись, понял, что лежит поперёк железнодорожного пути. Два проржавевших рельса держались на редких трухлявых шпалах — рыжие от наполовину съевшей их ржи. Они уходили вправо и влево — единственная колея посреди вплотную подступившего леса.

Грохнулся Олег крепенько. Вдобавок, перепачкался в ржавчине — было больно и противно, а когда он встал, то сделалось ещё и страшно. Пути, уходившие вправо и влево, навевали ужас звонкой тишиной, повисшей над ними. Олег шарахнулся через рельсы, прыгнул вниз с откоса, оказавшегося на другой стороне, покатился, не устояв на ногах, вскочил и почти с облегчением вломился в заросли. Перевёл дух.

Он решил идти вдоль путей, не поднимаясь на насыпь. Железная дорога вела не совсем в нужном направлении, но всё-таки. Олег поправил ремень с кобурой, сорвал травинку, сунул её в зубы и зашагал низом, поглядывая время от времени вверх.

* * *

Первую свою ночь в лесу Олег запомнил навсегда. Так страшно ему не было даже когда в дом начали ломиться неизвестные. И дело было не в темноте — темнота так и не настала, над миром взошёл жуткий, разбухший диск, светили звёзды, ещё один спутник планеты — маленький и синий — быстро бежал над горизонтом на юге. Голову поднимать не хотелось — здешняя луна занимала едва ли не половину неба и давила почти физически.

Страх был растянут на всю темноту. С наступлением ночи лес зажил своей — непонятной и жуткой! — жизнью. Ожили кусты, деревья и трава. Словно лес был единым — и злым! — живым существом, окружившим мальчика со всех сторон.

Это был настоящий ДИКИЙ лес. И не было костра, не было палаток, не было рядом товарищей по походу.

Олег забрался на здоровенный дуб, как только начало темнеть. Ему повезло — на высоте примерно десяти метров сучья расходились венцом, образуя усыпанную листвой и трухой площадку шириной метра в два, на которой можно было даже вытянуться в рост. Тем не менее и тут Олег уснул очень нескоро. Несколько раз ему казалось, что кто-то лезет на дерево. Один раз на соседнем сучке в самом деле появилась смутная тень большой кошки, похожей на рысь. Впрочем, если это и была она, то напасть не решилась и исчезла, бесшумно ступая по веткам. А Олегу это добавило беспокойства. Он уже не выпускал из руки револьвера, мучаясь от страха и голода, вслушиваясь в ночь и не смея поглядеть на небо, тоже казавшееся враждебным...

И всё-таки он уже почти начал засыпать, когда что-то разбудило его. Олег на этот раз сразу же понял — ЧТО. На четвереньках он бросился к краю площадки, встал в рост, придерживаясь за ветки.

Он видел такое в фильмах и хрониках — в сценах ночных боёв. Звуков совсем не было слышно из-за расстояния, но Олег хорошо видел медленный и красивый полёт трассерных пунктиров. Они летели навстречу друг другу, перекрещивались, гасли, возникали вновь... Бой шёл именно в той стороне, куда вела железная дорога... и бой какой-то неактивный. Опыта у Олега не было, но определённые знания он имел и ему показалось, что бойцы немногочисленны и экономят патроны.

Продолжалось зрелище полминуты, не больше. Олег почти забыл про страх — он готов был слезть с дуба и рвануть туда... но бой шёл далеко. Километрах в десяти, если Олег правильно помнил слышимость звуков и учёл ночные условия.

И всё-таки это, как ни странно, приободрило мальчика. Даже голод слегка отступил — и Олег уснул, зарывшись в листву...

... Поднявшийся утром ветер едва не разбудил Олега — он шумел и гудел в густой кроне, раскачивая её. Но мальчишка только повозился, так и не открыл глаза — и продрых до полудня, не меньше! Во всяком случае, когда он проснулся, здешнее солнце стояло у него точно над головой.

Немного побаливало тело — листья и труха только с усталого разлёта показались мягкими. Когда же Олег встал, то еле успел ухватиться за сук; ещё секунда — и полетел бы вниз, так неожиданно и резко, до темноты в глазах, закружилась голова. Во рту появился металлический привкус, ноги ослабели, в ушах зазвенело... и мальчик мгновенно и плавно погрузился в бездонную мягкую пучину настоящего голодного обморока.

Очнулся он быстро — весь в противном поту, со спазмами в желудке. Появился дикий, необоснованный страх, что не удастся спуститься с дерева, и Олег, торопясь, почти слетел на траву. Проблема голода была самой насущной, но не единственной. Если человек, сколько себя помнил, пользовался туалетной бумагой, трудно от него ожидать, что он счастлив будет переучиваться на лопух. Вдобавок, вокруг росла крапива.

Однако, Олег был не полный «чайник» в лесных делах. Он вспомнил, что и крапива, и лопух — следы человеческого жилья, поэтому совсем не удивился, когда фактически уперся в белую стационарную будку, до одурения похожую на будки небольших железнодорожных разъездов Земли.

И сразу же мальчишка понял, что этот дом — нежилой. Окна были выбиты, крыша полуосыпалась внутрь, крапива стояла стеной — почти до этой крыши. От шлагбаума давно ничего не осталось, кроме металлической проржавленной опоры. Дверь тоже была снесена.

Держа револьвер в руке и часто переглатывая, мальчик вошёл внутрь.

Небольшая комнатка была полузасыпана остатками рухнувших крыши и потолка. В углу, на покосившемся столике, Олег увидел остатки примитивного телеграфного аппарата. А около столика, на полу, лежал скелет. Второй — за вторые сутки, только совершенно голый и подрастающий разной животной мелочью. Череп откатился под столик.

Из стенного шкафа — сбоку от столика — с полуоторванными ржавыми дверцами —

почти вывалилась прикованная цепочкой винтовка. Тут же лежали жестяные коробки с патронами, но и они, и цепочка, и металлические части винтовки спеклись в однородную рыжую массу. Досадно... Олег нашёл на полу среди мусора зажигалку из патрона — вернее, то, что от неё осталось. В шкафу отыскались и спички — их головки, внешне сухие, отлетали без намёка на искру, стоило только чиркнуть. Спички, кстати, были земные — с изображением красного маяка, сделанные на фабрике «Маяк» в городе Андропов. Олег никогда не слышал ни такого города, ни такой фабрики, но ясно было, что это где-то в бывшем СССР. Ещё одно доказательство частых контактов двух миров...

Мальчишка прошёлся по комнате, пиная обломки. Лопнувший лист красного шифера с хрустом съехал в сторону, открыв вделанную прямо в пол дверцу — серую от присохшей пыли. Олег присел на корточки и легко открыл её.

Когда-то это был холодильник. Но сейчас всё, что в нём хранилось, уже даже не воняло, а просто высохло по стенкам ровным бурым слоем, в который вкипели куски стекла, жести и бумаги. На последних кое-где ещё можно было различить полную оптимизма коровью морду и надпись «ТУШЁН... ГОВ... » Олег мысленно досказал последнее слово и метко плюнул на коровью рожу, подумав, что, будь эти банки целы, его бы не остановила бы даже мысль об угнездившемся в них ботулиническим токсином. Сожрал бы за милую душу и «гов... », и что там ещё было!

Злой и ещё больше оголодавший, он вышел из здания. На всякий случай обошёл вокруг него, наткнулся на затянутый песком и илом колодец, около которого долго стоял — в сотне метров от колодца железную дорогу переходило небольшое стадо оленей. Рослые, стройные животные со светло-шоколадными лоснящимися шкурами были очень красивы. И только когда последний скрылся в кустах, Олег подумал о них, как о мясе. Но без особого сожаления. Во-первых, он не был уверен, что оленя можно убить из револьвера. Во-вторых, мясо пришлось бы есть сырым, а это...

— Ничего, — пробормотал Олег, ероша волосы, — ничего, скоро ты и сырое будешь точить, как волк. Если так дальше дело пойдёт...

* * *

Вдоль насыпи росли одуванчики. Местами их было очень много и, шагая через солнечно-жёлтые, местами уже пушистые, проплешины, Олег вдруг вспомнил, что как-то слышал — молодые листья одуванчиков можно есть, а корень, если его поджарить — заваривать, как кофе... Ну, корень — это не актуально, а вот листья...

На ходу он нарвал пригоршню молодой зелени, критически рассматривая каждый листок. Есть хотелось очень, и Олег решил — подышал зачем-то на один, наиболее симпатичный, и сунул в рот...

... Одуванчики оказались умопомрачительно горькими. Олег жевал их, давясь и отплёвываясь, думая, что, кажется, листья тоже надо как-то обрабатывать, только он не помнит — как... Голод заглох, но не ушёл совсем — торчал где-то неподалёку, готовясь к новой атаке, следил за парнем, и Олег, всё ещё отплёвываясь от мерзкого привкуса, подумал уныло, что на травяной диете он долго не протянет. Придётся охотиться. Он никогда не делал этого с револьвером, да и мысль о том, что нужно будет есть сырое мясо, по-прежнему вызывала отвращение, несмотря на голод.

Подумав об этом в очередной — бессчётный — раз, Олег вдруг сбил шаг и тупо посмотрел на кобуру своего револьвера. Медленная, довольная и глуповатая ухмылка расплзалась по его лицу, он прищёлкнул пальцами и тихо выругался. Блин, да какой же он идиот! Досада на себя мешалась с радостью от неожиданного открытия. Он же всё время носит огонь у себя на поясе! Самую настоящую зажигалку, для которой всего и нужно немного постараться — найти сухой травы или тонких сухих палочек... Огонь же можно развести выстрелом из револьвера!

Шагать сразу стало веселее, словно костёр уже горел и над ним жарилась кабанья туша. Голод ещё какое-то время тащился следом по кустам, потом тихо убрался, поняв, что Олег ему не компания. Великая вещь, чёрт побери, Огнестрельное Оружие! Парень даже начал бухтеть на ходу песню «Наутилусов», казавшуюся наиболее подходящей к обстановке:

— *Последний поезд на небо отправится в полночь
С полустанка, укрытого шапкой снегов.
Железнодорожник вернётся в каморку,
Уляжется в койку, не сняв сапогов...*

Дальше не пелось. Дальше было про чьё-то фото, и Олега снова подмяли мысли о доме. Он попытался было представить себе, что, как в детских книжках, которые он ещё недавно запоем проглатывал, время на Земле и здесь идёт неодинаково — вот он вернётся, а там, дома, всё та же ночь, и родители ещё не вернулись из Тамбова...

— Перестань пороть эту слюнявую чушь, — сквозь зубы процедил Олег сам себе.

И — назло опять-таки самому себе! — погромче запел по-английски из «Чижа и Ко» — про самолёт, ковыляющий во мгле на последнем крыле...

... Родник он обнаружил в паре километров от переезда, под насыпью. И что интересно — родничок был выложен тонкими гранитными плитками, а сама струя воды «взята» в трубу из выдолбленного куска дерева. Тут же висела на сучке кружка, аккуратно и умело свёрнутая из бересты.

Олег напился и умылся. Что о ручейке заботятся — было ясно. Неясно — кто. Он ещё раз осмотрелся вокруг, подражая следопытам из фильмов.

И — к своему собственному немалому удивлению — нашёл след.

Неясно было, впрочем, чем этот след ему может помочь. Но Олег изучил его добросовестно. Плоский, как от кроссовки или кеда, без какого-либо рисунка, но вполне человеческий. Теоретически Олег знал, что с человеческим следом можно спутать медвежий, поэтому особо внимательно поискал штрихи от когтей — их не было. Да, здесь прошёл человек. Олег решил попробовать применить то, чему его учили в походах — просто ради интереса.

Ну, куда шёл — понятно. А вот когда? Ощущая себя спецназовцем, отслеживающим врага, и сам немного посмеиваясь над этим чувством, Олег посмотрел вокруг. След был всего один — человек, наверное, пил и случайно поставил ногу на островок мокрой глины у родничка. Та-ак... Длина ступни равна примерно 1/7 человеческого роста. Длину своей босой ноги Олег знал — 25 сантиметров. У этого следа длина оказалась под тридцать! Даже с учётом того, что он был обут, рост получался около ста девяноста сантиметров — гигант. Вспомнился Немой — он тоже был рослый. Может, они тут все такие? Да нет, на фотках вроде были нормальные, вернее — разные... Так, теперь — когда оставлен след. Олег потёр указательным пальцем бровь, вспоминая признаки, по которым даже сдавал зачёт. А, вот! Влажная земля... След ещё чёткий, но на дне уже есть мелкая, тонкая паутинка трещинок. Солнце светит прямо сюда с самого утра... Больше шести, меньше десяти часов.

Олег вздрогнул и, вскинув голову, огляделся. Его шуточное расследование дало нешуточный, определённый результат — не так давно тут в том же направлении, что и он сейчас, проходил человек! Рослый, обутый в непонятную обувь. И неизвестно, что собой этот тип представляет. Может, это местный вариант Чикатилло?

Так. Олег напился снова и пошёл дальше — уже ничего не напевая, держа револьвер наготове...

... На ходу мелкая кусачая гнусь не приставала. Правда, летали тут здоровенные оводы, но их легко было отгонять, и Олег, с наслаждением раздевшись до пояса, закрутил рубашку вокруг бёдер. Стало легче, а то на припёках было жарко до умопомрачения. Похоже, здесь тоже лето, как на Земле. Ему повезло — хорош он был бы в джинсах, кроссовках и рубашке зимой! Олег старался держаться под деревьями, не выпуская из вида дорогу, но в то же

время отгородившись от неё кустами, чтобы его не заметили сразу в случае чего.

Может быть, именно поэтому он и сам не сразу заметил то, над чем трудилась стая ворон. Они с карканьем взлетели с насыпи, почувствовав приближение мальчика. Вопли и хлопанье крыльями при этом стояли такие, что Олег вскинул голову — и замер. Он стоял, широко расставив ноги и держа револьвер стволом в землю — высокий русоволосый мальчишка с мгновенно расширившимися серыми глазами и приоткрытым ртом.

Вороны, мрачно каркая, расселись на ближайшие деревья, ожидая, когда же уйдёт человек, согнавший их с плотного завтрака. На насыпи — в два ряда, вдоль рельсов — стояли вкопанные столбы, похожие на букву Т. На каждом висели по два человека. Голые, со скрученными за спиной руками, они были повешены за шеи, и верёвки тихо поскрипывали. Скрип был многоголосым и вкрадчивым. В насыпи косо торчала прибитая к доске палка с надписью глаголицей.

Олег не сдвинулся с места. Раньше он видел такое только в кино. Нет-нет, он знал, что были войны, Освенцим, инквизиция, что есть чеченские бандиты, что в Косово убивали сербов... но всё это было ДАЛЕКО. Или в пространстве, или во времени. В Тамбове ничего такого не было. И быть не могло. И даже если совершалось убийство — никому не приходило в голову выставлять его результаты напоказ. А здесь...

Трупы ПАХЛИ. Даже со своего места Олег видел, что ни у кого из повешенных уже нет глаз, многие были обклёваны местами почти до костей, практически у всех были съедены пальцы, губы, уши, носы, половые органы...

Страшным усилием всего организма Олег удержал в себе немного съеденное. Он понимал, что надо, необходимо отвести глаза и уйти как можно скорее. Но не мог сдвинуться с места.

Крайний из трупов неожиданно развернулся на верёвке, натянутой, как струна. Чёрные ямы глазниц смотрели на замершего под насыпью мальчика, зубы смеялись, оскаленные из-под остатков губ. Оскаленная, смеялась татуированная во всю грудь цветными красками морда рыси.

Казалось, труп смеётся над ужасом мальчишки.

Олег поперхнулся. Попятился, не сводя глаз с повешенного. Карканье ворон звучало, как смех. Олег опрометью бросился в лес.

Вовремя! Станный гулкий треск, похожий на треск повреждённых, закоротивших проводов ЛЭП, рухнул на просеку дороги. Олег остановился среди деревьев — и, задрав голову, увидел в просветах между ними плывущую на высоте не больше тридцати метров огромную и страшную машину.

Она была больше самого большого пассажирского самолёта, но двигалась медленно, как вертолёт, ведущий поиск. Треск то нарастал, то становился слабее. Похожая на вытянутый треугольник, машина имела пёстрый, маскировочный верх и белёсо-голубое брюхо — брюхо выловленной рыбы. Почти во всё это брюха распростёрся странный рисунок золотой краской — крылатый сидящий лев держал в поднятой передней лапе меч с волнистым лезвием. В нескольких местах брюха виднелись зеркально поблёскивающие овалы иллюминаторов — именно это слово первым пришло Олегу на ум. А с левого и правого борта круглились по пять выступов, странно похожих на паучьи яйца. Из них торчали короткие, косо срезанные чёрные кожухи, дырчатые, как у гигантских пистолет-пулемётов ПППШ. Ещё один — вытянутый — выступ занимал всю хвостовую часть, «основание треугольника». Из него ничего не торчало.

Чудовищный аппарат бесконечно проплывал над прогалиной — как звёздный крейсер в голливудском фильме, который тянется и тянется через экран... Олег стоял неподвижно, без мыслей, ощущая только одно — какой он крошечный и жалкий по сравнению с этим чудовищем. И даже когда аппарат исчез, Олег, не двигаясь, ждал, пока утихнет звук — он метался над просекой от дерева к дереву, подобно электрической искре...

Часа четыре Олег шёл, не решаясь вернуться к дороге... но, как он надеялся, параллельно ей. Однако, когда — ближе к вечеру — мальчишка попытался вернуться на пути, у него это не получилось.

Олег сбился с направления.

Собственно, эта мысль его не слишком напугала. Заблудиться больше, чем он уже заблудился, было просто нельзя, невозможно. А направление он теперь определить мог довольно легко. Кроме того, Олег был уверен, что наткнулся на следы ночного боя — точнее, расправы победителей над пленными — и опасался встретить врага (почему-то парень был уверен, что победил «враг», а повешенные — партизаны). Страх от увиденного помешал ему сообразить, что трупы выглядят совсем не свежими, да и слишком близко место казни от того дуба, на котором он ночевал — он бы не только увидел трассера, но и услышал бы выстрелы.

Короче, Олег продолжал упорно забираться в чащу, уверенный, что спасается от близких врагов. Он решил зайти подальше, а там снова сориентироваться и повернуть на север, к горам. А пока надо было думать о еде и располагаться худо-бедно на ночлег.

С едой ему неожиданно повезло. Почти сразу после того, как мальчишка начал думать о ночлеге, ему под ноги из-за большого куста метнулся заяц. Олег бы в жизни его не увидел — просто чуть не наступил на зверька. Сперва Олег оцепенел, но, на его счастье, сделав два больших прыжка, заяц припал к траве. Парень, царапая ногтями вслепую кобуру нагана, открыл её — он не сводил глаз с зайца — и бабахнул самовзводом.

Звук завяз в лесу, только эхо что-то прокричало в ответ. Заяц молча подскочил на месте, дрыгнул длинными задними лапами и замер в траве снова — но уже мёртвый. А Олег думал только об одном — что патроны оказались годными.

Заяц был крупный, тяжёлый, и рот у Олега наполнился слюной. Он уже не раз охотился и знал, как свежевать, потрошить и разделывать добычу, хотя эта мерзкая работа у него никогда не вызывала воодушевления. Но сейчас перед ним стояла куда более серьёзная проблема, чем отвращение.

У него не было ножа.

Теоретически Олег знал, что надо делать. Но практически... практически это было ещё более гадко, чем обычная разделка. Вздыхнув, Олег подцепил зайца за лапы и пошёл искать воду, внутренне готовясь к тому, что предстояло сделать, чтобы поесть...

... Вообще-то ему продолжало везти. Он нашёл одновременно и место для ночлега — и воду. Подходящий дуб рос в тридцати шагах от ручейка, проложившего себе путь среди травы и мха.

Бросив зайца на траву, Олег стащил рубашку, ещё раз благословив этот мир за то, что он обошёлся без комарья. Морщась, поднял зайца, осмотрел его, словно это что-то меняло и от внешнего осмотра он мог превратиться в готовый полуфабрикат.

Противно было — непередаваемо. Олег попробовал на себя разозлиться. Не получилось, хотя есть хотелось очень. Кривясь и стараясь не смотреть, начал ломать заячью лапу — заднюю. Когда кусок лапы с остро поблёскивающей кромкой розовой кости остался у Олега в руке, мальчик сделал им круговой надрез повыше задних лапок зайца и, запустив в надрез, под кожу, пальцы, начал стягивать её, как перчатку, к голове и хвосту, пока она не слезла полностью — довольно легко, кстати. Решительно взявшись за голову зверька, Олег начал откручивать её, глотая кислую слюну. Руки у мальчика были в крови почти до локтя, кое-что попало на грудь и лицо. Говорят, что кровь — ценный продукт, который можно и нужно пить, но заставить себя это сделать Олег не мог.

С облегчением бросив на траву открученную голову, Олег сжал освежёванную скользкую тушку повыше желудка, вскинул руки над головой и сделал сильное движение — словно рубил топором дрова. С коротким чавкающим звуком внутренности зайца вылетели через зад. Облегчённо отдуваясь, Олег опустил тушку в ручей, собрал все остатки,

разбросанные вокруг, чтобы потом прикопать, и начал мыться. К отвращению — постепенно, кстати, проходившему — добавилось чувство гордости. Он первым же выстрелом подбил зайца. И разделал его, не имея ножа. Теперь оставалось развести костёр...

Очевидно, сегодня у него был удачный день. Уже через десять минут материал для костра был собран — от растопки до сухих сучьев, чтобы поджарить добычу — а ещё через пять минут Олег подкладывал в пока ещё робкое пламя, бледное в последнем дневном свете, веточки покрупнее, насвистывая что-то оптимистическое. Поднявшись, Олег с удовольствием посмотрел на огонь, весело взбирающийся по дровишкам, и отправился за рубашкой и зайцем.

... Волк стоял на другом берегу ручейка, задумчиво глядя в воду. Конечно, он не отражением любовался — его интересовал странный водоплавающий предмет, даже в таком состоянии пахнувший мясом. Конечно, зверь издалека почуял человека, но не сдвинулся с места — только поднял большую голову, и Олег, выйдя на берег, встретил взгляд его жёлтых, неожиданно печальных и мудрых, глаз с расстояния в пять метров.

Волк знал правду жизни — вот что читалось в его глазах. Всё живое на свете существует, чтобы есть и быть съеденным. И на этот раз он проиграл, не почуяв за волнующими запахами ещё один. Запах мёртвого — и в то же время живого! — предмета, который человек выхватил из кобуры. Запах револьвера. Волк не знал слов «кобура» и «револьвер», — но знал этот запах. Означавший, что человек — сильнее. Он не двинулся с места, не попытался бежать — гигантский серый зверь, чья голова пришлась бы на уровень Олеговой поясицы, встань они рядом. Волк стоял и смотрел на человека — в его глаза, а не на оружие в его руке.

Олег знал, что с такого расстояния не промахнётся. Успеет всадить в голову хищнику не одну, а три или четыре пули раньше, чем тот прыгнет через ручей. Не промахнётся, не промахнётся...

Ему совсем не хотелось стрелять между этих жестоких и красивых глаз, смотревших со спокойной человеческой храбростью.

— Давай так, — услышал Олег свой голос и не удивился тому, что говорит с волком. — Я забираю рубашку и тушку. Остальное — тебе. Я понимаю, что тебе это на один зуб, но мне тоже надо есть.

Волк по-собачьи склонил голову к плечу — смешным коротким движением, вслушиваясь в человеческую речь. Олег сделал шаг вперед, присел на корточки, не сводя всё-таки глаз со зверя, выловил заячью тушку из воды. Потом подцепил свою рубашку, висевшую на кустах, локтем прижал к боку и начал пятиться. Волк остался неподвижен, только провожал Олега глазами, пока тот не скрылся в зарослях.

... В эту ночь Олег лёг спать по-настоящему сытым, хотя несолёное мясо быстро перестало казаться вкусным. Остатки зайца мальчишка оставил около затушенного костра и несколько раз слышал ночью, устроившись среди ветвей дуба, как кто-то внизу похрустывает и потрескивает косточками.

Вообще ночь прошла очень плохо. И дело было не только (да и не столько) в звуках под деревом, и даже не в том, что Олег не нашёл такой же хорошей развилки, как в прошлый раз, и вынужден был спать, фактически сидя на толстом сучке. Он засыпал, просыпался — было страшно, в сон вламывалось то, что он видел на насыпи, трупы открывали безгубые рты, что-то шептали, тянулись руками, даже гнались за ним по лесу, а револьвер то ли не срабатывал, то ли просто не мог убить уже убитых... Под утро, когда дул рассветный ветер и только-только села за лес чудовищная луна, Олег проснулся окончательно — замотанный снами, со вкусом рвоты во рту и больным животом. Он хотел сразу тронуться дальше, но поопасался ночных хищников, которые как раз должны были возвращаться в свои логова, — и ещё почти час просидел на сучьях, прежде чем спуститься и продолжать путь...

Солнце перевалило за полдень, когда Олег снова вышел к железной дороге.

Он сел на рельс и плюнул. Похоже было на то, что он ухитрился заблудиться и теперь начал ходить кругами. Или это не та дорога? Внезапно стало совсем всё равно. Олег вытянулся на насыпи, ощущая ни с чем не сравнимое блаженство. Солнышко пригревало... А, пусть всё прахом идёт. Он не сдвинется с места, пока не отдохнёт как следует! Всё сразу поплыло, закружилось перед закрытыми глазами, навалилось — нервное напряжение, полубессонная ночь, переход с самого раннего утра... Олег сам не заметил, как уснул.

Снился почему-то спортзал фехтовального клуба. Занимались гимнастикой — как обычно, в спортивных трусах и босиком. Поддувало по ногам из дверей. Странно — никогда не было такого... Олег сделал батман — ноги почему-то очень ныли — и увидел себя в зеркале напротив: в одежде и с револьвером в кобуре. По ногам продолжало противоестественно дуть.

Олег с усилием проснулся — словно из липкой паутины выдрался. Ноги, кстати, болели на самом деле, а солнце село за деревья. И по ногам дуло.

— Бред какой-то, — пробормотал Олег, садясь и подтягивая ноги. И тут же процедил: — Вот это фишка...

Подошва левой кроссовки на носке протёрлась. Правой — лопнула по центру. И без того поношенные «пумы», надетые на рыбалку, не выдержали многокилометрового перехода по лесу.

От неожиданного огорчения глупо защипало в носу. Впрочем — так дли уж глупо? Ясно же, что скоро эта дрянь развалится совсем. Что тогда? Плести лапти? «— Вы умеете играть на рояле? — Не знаю, не пробовал... » Абсолютно пропало желание куда-то идти, что-то делать, вообще шевелиться. Кончено. Ему только четырнадцать, если уж на то пошло (ещё несколько дней назад он подумал бы — почти пятнадцать), и он имеет право устать и отчаяться...

Вот только имеет ли?

Олег медленно улыбнулся, словно улыбка требовала физического усилия. Похоже, не имеет он такого права... Да и не в этом даже дело — имеет, не имеет... Просто тут всё куда проще, чем дома. Хочешь — борись и живи. Не хочешь — только сложи руки... и всё, кранты. Тобой пообедают вороны и старый дружбан серый волк. Не побрезгует.

Он вдруг вспомнил... нет, не отца и не маму, по которым продолжал тосковать. Он вспомнил снимки — снимки в кабинете деда, где он, ещё не старый, снят на фоне крепостей, гор, лесов этого мира. Всё это где-то тут ЕСТЬ. И его дед здесь БЫЛ. И не важно, что Олег не помнил своего деда живым. Просто... просто такое родство, оно ОБЯЗЫВАЛО. Олег понимал свои собственные мысли очень смутно, они не формулировались. Но сидеть тут было нельзя, даже если он останется в одних трусах... или вообще с голым задом. Надо идти. Не важно, что не знаешь — куда. Не важно, что нет ни ножа, ни зажигалки. Не важно, что разваливаются кроссовки, что снова нечего есть, что в этом мире вешают людей и что тебе просто страшно... или даже ОЧЕНЬ страшно. Надо вставать и идти. Потому что надежда даётся лишь тем, кто в пути.

«Дорогу осилит идущий!» — вспомнил Олег невесть где читанные или слышанные слова. Повторил их вслух и встал.

Интерлюдия. «Антипсалом».

*Блажен, кто жизнь перешёл вброд,
Не зная иного пути.
Блажен, кто других загонял в гроб,
Чтобы за гробом идти.*

*Блажен, кто чувствовал горечь во рту,
Вкушая липовый мёд.
Блажен, кто святую свою простоту
Использовал, как пулемёт.*

*Блажен, кто боролся против себя
И пал в неравной борьбе.
Блажен, кто смог любить, не любя,
Кто выжил в толпе и в себе.*

*Блажен не тот, у кого ни гроша,
А тот, кто осилил дорогу.
Блажен, кто понял — его душа
Нужна ему, а не богу. ⁸*

* * *

На этот раз он ночевал не на дереве. Не потому, что не нашёл подходящего — просто хотелось нормально вытянуться на земле в рост и выспаться. Буквально за полчаса до ночлега Олегу повезло — наткнувшись на болотце, заросшее рогозом, он натащил целую кучу похожих по виду на бананы корней этого растения и набил ими желудок. Не мясо, конечно, но и не одуванчик. А около самого места ночлега попались под ноги, когда ходил за дровами, восемь здоровенных, крепких, не червивых белых грибов. Несолёные они были никакие, но после них и рогоза есть уже не хотелось.

Из ночи тянуло сыростью, лес вновь угрожал всеми своими звуками, но у огня страх притупился. Олег лежал спиной к костру, лицом в темноту. К опасности лучше всего находиться именно лицом, а за спиной иметь надёжного друга — в данном случае — огонь. Эти философские мысли напомнили Олегу о Вадиме. Как он там? Наверное, тоже ищет пропавшего друга. Рассказал в милиции о разговоре и рыщет по разным подозрительным местам... Лучше бы он был здесь, подумал Олег и тут же обругал себя скотиной. Нет, такого желать нельзя.

Он долго не засыпал. Не от страха, нет. Напряжённо — и спокойно — парень думал о том, что ему делать дальше. Может быть, в первый раз за всё время пребывания тут — спокойно. Куда можно придти, держась железной дороги? К населённому пункту. А кто их тут контролирует? Нет, лучше не рисковать. Надо опять углубляться в лес, ориентируясь с деревьев на горы. Почему-то Олег был уверен, что именно там найдёт помощь.

* * *

Правая кроссовка развалилась около полудня. Лопнувшая подошва отлетела полностью, и Олег вынужден был остановиться. Довольно долго он сидел на траве (сырой, кстати; земля стала болотистой, местами попадались бочажки с чёрной, торфяной водой), хмуро созерцая скончавшуюся обувь. Потом реанимировал её довольно оригинальным способом — мушкой нагана вырезал из куска берёзовой коры подошву и прикрутил её к кроссовке свитой из травы верёвочкой. Идти было можно, хотя теперь промокали обе ноги — в левую кроссовку вода лилась уже давно через протёртый носок.

⁸ Стихи В. Коркия.

Местность резко менялась. Оводы исчезли, и это было просто здорово. Но дубы и ясени исчезли тоже — стояли негусто мрачные чёрные ели, перемежавшиеся какими-то кустами с почти круглыми алыми листьями — похоже, это было первое на самом деле инопланетное растение, увиденное здесь Олегом. Среди кочек стыли лужи серой воды, лежали тут и там мёртвые, гниющие деревья. Впереди скрипела какая-то птица — монотонно и однообразно; других голосов, ставших уже привычными, не слышалось. Солнце грело, и от земли поднималась влажная духота — колебалось белёсое марево. Стоило мальчику остановиться — ноги проваливались по щиколотку.

Олег понимал, что забирается в болото, но упрямо шёл вперёд, надеясь, что оно вот-вот закончится. А местность понижалась, деревья мельчали и приобретали всё более болезненный вид, как это обычно и бывает на болоте. Наконец, он провалился по бёдра. Выбрался и, словно проснувшись, оглянулся вокруг.

Нет, не очень-то было похоже, что болото скоро кончится. Тяжело выдохнув, парень вытер мокрым рукавом рубашки такое же мокрое лицо. Назад идти было тошно. Вперёд — убийственно, он видел, что дальше начинается уже настоящая топь — гнилая вода, из которой палками торчали мёртвые деревья. На большой кочке сидела жаба с бугристой, неприятной кожей.

Олег снова провёл рукавом по лицу и повернулся, чтобы всё-таки шагнуть назад. И замер, нашарив револьвер.

Из болота поднимались... руки. Длинные, похожие на сухие ветки, тонкие — но с загнутыми птичьими когтями на пальцах. Пальцев было по три — суставчатых, гибких. Руки зашарили по гнилой воде. Нашупали мёртвую лесину, напряглись, вытягивая из трясины... что?

Облизнув губы, Олег быстрым шагом, не глядя по сторонам. Прошёл мимо жутких рук и зашагал прочь. Не оглядываясь и напряжённо слушая, как позади булькает, ухает и стонет. Только вернувшись на относительную сушу, он позволил себе посмотреть через плечо.

Позади никого не было. Олег даже усомнился, существовало ли он на самом деле то, что он видел, или он стал жертвой галлюцинаций — от духоты и болотных испарений. Проверять это не хотелось, и он решил идти краем болота. Куда-нибудь, да выйдет...

... К его удовольствию, этот ход оказался правильным. Болото резко поворачивало, и скоро вокруг вновь были дубы, шуршал папоротник да иногда рос отдельными маленькими рошицами сумрачный тис — дерево английских лучников, это Олег твёрдо запомнил ещё с уроков истории в шестом классе. Вот жаль, что он не умеет делать эти луки — пригодилось бы. Да что там — и стрелять он не умеет тоже, хотя видел, как ребята из Юркиного клуба били в цель у себя в зале...

Кроссовки и джинсы были в грязи. Идти так стало противно — грязь сохла, стягивала кожу и воняла тухлятиной. Поэтому у первого же ручья мальчишка начал отмывать обувь. Поставив её на солнце, он кое-как отстирал — а точнее, отмыл — джинсы, после чего выстирал носки, тоже расстелил всё это на траве и, сидя на корточках, умылся. Выше по течению из того же ручья совершенно безбоязненно пили несколько ланей или косуль — не поймёшь. Мальчишку они даже не замечали, а он, не поднимаясь с корточек, долго следил за ними, раздумывая, стоит ли подстрелить одну. Пока раздумывал, они смылись.

Вода в ручье была холодной и прозрачной, как стекло, на дне серели и чернели мелкие камешки. Мыть в такой воде ноги было даже как-то неудобно. Но Олег всё-таки вымылся, вздрагивая и нервно смеясь от холода, а потом вытянулся на траве, заложив руки под голову и глядя в небо.

Вечерело. Впервые за всё время, что о тут находился, на небе появились тучки — небольшие, подсвеченные розовым, — а сам и синие и от подсветки казавшиеся почти чёрными. Картина была красивой, но немного угрожающей, словно небо готовило большую неприятность.

Чтобы оторваться от мрачноватой красоты, Олег сел и, скрестив ноги, устроился удобнее — трава колола икры и бёдра. Впервые в жизни он занялся чисткой револьвера.

Смазывать механизм было нечем, вместо ветоши он использовал сухую траву, накрученную на палочку.

Мальчишка решил заночевать тут же, на берегу. Почистив оружие, он, осторожно ступая босиком по сучкам и траве, отправился на заготовку дров.

... Около костра джинсы и носки высохли быстро, и Олег с удовольствием оделся — неожиданно похолодало. Снова повезло с грибами — соорудив из них нечто вроде шашлыка, Олег вполне наелся и сейчас, сидя у огня, ворошил дрова палочкой, размышляя о завтрашнем дне. Он уже понял, что не стоит думать о доме или загадывать далеко вперёд. Когда глаза стали закрываться сами, Олег сунул палочку в костёр и, вздохнув, улёгся рядом, спрятав руки в карманы джинсов...

... Он проснулся от удушья и ужаса. Что-то тяжёлое давило сверху, слышались мерзкие причмокивания, хрип и сопение. С усилием выдрав себя из пучины кошмара, Олег застонал... и понял, что это — не во сне!!!

Кто-то навалился на него. Холодное, липкое касалось лица и шеи. Ужасный затхлый запах, непохожий на запах живого существа, ударил в ноздри. Олег задышался от этой вони. Шею резануло жгучей болью, и парень, вскрикнув, начал бороться — чисто инстинктивно, стараясь сбросить с себя нападавшего. Странно, но он не ощущал ни тепла, ни живого запаха, ни дыхания животного. Только странный сип и хлюпанье.

Ледяные РУКИ — не лапы! — словно наручниками, опоясали запястья мальчишки. Шею снова полоснула боль. Олег, стиснув зубы, ударил нападающего коленом, поддел, швырнул через себя. Тварь оказалась неожиданно лёгкой и перелетела через голову мальчишки, словно пенопластовое чучело.

Выхватив наган, Олег вскочил, готовый драться за свою жизнь. Что-то капало на рубашку; мазнув рукой по больному месту на шее, в свете луны и звёзд мальчишка увидел на ладони кровь!

Костёр потух, но всё того же природного света хватило, чтобы разглядеть поднимающееся существо — высокое, тощее, длиннорукое, в каком-то балахоне. Белые глаза-плошки — без зрачка, без радужки! — щурились. Тонкие губы на отвратительно получеловеческом лице кривились, обнажая длинные иглы клыков. Снова — похрюкивание, посипывание...

— Вампир! — вырвалось у Олега. Тварь переместилась в сторону — но она не бежала, а лишь уходила от света луны, бывшего в жуткие глаза. Балахон на ней, как различил Олег, оказался крыльями — кожистыми крыльями летучей мыши. Справа в темноте тоже что-то зашевелилось — Олег краем глаза увидел две такие же тени, они подбирались сбоку осторожными, неслышными шагами.

«Их можно... только серебром. А тот, кого укусили... сам...», — заполошными обрывками метнулись мысли в голове Олега. С нечленораздельным криком вскинув наган, он выстрелил почти в упор между белёсых глаз.

Тварь упала сразу, с какой-то готовностью, почти бесшумно. Олег повернулся, но две других исчезли так же незаметно и тихо, как и появились. В этом фильмы врал — свинцовая пуля брала вампиров ничуть не хуже, чем серебряная.

Шею саднило, но страх начал проходить — толчками, временами возвращаясь. Олег почувствовал, что дрожит. Дрожит так, что зубы лязгают.

— Ну и райончик, — выдавил он. — Хуже Гарлема, наверное...

Он снова прикоснулся к шее и передёрнулся, представив себе, как эта гадина, пока он спал, пила его кровь. Интересно, много ли успела выжрать? Обрадовалась, наверное, такому передвижному буфету... Если их свинец убивает, то, может, и остальное тоже фигня — насчёт превращения, если укусила? Надо бы прижечь...

Не переставая оглядываться по сторонам, Олег подошёл к кострищу. Там ещё тлели несколько угольков. Мальчишка, помедлив, подобрал сухую веточку из запасённых, подпалил её об угли и, задув, повёл тлеющий уголёк к шее. Опустил руку, ощутив жар. Поднял снова и, прошипев: «Давай же, трус!» — приложил огонёк к месту укуса на ошупь.

Выдержал секунду — отшвырнул ветку и, постанывая, завертелся на одно месте.

— Сволочи, — выдавил он наконец, — ещё хоть одного увижу — кончу, пощады не ждите!

Потом, с остервенением затоптав одной ногой костёр, Олег зашагал в ночной лес. Остаться на месте этого привала его не заставила бы даже многомиллионная премия.

* * *

На покосившийся плетень Олег наткнулся примерно через полчаса и какое-то время тупо брёл вдоль него, пытаясь понять, что за странные кусты. Когда же до него дошло, что это плетень, Олег замер, превратившись в слух. Потом осторожно — очень осторожно — подлез под него, оказавшись... на огороде. Да, на вполне обычном огороде, где даже в полутьме легко опознал помидорные кусты, рассаженные в художественном беспорядке и подвязанные к лучинкам.

Олег с завидной сноровкой хлопнулся в ботву и выставил перед собой револьвер. Кругом было пусто и тихо. Но впереди — непонятно, далеко или близко — горел огонёк. Неярки и красноватый, рассечённый буквой Т.

Это могло быть только человеческое жильё. Свет напоминал с одной стороны окно какой-нибудь ведьминской избушки, с другой — столь любимые недавно ещё восхищавшим Олега писателем Крапивиним образы. Олег колебался. Шея болела, воображение подсовывало ему картину помещения, где сидят некие бородатые и добродушные личности с оружием, варят кашу с салом и, конечно, не откажут голодному, укушенному мерзкой тварью и одинокому мальчишке в убежище. Другая — более трезвая! — часть воображения рисовала наёмных убийц-вешателей или вообще какую-то нечисть. Да и потом — если это даже партизаны, то кто мешает их часовым отрезать ему голову ещё на подходе, не утруждая себя выяснением того, кто это там ползает в ботве по их помидорам? Или ещё круче — взять его живым и начать аккуратненько заправлять щепки под ногти... или, вынув из печи всё ту же кашу с салом, посадить его на место каши голым задом или поджарить у домашнего огонька пятки, пытаясь узнать, кто он такой НА САМОМ ДЕЛЕ... и не рассказывай нам, юное дерьмо, про иные миры, а скажи-ка лучше, кто тебя послал, и получишь — так и быть! — лёгкую смерть...

Олег лёжа кусал ноготь. Было прохладно. Сумрачные тучи ползли через огромный угрюмый диск луны. И Олег сделал величайшую глупость. Он даже не попытался заглянуть в окно, а просто подошёл к покосившейся избушке, крытой камышом, отыскал дверь и, толкнув её, шагнул внутрь.

Навстречу каше с салом и партизанскому гостеприимству. Уж больно тошно было на улице, когда рядом человеческое жильё.

Дверь распахнулась сразу и без скрипа. Олег увидел большую комнату. В её углу, около вделанного в приземистый очаг из обожжённой глины котла, возилась напоминавшая ворох тряпья старуха. У стены стояла большущая кровать — или лавка, не поймёшь. Между нею и входом позицию занимал стол, на котором среди пустых тарелок тут и там горели кривобокие свечи. А за столом в самом деле сидели трое бородачей. Правда, без оружия и каши. Здоровенные, в грязных белых рубашках серого цвета и синих штанах; Олег созерцал подошвы их мягких сапог, очень похожие на ту, что оставила след возле родника под насыпью. Точнее он понять не смог — все трое вскочили, в свете свечей блеснули ножи — и Олег ещё удивился, увидев копии того, найденного в мезонине деда, только не такие ухоженные. Старуха развернулась и оказалась морщинистой ведьмой «без верхнего предела» — удивительно было, как она не рассыпается от сквозняка из двери. Рот ввалился, нос наоборот обрёл доминирующее положение на лице, рога странного головного убора торчали вверх, как заячьи уши. Похоже, версия с ведьмой оправдывалась. Все четверо молча таранились на Олега, пока он, не в силах больше выносить затянувшееся молчание, не

поздоровался:

— Мир вашему дому, добрые люди.

Последовал общий обмен взглядами, ножи опустились. Старуха закаркала так, что Олег испугался, прежде чем понял — она смеётся. Но дальнейшее развитие событий вообще выбило почву у него из-под ног. На классическом русском языке ушасто-рогатое недоразумение закаркало дальше:

— Молодой бойра зашёл на огонёк в наше скромное жилище! Молодой бойра, не будьте так вежливы, мои сыновья пугаются этого до того, что пачкают штаны, а где мне стирать на трёх таких верзил... Садитесь, молодой бойра, и не трудитесь называться — никому это тут не интересно... Сейчас я подам.

Остатки сил у Олега ушли на то, чтобы сохранить самообладание. На какой-то миг ему перекошило мозги — он был убеждён, что находится где-то в Сибири. Старуха, всё ещё каркая(этот звук очень напомнил Олегу ворон над насыпью!), повернулась к котлу, мешая в нём. Олег подошёл к столу и сел на выдвинутый навстречу табурет — мощное трёхное сооружение из дубового спила.

Бородачи продолжали изучать его. Тот, что сидел в центре, рассматривал Олега внимательней других, а потом, поднявшись, согнулся в поклоне и вышел. За ним последовал другой. Самый младший по виду остался сидеть, лениво зевая во всю волосатую пасть.

Олег, если честно, и сам не знал, почему начал прислушиваться.

Может быть, от общей напряжённости... Говорили те двое очень тихо, но, как и у всех подростков, слух у Олега был острее, чем у взрослых.

— ... не знаю, — шептал, похоже, старший, — может, он за ней пришёл и они из одной брашки.

— Он ещё щенок, — возражал младший.

— У него огненный бой. Настоящий.

— Может, ещё не заряжен... Давай скрутим его и отдадим Капитану в Трёх... в Виард Хоран.

— Ты дурак. Капитан возьмёт и его, и наши головы, чтобы мы никому не разболтали о том, что его выжлоки затравили не всех... Нет, если уж не отпускать его, то лучше оставить себе. Он весит больше трёх пудов, молодой и нежный...

— Хорошо, давай сделаем так... Будет запас.

Олег ощутил ужас. В висках заколотилась кровь; к счастью, он не успел ничего подумать, потому что иначе додумался бы до неконтролируемых воплей. В голове металась туда-сюда только одна мысль: «Вот так заглянул на огонёк... »

Те двое вошли обратно. И не сели, а встали у входа.

— За ночлег и еду надо платить, бойра, — сказал старший. Средний нехорошо скалился.

— Если вы не даёте этого бесплатно, я могу уйти, — ответил Олег, стараясь, чтобы голос не дрожал. Неожиданно появилось понимание то-го, что от его хладнокровия зависит сейчас одна простая вещь — останется ли он жив. От абсолютного, полного хладнокровия... Удивляясь сам себе, Олег, пользуясь тем, что повернулся к двери боком, расстегнул кобуру.

Все трое захохотали, и старуха присоединила своё карканье к их смеху.

— Ты не понял, бойра, — ощерился старший. Это была не улыбка — оскал зверя, почти такой же страшный, как у волка, и такой же мерзкий, как у вампира. — Мы тут прячемся уже месяц. Мы истосковались по хорошей еде и женщинам... Правда, вчера нам повезло, но надолго этого не хватит. А ты очень красивый. И молоденький — не надо закрывать глаза, чтобы представить себе, что ты девка. Я даю слово — если ты нас ублажишь как следует, то в ближайшие дни мы обойдёмся прошлой добычей.

— Если мы тебе не нравимся — можешь зажмуриться, — сказал сбоку младший, и Олег мысленно поблагодарил его за то, что он напомнил о себе. Внутри мальчишки всё скрутилось в тугой ком ужаса и отвращения. Он понял, что сейчас упадёт в обморок... и это будет гибель. Поэтому он запретил себе падать. «Ты знал, что тут не рай, — услышал он в

глубине сознания свой собственный голос. — Поэтому давай, дружок. Спасайся. И не веди себя, как девочка... иначе скоро ей и станешь... а потом превратишься в суп и бифштексы. »

— Так как, бойра? — спросил старший, доставая нож. Вместо ответа Олег быстро встал и шагнул к стене так, чтобы видеть сразу всех четверых. Наган оказался в его руке словно бы сам собой — никто больше даже не успел пошевелиться. Глаза мужиков стали расширенными и испуганными.

— К ним. Быстро, — не узнавая своего голоса, приказал Олег, чуть шевельнув стволом в сторону младшего.

— Да, бойра. — губы у него дрожали, он повиновался мгновенно. — Ради милости богов, не стреляйте, бойра...

— Он у тебя не заряжен, — процедил старший. — Пустая игрушка.

— Брось нож, — приказал Олег...

... Нож с гулом, похожим на гул вентилятора, пролетел по воздуху и со стуком ушёл в стену качнувшегося влево мальчишки. Одновременно Олег выстрелил — рефлекторно нажал спуск. Он увидел распластавшееся над столом в прыжке тело и выстрелил в него второй раз, в упор, увидев, как рыжее пламя расплоснилось о грязную ткань рубахи, обугливая её.

Грохот. Треск. Младший бросился к выходу — слепо выставив руки. Олег выстрелил ему в спину, потом — в четвёртый раз — в чёрную тень — и полетел на пол, сбитый тяжёлым ударом. Упал по-борцовски — на локти.

Старший полз к нему. Нижняя челюсть отвисла, изо рта лилась кровь — чёрная, как дёготь, голова моталась.

— Ыыы... ыак, — завывал он, и Олег ощутил, как пальцы сомкну — лись на его щиколотке — так, что, казалось, хрустнула кость. Мальчишка дёрнул ногой — кроссовка слетела, — быстро подогнул под себя ноги, по-ворачиваясь юлой на мягком месте, приставил ствол ко лбу врага и нажал спуск.

Из затылка старшего ударила тугая струя крови. Опала. Пробитая голова ткнулась в пол, в быстро расплзающуюся лужу.

Олег вскочил мгновенно, шарахнулся от этой лужи. Станный терпкий запах — запах крови — наполнял комнату. Застыла у котла старуха. Среди обломков стола лежал, разбросав руки и ноги, средний из троицы, его рубаха на груди дымилась. Младший корчился на полу — подволакивая ноги и правую руку, скрёб доски левой. Пуля пробила ему позвоночник у крестца.

Олег задумчиво склонился над полом. Открыл рот. И почти с облегчением начал блевать, думая только об одном — не заблевать себе ноги. Но всё равно брызгало — уже желчью из пустого желудка — на джинсы, на кроссовку, оставшуюся на ноге, на носок... Потом, шатаясь, он подошёл к углу, где в ведре темнела вода, долго полоскал рот. Им овладело тяжёлое равнодушие, он не понимал, почему старуха воеет, ползая по полу от тела к телу, обнимает их и целует. Потом она завизжала, потрясая кулаками:

— Ты убил моих детей! Проклят будь! Будь проклят! Чтоб ты не мог умереть — хотел и не мог! Убийца и ублюдок убийц! Горский пёс! Выкидыш рыси! Чтоб ты не мог умереть, даже если станешь просить об этом всех богов! Проклят будь! Пусть Морана приготовит тебе ложе, холодное, как труп и вечное, как моя боль! Ты убил моих детей!

— Они хотели меня изнасиловать, а потом зарезать, как свинью, и съесть, — Олег сплюнул. — На что ты жалуешься, идиотка?! Я должен был дать им с собой расправиться?!

— Да! Должен был! Должен! — старуха била кулаками в пол, головной убор слетел, седые пряди мотались вокруг её страшного лица. — Они были добрые! Добрые! Добрые — мои дети, мои сыно...

Она внезапно вскинулась, перекосила рот и без единого звука кучей тряпья повалилась на пол. Теперь уже настоящей кучей тряпья — совершенно безжизненной.

— Инфаркт. Вредно волноваться в её возрасте, — пробормотал Олег и на миг испытал острое отвращение к самому себе — только что убившему трёх человек. Но разжевать эту мысль он уже не успел, потому что услышал стук.

* * *

Сперва Олегу показалось, что размеренно и целеустремлённо барабанят в дверь. Натянутые нервы отозвались, как гитарные струны — не сводя с неё глаз, парень откинул защёлку барабана, выдвинул шомпол, начал поспешно выколачивать гильзы, чтобы перезарядить оружие и встретить ночных гостей огнём, кто бы они ни были. Но не успел он затолкать в освободившееся гнездо первый длинный цилиндр патрона, как понял — стучат не в дверь, а где-то за его спиной.

Олег повернулся, готовый встретить нападение. Удары продолжались — и он наконец понял, что они несутся из-за кровати, а точнее — из-под неё. Впечатление было такое, что кто-то колотит ногами в доски пола, как во входную дверь.

Сунув револьвер в кобуру, мальчишка подошёл к кровати и, взявшись обеими руками за край, потянул на себя. Кровать повернулась неожиданно легко. Если был Олег был любителем былин, он бы нашёл сравнение — примерно так действовала ловушка, в которую пытались поймать Илью Муромца во время его знаменитых трёх поездок. Но Олег этой былины не читал — он увидел просто люк в полу, даже дверь скорее, запертый на металлическую вертушку. Это люк вздрагивал от ударов. Кто бы там ни был — его дух заключение не сломало.

Олег снова достал револьвер и, ногой откинув вертушку, предусмотрительно шагнул в сторону. Очень вовремя — изнутри по люку вlepили особенно мощно, он со страшным грохотом откинулся, ударившись в стену, и Олегу открылась прямоугольная гробоподобная яма, аккуратно обшитая досками. В этой яме лежал человек — свет свечей был рассеянным, падал косо, и Олег не мог толком понять, что он собой представляет, этот пленник людоедской семейки. Человек дёргался, а короткое яростное мычание дало Олегу понять, что у него ещё и рот заткнут. В крышку своей «камеры» он лупцевал связанными в щиколотках и под коленями ногами — Олег успел заметить, что пленник босой и удивился силе ударов.

— Сейчас вытащу, — пообещал Олег, но почти сразу передумал.

Не убирая револьвера, он отломил от прикипевшего сала одну из свечек с остатков стола и наклонился над ямой. — Только сначала посмотрю, кто ты такой. И если ты мне не понравишься — извини, оставлю здесь. Уже поздно, я устал драться и стрелять...

Пленник ответил Олегу яростным взглядом, яснее ясного говорившим о такой постановке вопроса, но дёргаться и мычать перестал. Это оказался мальчишка — ровесник Олега, может — чуть помладше, тоненький и не очень широкоплечий, одетый в серовато-зелёную то ли рубаху, то ли куртку с широким рукавом и капюшоном, поверх которой держался распахнутый на груди жёсткий на вид кожаный жилет, доходивший до пояса. Мешковатые штаны — того же цвета, что и рубаха — задрались до колен длинных сильных ног. Цвет волос и глаз Олег понять не мог, но лицо было симпатичное, даже красивое, немного похожее на лица со старых икон. Только там лица не бывают такими перекошенными от злости. Впрочем... Олег вспомнил слова этой нечисти, которую уложил, о том, что им вчера повезло, о прошлой добыче — и ещё раз запоздало содрогнулся от омерзения и гнева. Теперь он совсем не жалел этих тварей. Они не колеблясь надругались бы и над этим парнишкой, и над ним самим, а потом просто съели бы.

— Ладно, ты мне нравишься, — сообщил Олег. — Ну-к...

Он спрыгнул в яму и, одной рукой выдернув кляп, другой попытался приподнять пленника. И отшатнулся. Когда он просунул руку под плечи и помог ему приподняться, прямо в ладонь попала... коса. Не очень длинная, но мощная, в руку толщиной. А ещё через секунду он заметил и кое-что другое — под распахнувшимся жилетом и под рубахой.

— Бли... девчонка! — вырвалось у Олега так искренне-удивлённо, что злобная гримаса на лице шлёпнувшейся обратно девицы превратилась в невольную улыбку:

— Аэвяы уи, — сказала она, и Олег сперва решил, что это на чужом языке (как и положено!), но потом понял, что это было всего лишь «развя-жи руки», только очень онемевшими губами.

— Ага, сейчас, — бормотнул он и, неловко убирая револьвер (девчонка смотрела на оружие непонятно), выбрался наружу, за одним из тяжёлых ножей. Когда он вернулся, девчонка уже сидела на дне, подогнув под себя связанные ноги. Она гримасничала — разминала губы и челюсти.

Олег подсунул кривое лезвие под верёвочные стяжки (верёвка была лохматой, толстой и жёсткой), приготовился резать, но нож рассёк верёвку с одного движения. Девчонка выдвинула ноги — а длинные и сильные ноги у девчонки вызывают у нормального мальчишки совсем иные ощущения, чем такие же у пацана... короче... фу ты, чёрт...

Не сводя глаз с Олега, девчонка попеременно неловко тёрла себе то запястья, то щиколотки, то под коленками. Глазищи у неё были синие, как второй спутник этой планеты, а волосы — светло-русые, как у самого Олега. А тот крутил в пальцах нож, пока не порезался. Чертыхнулся, бросил его на край ямы, прижал палец к джинсам. Он не знал, что говорить. Спасённому мальчишке, пусть и незнакомому, он бы нашёл, что...

Девчонка тяжело поднялась, села на пол. И вдруг вскинулась, верхняя губа её приподнялась, как у зверя, она посмотрела на Олега вспыхнувшими глазами:

— Это ты побил их? — спросила она быстро, и Олег отметил, что она говорит похоже на то, как говорил Немой — по-русски, правильно, но в то же время — есть в речи что-то чужое. — Ты побил их всех?

— Я, — буркнул Олег, тоже поднимаясь на ноги и выскакивая из ямы. — А что, тебе их очень жаль?

— Жаль?! — девчонка смерила Олега горящим взглядом и засмеялась. Смех у неё оказался звонкий и недобрый. — Жаль, очень жаль, что они мертвы. Я бы хотела, чтобы они были живы. Тогда бы я их убила... — пока Олег переваривал это заявление, девчонка ещё раз потёрла запястья, поморщилась и требовательно спросила: — Какого ты рода? Какого ты племени? И как зовут тебя?

— Ну... — Олег пожал плечами. — Фамилия у меня Марычев... я русский. А зовут Олег.

— Вольг, — переименовала девчонка. — А что такое фамилия? И чей ты, как ты сказал?

— Ничей, — сердито ответил Олег. Ему показалось, что они всё-таки говорят на разных языках. — Ты лучше объясни мне, какого пальца у вас тут все говорят по-русски и что это за место?

— По-русски? — с искренним недоумением переспросила девчонка, вылезая из ямы совсем и становясь напротив Олега. — Что за слово? А место обычное. Не очень хорошее, правда. Но всё спокойней, чем юг... Постой, ты, должно, городской? Беглец? Ты не с Ломком?

— Чего? — беспомощно спросил Олег. Девчонка посуровела:

— Нет, ничего... Меня зови Бранка, — она подумала немного и добавила: — Бранка Званова из Рысей. Благо тебе, Вольг, что спас меня от сильничанья и смерти позорной. И благо, что эту нечисть, — она сплюнула в сторону лежащих трупов, — в темноту отправил, чтоб им оттуда не выйти, пока солнце светит!

Она оттолкнулась от стены и по-хозяйски, без брезгливости, переступая через трупы и лужи крови, подошла к очагу. Девчонка напомнила Олегу — очень живо! — Наташку, девчонку с «Динамо». Такая же решительная и энергичная, только Наташка одевалась лучше, а Бранка... Бранка красивее, определил Олег откровенно. И подумал, что девчонка ему нравится.

— Нашлось! — негромко, но радостно воскликнула Бранка, вытягивая наружу мешок вроде солдатского «сидора» — с завязкой в горловине. — Попрятали, пакость...

Она достала, деловито раздёрнув горловину, широкий кожаный пояс, пробитый частыми рядами металлических клёпок. Справа на поясе висел уже хорошо знакомый Олегу

нож в ножнах, слева — большой гребень и шестиконечный крест в круге. Бранка, удовлетворённо сопя, застегнула пояс поверх рубахи, снова зарылась в мешок. Смотреть на неё было почему-то очень приятно. Точнее — Олег знал, почему. Как уже было сказано, девчонка ему понравилась. Бранка тем временем достала и ловко, двумя неуловимыми движениями, вплела в волосы на висках большие подвески — Олег с немалым удивлением узнал свастики, только концы были заломлены не под прямым, а под тупым углом. Волосы надо лбом Бранка перехватила вышитой повязкой — вышивка была очень сложной, узорчатой, сине-красно-золотой.

Сделав всё это, девчонка откровенно перевела дух и что-то прошептала, протянув руку к танцующему в отверстии очага огню. Олег стоял, как свадебный генерал, следя за её действиями. А Бранка уже обувалась в странную обувь — сперва Олегу показалось, что это просто куски шкур, но она как-то обернула их вокруг ног на манер портянки и затянула ремнями — под коленями, крест-накрест по голени, вокруг щиколотки и вокруг ступни. Получились эдакие сапоги до колен. Бранка притопнула и снова сунулась в мешок. Теперь она достала кiset, который привесила к поясу рядом с ножом. И только после этого извлекла топор и арбалет со стрелами — Олег вытаращил глаза.

Топор был на недлинной — в руку — рукояти, стянутой ремённой оплёткой и металлическими кольцами. Полотно — небольшое, скруглённое и оттянутое вниз, к топорищу — уравнивалось крюком. Арбалет оказался большой, с удобным, винтовочной формы, прикладом, металлическими узорными накладками и почти автоматным затвором — коротким рычажком справа. Сам лук закрывал чехол из кожи, колчан тоже был натуго закрыт крышкой, на которой мастерская рука изобразила оскаленную голову рыси.

— Классная вещь, — похвалил Олег арбалет.

— Как? — нахмурилась Бранка.

— Хороший арбалет, — поправился Олег.

— Что-что? — девчонка смотрела на него почти неприязненно.

— Вот это. — Олег ткнул пальцем, тоже рассердившись. — Это — хорошая штука, говорю!

— Это не штука, а самострел, — поправила Бранка. Вдохнула и сказала: — А, всё одно — с огненным боем не сравнить. Удачливый ты — свой на поясе носишь.

Она пристроила самострел и колчан за спину, а топор — на бок, в петлю на ремне. Взглянула на Олега:

— Как будем? — спросила она, глядя прямо в глаза — Олег смешался. — Если своя дорога у тебя — разойдёмся, добра друг другу пожелав. Если некуда тебе идти — можешь и со мной. Только в тот раз сперва уж будь ласков — расскажи, кто ты да откуда, да не басни, а правду, чтоб знала я — зло с собой не приведу.

— С тобой — это куда? — спросил Олег в ответ. Бранка махнула рукой:

— На полночь в горы, к моим. К Рысям. Неблизкий путь, ну да не первый раз. Скажешь о себе — иль пусть каждый свою тропу топчет?

Олег вздохнул. Сумасшедшие дома — есть ли они тут?

— Вот что, Бранка, — решительно начал он, заставив себя тоже смотреть в глаза девчонке. — Я тебе расскажу, кто я и откуда, а ты решай, с собой меня брать — или звонит на ближайшую станцию «скорой». Дозвонишься — ноги тебе расцелую...

* * *

Олег уже слегка привык к чудесам и странностям. Поэтому как-то не очень и удивился, когда Бранка восприняла его рассказ без какого-либо недоверия. Заинтересовалась, поразилась — несомненно. Но недоверием здесь и не пахло. Когда Олег кончил говорить, она покусала кончик косы и заявила:

— Что ж — ничего такого тут нет. Тогда тебе непременно идти со мной сулилось. Один пропадёшь, как куть слепой. А у нас старики есть, да и не чтоб старики, так они помнят большое взмятие, что на шестнадцать третьем году Беды было, когда лесовики да горожане поднялись против данванов да выхлоков их из Ханна Гаар, да против своих пережё-тов... Тогда и наши с гор воевать ходили, и от Анласа большое исполнение прискакало. И ваши были всему головой. Они и огненный бой привозили, и много чего... Только данваны сильнее оказались. Побили всю нашу силу на Чёрных Ручьях, — Бранка пристально посмотрела как бы сквозь стену и негромко, нараспев, сказала:

*— Были Чёрные — стали Красные,
Кровью потекли струи быстрые.
Кровью изошли люди смелые.
На крови взошли травы нагусто,
Схоронили те травы навеки
Мысли вольные наши о волюшке,
Мечты сладкие да победные...*

С тех пор подмяли данваны и леса, и города южные, только в горы наши не добрались, — глаза её опасно сверкнули. — Ну да мы не хитрованы-горожане и не лесовики неповоротли-вые! Мы свою свободу не сменяем и не проспим...

— Кого-то я час назад из кладовки доставал. Упакованную в верёвки и с кляпом во рту, — невинно сказал Олег. — Ты не знаешь, кто это был, о отважная горская воительница?

Бранка хлопнула глазами (с густющими, длиннющими, пушистейшими ресницами — девчонки в школе удавились бы от зависти коллективно, увидев такое!), открыла рот обиженно... и засмеялась:

— Ко времени ты меня пристыдил, Вольг, — чуть поклонилась она.

— Разболталась я языком, как церковный колокол...

— Ладно, — отмахнулся Олег. И спросил: — А... раньше? Ну, до шестидесят третьего года Беды — раньше тут людей с Земли не было?

— Не слыхала, — покрутила головой Бранка. — Хотя старики иной раз говорят, — она помолчала, припоминая, закончила неуверенно, — говорят, что люди много раз ходили туда-сюда. Только я не помню в точности. Они тебе расскажут. Может, и как вернуться, путь укажут. Может, и знакомцев деда своего повстречаешь. Пойдёшь ли?

— Пойду, — согласился Олег, подумав, что выхода у него всё равно нет. — Погоди, Бранк... А кто такие данваны?

Глаза девчонки потемнели. Она коснулась пальцами висков — словно у неё болела голова, и только потом Олег понял — она касалась свастик, отгоняла зло. Здесь, в этом мире, со знаком свастики не было связано того зла, которое знали в мире Олега. Но, похоже, тут было своё Зло. Как знать — может быть, такое же страшное... Мальчишка даже думал, что Бранка не ответит, так долго она молчала. Но она заговорила:

— Мы — славяне. Горцы, лесовики, горожане с юга. За лесами далеко на закат и на полдень, в степях и своих лесах, живёт народ Ханна Гаар — многочисленный и жестокий, поклоняющийся восьмилепому чудищу Чинги-Мэнгу. А если идти на закат и полночь — придёшь к ледяному морю, за которым Анлас, земли конных дикарей — воинственных, но не злобных, жестоких, но честных. Это — Мир. Он таким был всегда, и если где-то есть другие земли, мы не знаем о них, Вольг с Земли... Но есть синяя звезда Невзгляд. Она бежит над землёй, и чем дальше на юг — тем выше поднимается в небо. Давным — давно оттуда пришли данваны. Без-ликие. Безголосые. Они покорили Ханна Гаар, а потом вступили на наши земли... Так в Мире кончился — мир. У нас не любят вспоминать об этом. Могущество их ужасно и велико. Кое-кто говорит даже, что данваны убили всех Сварожичей и нет теперь у нас небесной защиты... — Бранка горько вздохнула, спохватилась, с вызовом сказала: — Мы, горцы, не верим! Верят многие на юге и даже меняют веру в наших богов на веру в бога

Христа, которую привезли данваны и которая учит терпеть и молиться на своих мучителей... Тем, кто не противится им, данваны многое дают, но в обмен забирают душу, — Бранка посмотрела на Олега и призналась: — Я не знаю, как это может быть, но так говорят те, кто убегает к нам с юга. Данваны могут летать по воздуху. У них у всех — огненный бой, и они дают его своим выжлокам из Ханна Гаар и предателям с юга... Там мало осталось тех, кто сопротивляется. А мы немногочисленны, наши племена разбросаны по горам... Анласов данваны сживают со свету колдовством, говорят, те вовсе уходят со своих земель, потому что там испортились вода и воздух... Люди с вашей Земли пытались нам помочь, но я говорила уже, что не вышло...

Олег молчал. Вот чем занимался дед, офицер в отставке! И, значит, таких, как он, было немало. И, судя по всему, не только русские... Мальчик мысленно усмехнулся — всё развивалось по канонам фантастического жанра. Но потом он вспомнил виселицы на насыпи. И свои ощущения, когда летучий корабль давяще и бесконечно плыл в небе.

Для других — фантастика. А для него — реальность.

Чтобы сбить мрачные мысли, он спросил:

— А ты что делала в лесах?

— Мы ездили менять хлеб у лесовиков, — ответила Бранка. — Два десятка человек. В горах хлеб плохо родится, но у нас есть соль и драгоценные камни, ещё кое-что... Капитаны данванских крепостей мешают нам, а с тех пор, как они ещё продвинулись на полночь, к горам, стало совсем трудно... Выжлоки из Ханна Гаар выследили нас и напали ночью два дня назад. Их было больше двух сотен, у каждого пятого — огненный бой. А у нас — только у четверых. Мы рассеялись по лесу. Я долго шла, пока не попала в ловушку — в сеть. Ставили на косылу, ввалилась я... — она скривилась, словно лимон укусила. И Олег, не удержавшись, спросил:

— Знаешь, что такое лимон, Бранк?

— Знаю, — не удивилась та, — плод такой мелкий, жёлтый с зеленцой... Чай с ним пить хорошо.

— И чай знаешь? — искренне поразился Олег. — А картошку?

— Бывает год — так только ей и спасаемся, — рассеянно сказала Бранка — она уже явно думала о чём-то другом, оглядываясь по сторонам. А Олег неожиданно весело подумал, что ему это нравится. В смысле, такой разговор. Никаких тебе: «Эвон, зри, Вольг, мизгирь потёк!»⁹ — и прочих баян и понеже. Правда, с языком всё-таки непонятно, ну да это успеется.

— Благо, напомнил про еду, — пробормотала Бранка, снова нагибаясь за «сидором». — Порыщем давай, что тут, в этой норе, из еды найдётся.

— Здесь?! — Олег невольно передёрнулся. — Да ты что?! Это же людоеды!

— А вот, — Бранка ловким пинком отбросила крышку ранее почти крышку ранее почти невидимого ларя в углу, устроенного так же, как тот, в который её бросили. — Вот и картошка, и морква... А вот сухари. Иди, нагружай, а я крошно подержу.

— Вещмешок? — переспросил Олег, подходя. — Рюкзак, ранец?

— Крошно, — Бранка тряхнула мешком. — Вообще крошно из лыка плетут, да лыковыми одни старики пользуются, что говорят, как раньше всё лучше было.

— У вас тоже? — удивился Олег, садясь на корточки и нагребая не очень крупную, но крепкую прошлогоднюю картошку. — Не такую музыку слушаете, и все заморочки у вас чумовые?

Он нарочно пустил в ход жаргон, которым обычно, чтобы не унижать себя, не пользовался. Смысл Бранка уловила и, ловко отправив в крошно мешок с чем-то угловатым — сухарями, наверное — сказала:

— Жил давно князь Вячеслав, при котором первые города выстроили. Может, тысяча

⁹ Вон, смотри, Олег, паук побежал! (искаж. древнерусск.)

лет тому прошла, может — больше... Прежде как умирать, велел Вящеслав вырезать по камню надпись плача своего по делам тем, которые не задались в его жизни. Камень Вящеславов до сих пор стоит — знаешь, что первым там написано?

— Догадываюсь, — Олега разобрал смех. — Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Никогда они не будут походить на молодёжь прежних времён и не сумеют сохранить того, что мы им оставим.¹⁰

— Ясно, — понимающе ответила Бранка, — как небо в хороший день. «Горе старости моей! Нет в молодых почтения и вежества. Я им говорил: «Иди!» — и шли в корчму, им говорил: «Думай!» — и думали о серебре. Кому оставлю сделанное и кровью политое?» Это мой дед часто повторяет. А прадед мне было сказал тишком да со смехом, как в прошлое время он деда-то лозой сёк и говорил: «Не гуляй, не гуляй!»

— У тебя и прадед жив? — спросил Олег, вертя в руках репку.

— За сотню перевалило давно, — беззаботно ответила Бранка. — Думал было помирать, да не собрался — живёт всё.

Эти слова слегка покорибили Олега. Бросив репку обратно, он по-интересовался:

— А отец и мать?

— Отец сгинул, — Бранка отвернулась. И замолчала. Олег тоже молча перебирал овощи. Ему вдруг стал очень плохо — подумалось, что для родителей он тоже сейчас «сгинул» — и как они там?.. — Меньше думай, — послышался голос Бранки, и мальчишка, вскинув голову, увидел её сочувственные глаза. — Тебе у нас плохо не будет, право. А там и домой вернёшься. Человек всё может, коли сильно захочет. А много будешь о том думать — недолго и ума лишиться.

— Спасибо, — заставил себя усмехнуться Олег. И под руку ему попала банка. — Это... консервы?

— Они, — подтвердила Бранка, и Олег уже не удивился, что она знает слово. — Й-ой! — вырвалось у девчонки. — Данванские!

Она запустила руки в картошку, достала ещё две банки. Они были высокие, цилиндрические, по килограмму, не меньше, каждая, из серебристого металла с многоцветным рисунком, нанесённым прямо на него — на белоснежной скатерти дымились обложенные зеленью куски мяса, красиво сервированные на шестиугольной тарелке. Ниже шла надпись из штрихов и точек.

— Ты понимаешь, что написано? — поинтересовался Олег. Бранка неуверенно кивнула, водя пальцем по строчкам, прочла:

— Свэс биуд. Стиер ун лаур. Кейнон ана милн... Это значит — ну... домашняя еда. Говядина с луком, разогреть... А вот, на крышке — драган ворн, потянуть кольцо. Чтoб открылась, в смысле... Это хорошо, что они нам попались. Брать можно без опаски, а хватит на несколько дней...

— А далеко до ваших мест? — задал Олег давно мучивший его вопрос.

— Дней пять, — Бранка смерила Олега взглядом и поправила: — Седмица.

— Можешь на меня так не смотреть, — слегка обиженно ответил Олег. — Пойдём на равных. Увидишь. И крошно я понесу. Как мужчина.

Бранка вдруг звонко рассмеялась — сейчас её смех совсем не походил на тот, каким она смеялась, увидев трупы врагов.

— Благо тебе! — выдохнула она сквозь смех. — Не держи обиду, Вольг. Ты сейчас был похож на Гоймира. Так похож!.. — и она снова залилась. Олег невольно улыбнулся, потом засмеялся тоже.

— Кто такой Гоймир? — спросил он сквозь смех.

— Вы с ним ровесники, — ответила Бранка. — Ты повстречаешься с ним, когда дойдём.

¹⁰ Олег цитирует надпись времён Древневавилонского Царства — 3 тыс. лет до н. э. примерно.

«Он твой парень?» — хотел спросить Олег. И эту мысль перебила другая — он ЧУТЬЁМ понял, что слово «когда» Бранка употребила не в смысле времени. А как синоним слова «если».

* * *

Кроссовки Олега окончательно развалились днём, когда Бранка объявила привал. Именно в этот самый момент Олег почувствовал, что идёт босиком и шлёпнулся на траву под крепкий граб с серебристой трещиноватой корой. Он честно нёс крошно (кстати, не так уж и тяжело, туристские рюкзаки были куда как тяжелее) и не отставал от девчонки, хотя это оказалось очень трудно. Бранка была легка на ногу — впервые в жизни Олег увидел человека, который шёл по лесу быстро и совершенно бесшумно — словно плыл над землёй.

Бранка присела рядом — разведя колени и свесив между них руки, на корточках. Её лицо стало озабоченным.

— Развалились.

— Угу, — буркнул Олег, рассматривая остатки своих кроссовок.

— Нельзя по лесу в шитых ходить, — просветила его девчонка.

— Нельзя... Как я дальше-то пойду? — Олегу не хотелось казаться перед Бранкой нытиком, но он и в самом деле ощущал досаду — острую, почти до слёз. — Босиком я не смогу, не умею я!

— Давай я тебе свои отдам, — предложила Бранка без насмешки.

Олег почувствовал, что краснеет и грубо ответил:

— На хрен надо.

При одной мысли, что он возьмёт обувь у девчонки, а она пойдёт босая, Олегу стало стыдно. Размахнувшись, он запулил остатки кроссовок в кусты. Лицо Бранки построжало:

— Нельзя так! — резко сказала она. — Надо зарыть, да и дёрном прикрыть. Плохо оставлять за собой следу. Хоть какие. Кто забывает про то — недолго на свете заживается.

Без единого слова Олег поднялся и пошёл в кусты, откуда притащил свои кроссовки. Сев на траву, стянул с ног носки, тоже протёртые до дыр, затолкал внутрь обувки. Бранка, ловко орудуя топором, уже рыла ямку.

— Да будет земля вам пухом, — пробормотал Олег, следя за её действиями. — Вы верно мне служили, товарищи.

— Так возьмёшь обувку? — повторила Бранка, аккуратно закрывая место захоронения заранее срезанным пластом дёрна. — Я же вижу — ты и впрямь босой далеко не уйдёшь.

Она повернулась и посмотрела на Олега. На загорелом лбу девчонки поблёскивали капельки пота — жарко ей в кожаном жилете...

— Ну и как ты себе это представляешь? — с отчаяньем спросил Олег. — Дойдём мы к твоим. Я в твоих сапогах. Ты босиком. Все от хохота коней двинут... умрут, одним словом, в смысле.

— Я без обувки не останусь, — отмахнулась Бранка и, присев, начала разуваться. — Сейчас отдохнём немного, поедим и пойдём дальше. Дождь скоро станет. Хорошо, следы наши вовсе замочет.

— Дождь? — Олег поднял голову к небу в проёмах крон, на котором и следа не было от вчерашних тучек. — Откуда?

— Добрый дождь, — невозмутимо повторила Бранка. — Смотри, как стрекозы летят — кучно, низко, крылышками часто бьют... К дождю. Доставай там хоть моркву, погрызём...

— Я бы, если честно, от мяса не отказался, — Олег в самом деле почувствовал, что очень голоден. — Есть же консервы.

— А вот вечером рыбу половишь, я поохочусь — будет мясо и рыба, — обнадёжила Бранка. И тут же подозрительно спросила: — Ты рыбачить умеешь?

— Я даже охотиться умею, — ответил Олег.

— Ты заряды береги, — посоветовала Бранка. Посмотрела на свой самострел, лежащий рядом на траве. — А с самострелом сумеешь?

— Дело нехитрое, — Олег, доставая морковь, с сожалением посмотрел на банки с аппетитными рисунками. А повернувшись, увидел, что Бранка сняла жилет (он стоял на траве — именно стоял, словно кожа была продублена до жёсткости металла, как кираса) — и теперь стягивала через голову рубаху. Смешно было ожидать, что под нею окажется лифчик. Олег отвернулся, чувствуя, как сердце прыгнуло вверх и заколотилось где-то в горле.

— Позагорать решила? — спросил он хрипло, надеясь, что Бранка не заметит перемен в голосе.

— Нет, обувку тебе мастерить буду... Возьми, чего в сторону глядишь?

Она подошла, неслышно ступая по траве и, нагнувшись, положила рядом с Олегом свои шкуро-сапоги. При этом она нагнулась, и Олег увидел то, от чего отворачивался — крепкую тугую грудь, покрытую таким же восхитительным ровным загаром, как и остальное тело. Мысли заскакали, как монстрики в компьютерной игре. Олег перевёл дыхание, словно боялся, что Бранка услышит его — слишком громкое и неровное.

ТАКОГО он не видел никогда, если конечно не брать в расчёт телик, видео и печатную продукцию. Но весь объём виденного (в том числе — и вполне похабного порно, что уж греха таить!) мерк перед теми несколькими секундами, когда Бранка была рядом. А она совершенно спокойно уселась на травку, скрестив ноги, достала свой нож и принялась ловко отпарывать страшным лезвием рукава у рубашки (или куртки, Олег не мог понять до сих пор). При этом девчонка что-то мурлыкала без слов, а потом спросила:

— Ты знаешь какие песни? Только не для войны, их наши часто поют, тяжело слушать.

Она не стала объяснять — почему, а Олег, удивлённый вопросом, повернулся, забыв о виде Бранки. Девчонка смотрела на него ясным взглядом, и он рассердился на себя. Да что такое, в самом деле?! Она же неизвестно что про него может подумать — непохоже, что сама Бранка как-то неудобно себя чувствует, а он смотрит в сторону и краснеет, как морковь, которую они только что грызли! Ну девчонка. Ну красивая. Ну голая, так ведь только до пояса! И вообще, что в этом странного или неприятного?!

— Знаю, только я петь не умею, — наконец ответил Олег.

— А ты всё одно — спой, — попросила Бранка. — Какие у вас поют. Мне любопытно.

Она с усилием надпарывала крепкие нитки, то и дело кидая на Олега выжидающие взгляды. Тот снова находился в смущении. Вряд ли она поймёт «Нау» или ДДТ, а если попробовать вспомнить что из вьёвшейся против своей воли в память попсы, то эта девица чего доброго решит, что все жители Земли давно помешались. «Может, так и есть, » — отметил про себя Олег, но тут же безо всякой связи с этой мыслью вспомнил начало песни Высоцкого «Про несчастных лесных жителей». Высоцкого обожал слушать отец Олега, мама тоже любила, ну и мальчишке передалась некоторая увлечённость песнями этого архаичного для его времени барда. Правда, множество песен, приводивших в восторг родителей, Олегу были не очень понятны, но имелись и другие — о, так сказать, вечных вещах.

— Вот, — немного неуверенно протянул Олег, — одна... Только предупреждаю — когда я в походах пел — лесники от инфаркта помирали и медведи с деревьев осыпались.

Олег наговаривал на себя. Конечно, Вадим пел лучше, а тот же Юрка — гораздо лучше, но и у Олега был вполне приятный голос. Обычный мальчишеский дискант, местами ломающийся. Бранка выжидающе и подбадривающе молчала, и Олег, быстренько пробежав в памяти куплеты песни, набрал — для решимости — в грудь побольше свежего лесного воздуха и начал, посматривая на вершины деревьев:

*— На краю края земли, где небо ясное,
Как бы вроде даже сходит за кордон,
На горе стояло здание ужасное,
Издаля напоминавшее ООН.*

*Всё сверкает, как зарница,
Красота,
Но только вот: в этом здании царица
В заточении живёт...*

Он распелся, излагая душераздирающую историю — строчки припоминались сами собой. Но примерно со слов «и начались его подвиги напрасные» Олег обратил внимание на реакцию Бранки и чуть не подавился очередной строчкой. Бранка слушала совершенно серьёзно! Она воспринимала шуточную песню, как былину о подвигах неизвестного ей богатыря Ивана! Конечно, некоторые, а то и многие слова былины ей были непонятны, но общий смысл — вполне ясен. Олег так обалдел, что даже не расхохотался, глядя на серьёзное лицо своей спутницы — и продолжал петь на автопилоте...

*— Тут Иван к нему сизает,
Рубит головы, спеша.
И к Кашею подступает,
Кладенцом своим маша!*

*И грозит он старику двухтысячелетнему:
«Щас, — grit, — голову те мигом обстригу!
Так умри ж ты, сгинь, Кашей!» — а тот в ответ ему:
«Я бы рад, да я бессмертный — не могу...»*

*Но Иван себя не помнит:
«Ах ты, гнусный фабрикант!
Ишь — настроил скока комнат!
Девку спрятал, интригант!*

*Я dokonчу дело, взявши обязательство!...»
И от эдаких неслыханных речей
Помер сам Кашей. Без всякого вмешательства.
Он неграмотный, отсталый бал — Кашей...*

*А Иван, от гнева красный,
Пнул Кашея, плюнул в пол,
И к по-своему несчастной
Бедной узнице зашёл...*

— Хорошая песнь, — похвалила Бранка. — И напрасно клепал на себя — ты хорошо поёшь. У меня брат есть, так он певец настоящий, его все люди слушают, а мне думается — ты немногим хуже спел.

— Это же шуточная песенка, — попытался объяснить Олег, но Бранка возразила:

— Чего тут шуточного? Про Кашея не шутят, это не бер скомраший... Ну вот, готова обувка.

Она успела, пока Олег копировал Высоцкого, отпороть оба своих рукава, завернуть их внутрь самих себя так, что получились двойные матерчатые трубки, зашить один конец ниткой, вынутой из кисета на поясе, настлать внутрь травяную стельку и, обув эти«»пакеты«»на ноги, перетянуть их у верхнего края.

— Тебе не холодно без рубашки? — спросил Олег, разглядывая с немалым удивлением результат её трудов.

— Что ты, душно, — возразила Бранка. — Я же говорю — гроза идёт.

Но рубашку надела. А Олег и правда с удивлением почувствовал, что в воздухе

повисло замешанное на духоте, тихое предгрозовое напряжение. Он пододвинул к себе шкуро-сапоги. Бранка поднялась на ноги:

— Давай покажу, как обувать...

— Сам разберусь, не муж вроде, — заметил Олег, стараясь вспомнить, как и что делала Бранка. А девушка нахмурилась:

— При чём тут муж?

— Ну это ведь мужа положено обувать и разувать, — щегольнул Олег познаниями в истории. И был огорашен ответом:

— Чего ради? Нет у нас такого обычая... А у вас есть?

Олег уклончиво пробурчал себе под нос нечто такое, чего и сам понять не мог. Мысленно он дал себе зарок — не забывать, что тут всё-таки другая планета — и обычаи могут быть другими, чем у славян, про которых он читал и учил. А обуваться и правда оказалось легко — шкура и ремни словно сами занимали нужные места, и когда Олег, справившись, встал, то испытал чудесное ощущение: нога была обута, защищена — и в то же время двигалась свободно, легко, не теряя контакта с почвой. Бранка, слегка насмешливо за ним следившая, пояснила:

— Это обувка горца. Лесовики всё больше лапти носят, а в городах данванскую обувь — похожа на ту, что у тебя была... А данваны у нас эту нашу обувку украли.

— Украли? — спросил Олег, вертя ступнёй. — Как украли?

— Украли, — подтвердила Бранка. — Я сама не знаю, не видела того, но старики рассказывают, что во взятие, когда твой дед воевал, так ужас сколько самих данванов в наших горных лесах сгибли. Они в лесу иной раз, как слепые. От ловушек медвежьих, от самострелов настороженных... А покалечилось и того больше, да по-обидному: малую ямку выроют наши, тонкий колышек наострят и в дно вобьют, а верхом листву кладут. Данван наступит — ногу насквозь, вместе с обувкой. Так они тогда стали делать обувку по-нашему, только из своей кожи, и пряжки по-иному, а в подошву — чешую, как у рыбы. Ходить не мешает, и от колышков бережёт... Та чешуя — лёгкого металла. Не сталь, не железо — серый, лёгкий и крепкий такой!

— Титан, — пробормотал Олег. — Хитры...

— Мой нагрудник с такой чешуёй, — не обратив внимания на его слова, Бранка кивнула в сторону жилета. — Отцов нагрудник, а делал дед. Слой кожи, подшита чешуя, а потом снова кожа. Стрелу держит, а кольчугу стрела насквозь просаживает. Таких нагрудников на всё племя — по пальцам считать.

Трогая изнутри щёку языком, Олег смотрел на Бранку и думал — ему в этот именно момент пришла в голову очень странная мысль. Вспомнилась картинка, основанная на оптической иллюзии — кубики с выпуклыми рёбрами, один стоит на двух других. Присмотришься — а на самом деле два кубика балансируют на одном. Сморгнёшь — снова кубик стоит на двух других. Было время, когда такие оптические иллюзии — их много оказалось в одной старой книжке, найденной Олегом в шкафу — занимали воображение мальчика. Вот сейчас Бранка казалась ему похожей на эти кубики. Смотришь — девчонка как девчонка, Олегова одноклассница. Вглядишься — средневековая, даже древняя девчонка. Потрясёшь головой — одноклассница. Короче, нестандартная ситуация, не описанная ни в одной из книжек, где попадавшим в примитивные общества землянам удавалось овладеть умами местных жителей при помощи коробки спичек или хотя бы специфических знаний. Кстати, ни знаний особых, ни спичек у него не было.

— Пошли, пошли, — поторопила Бранка, поглядывая на небо. — Не найдём, где укрыться — мокрыми нам быть, что мышам.

Теперь и Олег отчётливо видел признаки надвигающейся грозы — маячивший между деревьями клоч неба стремительно и грозно затягивали чёрные, подсвеченные солнцем, тучи. На фоне черноты быстро и бесшумно сверкнула молния — белая, как раскалённая до предела сталь. Вваливая на плечи крошно, Олег увидел, как Бранка что-то шепчет, поглядывая на небо. Он различил слова — торопливые, опасливые: «... змея гонишь, а нас не

тронь... мы дети твои... »

— Перуну молишься? — не удержавшись, спросил он. Бранка ответила строго:

— Перун самый сильный. Отец видел, как он данванский корабль летучий одним ударом сжёг.

— Это же молния, — насмешливо пояснил Олег. Бранка непонимающе пожала плечами:

— А что молния есть? Блеск тупика Перунова...

— Тупика, не секиры? — припомнил читанное Олег.

— Перун не воин, — удивлённо, но терпеливо пояснила Бранка, — зачем ему секира? Было время — он жил на земле, и тупиком своим расчищал лес для братьев младших — для людей, селил их на рощистях... А потом пришёл Великий Змей Волос, и Перуну пришлось тупик свой в оружие превратить... Это брат его, Дажьбог — воин, и солнце — щит его...

У Олега на языке вертелось: «А что же Перун вам не поможет?» — но это был глупый и неприятный вопрос, похожий на издевательство. Поэтому он лишь спросил:

— Куда бежим?

— Вон туда, — решительно указала Бранка, — где гуще. Только бежать не надо. Плохо бегать перед грозой...

— Ну а те твари, с которыми я встречался? — просунув пальцы под лямки крошна, спросил Олег, когда они быстрым шагом вошли под сень дубов. Сзади где-то уже начал гулять предгрозово́й ветер, качал верхушки деревьев, но дальше в чаще было тихо. — Это кто?

— Нелюдь, — отмахнулась Бранка. Она на ходу словно к чему-то принюхивалась — ноздри тонкого носа раздулись и отвердели. — В болоте ты топляков повидал, а на ночном привале с упырями-летунцами перемолвился. Её вокруг пропасть. Какая без вреда, какая погубить может, а с какой, если с умом, и пользу поиметь можно...

— Что, и домовые есть? — поинтересовался Олег. Бранка кивнула:

— Есть, как без них. А у вас не то нет?

— Нет, — признался Олег. — Может, были, но вымерли все. Зато у нас есть налоговая полиция и рэкет.

— Да, это хуже, — согласилась Бранка с серьёзным видом. — Й-ой, а темнеет как!

И в самом деле — темнело очень быстро. Уже над самой головой гремел гром — точнее, не гремел, а упруго перекатывался, словно шар в кегельбане. Длинно и ворчливо, с гулом. Молнии сверкали часто, свет их почти не пробивался через кроны. Ветер тоже гулял где-то по вершинам.

— Сюда! — прокричала Бранка слева. Было уже так темно, что Олег едва различал её — девчонка стояла около чудовищного дубового выворотня. Неизвестно почему, но дуб, начавший валиться, выстоял и теперь зеленел, хотя его ствол торчал косо, под углом, а слева, под корнями, образовалась даже не яма, а настоящая пещера, в которой можно было стоять, не сгибаясь. При виде этого Олег по непонятной тоскливой ассоциации подумал, чего лишился с приходом цивилизации его мир...

Они с Бранкой успели вовремя. Как раз когда вошли, чуть пригнувшись, под выворотень, гром хрястнул — вот сейчас хрястнул по-настоящему! — и на лес рухнул дождь. Ветер тут же стих. Кроны отозвались многоголосым шорохом, быстро слившимся в громкий непрерывный шум, который лишь временами заглушали удары грома. Первая струйка упала на землю... другая... третья... закапало... хлынуло! В лесу под сводом листвы тоже шёл дождь. Местами вода лилась наземь, как из водосточных труб.

Зачарованный этим зрелищем, Олег стоял у края выворотня, как на пороге странной комнаты. И сперва даже не понял, кого видит в свете очередной молнии — только через несколько секунд догадался, что Бранка, скинув всю одежду, танцевала под дождём, запрокинув лицо и подняв вверх соединённые руки. Вода лилась по её лицу, плечам, распущенным волосам, телу, в промежутках между раскатами грома Олег слышал, как она почти исступлённо выкрикивает:

— Бей! Бей! Бей!

— Ррах! Ррах! Ррах! — готовно отзывалось её просьбам-приказам небо. Бранка повернула смеющееся лицо:

— Во-ольг! Иди сюда! Скидывай своё, иди сюда! До чего хо-ро-шо-о!!!

— РРРААХХ!!! — подтвердило небо. Олег почувствовал, что каждый мускул в нём напряжён, словно хорошо натянутая гитарная струна. Гроза умело била по этим струнам пальцами опытного гитариста, выбивая то ли марш, то ли вальс, то ли хард-рок, то ли всё вместе. Мальчишка понял, что ещё секунда — и он всё равно вылетит под дождь — на зов грозы — и поспешно начал стаскивать одежду, чтобы не замочить. Оставшись в трусах, он в два прыжка выскочил наружу, успев почувствовать, какой тёплый дождь и какая тёплая земля под ногами. А в следующий миг он завопил — просто так, без слов, запрокинув лицо к небу:

— Йаааххххх-а! — и небо готовно откликнулось ещё одним ударом.

— Поймай меня! — крикнула Бранка, бросаясь вбок, в чащу. Олег метнулся за ней — безо всяких там «таких» мыслей, увлечённый одним весёлым желанием — догнать мелькающее между деревьями загорелое тело.

Что потом — он не знал и не думал. И не хотел думать, потому что «потом» означало прекращение этого бега по лесу под дождём.

Впереди слегка посветлело. Бранка выскочила на поляну — и почти сразу Олег, перейдя в мощный спурт, незнакомый, конечно, здешним жителям, догнал её, схватил за плечи, а потом — раньше, чем он вывернулась гибким, скользким от дождя телом — перехватил за локти. Бранка весело дышала, глядя своими сияющими глазами в лицо мальчишки, ничуть не смущаясь своей наготы. Да и скорей уж трусы Олега казались здесь неуместными... и где-то самым краем сознания вдруг проскользнула мысль — сбросить их и... дальше Олег не думал. Может быть, он и попробовал бы подумать... или даже сделать это. Но Бранка вдруг ахнула. И не отразившиеся на лице Олега его мысли были тому причиной. Она смотрела через плечо мальчишки, и глаза Бранки наполнял ужас.

Олег резко обернулся — на краю поляны, в десятке шагов от них, под дождём стоял всадник.

* * *

Раньше, чем ему удалось разглядеть всадника подробно, Олег по-чувствовал его ЗАПАХ. Это была отвратительная, густая, мокрая вонь — смесь человеческого и лошадиного пота, застарелой грязи и нестиранной одежды с мокрым железом. И только потом мальчик увидел всадника подробно.

Невысокий — ниже самого Олега — он сидел на маленьком мохнатом коньке цепко, словно сросся с ним, с высоким седлом, украшенным алой попоной с длинными золотыми кистями. Всадника защищали длиннополая пластинчатая броня с широкими рукавами, небольшой круглый щит с изображением спрута, закреплённый у самого левого плеча, и круглый же плоский шлем с чешуйчатыми нащёчниками и жидким, но длинным султаном из алых перьев. У высоко поднятого левого колена был приторочен лук, у правого — колчан, на левом бедре виднелась рукоять сабли. В правой руке всадник держал остриём вверх копьё с зелёным древком и наконечником, украшенным алым конским хвостом. Круглое, со стёртыми чертами дауна, лицо всадника было бесстрастно, тонкие усы, перевитые красными нитями, спускались на кольчужный шарф.

— Хангар, — услышал Олег выдох-стон Бранки, — выжлок...

Глаза-щёлки под тонкими бровями окинули взглядом прижавшихся друг к другу мальчишку и девчонку. Бранка задрожала — Олег это почувствовал. Для неё опасность эта была не просто реальной — смертельной она была. А Олег смотрел на всадника и никак не мог отделаться от ощущения, что всё это сон, фильм или спектакль, к нему не имеющий

отношения. Он не мог поверить, что вот это копьё может войти ему в грудь... или, что ещё хуже — этот всадник может сейчас погнать их, куда ОН хочет, связать, ударить... просто потому, что он — хозяин положения. Он — сильнее.

Таких неприкрытых юридическим или моральным флёром конфликтов в мире Олега давно не встречалось. И Олег не мог поверить в то, что вот это — ЕСТЬ, даже совсем недавняя история с людоедской семейкой не производила столь противоестественного впечатления — может быть, потому что разыгрывалась в соответствующих декорациях, а не в лесу, под дождём, где только что было так здорово...

Всадник тронул коня — каким-то неуловимым движением. Олег успел отметить, что эта мохнатая животина ничуть не напоминает тех коней, с которыми он привык иметь дело — глупая мысль. Копьё, опустившись, ткнуло его в плечо, отодвигая в сторону, и мальчишка сделал шаг — не потому, что толчок был сильным, нет. Просто от удивления. Конь, равномерно покачивая головой, украшенной чеканным налобником, вклинился между Олегом и Бранкой, которая замерла, словно парализованная. Больше не глядя на Олега, всадник нагнулся... и сырой воздух резанул отчаянный визг Бранки. Не крик, как от боли или гнева, а именно визг. Так визжат даже очень храбрые девчонки, случайно прикоснувшись к лягушке или столкнувшись со страшной серой мышью. Всадник что-то довольно проскрежетал, прохрюкал — ничего общего с человеческой речью это не имело. Бранка снова подала голос — и на этот раз уже не визжала, а отчаянно кричала:

— Пусти! Пусти! — и вдруг: — Во-ольг!

Пригнувшись, Олег прямо с земли прыгнул на латную спину.

... Он не знал, что заставило его сделать этот прыжок. Только что он не ощущал ничего, кроме изумления, смешанного с заторможенностью. Даже когда Бранка завизжала, он вздрогнул лишь от неожиданности и — помнилось — тупо подумал: «Чего это она?» Но крик вдруг разом объяснил ему — и что происходит, и «чего» она.

И что с ней — и с ним — будет.

Наверное, это и называется — «генетическая память».

... Всадник не ожидал прыжка. Ударив всем телом, Олег выбил его из седла наземь, и при всей неожиданно кошачьей ловкости тот уже не успел перехватить повод или схватиться за луку — одной рукой он мял грудь Бранки, а второй держал её за волосы. Но успел, невообразимо извернувшись, оказаться лицом к лицу с Олегом и ударить головой в шлем в подбородок навалившегося сверху мальчишки.

Тренируясь, Олег получал и более сильные удары. Его охватила злость, смешанная с омерзением. Этот грязный коротышка тискал Бранку! Может быть, именно злость и помешала ему выбрать на самом деле верное решение. Помотав головой, как молодой бычок, Олег чуть отстранился от врага, чтобы нанести удар вернее — и полетел кувырком, получив пинок в живот.

Но вскочили они одновременно. Всадник, визжа — конечно, не как Бранка, а с явной угрозой — молниеносно схватился за рукоять сабли. Но Олег уже сделал быстрый скользящий шаг — и свинг правой свалил мерзкую тварь с ног. Сабля серебристой змейкой выскользнула в траву, а Олег зашипел — костяшки пальцев были рассечены о проклятый нащёчник! И поэтому же нокаута не получилось. Всадник быстро поднялся — потряхивая головой, чуть покачиваясь, но уже с длинным кривым кинжалом в руке. Рукоять кинжала была украшена алыми ленточками. Из-под нащёчника всадника, склеивая левый ус в сосульку, медленно выползала кровь. Он тряхнул рукой, сбрасывая щит в мокрую траву.

Труднее всего было заставить себя не бояться ножа. Пританцовывая на траве, Олег принял решение. Подпустить ближе. Пускай ударит. Поставить блок. Если порежет руку — неважно, вытерпим. И — панч в переносицу этой жабе. Во всей своей амуниции он ляжет на месте.

... Лицо всадника вдруг стало безмерно изумлённым. Он подался вперёд, словно увидел друга после долгой разлуки и решил обнять его, даже руки чуть развёл. Рот приоткрылся, выдохнул: «Х-х-х-х-у-у... » — а потом из него толчками полилась густая тёмная кровь, и вот

теперь Олег заметил окровавленный наконечник копья, который, раздвинув чешуи панциря, торчал на пол-ладони из правого бока врага.

Не сгибая ног, всадник тяжело повалился ничком. Только теперь Олег заметил, что волосы его заплетены сзади в две тонких косицы. Всадник лежал, разбросав руки, и над его телом мерно раскачивалось древко его собственного копья. А подальше стояла Бранка — ощеренная, как волчица, напряженившаяся и торжествующая. Олег смотрел на неё почти с ужасом — напряжение схватки спало. Он же вовсе не хотел убивать напавшего на них! Его мысли не шли дальше нокаута — и он не мог себе и представить, с какой лёгкостью его спутница способна убить человека!

— Вот вам кегли, — вырвалось у Олега. Бранка смачно и хладнокровно плюнула на труп и, подняв саблю, двумя деловитыми ударами отделила голову убитого от тела. Пинком босой ноги откатила её в сторону. И, как ни в чём не бывало, обратилась к Олегу:

— Бежать надо, Вольг. Что дождь — добро, он следы замочит и шума не слышно было за ним. Но всё одно — найдут его скоро. Выжлоки по одиночке не ездят.

— Бежать, так бежать, — Олег заставил себя отвести глаза от трупа.

Впрочем, тот выглядел не так страшно, как в фильмах.

— Ну, ты его... — слов больше не нашлось, и Олег просто покачал головой.

— У тебя кровь, — сказала Бранка, отшвыривая саблю. — На лице и на руке.

— А, ерунда, — Олег несоколко раз согнул и разогнул пальцы, мазнул по подбородку. — Заживёт.

— Второй раз ты меня спасаешь. — ладони Бранки легли на плечи Олегу, она серьёзно посмотрела мальчишке прямо в глаза. — Благо тебе и на этот раз. Смелый ты. Сильный. И бьёшься умело.

— Ерунда, — с запинкой повторил Олег, не зная, куда деваться сейчас от своей спутницы. Да что это дитя природы — совсем не соображает, что делает, или просто его провоцирует?! Но Бранка не собиралась его провоцировать. Она лишь слегка подалась вперёд и, коснувшись лбом плеча Олега, отстранилась со словами:

— Идти надо. Скорее.

* * *

Олег ощущал, что местность поднимается. И горы больше не были призрачными силуэтами на горизонте — какими их он увидел с дуба в первый день своего суматошного пребывания здесь. Они нависали и громоздились над деревьями, сами покрытые лесом, как невиданным мхом.

Вопреки опасениям Бранки, хангары-выжлоки их не нашли. Да и неизвестно — может, и не искали. Дождь шёл почти до вечера, надёжно смыв все мыслимые и немыслимые следы, пока они безостановочно уходили на север — шли, пока совсем не стемнело, и лагерь вопреки всем правилам разбивали уже в темноте. Просто забились под кусты, прижимаясь друг к другу и провели настороженную, холодную ночь. Хорошо ещё, утро встретило вновь пением птиц, теплом и солнечным светом — одежда сохла буквально на глазах, а вместе с сыростью испарялось и дурное настроение с опасениями.

Нельзя, впрочем, сказать, что опасения испарились совсем. Бранка продолжала твердить о коварстве хангаров, оба были настороже — именно это спасло им жизнь на третий день пути, когда они вовремя метнулись под деревья с проплешины, поросшей вереском. А через считанные секунды над головами проплыл данванский корабль. Как Олег догадался, это и было то, что обозначалось, как «вельбот». Аппарат в самом деле походил на крылатую лодку размером с большой вертолёт. Два уже знакомых гипертрофированных ППШ торчали снизу на носу и корме.

— Оружие данванов, — пояснила Бранка шёпотом, хотя машина давно уже скрылась за деревьями. — Извергает поток маленьких стрел из металла. Они летят так, что пробивают

каменные плиты... А ещё у них есть взрывающиеся снаряды, которые сами видят врага и сами летят к нему на тепло, на огонь костра... И оружие, которое превращается в огненный шар — такой шар оставляет после себя только пепел. Даже камень плавится, даже сталь...

— А люди? — поражённый догадкой, спросил Олег. — Те, кто остаётся жив — они... ну, они ничем не болеют?

— Нет. — помотала головой Бранка. — Но данваны могут колдовством заражать воду, землю и воздух. Тогда начинают болеть все — и растения, и животные, и люди. Так они убили два наших племени только на моей памяти. Выжившие приходили к нам. Только всё равно... — она махнула рукой. — У них постоянно что-то болело. И самое страшное, — в голосе Бранки прозвучал настоящий ужас, — они не могли иметь детей! Так и умерли — бездетными!

«Как же, колдовство, — зло подумал Олег. — Знакомые штучки. «Оранжевая рецептура», ещё какие-нибудь дефолианты... А то и радиоактивную пыль рассеивают. Вот сволочи!»

Он впервые по-настоящему разозлился на неведомых данванов. И только позже понял, почему — и разозлился ещё больше. Бранка ему нравилась. И отвратительна была мысль, что и её могли убить каким-нибудь подлым оружием — сильную, смелую, красивую девушку превратить в больное, изуродованное существо... Олег не отдавал себе в этом отчёта, но в нём сидело привитое отцом — бывшим офицером — глубокое отвращение к «неспортивным методам ведения войны». Можно вырезать ножами спящий вражеский лагерь — нельзя залить его ипритом. Можно пытаться пленных, чтобы добыть сведения — нельзя издеваться над мирными жителями. И так далее...

... Олег долго считал, что земля, по которой они идут, заброшена, но на третьи сутки Бранка пояснила ему, что это не так, просто она старается идти местами где людей не встретишь. Местные жители-лесовики — Бранка говорила о них со смесью презрения и сочувствия — запуганы данванами, среди них легко найдётся предатель, который выдаст идущих в горы. А вот та страна, в которой они с Олегом встретились — та действительно заброшена. Её опустошили данваны и хангары во времена подавления восстания, которое Бранка называла «взятие». Раньше там много было веселья и даже несколько городов, а между ними — проложенные людьми с Земли железные дороги...

О славянах-горожанах Бранка говорила с отвращением и омерзением, как о совершенно падших существах, которые сами себя продали за данванские милости и теперь вымирают. Хангаров иначе как «выжлоками» — тупыми и жестокими гончими — не называла, упоминая не раз, что до прихода данванов «хангарские выжлоки под сапогом у наших князей были, ходили мы и за горы, и за лес в их города и степи» — Бранка всегда говорила «мы», даже если речь шла о событиях тысячелетней давности, бессознательно не отделяя себя от народа вообще во все времена его истории. Данванов она боялась — как бояться не людей, а злых духов, обла-дающих сокрушительным могуществом, хоть и смертных. О кочевниках-анласах с северо-запада знала немного, но в целом говорила хорошо, хотя и несколько свысока, говоря, что они «дикие люди, ездят верхом и не строят домов, как положено» —

Олег не понял, «не строят, как положено» — это не строят вообще или не строят, как славяне? Очень неодобрительно отзывалась она о племенах Серого Медведя и Орла — но тут, как смог разобраться Олег, речь шла о самой настоящей (и обычной для этих мест, насколько он смог понять с неудовольствием и удивлением) кровной мести, корнями уходящие в дальние дали истории. Троюродного брата и дядю Бранки убили Серые Медведи, старшего родного брата — Орлы. Но Олег заключил, что и племя Бранки — Рыси — были отнюдь не без греха.

Из того, что говорила Бранка, можно было понять, что горцы живут чем-то вроде шотландских кланов — или, что менее известно, но более точно — черногорских задруг. Руководит племенем Сход Бойров — глав родов, а особо важные решения принимает Сход Мужчин. Есть и князь, но он лишь водит в походы дружину и ополчение. И снова Олега посетило ощущение оптической иллюзии.

... Это была пятая ночь в пути. Они наелись жареного мяса косули, которую подстрелила Бранка, и, укладываясь спать в кустах неподалёку от остывающего кострища, девчонка указала на двойную вершину, видневшуюся над деревьями: слева лесистый пик с двумя отрогами, справа — такой же, но с тремя, между ними — седловина.

— Сохатый перевал.

— Похоже, — согласился Олег — стоя около кустов, он аккуратно чистил зубы разжёванной на конце веточкой ольхи. Это, кстати, он начал делать по примеру Бранки, которая занималась этим по утрам, вечерам и после еды. Сейчас в ответ на Олегову реплику она повернула к мальчишке своё неожиданно возбуждённое лицо:

— Ты не понял. За Сохатым — Вересковая Долина. Земли моего племени. Завтра до темноты мы там будем, Вольг!

После этого она легла и преспокойно уснула. А вот Олег, провозившись часа два, по ощущению, поднялся и, выбравшись из кустов, присел на траву, скрестив ноги.

Впервые за всю его короткую жизнь (ему самому казавшуюся очень и очень длинной), Олег оказался жертвой бессонницы. До тех пор никакие заботы не могли заставить его забыть про сон. Сейчас сон не шёл — вместо него были мысли.

Нет, Олег не боялся встречи с незнакомыми людьми. Он отдавал себе отчёт, что и хорошие и плохие люди есть везде, но в то же время был уверен, что большинство соплеменников Бранки похожи на неё, а это не так уж плохо. Уснуть мешала не какая-то конкретная мысль, а их путаница. Вернётся ли он домой? Да, должен вернуться. Но одновременно Олег отдавал себе отчёт — он будет скучать. Скучать... по Бранке?

Да, по Бранке, она удивительная девчонка, но не только по Бранке. Нет, он будет скучать по всему этому миру, небольшой кусочек которого видел за последние... он тут неделю! Уже неделю... Олег попытался мысленно представить себе, что сейчас дома — и с обидой на самого себя отметил, что мысли в этом направлении текут неохотно, словно вода в гору. Нет-нет, он хочет домой, он скучает по дому... но МЫСЛИ о нём отступали под натиском того, что было вчера, позавчера, неделю назад. Казалось, за эти семь дней произошло событий больше, чем за все предыдущие годы. А Бранка перестанет с ним быть уже завтра. Уже в это время ей будет не до него, потому что её ждёт этот парень, Гоймир. Точно — ждёт, хотя она никогда не говорила об этом прямо... Чего хотел дед? Фашистский плакат в бетонном доме посреди леса, машина, словно собранная по частям из разных эпох и разных стран... Найдёт ли он дорогу обратно?..

Олег достал пульт, ещё раз как следует осмотрел его при свете звёзд и здешней луны. Вновь наугад нажал несколько кнопок — без ожидания, просто так. Вдохнул и убрал пульт, а сам неуверенно поднял лицо к небу.

И понял вдруг, как оно красиво.

До сих пор небо пугало его — непривычным рисунком созвездий, разбухшими, словно овсяные хлопья в молоке, звёздами, жутковато опрокидывающейся на планету луной... А теперь он видел — всё это красиво.

Звёзды светили не как на Земле — колюче и одинаково-холодно. Здесь у каждой был свой цвет, пушистый, как щенок. Они почти не мерцали — голубые, белые, зелёные, синие, красные, жёлтые, фиалковые... А луна — как отекавший из бронзы щит, побитый в боях. Здесь её называют Око Ночи.

— Луна — Око Ночи, — негромко сказал вслух Олег, и в чаще забился, хохоча, как безумец, филин.

Скользнув взглядом дальше, к вершинам деревьев, Олег словно споткнулся. Вот она, планета Невзгляд. Он не смог добиться от Бранки, что это — другая планета той же солнечной системы, что и Мир, или спутник Мира? Бранка не знала... Вряд ли на спутнике планеты, похожей на Землю, может появиться жизнь... Олег немного знал астрономию.

А солнце тут так и называют — Солнце.

И, может быть, в его жизни, в жизни Олега, больше не будет такой хорошей и почему-то очень грустной ночи.

Интерлюдия: «Млечный Путь»

*Как будто по ступенькам —
Всё выше и вперёд —
Из детства постепенно
Нас юность уведёт...*

*И скоро у порога
Решать, куда шагнуть...
А нас позвал в дорогу
Далёкий Млечный Путь!*

*Нас ночь тревожит снами,
Волшебными — почти...
Мы катимся на санках
По Млечному Пути...*

*И боязно немного,
И ветер хлещет в грудь...
Зовёт, зовёт в дорогу
Далёкий Млечный Путь...*

* * *

Бранка подняла его ещё затемно. Её вполне можно было понять, но Олег не выспался и хмуро реагировал на весёлые выпады своей обычно сдержанной спутницы. Только когда солнце уже по-настоящему поднялось над верхушками деревьев, он пришёл в норму и начал оглядываться по сторонам.

Дубы отступили. Он и Бранка шли среди стройных корабельных сосен, по пояс в папоротнике, из которого только и состоял тут подлесок. Навстречу порывами задувал прохладный ветер, легко пробивавшийся между красных стволов. Он приносил какой-то необычный, странный запах, и Бранка, видя, что Олег принюхивается, тихо и торжественно сказала:

— Это Снежное Море.

Вообще буквально за несколько часов резко похолодало, хотя солнце светило по-прежнему ярко. Среди сосен часто поднимались тут и там валуны и целые скалы из алого гранита с многочисленными вкраплениями слюды, сверкавшими, словно маленькие зеркала. Попадались тропинки, проложенные явно человеком — узкие, утопанные до твёрдости того же гранита. А около полудня, когда ветер улёгся, Бранка и Олег подошли к столбу, на котором синели человеческие останки.

То, что было некогда человеком, давно не издавало запаха и напоминало египетскую мумию, которую Олег два года назад видел в музее Санкт-Петербургского Эрмитажа. Толстая верёвка, проходившая под отвалившейся нижней челюстью удушенного, охватывала столб — и не сразу Олег заметил, что верхняя часть столба представляет собой грубо вырезанную из дерева человеческую голову — суровое лицо с нахмуренными бровями, вислыми усами и длинной бородой, ямы глаз под низко надвинутой на лоб круглой шапкой... Истукан глядел на юг с угрозой и одновременно мастерски переданным неведомым резчиком бесстрашием.

— Что это? — невольно охрипшим голосом спросил Олег. Вид повешенного после

всего, что он успел тут повидать, не производил особого впечатления, но истукан пугал. Он словно бы живой был... и знал все грехи и даже грешки, водившиеся за Олегом.

— Прав, — негромко объяснила Бранка, вскинув правую руку в каком-то фашистском, как мельком определил Олег, приветствии. — Бог закона и справедливого суда.

— Справедливого? — усомнился Олег, когда они отошли на несколько сот метров и душевное равновесие относительно вернулось к мальчишке. — Мне что-то кажется, что у повешенного было на этот счёт особое мнение...

— Кому интересно, что он мнил? — презрительно ответила Бранка, подкидывая в руке самострел. — Он был глуп, иначе не пришёл бы в наши горы с данванской дурью.

— С какой дурью? — поинтересовался Олег. — Он что, принёс подрывную литературу?

— Он принёс дурь, — повторила Бранка и, видя, что Олег не понимает, на ходу принялась объяснять: — Это такая жидкость... Если впрыснуть её себе в жилы шприцем (Олег уже не удивился тому, что Бранка знает это слово), то человек пьянеет, ему становится хорошо, чудится наяву виррай и все самые большие свои мечты он видит сбывшимися... Только потом, когда жидкость та растает в крови, становится дурно, белый свет не мил кажется, хочется ещё и ещё... Те, кто часто её колет, забывают есть, пить, мочат под себя, как малые дети, а потом просто умирают. Кто её попробовал — того не спасти. Поэтому все племена казнят смертью тех, кто пробует принести дурь в горы, смертью у столбов Права.

Олег только что рот не разинул. Бранка описывала действие наркоты! И название — «дурь» — точно совпадало с одним из земных названий наркотиков. А девчонка продолжала рассказывать:

— Там, у лесовиков, много привыкших к дури. В каждой веси есть! А в городах на юге данваны продают по бросовой цене и дурь, и шприцы... Хотя из-за неё люди друг друга убивают и чужое берут, ты подумай! — по голосу Бранки было ясно, что это куда страшнее убийства. — Данваны говорят — мол, каждый человек волен делать, что пожелает, запрещать кому что — не по законам... Те, кто оттуда приходят, такое расскажут — послушаешь и не знаешь, то ли верить, то ли басня, чтоб людей пугать... Вот ты веришь, что можно родного ребёнка страшно сказать — ПРОДАТЬ?!

— Да вообще-то... — Олег припомнил интернетовские сайты с объявлениями о продаже детей, лицемерно называемой усыновлением, ценами, образцами контрактов и контактными телефонами. И решительно сказал: — Не верю. А кто этим занимается — тому на вот таком столбе и место.

— Что ты?! — Бранка замахала руками. — Разве такое на взгляд человеческий выставляют?! Камень на шею — и в болотину, от солнца да от земли подальше...

— Решительная ты девица, — шутливо сказал Олег. — Тебе бы прокурором в нашем мире быть... Бранк, а ты сама разве не веришь, что людям свобода воли дана?

— А ты веришь, что свобода воли — это всё одно делать, что пожелаешь? — вопросом ответила Бранка. И не стала дожидаться ответа. — Вот послушай, как у нас говорят... Раньше был на свете только один Сварог и дети его, Сварожичи. Творили они мир, как им по нраву было. А когда сотворяли зверей — так и человека сотворили. Одного из всех зверей — по своему подобию. Единогo! И подумал Сварог, как звери-люди, его облик имеющие, станут сырое мясо рвать, кровь пить, да под коряжинами жильём жить — не понравилось то ему. И вложил Сварог тогда в сердце каждого человека частичку своего огня. Того, что в Солнце, в звёздах, в блеске тупика Перунова. Вот так и остались на вечные века в каждом человеке две частички — огонь Сварожий, пламя божье, а рядом с ним зверская половинка, тупая, злая да хитрая... Потому-то каждый человек с малолетства должен Сварожий огонь поддерживать да лелеять, ввысь тянуться — душой, в мыслях... А звереву половинку топтать, давить без пощады! — Бранка с очень серьёзным лицом решительно взмахнула кулаком. — Тому у нас с колыбели учат. Человек на то Челом Века и прозван, чтобы жизнь прожить, как Сварог заповедал — и умереть, как положено, когда час его придёт. С поднятой головой умереть, а не в слезах трусливых и не в соплях пьяных... А коли дал слабинку зверской половинке — на

миг, на вздох! — тут она и сожрала тебя, затоптала пламя божье... И будет такой человек жить, как звери живут, об одном себе думать, брюхо своё холить, да одни свои думки баюкать, а о других и не помыслит. Живой человек с виду — а так зверь зверем. На то и дана человеку свободная воля, потому и обликом он с богами-то схож, чтоб не забывал, кто он есть, за свет боролся, за правду, за род свой!

— А ты знаешь, что такое правда? — спросил Олег. Горячность Бранки позабавила его и в то же время он чувствовал, как выросло его уважение к этой девчонке. — Знаешь?

— Конечно, знаю, — решительно кивнула — так же, как только что взмахивала кулаком — Бранка.

— Что? — коварно спросил Олег, готовый пуститься в рассуждения о том, что правд много, с какой стороны взглянуть... Но Бранка только немного растерянно сказала:

— Понимаешь, Вольг... если кто этого не понимает, не видит — ему и не расскажешь, и не объяснишь. Как слепому с рожденья рассказать про солнце? А зрячему выколи глаза, брось в поруб — так он всё одно знать будет, какое оно есть!

Теперь растерялся Олег. Сказанное Бранкой — не аргумент. Но... но крепче любого аргумента. Всё-таки он сказал:

— Знаешь, у нас говорят, что, если хочешь видеть правду и справедливо поступать — надо смотреть сразу с обеих сторон.

— А глаза не разьедутся — с обеих сторон смотреть? — грустно спросила Бранка. — Ты, Вольг, так не говори. Не думай даже... У вас, может, так и сходит. А у нас оглянуться не успеешь, как душу запродашь...

— Дьяволу? — пошутил Олег. Бранка улыбнулась невесело:

— Это которого христовы волхвы выдумали? . Нет, к чему? Данванам. Это ж их наука — мол, нету на свете ни добра, ни зла, а верней — нужны они друг другу, чтоб равновесие в мире было... А раз равновесны — так и равны. А коли равны — так и равноценны. А коли равноценны — так одинаковы. А коли одинаковы, так зачем, стать, добро защищать? Лучше злу поклониться, под боком у него пригнуться, да и не заботиться ни о чём.

— Ну ты говоришь... — удивлённо смерил Бранку взглядом Олег. Та вдруг покраснела сквозь загар, сконфуженно спрятала нос в косу — у мальчишки словно лампочка зажглась где-то в груди. А Бранка смущённо ответила:

— Не со своего ума говорю... Про огонь божий у нас любой бесштаный знает, коли этому не учить, так чему ж? А про то, как данваны живут и учат, да куда их ученье ведёт — это Йерикки слова.

— Кто такая эта Йерикка? — поинтересовался Олег.

— Не такая, а такой. Парень это, ровесник тебе и мне... Он...

Бранка хотела что-то ещё объяснить, но не успела. Вся подобралась вдруг, раздула ноздри и присела в папоротник. Самострел, будто живой, скользнул спуском ей в руку. Олег, ничего не спрашивая, опустился рядом, глазами уточнил: «Что?» Ответом был тревожный взгляд и тихие слова:

— С полночи ветер нехороший. Кровью пахнет. Железом...

Олег добросовестно принял. Ветер пахнул всё тем же морем... и...

И был ещё какой-то запах. От которого, пусть и неузнаваемого, еле заметного, сами собой противно шевелились волоски на запястьях.

— Й-ой, в беду кто-то попал... — шептала Бранка, кусая губы так, что оставались белые вмятинки. — Как бы не из наших кто...

Олег глубоко, как мог, но тихо вздохнул. И, достав револьвер, взвёл большим пальцем курок:

— Пошли.

Убитых хангаров было много. Так много, что их количество стирало ужас, который должен был возникнуть при виде такого множества изувеченных мёртвых тел. Какая-то жуткая сила отсекала хангарам руки и ноги, разрубала до пояса вместе со стальной чешуёй доспехов, разваливала груди и спины... Не меньше двадцати трупов лежало полукругом на небольшой полянке возле гранитной глыбы, алым клыком скалившейся над землёй.

Около глыбы сидел человек. Славянин в алой рубахе, чёрных штанах и настоящих сапогах с подковками на носке и каблуке. Сидел, раскидав ноги, держа в обеих руках зажатые мёртвой хваткой широкие недлинные мечи, по рукояти залитые кровью. Крупная лобастая голова свалилась на плечо. Лицо и после смерти сохраняло строгое, решительное выражение, светлые глаза задумчиво смотрели куда-то в просвет между сосен...

Неожиданно ледяной вихрь с разбойничьим посвистом согнул алые стволы, ударил Олега в грудь, помчался дальше, гудя и посвистывая... А Олег понял вдруг, что рубаха и штаны на убитом просто залиты кровью из множества ран, которые нанесли ему враги. На самом деле рубаха была белой, а штаны — синими...

— Ломок! — задохнулась рядом Бранка.

— Ваш? — не сводя глаз с убитого, спросил Олег.

— Наш... — запнулась Бранка. И с отчаянной решимостью быстро заговорила: — Недобро я поступила, Вольг! Дважды ты мне жизнь спас, а я ж тебя обманула — как нож в рукаве держала! Прости, если можешь, не моя то тайна была, боялась открыться, да что уж теперь... Не за зерном мы на полдень ездили, на юг, к городу Три Дуба... Я с тем обозом уходом ушла, увязалась... а они шли за пословным человеком из Трёх Дубов, на встречу важную шли... Вот, Ломок, — она кивнула на труп, — тот человек... А по его следу на нас выжлоки и вышли... Я ведь, как ты про Немого рассказывал, мало себя не выдала. Первым делом Немого они выследили, хоть и был он у них на хорошем счету, а заподозрили! В твой мир людей за ним послали, за ним, да за дедом твоим — старые обиды кровью утолить. А в Трёх Дубах всех, кто по совести жил, их власти признать не мог — кого сразу убили, кого похватили да на колья... Говорят, был там и землянин один, старый уже... Ломок один ушёл, уж не на встречу с нами, письма важные спасал, да жизнь свою... Когда навалились на нас, мы бой-то приняли, чтоб он подале ушёл! А они его и здесь нагнали... Опастись бы ему — да он, видать, на нашу землю понадеялся, а они и тут не убоялись засаду выставить, смердь гнилая, нелюдовище! — и Бранка вдруг заплакала.

— Не похоже, чтоб его обшарили, — сказал Олег, сам удивляясь своему хладнокровию. — погоди реветь, валькирия... Будут бить — будем плакать, а пока подумай — может, он засаду побил, а сам от ран умер, и то, что он нёс — цело? Посмотреть надо...

Бранка встрепнулась.

— А может и так!

Она ни о чём не стала просить Олега — чего он втайне боялся. Сама, подбежав к убитому, опустилась рядом с ним на колени, что-то сказала, начала щарить за пазухой (Олег скривился) и уже через полминуты стояла рядом, держа в руке залитый воском берестяной скруток.

— Вот оно, похоже, — сообщила девчонка, пряча бересту за пазуху. — Прибрать бы его, — она повернулась в сторону трупа и попросила: — Прости нас, Ломок. Да своих дойдём — пошлём за тобой... Пошли, Вольг. Тут вёрст десять, не больше...

... Вниз по склону зацокал камешек. По конскую грудь в папоротнике между сосен ехали около дюжины всадников-хангаров. Над ними возвышался могучий мужчина в кожаной одежде, сидевший на рослом белом коне. Под одеждой поблёскивала кольчуга, на поясе висели меч и камас, но в правой руке мужчина держал дулом вверх автоматическую винтовку со стволом, заключённым в лёгкий дырчатый кожух и складным прикладом. Длинные русые волосы мужчины стягивала зелёная повязка с коричневыми пятнами неправильной формы.

Один из хангаров, быстро натянув крутой небольшой лук, не целясь, выпустил стрелу в

замершее у валуна тело. Второй, опасно галопируя по камням, объехал глыбу сбоку и, чуть перегнувшись с седла, несколько раз вонзил жало копья в неподвижного человека и, распрямившись, весело крикнул:

— Мёрытвый! Его мёрытвый сапысем!

— Ищите! — резко пророкотал человек в коже. — Ищите же! Должно быть на нём!

Несколько хангаров спешили и, оскальзываясь на камнях, окружили труп. Один из них, воровато оглянувшись, сдёрнул с шеи убитого цепочку из тяжёлых золотых звеньев, поспешно спрятал за кольчужный ворот. Второй тут же вцепился в его руку, сердито завизжал по-своему... Всадник не обращал на них никакого внимания. Он сидел прямо, чуть постукивая пальцем по луке седла, с неподвижно-напряжённым лицом.

— Нету ничего, пустой его! — наконец растерянно доложил один из хангаров.

— Ищите! — всадник начал бледнеть. — Ищите лучше, ублюдки!

Но один из хангаров — с жидкой седой бородкой, лёгкий и сухощавый, не участвовавший в азартном обыске тела, а неспешно ездивший вокруг — поднял на него внимательные, недобрые глаза:

— Тут были двое, — сказал он без малейшего акцента. — Вон туда пошли, — взмах руки вверх по склону. — Недавно совсем. На Сохатый Перевал пошли.

— Скорей! — всадник хлестнул коня по крупу ладонью и, стаптывая папоротник, галопом ринулся в указанном направлении. Следом, на скаку взлетая в седла, визжа и улюлюкая, устремились хангары.

* * *

— Далеко ещё? — сорванный мальчишеский голос сипло прозвучал в холодном воздухе.

— Беги, беги же, — ответил тусклый от усталости голос девчонки.

Они карабкались вверх среди валунов и осыпей уже почти час. Сосны тут были мелкие, они росли из расщелин, раскалывая камни корня-ми, оплетая их живой сеткой. Папоротник сменился длинностебельным вереском с мелкими бледными цветками и кустиками черники, которые разбрызгивали из-под ног ягодный сок.

Олег с Бранкой бежали плечо в плечо. Крошно мальчишка давно бросил, рубашку сдёрнул и обмотал вокруг пояса — от его тела валил пар, было не больше +10 по Цельсию. «Бронежилет» Бранки был расстёгнут.

— Скорее! — Олег отчаянным прыжком взвился на камень, протянул руку, вздёрнул за собой ловко оттолкнувшуюся Бранку. Пальцы и у неё, и у него были сбиты в кровь, ногти поломаны, по лицам тёк пот, русые волосы почернели от пропитавшей их влаги. Оба двигались, как автоматы, по временам подталкивая друг друга вперёд, когда кто-то начинал шататься и проявлял явное стремление упасть. Сперва Олег гордился тем, что бежит наравне с горянкой, но потом гордость ушла, оставив лишь равнодушное понимание того, что НАДО БЕЖАТЬ, заставляющее передвигать чужие, непослушные ноги.

Олег подтолкнул Бранку вперёд, а сам оглянулся — туда, где сосновый бор уходил вниз по склону. Там, в глубине его, шумела река. Именно переходя через неё, они заметили погоню...

... Из последних сил они взобрались на самый гребень, где даже скрюченные сосёнки не росли, так вылизал его ветер. Бранка рухнула лицом в камни и осталась лежать, втягивая со свистом холодный воздух и сотрясаясь всем телом. Олег согнулся, уперся ладонями в колени, вытер мокрое лицо о такое же мокрое плечо и только теперь ощутил, как холодно в мире.

Прозрачное небо простиралось над ними — небо с пятнами звёзд в его бесконечной глубине. А дальше то же небо лежало над километрами и километрами вересковых пустошей, перемежаемых лишь верещатниками, да многочисленными ручейками и

речушками. К юго-востоку виднелась цепочка далёких озёр, окружённых чёрными и угрюмыми торфяными болотами. Лучи бледного солнца пронизывали прозрачный, как небо, холодный воздух нагорий.

Левее того места, где вышли на гребень ребята, в двух километрах от них отдалённо гремел водопад — хрустальная дуга рушилась с гранитных красных скал, на которых гордо высились стройные сосны, вниз, превращаясь в реку, несущую свою воду на север, к Снежному Морю. А над водопадом, на холмах, окружённых берёзовыми рощами, видна была высокая каменная башня и стены, казавшиеся продолжением и порождением этой суровой и прекрасной земли. На башне плескался неразличимой отсюда расцветки стяг. По вересковой пустоши ползла гигантская овечья отара, окружённая несколькими пастухами и множеством собак.

Это была Вересковая Долина — родина Бранки, девушки из племени Рыси.

Это было Рысье Логово — сердце племени.

... Короткий, злобно-торжествующий вопль заставил Олега обернуться и вздрогнуть — но уже не от холода, а от ужаса.

Метрах в пятистах от него, на том же гребне, замер, покачиваясь в седле, хангар. Ветер трепал конский хвост на копье и перья на шлеме. Он смотрел сюда, в эту сторону! Вопль повторился...

Непроизвольно заскулив от отчаянья, Олег затормозил Бранку:

— Вставай... да скорее же, вставай... рядом же совсем, добежим, успеем!

Девушка застонала, пошевелилась, но подняться не смогла. Олег отчаянными глазами смотрел на то, как ещё двое хангаров вылетели на гребень и застыли, так же покачиваясь в сёдлах. А по лесу дробно поскакало эхо — не меньше десятка всадников мчались низом!

Бежать! Но вместо этого Олег выхватил револьвер в решительной попытке если не защититься, то хотя бы продать подороже свою жизнь. Однако, крики и топот копыт словно бы разбудили Бранку. Она заставила себя подняться и, спотыкаясь, бросилась по вереску вперед, к водопаду, к серой башне... Олег кинулся за ней.

Бегать по вереску — занятие, прямо скажем, неблагоприятное и заниматься этим безнаказанно может лишь человек, выросший среди окружающей экзотики. Поэтому Олег на бегу с ужасом отмечал, насколько медленно приближаются спасительные холмы, насколько быстро сокращается их фора... Бранка то и дело оглядывалась — она пришла в себя и могла бежать быстрее, но не хотела бросать неловкого мальчишку с Земли! Олег надал. Всадники сзади надвигались неумолимо, словно в кошмаре... Их лошадям тоже мешал вереск, поэтому ребята успели пробежать четверть расстояния прежде, чем хангары подобрались на полсотни метров.

Не в силах больше выносить ужас погони, Олег остановился, почти не думая о том, что делает и крикнул Бранке:

— Беги! Не смей останавливаться! — и, видя, что она поднимает самострел, нашёл единственно верные слова: — Письмо! Спасай письмо!

И больше на неё не смотрел.

Первыми скакали пятеро — трое на одной линии, чуть подальше — явно славянин на рослом коне, а подальше — четвёртый хангар. До остальных было ещё метров триста. Трое передних наклонили копыта — ярко блестели искры наконечников, мотались конские хвосты.

«Вот это да, — подумал Олег абсолютно хладнокровно. — Это что же, я сейчас умру? Похоже...». Вместо того, чтобы заорать и упасть на вереск, он поднял наган, взводя курок. Всё было очень просто. Бранке нужны лишние секунды — она их получит. Дальше этого мальчишка не заглядывал.

Хангары мчались с протяжным жутким воем, целя в Олега, как в мишень, какое-нибудь соломенное чучело... «А ведь мне и правда не страшно, » — подумал Олег, целясь в того, который скакал в центре. Хангар не имел ничего общего с живым существом, которое можно жалеть, в которое нельзя стрелять — безлика металлическая башня надвигалась на Олега.

Наган выстрелил. Хангар подскочил в седле и опрокинулся на круп, завязнув в стремях. Пуля ударила его точно между глаз. Конь, вытянув шею, шарахнулся в сторону...

Двадцать метров. Рука не дрожала. И казалось — в запасе вечность. Две вечности. Тот, что скакал справа, отводил руку с прижатым к боку копьём для размашистого удара. Второй чуть придерживал коня, прячась за своего соратника — трус...

— Гадина, — процедил Олег, стреляя три раза подряд. Того, что скакал первым, словно вихрем вынесло из седла, второй странно осел в нём, выплёвывая кровь простреленным горлом... — И ты подходи! — это он крикнул славянину, почти не осознавая, что кричит: — Подходи, предатель!

На скаку тот целился из винтовки.

«Вот и всё. МАМА!» — этим внутренним криком прорвался страх. И нажать на курок Олег уже не успел...

... Предсмертно, страшно завизжал, заваливаясь, конь — в его лоснящемся боку одна за другой открывались жуткие дыры от разрывных пуль. Всадник, перекосив лицо, попытался выдернуть ноги из стремян, но одна пуля взорвалась у него в груди, другая срезала левую руку, третья — снесла голову. Скакавший следом хангар, выплюнув длинный кровавый сгусток, в который превратились его лёгкие после попадания очереди, вылетел из седла мешком.

Олег, не опуская револьвера, ничего не понимая, завертелся на месте. Перебивая друг друга, стреляли сразу два пулемёта. Хангары гибли один за другим — кричали люди, страшно выли и визжали умирающие кони, рушась вместе с хозяевами кровавыми кучами рубленого мяса. Один из хангаров, успевший спрыгнуть наземь, бежал к лесу, как недавно бежал сам Олег — безнадежно, путаясь в вереске. За ним по пятам летел — не бежал, а именно ЛЕТЕЛ, легко и страшно, неведь откуда взявшийся человек — развевались в беге густые волосы, серо зелёный плащ, мелькали крепкие, длинные ноги, убийственно сверкал широкий недлинный меч в опущенной руке. Хангар обернулся, показал перекошенное молодое лицо, страшно вскрикнул, попытался бежать быстрее, путаясь в длинных стеблях... преследователь нагнал его скорым волчьим скоком, ещё в прыжке взлетел и опустил меч, обрывая истошный крысый визг... С жутким гиканьем убийца подхватил отрубленную голову за перья на шлеме раньше, чем она скатилась наземь — и вскинул над собой, ликуя захохотав. Удар был такой силы и точности, что обезглавленное тело пробежало ещё метров десять, прежде чем поняло собственную смерть и свалилось в вереск, мелко суча ногами.

Среди вереска не осталось никого живого, кроме застывшего на месте Олега и воина, победно держащего над собой жуткий трофей. А дальнейшее походило на кадры военного фильма. В нескольких местах вереск зашевелился... его куски поднялись, словно крышки люков — оказалось, что это масикровочные сети, утыканные стеблями, а не живой покров. Под ними прямо в каменной подушке были вырублены гнёзда, из которых сейчас ловко выбирались люди. И подходили, бесшумно ступая по вереску, останавливались перед Олегом.

Это были подростки — примерно ровесники Олега, одетые почти так же, как была одета Бранка при первой с ним встрече. Только у каждого на левом локте был закреплён маленький круглый щит — кожаный, обитый по краю металлом, с бляхами. На некоторых — кольчуги с коротким рукавом (впечатление они производили жутковатое и красивое — словно ребят облили гибким жидким металлом), на остальных — кожаные жилеты с металлическими пластинками. На всех — свободные, заколотые у правого плеча плащи, кое на ком — шлемы, другие просто в головных повязках той же расцветки, что и у Бранки. Каждый был вооружён -меч и изогнутый нож на поясе, тут же, в петле — топор. У большинства в руках Олег увидел самострелы, но двое держали хорошо знакомые мальчишке пулемёты Дегтярёва (только с очень толстыми и меньшими по диаметру дисками), ещё двое — старые, потёртые «калаши», у кого-то — охотничьи ружья... У многих на поясах Олег заметил гранаты — «лимонки» и похожие на консервные банки РГ-42. Вся

эта компания, сошедшая с дедовых фотографий, рассматривала Олега вполне дружелюбно. А он, чувствуя, как с каждой секундой всё больше хочется сесть или лечь на что-нибудь мягкое, пилился на них.

Ростом и сложением ребята были самые обычные — кто пониже, кто повыше Олега. У него даже мелькнула дурацкая, из прошлой жизни, мысль, что он попал в компанию из юркиного клуба, не очень старательно обрядившуюся «под старину». Вот разве что, если быть честным до конца — лица этих ребят были... ну, поблагородней и поумней, что ли, чем у большинства олеговых земляков. Загорелые, обветренные, мужественные, но в то же время с мягкими правильными чертами — такие лица, не изуродованные признаками «цивилизации», Олег часто встречал на иллюстрациях Каштанова к книгам по истории Руси — и куда реже в жизни.

Эти могут перерезать глотку. Но не подставить ножку.

До Олега не сразу дошло, что все они говорят разом, обращаясь к нему:

— Молодец, городской...

— А метко бьёшь...

— Храбрый парень...

— Откуда несёт-то вас? .

— Мы уж и ждать перестали...

За их спинами Олег увидел Бранку. Она прижималась к груди одного из парней — единственный, он не обращал на Олега никакого внимания, одной рукой прикрыл Бранку своим плащом, второй поглаживал по волосам, склонив голову...

Олег проглотил какую-то горечь, закупорившую горло. От долгого отчаянного бега, наверное. И сказал, отвернувшись:

— Мне нужно говорить с вашими командирами. Мне и Бранке.

* * *

— Стал быть, погиб Немой. И все люди добрые в Трёх Дубах погибли.

Олег кивнул, хотя ответа от него не требовали. Кивнул машинально. Он сидел за столом, держа на нём забинтованные мягкими льняными полосками руки — сбитые пальцы тупо ныли. Перед ним дымилась на вышитой скатерти — вышивка варьировала рысь в разных положениях — деревянная миска, доверху полная кашей с кусками жареного мяса и луком, и крепкая, уже немолодая женщина ворчала, что мальчику не дают поесть. Олег почти не слушал её. Впервые за много дней он находился в полной безопасности, в абсолютном покое, и эти ощущения словно выдернули из него стержень, незримо поддерживавший мальчишку. Он хотел спать. И хотел плакать.

Князь Крук — угрюмый, седоволосый, но с неожиданными чёрными усами, спускавшимися на грудь — выслушал его очень внимательно, с не дрогнувшим лицом, как до того выслушивал Бранку, которую пото отослал движением бровей. Олег не мог понять, что думает о нём князь. Жалеет? Сочувствует? По глазам — синим, не старческим — не поймёшь даже движение мысли...

— Что не ешь? — спросил Крук, и Олег вздрогнул. Покачал головой:

— Спасибо... то есть, благо (князь неожиданно улыбнулся — зубы крепкие, ровные, только левый верхний клык сломан пополам). Спать очень хочется...

— Потерпи уж... — Крук придвинул к себе лежащий на столе пульт, повертел, положил обратно. — Мне говорить с тобой надо.

— Вы можете мне помочь? — быстро спросил Олег, поднимая голову.

Князь смотрел ему прямо в глаза. Олег не отвёл взгляда, повторил требовательно, голосом, ставшим очень высоким даже для его лет:

— Вы можете мне помочь?

— Я знал деда твоего, Вольг, — вместо ответа негромко сказал Крук. — Он меня вынес

с поля битвы нашей последней, смертной — от Чёрных Ручьёв...

— Вы знали деда? — недоверчиво спросил Олег. — Сколько вам лет?

— Да уж за девятый десяток, — спокойно ответил князь. — У нас стариков-то немного, да уж те, кто есть, дряхлости долго не поддаются...

— Вы знали деда... — повторил Олег. — Вы знаете, как работает машина для переноса?!

— Не знаю, — покачал головой князь. — И боюсь я, Вольг — у нас того никто и не знает.

— Никто, — Олег обмяк. Слёзы подступили к самым глазам, ресницы набухли, мир расплылся и задрожал. — Значит...

— То ничего не значит, — возразил Крук. — Вот слушай, что говорить стану. Не умею я красиво-то, ну да захочешь — послушаешь песни наши, там складней... А пока меня слушай. В Мире-то ходы на Землю есть где-нигде. Кто говорит — на севере (Олег обратил внимание, что Крук оперирует привычными ему, Олегу, названиями сторон света), — кто на юге, кто — в горах, а кто и вовсе — на дне морском! Одно стать верно — есть они. В давние времена жил тут народ ариев, в Мире жил. Потом часть его теми ходами на Землю ушла, а часть в Мире осталась. От тех, кто остался, анласы пошли, кочевники с северо-запада. Тому две тысячи лет прошло, как народ наш, славяне, теми же ходами на старую родину — в Мир — вернулись. Снова жить здесь стали, а где те хода — забыли. То ли зло какое по их следу шло, то ли просто время знание унесло с собою... Неполную сотню лет назад на юге вновь наши родичи объявились. Было то за считанные до моего рождения годы. Они-то не ходами пришли. Построил кто-то на Земле ту машину, которую ты видел. Таковую же. И пошли они, как в тёмный лес, наудачу — и выпало им родину предков найти... Только не задержались они тут — ушли, а машины оставили. Потом — уже при моей жизни — снова люди с Земли сюда приходили. Другие люди, но тоже родину предков искали, на их языке — «ФАТЕРЛЯНД». Данваны уж были на нас в то время. Дрались мы и с данванами, и с теми людьми, и промеж собой они дрались тоже. Люди те не лучше данванов были, как звери, жестокие, беспощадные, хоть и храбры в бою... Ушли они обратно, а данваны стали те машины искать и рушить. И пришёл твой дед, а с ним иные прочие, разноязыкие, не только славянского корня. Мы взметнулись тогда — всем миром на врага пошли. Они нам помощь давали и сами бились, как за свою землю. Нас пятеро было побратимов — кэйвинг анласский Аратас, дед твой, Ян ван Лоомб, Ялмар Берг и я... Долго мы сражались. Целые земли великие от врагов на годы освободили. Да только переломили данваны нашу силу. Великую рать на нас подняли, и почернело небо от их кораблей... — Крук замолчал, и Олег с изумлением увидел в глазах князя искорки слёз. — Ян погиб, детишек лесовиков спасая — сожгли его вместе с малыми... Аратаса данваны живым взяли, под ранами — и страшной мукой домучили, сняли с него кожу... Ялмар в Трёх Дубах укрылся, а дед твой вернулся домой, да через него ещё долгие годы нам пособлял. А теперь, выходит, один я остался. Один... — он смотрел куда-то мимо Олега и продолжал говорить: — Машинку эту, что ты принёс, Ялмар в те дни надумал. Был он великого ума и великой жестокости человек, на Земле его петля ждала, а для нас сколько добра сделал... Понимаешь, те, первые машины, тяжёлые. С места на место их не повозишь. Потому те, кто сюда первым пришёл и машины ставил, ставили их и тут, и на Земле. Как их наводить — не знаю я, помню только, что Ялмар их называл... — Крук сморщился, — фиксированный телепортатор. А это, — князь указал на пульт, — не фиксированный.

— ЭнТэ! — вырвалось у Олега. Крук не заметил его слов:

— Значки на нём — значки машины, у каждой свой. Да их почти все данваны взорвали, не свезло тебе. На какой нажмёшь — к той и попадёшь, если цела она...

— А такие же... такие же, — умоляюще повторил Олег, — для того, чтобы на Землю попасть — есть?!

— О том и речь... Да не перебивай меня! Старших молча слушать надо! — Крук сердито дёрнул вислые усы, забрав их в горсть. — Есть такие, делал их Ялмар. Говорил —

смехом — для нас, дураков, кнопку нажал — и пожалте, а значки выучить и медведь сможет... Только не знаю я, где такие машинки. Последний раз у деда твоего видел. А у Немого — видишь сам — только для возвращения была, к вам-то его Ялмар большой машиной отправил...

— Да что же мне, — в отчаянии воскликнул Олег, — всю жизнь такую машинку искать, что ли?! По всему вашему долбаному Миру?!

— Зачем? — спокойно возразил Крук. — Коли уж так — живи у нас. Внуку твоего деда ни одна семья в крове не откажет, любой род примет в свои...

— Да вы что?! — Олег вскочил. — Как?! Там же... мама! Я на вас надеялся... и Брнка... а вы!..

Расплакаться ему не дала злость. Словно его и в самом деле подло обманули. Крук, не шевелясь, спокойно наблюдал за взбешенным Олегом, а потом вдруг повелительно и негромко сказал:

— Сядь.

Олег шлёпнулся на лавку. Он рвано, ожесточённо дышал. Крук прокашлялся и заговорил:

— Так домой хочешь? И опасностей не побоишься?

— А что? — горько спросил Олег. — Кащя нужно найти и победить?

— Что уж так-то? — серьёзно спросил Крук. — Нет. А вот что можно. Ты пока сердце в кулак сожми, а то разорвётся оно, храни Сварог... И не вскидывайся сразу, послушай. Ляжет снег на землю. Зима будет, Моранино время... Мы зимой санным путём тайком добираться втихую через леса на полдень, юг по-вашему, к Крентане, ещё куда то. Торгуем втихую. Опасны те поездки, но в южных городах точно люди имеются, которые с Землёй скрытно связь держат. И кого-никого из тех людей я знаю. Помогут. Не побоишься ехать? Лжу не скажут — можешь не то что на Землю не вернуться, а и сюда тоже — останешься с нашими под снегом в лесах, лисам на потраву. Так как будем?

— Поеду, — сразу и решительно сказал Олег, а про себя скрутился от тоски: зимой! Через полгода! Да за это время он... а дома? Но он повторил лишь — а что оставалось? — Поеду, князь.

— Вот и славно, — кивнул Крук, словно и не ожидал другого решения. Или и вправду не ожидал? — На жильё я тебя определяю. А пока не можешь ли услугу оказать? Знаю я — устал ты, вон, даже есть не смог... А всё-таки — проводи людей к месту, где Ломок пал. Прибрать его надо.

— Конечно, — кивнул Олег. А Крук продолжал, словно в чём-то оправдываясь непонятно перед мальчишкой:

— Видишь как... Ломок был сыном моим. У меня их ещё много, от разных жён, а всё нехорошо оставлять его там, хоть и меня не спросил он, как из дому ушёл — давно ушел...

Он говорил это равнодушным тоном, как о чём-то пустячном, но Олег, с сочувствием и жалостью глядевший старику в лицо, увидел в глубине невыразительных глаз недоумённое, тяжёлое, как свинец, горе...

* * *

Внутри каменного кольца стен холодный ветер не ощущался. Олег устало опустился на пригреве у стены, откинулся затылком к тёплым камням мощной кладки. Смотрел вокруг бездумно и спокойно.

Рысье Логово оказалось внутри куда меньше, чем виделось снаружи. Мальчик, попав сюда, понял, что здесь не живут. Каменные стены в четыре человеческих роста образовывали не кольцо, а подкову, своими краями примыкавшую к отвесной скале — части горного кряжа. В скале был пробит большой туннель — танку проехать — с распахнутыми створками ещё одних ворот. Где-то в глубине туннеля брезжил солнечный свет, виднелась

зелень. Очевидно, само поселение находилось в маленькой долине, защищённое естественной крепостью крутых скал, а эта, искусственная, служила лишь форпостом, призванным сдерживать врага на подступах. Умно, ничего не скажешь. И, пожалуй, крепость можно было бы назвать неприступной, если бы не фрегаты и вельботы данванов. Или и против них тут тоже что-то есть?

Шум водопада был мощным и эхом отдавался в скалах. А за водопадом, внизу, Олег увидел серый, спокойный залив, большую пристань и словно вклеенные в водную гладь узкие корабли — пять или шесть, — а рядом — пузатые, неуклюжие на вид. И те и другие были без мачт. Там же мелкой шелухой подсолнухов были раскиданы в воде и по берегу десятки лодок. А в другой стороне, за берёзовыми рощами, тянулись загоны для овец — летние и зимние.

А вокруг — вереск, вереск, вереск, камни, высокое небо, холодный воздух. Было немного похоже на Карелию, где Олег был. Или на Шотландию, которую он знал по фильмам.

Мимо часто проходили люди. Почти все кивали, окидывая сидящего мальчишку нелюбопытными взглядами — вежливыми и пристальными одновременно. Олег отметил, что совсем не видит мужчин — молодых или среднего возраста. Дети, подростки, женщины, старики, девушки. Не мужчины, даже не юноши. В походе?

Где-то на верхних этажах башни очень красивый и грустный женский голос пел:

*— Ото всех его укрыли могилушку
Травы дикие во чужой земле.
Он один лежит во жилье своём,
Во своём последнем пристанище.
Только меч его, светел, как и встарь,
Замер обок у друга милого.
Мне бы стать мечом, да и в землю лечь,
Мне бы стать травой, прорасти к нему,
Мне бы стать дождём — мелкой капелькой
Я б упала на грудь друга моего,
Поменяла б всю жизнь без жалости
На один лишь взгляд в очи мёртвые...*

Прошли двое пожилых рыбаков — в чешуе, распространяя вокруг неповторимый запах свежей рыбы. Компания мальчишек лет шести-восьми, босых, одетых в одни рубашки, неподалёку считалась для какой-то игры, и безразличие немного отпустило Олега — он вдруг услышал:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать!

Ему вспомнился солнечный майский двор — и смешной пацан, выкрикивающий эту считалку так, словно за поворотом вместо спрятавшихся друзей его ждала Тайна. Что же, может, только эти воспоминания и останутся ему... Олег даже тряхнул головой, прогоняя вновь нахлынувшие тяжёлые мысли.

Двое стариков у ворот в скале, сидя на лавочке, затачивали длинные мечи — любовно, синхронными, умелыми движениями. Около их ног мальчишки играли с огромной серошёрстной собакой — куцехвостой и безухой. А переведя взгляд повыше, Олег ощутил озноб.

В скалу над воротами были вбиты ряды металлических штырей. А с них в крепостной двор слепо глядели... человеческие головы и черепа. Добела вылизанные ветром. И высохшие, с ещё развевающимися пучками волос. И почти свежие.

Олег поспешно отвёл взгляд. Черепов было немало. И немало пустых штырей. Как говорится — в каждой избушке свои погремушки... но кто поручится, что и ему не придётся в них играть?

Впрочем, он ведь уже играл... Олег вспомнил тугую струю крови, ударившую из горла

одного из убитых им хангаров. И... ничего не почувствовал. Нет, он помнил то, что сделал — наган, выстрелы, падающих всадников, свои злость и странное спокойствие. Не было одного — сожаления. И отвращения не было тоже, как не было ни сожаления, ни отвращения, когда он убивал мух.

Честное слово, убитого зайца он жалел куда больше. Олег достал наган, неспешно дозарядил его, с сожалением отметив, что патроны убывают. Интересно, тут есть патроны к наганам?

Мимо широко прошагала группа парней — ровесников Олега. Они несли на плечах лопаты со странными П-образными полотнами и оживлённо разговаривали о торфяниках, которые «не иначе как сам Кашей на землю выпихнул, чтоб посмотреть, как мы ломаться будем, да посмеять-ся. » За парнями проскочили две девчонки — посмотрели на Олега, фыркнули и унеслись дальше, заливаясь смехом. В точности одноклассницы...

— Эй, горожанин! Горожанин! Вольг!

Олег обернулся, понимая, что именно сейчас и начинается его настоящий контакт с местными жителями — внутренне подобравшись, готовый даже к неприятностям.

К нему шли четверо парней его возраста, одетых в точности как их с Бранкой спасители. Один — неожиданно рыжий, с резкими чертами лица, каких Олег тут ещё не видел — пёр на плече «дегтярь». Двое — с арбалетами — несли почти современные складные носилки, на одном из них была кольчуга. В четвёртом Олег узнал того, кто обнимал Бранку — на этом парне сидел такой же, как у Бранки, жилет, а на груди висел ППШ с рожковым магазином.

— Крук сказал, что ты можешь место показать, где дядя погиб, — сказал именно он, меряя Олега оценивающим взглядом. — Это далеко?

— Километров пятнадцать, — прикинул Олег и поправился: — Вёрст десять. Почти точно на закат.

Пулемётчик длинно свистнул. Олег обратил внимание, что у него необычайно благородное лицо. Как бы аристократическое. И смотрел он на Олега с открытой симпатией.

— И ты всю дорогу бежал? — спросил тот, что в кольчуге — не без уважения.

— Очень жить хотелось, — признался Олег. Пулемётчик подбросил на плече своё оружие:

— Однако, потом-то ведь остановился?

— Так ведь девчонку надо было спасать, — искренне ответил Олег.

— Мог бы и не торопиться, — хмыкнул Гоймир — Олег был почти уверен, что это он и есть. — У нас от самой речки всё под наблюдением... А по-правде — благо тебе, — он вдруг искренне и хорошо улыбнулся. — Мне Бранка пересказала про тебя. В седле держишься?

— Немного, — скромно ответил Олег.

— О боги, за что караете меня, — хмыкнул тот, что без кольчуги, — вот и опять это шkodливое животное...

— Ничто, — не без злорадства успокоил его Гоймир, — лошади-то тебя не любят по то, что растолстел ты последнее время. Заодно и брюхо порастрясёшь.

Олег засмеялся вместе со всеми, хотя ему парень вовсе не казался толстым. Но и он хохотал тоже без какой-либо обиды.

— Меня зови Гоймир Лискович, — чуть поклонился, положив ладонь на сердце, парень с ППШ (ага, угадал, подумал Олег). — Да ты уж, верно, догадался... Тот, что с пулемётом — Йерикка Мечиславич — не смотри, что он рыжий, его мать из анласов, потому он дикий, что волк лесной...

Йерикка оскалил зубы и вместо поклона подал руку Олегу, сказав:

— Привет, — словно встретил приятеля на школьном дворе. Рукопожатие у него было сильным без желания свою силу показать.

— Этот, жирный — Ленко Справнич, — продолжал представлять друзей Гоймир, — а вон тот, ничем не наотличку — Гостимир Званич. Нет, неправда моя — певец он справный.

— И ещё у него есть сестра, — сказал Йерикка, — которая уже третий год вытирает

ноги о сердце Гоймира.

— Э-эй, йой, — лениво сказал Гоймир, потянулся надвинуть повязку на глаза Йерикки, но тот присел, и рука повисла в воздухе.

— Так ты — брат Бранки? — с интересом спросил Олег, только теперь заметив, как мальчишка по имени Гостимир похож на его лесную спутницу. Тот кивнул, открыто глядя на Олега. — Она про тебя говорила. В смысле, что поёшь хорошо.

— Теперь часом все знакомы, не поехать ли нам наконец? — жалобно спросил Ленко. — Чем скорей мука почнётся, тем скорей и покончится...

* * *

Здесь лошади оказались невероятно мохнатыми и низенькими, ещё меньше хангарских, почти пони. Галопом они скакать ни за что не желали, зато с удивительной лёгкостью рысили среди вереска, ничуть в нём не путаясь, а Гостимир похвастался, что при случае они могут скакать с камня на камень, словно горные козлы. Олег вполне готов был в это поверить, но всё равно разочаровался. На таком животном не покажешь своего умения... Кстати, Йерикка это разочарование заметил и, подмигнув, сказал:

— Да, эти крысы — не настоящие кони. Настоящие кони живут в степях запада и в Анласе. Может, ты ещё увидишь их.

— А ещё там птицы гадят драгоценными камнями и можно питаться одним воздухом, — сердито добавил Ленко, трясаясь в седле.

— У вас тут всегда так холодно? — любопытствовал Олег, глядя, как приближаются сосны. Спать ему уже не очень хотелось, а хотелось есть, и он жалел, что не очистил поставленную перед ним миску с кашей и мясом. Судя по всему, пришло второе дыхание...

— Разве это холодно?! — засмеялся Гостимир. — У нас тут выше плюс двадцати пяти никогда не бывает!

— Плюс двадцати пяти чего? — растерялся Олег. А Гостимир важно ответил:

— Градусов по Цельсию. А у вас на Земле температуру не так меряют?

— М-м-м-м... — уклончиво промычал Олег, а Йерикка без насмешки пояснил:

— Тут есть много такого, что привезли с вашей Земли. И во время восстания, — он так и сказал «восстания», а не «взмятия», как другие, — и раньше, и позже.

Гоймир, ехавший чуть впереди, обернулся:

— Мы все рады будем тебе помочь, Вольг. И не только потому, что ты спас и хранил Бранку. Мы знаем твоего деда. Это горе, что он умер.

А Гостимир так же серьёзно добавил:

— Но «умер» — это не «пропал», Вольг. «Умер» — это только «умер», а существовать в сущем он будет, пока его помнят. И ты не забывай.

Олег промолчал. Что он мог сказать? Что вообще не знал своего деда, а в эту историю влез случайно, из любопытства? Не поймут... Не иначе как они считают его наследником славы героя... Вот подарок-то... Теперь Олег предпочитал молчать, поглядывая вокруг. И сейчас он смог до конца оценить красоту этих мест — неброскую, тихую и гордую, похожую на красоту девушек Севера и такую отличную от крикливой наряженной развязности шлюхи — тропической природы. Это сравнение Олег как-то слышал от отца. Но сейчас даже мысли о доме не могли разрушить очарования, которому поддался мальчишка.

Очевидно, Йерикка понял овладевшее им настроение. Чуть нагнувшись с седла, он сказал гордо:

— У этих мест не было никакой истории, пока полторы тысячи лет назад князь Стомудр из племени Лося не привёл сюда свой народ. История начинается, когда приходят люди. Я люблю эти места, хотя родился не здесь...

— А где? — любопытствовал Олег. Йерикка указал на юг:

— В аду, — усмехнулся он. — В городе Джеррай — или Холмске — жил и сражался

мой отец. Там он купил мою мать.

— Купил? — неверяще спросил Олег. — На... рынке?

— Нет, что ты, — снова скривил губы Йерикка, — это далеко на юге, там нет рынков рабов и данваны не торгуют людьми, это же не хангары... Это называется «работница по объявлению». Культурно и гладко, как они любят... Мой отец, как и дядя Ломок, был сыном Крука, хоть и от другой женщины...

— А где сейчас твой отец? — поинтересовался Олег.

— Там же, где и мать. И старшие братья, — тихо сказал Йерикка. — В виррае. В Вальхайме. Нигде. Выбирай то, во что веришь, Вольг.

— Погибли? — сочувственно спросил Олег. Йерикка кивнул:

— Они еле успели спасти меня. Мне было одиннадцать, и они отослали меня сюда с верным человеком. А сами погибли. И мои старшие братья погибли. С тех пор я живу здесь. И не знаю лучше мест, чем эти.

Мальчишки немного отстали от остальных. Олег, посмотрев вслед трём другим всадникам, нерешительно начал:

— Я ещё спросить хочу...

— Спрашивай, — тут же ответил Йерикка. — Хорошо, когда человек спрашивает.

— Мужчины племени — где они?

На секунду Олег пожалел о своём вопросе. Лицо рыжего горца сделалось страшным... нет, не страшным, оно помертвело, как посмертная маска. Но Йерикка не сказал никакой резкости, не выругался, не закричал, чего, если честно, ожидал Олег. Он повернулся в седле и уставился вперёд, а Олег начал тоскливо размышлять, что же он ляпнул не так.

— Они пришли в ночь на Корочун¹¹, — заговорил Йерикка так внезапно, что Олег вздрогнул. — Они появились с полдня в темноте, как злые мары, как настоящие посланцы Зла. Их было трое. Они пришли в крепость, не скрываясь, и веселившиеся люди замолкли, окружили их кольцом, а князь, отец Гоймира и сын Крука, вышел на крыльцо своего дома и стоял там, под резным Перуновым знаком, опираясь на обнажённый меч-двуручник. Ему уже сказали, что за гости пожаловали... Это были не хангары, а предатели, сумы перемётные. Двое. Третьим с ними пришёл данван. Он не открывал своего лица и молчал, а лаяли его псы... — Йерикка вдруг ожесточённо сплюнул. — Они говорили, что довольно нам, дикарям, жить на нашей дикой земле по нашим диким законам. Что есть могучие и добрые данваны, которые за всех обо всём подумали и позаботились... Что земля наших предков, наша кормилица, наш дом — это просто никому не нужные голые скалы и мы должны сказать «благодарности» великодушным данванам, которые решили взять нашу землю и нас на ней под опеку. Для того, что-бы мы зажили так же счастливо и дружно, как живут наши братья в лесах и городах славянской земли... Мы молчали. Все молчали. Тогда они стали пугать и грозить, напоминая о мощи данванов и их решимости спасти нас от дикости... — Йерикка посмотрел на Олега потемневшими глазами и тихо сказал: — Когда тебя убивают — это страшно. Но в сто раз страшнее, когда убивающий тебя кричит: «Ты будешь счастлив! Я тебя люблю! Я тебе помогу!»

Олег представил себе такую картину и вздрогнул. А Йерикка продолжал:

— Они говорили. А мы молчали. Они снова начали расписывать то счастье, которое ждёт всех нас, когда наша крепость превратится в данванскую, когда у неё отберут имя Рысьего Логова, когда в ней поселится Капитан данванов, а нам дадут всё, чего нам не хватает. В замен же требуют лишь одного — нашу свободу. Такой пустяк, говорили они. И снова грозили войной, её ужасом и разорением... И наконец, — голос Йерикки вдруг звонко, стеклянно дрогнул, он вскинул голову, — наконец они замолчали тоже. Им нечего было больше сказать! А мы не возражали, не соглашались, не кричали, не бросались на них. Просто стояли. И они стояли в нашем кольце и с каждым вздохом теряли свою пёсью

¹¹ Праздник самого короткого зимнего дня.

смелость... Они озирались, ёжились, и страх овладевал ими. Только данван был неподвижен и молчалив, — с ненавистью и неожиданным уважением добавил Йерикка. — Тогда князь сказал: «Мы выслушали вас. Уходите и скажите, что вы были последними данванскими прихвостнями, что пришли сюда по доброй воле и ушли живыми. » И они убрались! Те двое бежали, как побитые малыши. А данван оглянулся и сказал неспеша: «Вы все умрёте, глупцы. » И мы знали, Вольг — это не просто слова. Мы снова праздновали, но с первым светом уже собрался Сход Мужчин. И многие говорили, что надо всё бросить и уходить в горы, пока не поздно. Но князь сказал: «Если есть силы бежать — кто поверит, что нет сил драться?!» И большинство заняли его сторону. Собралось ополчение, мы выслали пословных людей в соседние племена. Даже в те, с которыми у нас кровная вражда. И снова не все были согласны. И опять князь сказал: «Не будет добра, коль меж своими котора. » Мы радовались, — Йерикка усмехнулся. — Мы, мальчишки... Мы думали, что едва придёт враг, мы вгоним сталь ему в глотки — пусть погрызёт её! Даже я так думал... Мы успели вовремя. Едва собралось ополчение, как прибыли люди с ответом от соседей. К тем тоже приходили мары — и тоже убрались ни с чем. Ополчения ещё четырёх племён присоединились к нашему, и отец Гоймира стал князь-стар-шиной. Нас не взяли. Мы страшно обиделись, мы чувствовали себя оплётанными, опозоренными на всю жизнь! Ополчение ушло навстречу врагу, который уже двигался через зимние леса — большим числом, хотя самих данванов там было мало. Ушло ополчение — и больше не вернулось.

Этими простыми словами Йерикка закончил рассказ. И Олег только теперь заметил, что остальные всадники, придерживав коней, вновь едут рядом с ним и рыжим славянином. Олег обвёл взглядом суровые лица мальчишек:

— Значит, ваши отцы... — начал он и осекся. Вместо него закончил Ленко:

— И старшие братья, и дядя — все они погибли, горожанин. Врага не пропустили. И сам и легли в лесах. Ни один не вернулся.

— Заявочки... — пробормотал Олег. — И что же вы теперь собираетесь делать?

— Мы ждём и готовимся, — ответил Гоймир. — Это наша земля. Тут пепел наших навий¹², тут наши дома и наши корни. Мы люди племени Рыси, а не осенние листья, которые гонит ветер, Стрибожий внук.

«Веют ветры, Стрибожьи внуки... » — вдруг откликнулось в памяти. Невесть как как запавшая в голову строчка из мельком даже не прочитанного — просмотренного! — «Слова о Полку Игореве» была словно странный укор. И Олег поспешно сказал:

— Но ведь они вернутся. Думаете, они оставят вас в покое?!

— Не оставят, — кивнул Гостимир. — Потому нам важен каждый меч.

— Вы собираетесь сражаться?! — Олег ощутил, как против воли вытаращились глаза.

— Разве можно по-иному? — с таким же удивлением спросил Гоймир. — Со своей земли умри — не сходи! Так сказано.

Олег подумал, что очень даже можно — по-иному. Он был развитым парнем, имел свои суждения по множеству вопросов, о которых большинство его сверстников даже не задумываются. И, глядя телевизор — репортажи о притеснениях русских в разных местах бывшего СССР — всегда очень переживал, не понимая, почему те не сопротивляются. Да хотя бы и с оружием в руках — что терять, когда тебя выгоняют из дома, издеваются над твоими близкими?! Отец с горькой иронией говорил: «Зато живём по божьим заповедям — ударили по щеке, другую подставляем. » Но вот рядом с Олегом ехали совсем другие славяне. Такие же, как он. Говорившие на неотличимом почти языке. И всё-таки — другие. Считавшие, что боги за тех, кто противится врагу. Готовившиеся вступить в войну, в которой им заведомо не было победы.

Это не около телевизора возмущаться — почему, мол, не сопротивляются, почему такая покорность. А если автомат в беспощадных руках уже нацелен в лоб и тебе говорят:

¹² Души предков.

«Беги!»? Или: «Бросай оружие!»? Кто не побежит? Кто не бросит?

Да вот они не побегут и не бросят. Но ему-то что делать?! Зимы ждать, до которой, может быть, никто тут и не доживёт?! Противное чувство страха поднялось откуда-то из района желудка. Снова вспомнились виселицы и тупой, исполненный высокомерной силы, полёт данванских машин... Против них — с мечами?! Да пусть даже с этой рухлядью — «дегтя-рёвым»?! И что?! Вон, даже когда дед со своими друзьями — или кем там! — помогал, и то ничего не вышло, а теперь?! Ведь объективно — им кранты, это же видно. И им, и сопротивлению в городах, и неведомым анласам-кочевникам, землю которых травят данваны... Мир этот — в их власти. Они тут самые сильные...

Было что-то... неправильное в этих мыслях. Неправильное и скользкое, как лягушка под босой ногой. Противное. Только Олег не мог понять — что.

Его спутники тоже ехали молча. То ли переживали совсем недавнюю безвестную кончину близких, то ли думали о своём вполне ясном будущем... А потом вдруг Гостимир вскинул голову, тряхнул волосами, улыбнулся и... запел. Здорово запел, словно солист хор мальчишек имени кого-нибудь там знаменитого. Чисто, звонко и сурово:

*— Жаль, мало на свете свободных зверей.
Становятся волки покорней людей.
Ошейник на шею, убогую кость
В те зубы, где воет природная злость...*

И почти тут же подхватили Гоймир, Ленко и Йерикка:

*— А ловчие сети калечат волчат,
Их суки ручные вскормят средь щенят.
И будет хозяин под стук тумачков
Смеяться, что нету Перуна Волков!*

*Пусть лают собаки, таков их удел.
Восстаньте волками, кто весел и смел!
Кто верит в удачу и лютую смерть,
Кому бы хотелось в бою умереть!*

*Учите щенят, есть немало волков
Средь них, не запятнанных скверной оков.
Вдохнут они волю и примут наш вой,
Как клич, как девиз на охоту и в бой!..*

Это была первая песня с рифмой, которую Олег тут слышал. И звучала она, как дерзкий вызов тому, что происходит в Мире. Не было в ней безнадежной, суровой готовности ТОЛЬКО умереть, чего можно было ожидать. Олег почувствовал, как напрягаются мускулы, а руки сжимаются в кулаки...

*— Покорная вера — в собачьих богах!
Ошейник Иисуса — их слабость и страх!*

*Но вольные звери не знают преград,
Поймут волкодавов тупой маскарад!*

*Поймут и оскалят кинжалы-клыки!
Пощады не будем всем вам, выжлоки!*

*И вольные ветры завоют в лесах,
И знамя для волка — свобода, не страх!* ¹³

— Почему песня о волках? — спросил Олег. — Ведь вы — племя Рыси?
— Волк — зверь Перуна, — сурово ответил Гоймир. — Зверь войны. И не надо больше спрашивать...

* * *

Бесшумно ступая по моховой подушке, коньки выбрались на поляну, посреди которой высился тот самый камень — словно памятник Ломку. Тут ничего не изменилось. Всё так же лежали трупы хангаров, да задувал холодный ветер между сосен.

— Вяжите носилки к лошадям, — приказал Гоймир, спешиваясь первым.

— Помоги, — обратился Гостимир к Йерикке, и они вдвоём начали особым образом пристёгивать носилки к конской сбруе. Гоймир, чуть пригнувшись, водил стволом ППШ, шаря взглядом между деревьев, по камням и зарослям папоротника ниже на склоне.

— Нету там никого, — слегка насмешливо бросил Ленко, перекидывая ногу через седло и съезжая наземь, — довольно в бабки играть.

— Для многих последними стали такие слова, — через плечо заметил Йерикка. — И многие из тех многих были воинами не чета нам.

Олег тоже спешил, машинально закинул повод за сучок, потрепал коня по жёсткой долгой гриве. Расстегнул кобуру. С одним револьвером в окружении славян, особенно Йерикки с пулемётом и Гоймира с ППШ, он чувствовал себя каким-то голым. Тем более, что...

— Уж больно тихо тут, — сказал вдруг Гоймир раньше, чем Олег додумал свою мысль. — Вольг, Ленко, пошли тело подберём, да и поедем отсюда.

Они втроём двинулись к камню. Ленко шёл чуть впереди. Гоймир — сбоку Олега.

С камня взлетела сорока. Уже видно стало, что убитый лежит на животе и что его обыскали. Иного трудно было ожидать... Мох, покрывавший камни почти повсеместно, ощутимо пружинил под ногой. Олег всматривался вниз — туда, откуда доносился еле слышный шум реки. Взгляд мальчишки скользил по камням, тут и там поднимавшимся надо мхом и папоротником. Их бурые и серые бока пятнали лишайники...

И на одном из камней лишайник был содран.

Содран так, словно на него в спешке наступили... и обнажившийся камень был всё ещё влажным, непросохшим. В сухом, холодном воздухе, в солнечный день, в сосновом лесу камень высох бы минут за пять.

Кто-то пробежал тут не больше пяти минут назад.

Олегу стало жарко. Но он ничего не успел сказать — Йерикка сверху вдруг закричал:

— За-са-да-а-а!!! — и ударил вниз очередью из «дегтярёва» прямо через голову Олега. Услышав свист пуль, тот бухнулся на живот раньше, чем до него дошёл смысл крика. Прямо перед Олегом подпрыгивал на месте и крутился, словно танцевал рэп, Ленко, а потом — упал и скатился чуть вниз, упёрся в камни спиной, застыл. Гоймир прыгнул вперёд и в сторону, за похожий на мяч для регби валун. Йерикка продолжал стрелять, и Олег увидел, как бежит, прыгая с камня на камень, Гостимир — а потом ныряет в папоротник, словно в воду...

Потом взгляд Олега упал вниз.

Там, среди сосен и камней, передвигались от укрытия к укрытию люди в мешковатой серо-зелёной форме. Не хангары. Они перебегали и стреляли из длинных винтовок

короткими очередями.

Сюда стреляли. Вот один из них как-то странно завалился в папоротник и уже не встал... другого, спрятавшегося было за дерево, словно удар передком автомобиля швырнул вниз по склону...

Что-то с коротким хлопком разорвалось среди камней позади. Рядом на живот рухнул Йерикка, с хрипом завоzilся, подтягивая за ремень пулемёт; спина у него заплывала кровью сквозь плащ. Только теперь до Олега дошло, что он находится в центре самого настоящего боя.

Почти инстинктивно, движимый страхом за свою незащищённость, Олег оттолкнулся и перекатился по склону вниз, к Ленко. Тот был прострелен пулями в десятке мест, не меньше, но Олег не заметил этого, как не заметил и того, что перепачкал кровью ладони, схватившись за самострел — к счастью, свободный, ни за что не зацепившийся...

— Горцы, суки! — закричали снизу, и Олег вздрогнул — столько было в этих словах злобы и до такой степени неожиданно оказалось услышать их на русском... на славянском языке. — Сдохнете сейчас, выродки вонючие! Сдохнете!

— Сам ты выродок, подстилка хангарская, выползок данванский! — зло крикнул Гоймир. Он стрелял, лёжа за камнем, выставив ствол ППШ, наугад, и ветер сносил облачка быстро рассеивающегося призрачного дыма.

Пули щёлкали по его укрытию, высунуться Гоймир не мог.

Забинтованными руками действовать было нелегко, но всё-таки вполне возможно. Олег сдёрнул крышку с тула на поясе Ленко, выгреб наружу короткие, без оперений стрелы. Он не хотел пускать в ход наган, боясь совсем растратить патроны.

Ленко смотрел на него — совершенно спокойными, живыми глазами. Но изо рта и ноздрей мальчика вытекали струйки тёмной, уже начавшей сворачиваться крови...

Олег положил самострел на поясницу убитого — для упора. Абсолютное хладнокровие, подобное тому, посетившему его утром в поле, поселилось и сейчас в каждой клеточке тела...

... Человек, учивший его фехтованию, этим не ограничивался. Он много раз водил мальчишек в походы и устраивал с ними военные игры. Во время таких игр своих подчинённых тренер терроризировал беспощадно — физически и морально. Ему ничего не стоило проехаться специально срезанной палкой по спине, если она в строю казалась недостаточно прямой, пнуть ботинком на сантиметр выше, чем надо, в поднятый при переползании зад, довести четырнадцатилетнего парня до слёз едкими и громогласными публичными насмешками... Жалобы на «тяжело» или «не могу» он игнорировал. «Не хочу» же не признавал вообще — на «не хочу» ответом было «у нас всё добровольно — вон из клуба и из секции!»

Но одно было совершенно точно. Олег научился у этого грубого и временами беспощадного человека едва ли не большему, чем у отца.

Противник обладал подавляющим огневым превосходством. На два «огненных боя» и два самострела у него имелось не меньше полудюжины стволов. И ручные гранаты. «Спокойно, Олег, спокойно, » — прошептал мальчишка сам себе, всматриваясь до боли в заросли папоротника. В желобе самострела лежал не болт, а срезень — с широким. Заточенным до остроты бритвы лезвием-полумесяцем. Светлокожее лицо под низко надвинутым капюшоном поднялось от корней сосны.

— Спасибо, Игорь Степанович, — процедил Олег, нажимая удобный, почти винтовочный спуск. Он привычно изготoвился к отдаче, но её не было, как не было и выстрела. Просто лицо врага вдруг залилось волной крови — срезень ударил в глаз. Олег перекатился, сдёрнул рычаг затвора, поспешно вложил вторую стрелу — бронебойную, с настоящим гранёным ножом вместо наконечника... Снова мелькнуло в перебежке серо-зелёное пятно. Выстрел! Рослый враг выронил винтовку, обеими руками схватился за бок, скрючился и неверным шагом отступил за ствол сосны. Олег сделал кувырок в сторону, увидел, как от дерева, за которым он только что прятался, полетела светлая, нарядная щепка.

Вот такого в пейнтбольных баталиях не было.

Ещё одна граната разорвалась выше по склону. Пластаясь у самого основания камня, Олег осторожно высунулся — и увидел, как на фотографии в журнале, ствол ручного пулемёта метрах в пятнадцати от себя, не больше — и злой, короткий выхлест пульсирующего пламени на стволе.

— Гранату! Кто-нибудь! — завопил Олег, кляня себя за то, что не посмотрел, есть ли на поясе Ленко гранаты. Хотя бы одна! Как бы она сейчас пригодилась!

— Держи! — резко крикнул Гоймир, поняв, зачем «горожанину» граната.

Рубчатая Ф-1, старая добрая «лимонка», упала в ловко подставленную ладонь. Около бока, слева, корень расщепился, показав розоватую мякоть сосны, тут же потёкшую смолой... Боевая граната — впервые в жизни. Кажется, она очень мощная. Олег рванул кольцо — оно не выдернулось. Внезапно зашпешив, он разогнул торчащие с другой стороны запала усики, дёрнул снова и, задержав на секунду в ладони компактную, уже успевшую нагреться его теплом смерть, метнул её, как мяч в игре, безжалостно-пластичным движением хорошего спортсмена.

Треск, грохот, щелчки по камням. Ствол пулемёта резко дёрнулся вверх и пропал, съехал куда-то.

Ещё кто-то в мешковатой одежде покатился вниз, сминая папоротник и пытаясь выдрать из горла стрелу Гостимира. Что-то туго щёлкнуло о камень возле головы Олега, ударило в плечо. Он посмотрел — рядом лежала граната, чужая, идеально круглая. Быстрым спокойным движением, без мыслей, Олег оттолкнул её в расщелину меж камней. Там она взорвалась — почти тут же.

Двое в чужой форме словно из-под земли выросли — глаза бешеные под капюшонами, винтовки за плечами, в руках — длинные широкие тесаки с зазубренным обухом. С губ Олега сорвалось матерное ругательство, он рванул рычаг самострела... Сбоку живым клубком выкатился Гоймир, вскочил, с размаху врубил изогнутый нож в бок одному, с криком «Рысь!» рубанул наискось мечом по ключице второго, и тот повалился на осевшего первого, обливаясь кровью. Олег выпустил стрелу в третьего — поднявшись на колени из папоротника, тот целился в спину Гоймиру из винтовки.

И стало очень тихо.

Очень-очень. Олег осматривался, вжавшись плечом в камень и держа наготове вновь заряженный самострел. Гоймир, осторожно ступая, шёл к нему, держа в обеих руках окровавленные клинки. Гостимир, зажав плащом левое плечо, подходил к Йерикке, лежащему за пулемётом — голова на прикладе, в кулаках торчит папоротник.

— Всех кончили, — сказал Гоймир, подходя к одному из убитых. — Предатели, переветчики! — процедил он сквозь зубы и повернулся к Олегу. С лёгким удивлением посмотрел на него, словно впервые увидел. — А ты боец, Вольг. Без тебя прибрала бы нас Белая Девка...¹⁴ Это и называют — пошли по шерсть, а вернулись стрижены... кровь Черногобога! — он коротко, зло рассмеялся и неясно было, кого имел в виду.

Олег, не снимая самострела с руки, поднялся в рост и тоже подошёл посмотреть на убитых. Не сказать, чтобы ему этого очень хотелось, но что-то упрямо тянуло его к трупам, каменно-неподвижно лежавшим в кустарнике и уже очень мало похожим на людей. Смерть забрала у них это сходство — теперь они скорее напоминали валуны, каких вокруг много.

«Вот я и поучаствовал в настоящем бою, — подумал Олег, скользя по трупам взглядом. — Скольких же я убил? Трёх — на лугу утром. И четверых здесь. Или больше? Я фигею. Почему я ничего не чувствую?» В самом деле, он не испытывал желания жадно вглядываться (как в книжках) в лица убитых им, но не ощущал и какого-либо чувства вообще. В бою было хладнокровие — даже без азарта. А сейчас — равнодушие.

Его хотели убить.

¹⁴ Название и зримый облик Смерти.

Убил он. Всё.

— Ленко убит, — сказал Гоймир. — Как решето. А что Йерикка?

Тот ответил сам:

— Два осколка в спину. Так, пустяк, эти штучки даже плащ добротный не пробивают.

Но, кажется, всё было не так красиво, как он говорил. Лицо Йерикки и в самом деле было спокойно, как вода в тихой заводи, он сидел, словно просто решил отдохнуть, привалившись затылком к стволу сосны — вот только дышал очень осторожно. Белые полосы мягких льняных бинтов охватывали ему грудь. Гостимир, сидя рядом, бинтовал себе плечо.

Тем временем Гоймир с абсолютным хладнокровием подошёл к одному из убитых. Сказал:

— Чтоб тебе не вернуться! — и, примерившись, точным, сильным движением отсёк труп головы. Ударом ноги откатил её в сторону. Перешёл ко второму...

— Мамочки... — Олег отвернулся и, согнувшись, уперся ладонями в колени, пережидая резкий и болезненный позыв на рвоту. За его спиной Гостимир возмутился:

— Смотри, куда катишь!

Олег открыл рот, но пустой желудок ничего кроме струйки зеленоватой желчи из себя не выдавил. Спазм отозвался резью во внутренностях. Вот тебе и равнодушие...

— Вольг, помоги, — окликнул его Гоймир. Не поворачиваясь, Олег сердито ответил:

— Знаешь, не тянет меня на это смотреть.

— На это? — Гоймир, кажется, усмехнулся. — Война такова.

— Рубить головы покойникам? — Олег распрямился, сплюнул, жалея, что нечем сполоснуть рот. — Ничего себе война...

— Знаешь пословицу: «Подсел к чужому очагу — ешь, как все!»? — спросил Гоймир. Гостимир поддержал:

— Попади к ним кто наш...

— Ладно, — откликнулся Олег. — Это ваши дела, не мои.

По-прежнему не глядя на то, чем занимается Гоймир, Олег подошёл к Ленко. То ли при падении, то ли при повороте уже мёртвого тела меч убитого парня — с рукоятью, увенчанной искусно выкованной из меди головой рыси — на треть выскользнул из ножен. На сером, без полировки, лезвии играл ставший сумрачным солнечный свет, словно бы сплетались стебли трав, образовывавшие что-то, очень похожее на фигуру человека, стоящего с прижатыми к бокам руками... Олег сморгнул — человеческая фигура растворилась среди стеблей невиданных трав...

Мальчик нагнулся, чтобы задвинуть клинок обратно в ножны. Но его остановил тревожный оклик Гоймира:

— Нет! Не трогай!

Олег удивлённо оглянулся. Странно, но все трое горцев смотрели на него — внимательно и непонятно, с какой-то тревогой... или ожиданием?

— Почему? — непонимающе спросил Олег. — Я только хотел поправить меч.

Горцы переглянулись. Гоймир чуть-чуть пожал плечами:

— Добро. Пускай...

А Йерикка пояснил серьёзно и значительно:

— Видишь ли, Вольг... Тот, кто берёт оружие убитого в руки, может оставить его себе... а может и не оставлять. Но независимо от того, что он решит, он становится мстником. Он ОБЯЗАН отнести оружие в род убитого и поклясться отомстить. Именем Перуна Сварожича, Карны и своей Доли¹⁵. А ведь ты скоро уедешь. А у Ленко мать, дед с бабкой, младший брат и две сестры...

— Я принесу его оружие в род, — вызвался Гостимир, и уже встал, шагнул вперёд... но Олег остановил его:

¹⁵ Карна — богиня возмездия. Доля — личная судьба человека (не неизменная!)

— Подожди, — и повернулся к убитому.

Что он знал об этом парне? Ничего. Какое ему было до него дело? Никакого. Он тут гость — Йерикка прав на все сто. И он сам сказал — это их дела. Не его. Если он сейчас возьмёт оружие — он свяжет себя дикарским обычаем с людьми, которых не знает. До которых ему нет дела. Не может быть дела.

Олег вспомнил дом. Отца, маму, свою новую комнату. Вадима, многочисленных приятелей. И ещё. Виселицы вдоль заброшенного железно-дорожного полотна. Немого, который полз по садовой дорожке. ЗАПАХ хангара, лапавшего Бранку...

— Мой дед, — отрывисто сказал он. — Он был мести́ником?

— Да, — откликнулся Гостимир. — Не надо, Вольг, тебе будет жаль потом.

Падающий Ленко. Разорванный плащ на спине Йерикки. Крик: «Горцы, суки! Сдохнете!»

Сладкий ужас, от которого на глаза навернулись слёзы, заполнил всё существо Олега. Он ещё раз посмотрел в спокойное лицо Ленко. И, наклонившись, отстегнул пояс с мечом и ножом — широкий, из толстой кожи, с серебряной пряжкой в виде восьмиконечной звезды-перуники. Выпрямился. Поглядел вокруг с лёгким вызовом:

— До зимы далеко. Я что-то сделал не так? Скажите.

Йерикка смотрел явно одобрительно. Гостимир покачал головой. Гоймир вздохнул:

— Ты не ведаешь, что сделал, Вольг. Но теперь уж прошло время поправлять что...

— Я и не собираюсь ничего поправлять, — упрямо сказал Олег, застёгивая на себе пояс. Ленко в самом деле был плотнее — пришлось перетянуть пряжку, чтобы пояс не болтался на бёдрах. Меч и нож оттянули его непривычной сумрачной тяжестью — словно присматривались к но-вому хозяину и ещё не решились, принять ли его, признать ли...

* * *

Дома Олегу пришло в голову определение «пятистенки», хотя он и не знал, что оно означает и пятистенки ли эти дома — стояли без заборов, открыто, среди яблонь, шиповника и ещё каких-то кустов, мальчику неизвестных. Все они образовывали одну длинную улицу, тянувшуюся прямоком через укрытую в скалах долину. За домами покровительственно раскидывали свои кроны могучие дубы. Очевидно, когда-то всю эту укромную, закрытую от ветров скалами землю занимала небольшая дубрава. Потом пришли люди. Построили у входа в долину крепость. Стали ставить дома, сажать яблони, ухаживать за ними в морозы... Но и дубов не свели больше, чем нужно — Рысье Логово лежало в их окружении, как под надёжной стражей. Красивое, тихое место... Дома — от конька до завалинки — покрывала искусно сделанная резьба, в которой узнавал Олег всё те же мотивы, что и на головных повязках, на одежде людей племени... И в каждом дворе — даже символически не обозначенном — стоял резной столб. Женщина в рогатом головном уборе обеими руками прижимала к животу разделённый на четыре части ромб.

Лада. Богиня порядка, чистоты, гармонии. Так объяснил Олегу шёпотом Йерикка. Он же сказал, что эта часть Рысьего Логова называется Город — как огороженная скалами и крепостью у прорубленной в тех скалах дороги.

Олег плохо слушал эти объяснения. Чувство, владевшее им, нельзя было назвать страхом. Он словно бы всё глубже погружался в странный тревожный сон — с каждым часом всё больше и больше увязал в делах этого мира, подчиняясь его холодному очарованию и совершая поступки, на которые раньше просто не был способен. Как знать, не испытал ли что-то подобное его дед, оказавшись здесь впервые? Может быть. Его сейчас этот вопрос не очень волновал.

Город был тих, но не пустынен. Люди стояли возле каждой низкой двери — молча, глядя на приближающихся по пыльной дороге мальчиков. Олег шёл первым, неся на руках перед грудью пояс Ленко. За его плечами мерно, в ногу, шагали Гоймир и Гостимир;

Йерикка пойти не мог, остался с краю Города.

И едва они проходили мимо какого-то дома, как люди, стоявшие там, начинали петь за их спинами. Родившись около крайнего, песня усиливалась и росла с каждым десятком шагов. Она была без слов — люди пели, не разжимая губ, печально и сурово повторяя один и тот же пронзительный мотив, при котором можно было думать о единственной вещи.

О Смерти.

Громче. Громче. Громче. Лица обоих горских мальчишек — Олег видел их боковым зрением — были отрешённые и суровые, глаза устремлены вдаль, где они видели... что? Как их друзья вот так же идут к их домам и несут на вытянутых руках чёрное горе, а безликая женская фигура шагает в ногу с ними — видимая для тех, кто МОЖЕТ видеть?

Олег не знал, сколько они прошли. Он не считал ни шагов, ни домов. И почти не способен был думать. Пояс оттягивал ему руки, словно он нёс человеческое тело. По дороге домой кривящийся от боли Йерикка объяснил землянину весь смысл совершённого им, Олегом — и теперь этот разговор занимал всё воображение мальчишки.

Меч и камас — так правильно назывался нож, похожий на кукри — это часть воина. Когда Карна обрезает нить, питающую человека идущей из Божьего мира, из виррая, огненной, жизненной силой, в страхе и тоске кричит Желя, водительница человеческой души. Некоторые слышат этот крик и могут сказать — я скоро умру. Другие не слышат... но это и не важно. А важно то, что принимающий оружие убитого — принимает его часть. Сливают её с собой — и САМ становится ЧАСТЬЮ ТОГО, КОГО БОЛЬШЕ НЕТ НА ЗЕМЛЕ, В МИРЕ. Морана-Смерть чувствует эту оставшуюся в мире живых частичку. Морана-Смерть посылает Мар, своих прислужниц — забрать то, что должно быть воссоединено с умершим. Тот, кто взял оружие товарища, облегчает ему возвращение из вир-рая в Мир — в облике внука, правнука, племянника; любого из родичей. Но на себя навлекает великую опасность. Мары слепы в мире живых. Они не могут отличить слившуюся с живым часть погибшего — и самого живого, нового носителя оружия. И, если находят то, что ищут — стараются забрать всё сразу. И не всякий может им противостоять, потому что сила Мар велика...

Сам того не зная, в глазах горцев Олег уже совершил ПОСТУПОК — он СТАЛ ЧАСТЬЮ МЁРТВОГО, облегчив и приблизив для Ленко ВОЗВРАЩЕНИЕ, сохранив на земле, в Мире, живую его частичку. Когда Йерикка объяснил всё это, Олег, внутренне поёжившись от неприятного ощущения, спросил, верит ли в это сам Йерикка?

И тот сказал только: «ДА. »

А песня без слов, казалось, пульсирует, заняв собой всё пространство долины.

— Здесь, — еле слышно сказал за плечом Олега Гоймир.

Как автомат, Олег повернул.

Дорожка к ЭТОМУ дому была обложена по краям гранитными плитками и усыпана песком. На этой дорожке, рядом с фигурой Лады, стояли красивая статная женщина, седая пара — старый воин и сухонькая старушка, его спутница жизни, и дети: мальчик лет десяти, поразительно похожий на Ленко, а с ним — две девушки на три-четыре года старше, похожие на мать.

— Мы принесли горе в твой дом, Миловида Справна, — Гоймир поклонился женщине в пояс.

Женщина, очевидно, поняла это давно — ещё когда они вошли в Город. Но надеялась на чудо — надеялась с неистовой верой матери, которая, бывает, отталкивает смерть... А вот не оттолкнула. Олег заметил, как подались друг к другу и без того тесно стоящие люди — будто сплотились перед бедой.

Женщина вскинула голову решительно и гордо:

— Где сын мой Ленко? — послышался её ровный голос.

— Он ушёл, чтобы погостить у отца и родни и вернуться, когда отпустят, — тихо ответил Гоймир. — Перун Сварожич нальёт ему полную чашу мёда и подаст руками своей дочери...

Женщина покачнулась. Мальчик, брат Ленко, подался к ней с решительным бледным лицом, но мать отстранила его:

— Скажи по правде, Гоймир Лискович, ответь по чести — не опозорил ли мой сын имени Рыси и достойного рода своего?

— Ленко погиб в бою, — откликнулся Гоймир. — Радуга не обломится под ним. Лёд Кашеев его не дожждётся, Миловида Справна, мать воина...

— Кто принёс нам его пояс? — подал голос старик, и глаза его блеснули под седыми бровями. Он смотрел мимо Олега. — Ты, Гоймир Лискович?

— Я, — со звенящей в голове пустотой Олег шагнул вперёд. — Я принёс тебе пояс твоего внука. И я оставлю его себе.

И Олег нарочито медленно застегнул пояс у себя на бёдрах.

Глаза старика пронзили мальчика насквозь почти злобным взглядом.

— Тебя я не знаю, не ведаю, кто ты, не видел до сей поры. Назовись.

— Олег Марычев, — ответил Олег. — Я издалека, но я буду сражаться за ваш род, ваше племя, как за свой.

«Кто это сказал?! Я это сказал?! I'm crazy¹⁶ совсем, кажется. Тут, наверное, воздух такой.»

Старик ещё несколько мгновений изучал Олега — словно вещь ошупывал глазами. Потом седая голова наклонилась:

— Добро. Так будет.

— Мать, — неожиданно сурово произнёс младший, беря женщину за руку, и это не прозвучало смешно. — Я тоже буду мстить за брата. Подрасту лишь немного — и будет им горе, как оружие возьму. Я столько их убью, сколь смогу, сколь поможет убить Дажьбог Сварожич...

— Ты, рысёнок? — спросил старик. И, неожиданно легко шагнув вперёд, повернул к себе младшего внука, взяв его жёстким хватом за волосы. Заглянул ему в глаза: — Ты будешь мститель тоже?

Мальчишка не вздрогнул:

— Я, дед, — решительно сказал он. И старик разжал пальцы.

— Добро. И так пускай тож будет.

Тем временем Миловида, повернувшись к Олегу, неспешно и глубоко ему поклонилась, а затем заговорила:

— Войди и ты в наш дом, Вольг Марыч, — она сказала так, а Олег, услышав свою фамилию в здешнем произношении, сообразил только теперь, что она созвучна с «марами» и вновь ощутил неприятный холодок по коже. — Будь в наш род, сядь к нашему Огню, мститель за моего сына. И не услышишь ни от кого слова «чужой». Так я говорю про то, в чём слово женщины — закон богов. Будь добр и благо тебе...

* * *

Нет, Олег не остался жить в доме, к которому пришёл тем вечером.

Он очень боялся обидеть людей, искренне предложивших ему... вот в том-то и дело, что не гостеприимство, а возможность стать членом их семьи! И эта возможность была для Олега до такой степени странна и в новинку, что его охватило внезапное смущение. Путаясь и мямля довольно беспомощно, он попытался объяснить, что не хочет никого стеснять, что... ну и так далее. На лицах родичей Ленко отразилось искреннее недоумение, но что хуже всего — такое же недоумение охватило и Гоймира с Гостимиром. Неизвестно, как бы Олег выпутывался из всего этого, но появился Йерикка. Он увидел, что церемония окончена,

¹⁶ Я сошёл с ума (англ.)

третий сопровождающий больше не лишний — и поспешил на помощь. От лица Олега, застывшего с глуповато-благодарным видом, Йерикка воздал хвалу за гостеприимство, поклонился за доброту и мягко пояснил, что у Олега на родине осталась семья. Он непременно вернётся к ней и не хочет, чтобы расставание — когда к нему привыкнут — больно ударило по новым родичам, так хорошо с ним, Олегом, обошедшимися.

Если честно, Олег сам о семье думал в этой ситуации очень мало, но объяснение Йерикки всех удовлетворило. Пользуясь всеми правами приёмного в род, мальчик оказался ничем не связан и поселился на постоялом дворе.

Как ни странно, но в Рысьем Логове был и такой — единственное строение в два этажа, если не считать крепостной башни. Содержала его — и это тоже было странно — женщина, беженка с юга, энергичная старушка, жившая среди Рысей уже лет пятьдесят и намеревавшаяся прожить ещё столько же. С Олега или его рода брать плату она отказалась. Кстати, Олег удивлялся, зачем тут нужен постоянный двор, пока не понял, что в племени постоянно живут чужие, приезжающие по делам — заведение Славны никогда не пустовало. А Олег оказался обладателем апартаментов из одной — но большой! — комнаты, выходившей застеклённым(!) окном на дубы, окружавшие Город. А за ними можно было видеть скалы — природную крепость Рысьего Логова.

Ничего более странного, чем окружающая его жизнь, Олег никогда не видел — что, впрочем, понятно. Будучи от природы мальчиком наблюдательным, он с интересом вглядывался в то, как живёт племя, пытаясь найти знакомые по книгам черты — так разглядывают лицо полужнакомого человека, узнавая и не узнавая. Он плохо помнил, как жили древние славяне — исторические, в смысле. Сперва Олегу показалось, что вокруг него — мир из великолепного сериала о Волкодаве, который он залпом проглотил совсем недавно. Но узнавание оказалось... не то, чтобы ложным. Неполным. Если этот мир и был на что-то похож, так это только на самого себя.

Племя Рыси насчитывало около двух тысяч человек — Олег не расспрашивал, определив на глазок (и почти не ошибся) — и переживало не лучшие времена (это, кстати, было понятно сразу). Оно делилось на роды — но это были не многочисленные классические роды по 20-30 человек, а скорее просто большие — 8-10 членов, редко — больше — семьи, жившие в отдельных домах. Определить их, как «древних славян» мешало то обстоятельство, что Олег то и дело испытывал уже знакомое раздвоение. Его новые родственники временами вели себя так, что возникало полное ощущение современности происходящего — современности для Олега. И вдруг те же люди молниеносно преображались — оставалось лишь головой потрясти и гадать, какой это век, восьмой или шестой. Они отрубали головы убитым врагам и мерили температуру в градусах по Цельсию, глядя на термометр, одиноко висящий в крепостном дворе. Мальчишки учились в настоящей школе, где был компьютерный класс, гоняли по улице мяч — и могли с серьёзно-торжественным видом перечислять своих предков, пока хватит терпения у собеседника. Они знали, что такое ПЗРК «Игла» — и нерушимо верили в святость воинского дела и справедливость богов.

И при всём при том — это было САМЫМ странным! — они не выглядели смешными, какими часто выглядят дикари, получившие в пользование дюжину благ цивилизации.

Окружавшие Олега люди не имели ничего общего с «туземцами», слепо поклоняющимися любым из этих благ и легко перенимающими самые простые — и самые опасные — их приметы: внешние. Но не было в них ничего и от тупого дикарского фанатизма (часто трактуемого как «свободолюбие» или «своеобразие») с его нежеланием перенимать что-то вообще, чего не было у предков. Каким-то странным образом эти красивые, спокойные русоволосые люди сумели «отделить зёрна от плевел». И чего они не принимали на самом деле — так это САМУ цивилизацию, созданную где-то на юге пришельцами со звезды Невзгляд — данванами. Именно поэтому горцы были ОБРЕЧЕНЫ. Данванам они не подходили в соседи — и не желали становиться их рабами. Жить в обществе, спокойно готовящемся к смерти — странное ощущение.

К счастью, возраст делал Олега максималистом. Он не терзался поисками истины, приняв жизнь такой, какой она была вокруг него. И не пытался понять, в чём причины конфликта. С него хватило, что люди, ему лично симпатичные, оказались по ЭТУ сторону баррикады — начиная с деда и кончая Йериккой и Бранкой.

Которую он, кстати, ни разу не видел за те четыре дня, что провёл под гостеприимным кровом Славны.

Да и вообще — он мало кого видел. Жизнь, если можно так сказать, текла мимо, и первоначальная приподнятость духа, толкавшая его на необдуманные поступки, сменилась самым противным, что только может настичь человека — тоской. Это была тоска по дому, смешанная с неожиданно пришедшим пониманием печального факта — он тут чужой. При всём к нему хорошем отношении, гостеприимстве, готовности помочь — чужой.

И, похоже, предстоит ему сидеть до зимы в этой комнате на втором этаже постоянного двора — с револьвером и мечом, который он неизвестно зачем взял с убитого...

... Олег проснулся с мокрыми щеками. В окно ломилась красноватая луна — кстати, пошедшая на убыль с тех пор, как он её первый раз видел. Убывало Око Ночи сверху, а не сбоку, как привычная земная его сестричка.

В комнате пахло вереском — им был набит тюфяк, на котором Олег лежал. Запах был приятным, успокаивающим. Мальчишка судорожно вздохнул и сел на широкой лавке, которыми тут пользовались, как кроватями. На лестнице еле слышно шаркали шаги, и Олег знал, что это домовый — самый настоящий, не слишком разумная, но полезная тварь, которых тут содержали так же естественно, как собак. Первый раз столкнувшись с ним на лестнице, Олег испугался до оцепенения. Потом привык. Домовой был ночным существом и за ночь успевал проверить массу чёрной работы.

Сон, вот что его разбудило. И вот почему он плакал. Во сне человек не отвечает за себя... Олег потёр виски. Сон вспомнился отчётливо и тяжело — отец и мать стояли в дверях дома совершенно седые, с помертвелыми лицами, он кричал, пытаясь подбежать к ним, но каждый раз почему-то оказывался в стороне, словно скользя по ограждавшей их прозрачной стенке...

Болела голова. Она иногда болела и дома — тогда Олег пил темпалгин. Тут темпалгина нет. Тут ничего нет. А если завтра начнётся аппендицит? Загибаться от перитонита? Мальчишка внезапно почувствовал, что ненавидит этот мир, как зверь, наверное, ненавидит клетку, из которой не может выбраться — не тех, кто его посадил внутрь, а именно клетку: прутья, запах, дно...

Доски пола были тёплыми — нагревались снизу, где в кухне всегда горел открытый огонь. Олег подошёл к окну, навалился животом на подоконник, ткнулся носом в стекло.

Звёзды над Миром были обычными — яркими и многочисленными. Олег отыскал перекошенную расстоянием Большую Медведицу, потом — Полярную. Не найти таких примет, чтобы добраться по ним домой... Вроде и среди людей — а один, и от этого одиночества можно сойти с ума.

Внизу, под окнами, негромко засмеялись, мелькнули две тени. Олег отвернулся от окна. Им до него нет дела. Племя жило одной семьёй — можно было ночью явиться в чужой дом (двери-то не запираются!) и начать хозяйничать на кухне у печи. Можно незванным приходить на праздники и самому никого не звать — придут и так. Можно здороваться на улице со всеми подряд, не опасаясь нарваться на недружелюбный взгляд...

А живётся им тяжело — это Олег понимал. Здешняя земля плохо родила хлеб, разве что ячмень, да и то не везде. За зерном ездили на полдень — на юг, в леса, и не раз платили за хлеб кровью. И вообще, тут мало что росло хорошо. Спасали богатая охота и море — суровое, холодное... У племени было восемь боевых шнеков и одиннадцать кочей — рыбацких и торговых пузатых, остойчивых кораблей. Только добытчиков не хватало после гибели мужчин.

Ко всему ещё — ожидание висело над Вересковой Долиной, ожидание неминуемой беды, которую готовились встретить женщины, старики, дети и ровесники Олега. Тоже дети,

взвалившие на себя мужскую работу.

А он сказал несколько красивых слов — и выпал из жизни, как манекен из разбитой витрины.

Ну хорошо. Если завтра придут данваны, хангары, кто ещё там — он возьмёт наган, самострел, меч, камас, что там ещё дадут — и пойдёт сражаться. Не надеясь победить — просто потому, что бежать не имеет смысла. А если не придут — ни завтра, ни через месяц? Они-то словом не попрекнут — как же, внук народного героя, друга самого князя!

Говна-пирога, с отвращением подумал Олег, пялясь в полумрак комнаты. Вот на это ты годишься — о приключениях мечтать. И кроме того, не надейся спокойно просидеть в этом закутке до зимы. Ещё неделя — и ты со стенами разговаривать начнёшь. И спать будешь бояться ложиться. Нет, надо что-то делать. Заставить себя действовать, загрузить чем-нибудь, чтобы поменьше места в голове оставалось для памяти...

Шипя ругательства, он прошёлся туда-сюда по комнате, мазнул взглядом по висящему на стене оружию, разозлился ещё больше — на себя. Хорошо, так и надо... Снова подошёл к окну, нашарил щеколду, настежь распахнул застеклённые рамы.

Ночь сразу зазвучала на десятки голосов, среди которых почти не было человеческих. Вздыхал где-то ветер. Стрекотала насекомая мелочь. Таинственно бормотали за кольцом скал пустоши. Огни нигде не горели — Город спал, спало всё Рысье Логово...

Нет, не сё. Сквозь тоннель в скале было видно, как в нижнем ярусе башни, в крепости, светятся два окошка-бойницы. Там находилась школа — это Олег знал. Несколько секунд он смотрел на эти огоньки.

Потом — потянулся за своей ковбойкой.

* * *

На ночной улице была угнетающая пустота, а в скальном тоннеле — вообще жутко. Капала вода, собственные шаги звучали странно, по-чужому. Олег почти бежал на огоньки, придерживая ладонью кобуру нагана.

Дверь в башню была открыта. Сейчас Олег видел, что и на самом верху горит огонёк — третий. Там жил в полном одиночестве князь Крук. Жил над опустевшей дружинной горницей, где ещё недавно его сын пировал в окружении лучших мужчин племени...

Над дверью в камне были высечены оскаленная морда рыси и охранительный знак — восьмиконечный звезда-цветок, перуника. Здесь верили, что ни одно Зло не войдёт в дом, помеченный таким знаком. Верили и в то, что от беды защищает рябина — это дерево росло у каждой двери, недалеко от статуи Лады...

Олег вошёл в тёмный, озаряемый лишь светом из двери, коридорчик, имевший странный, потусторонний вид. Быстренько форсировав его, он оказался перед второй дверью — над низкой притолокой в камне был вырезан круг со вписанным в него странным крестом — словно четыре буквы Т срослись ножками. Это Олег уже знал — символ распространения благ на все стороны Мира. Для школы — вполне подходяще... А вот внутри этого помещения он ещё не был.

Примерно так он чувствовал себя — это ощущение всплыло из глубин памяти необычайно явственно — когда переминался перед дверью фехтовального зала, впервые придя в секцию и не решаясь шагнуть в новый, привлекательный, но чужой пока что мир. И тогда этот мир для него быстро стал своим... так чего же он боится сейчас?!

Олег толкнул дверь, бесшумно распахнувшуюся на хорошо смазанных бронзовых петлях.

Ничего особо примечательного внутри не было. Около большого — широкого и длинного — стола стояли скамьи, вдоль стен — большие сундуки. На одном из сундуков уверенно замер «дегтярёв» без диска, на другом лежали, тускло поблёскивая в свете нескольких подвешенных к потолку светцов, предметы, которые Олег тут увидеть не ожидал

— три новеньких, почти что в смазке, «сайги» 12-го калибра. Земля, привет... Кроме этих предметов тут же находились несколько человек.

Гоймир, скрестив ноги, сидел на одном из сундуков, держа на коленях вполне обычного вида блокнот и карандаш — что-то черкал, по временам поглядывая на узколицего рослого парня с диковатыми глазами, ходившего у почти обычной школьной доски, рядом с которой на полочке лежали бесформенные комья мела. (При ближайшем рассмотрении доска оказалась каменной плитой!) Её поверхность была изрисована омерзительно кривыми строчками глаголицы и непонятными рисунками, похожими на творчество Марка Шагала. Лица у Гоймира и этого парня были одинаково сосредоточенными, только Гоймир молчал, а парень что-то негромко, но горячо доказывал, отчаянно жестикулируя. Судя по жестикуляции, он из кого-то тянул кишки, кому-то рубил голову, кого-то добивал копьем... Йерикка, положив ногу на ногу, развалился на одной из скамей, упершись спиной в стол; лицо его выражало стойкий скептицизм пополам с иронией. Ещё один парнишка — моложе остальных — весьма уныло переставлял по столу пузатые патроны к «сайгам». Последний присутствующий — почему-то в одних штанах и босиком — затачивал камасом двадцатый карандаш. Девятнадцать штук уже лежали перед ним, сомкнув в копейный ряд остренькие носики.

— Мне можно? — осторожно спросил Олег, наклонив голову в знак приветствия.

— Можно, можно, заходи, Вольг! — обрадовался Йерикка. Гоймир не обратил внимания — смотрел в блокнот. Остальные кивнули в ответ, а точивший карандаши, усмехнувшись, сказал:

— Вот, Горд, — он кивнул на Олега узколицему, — один человек, что без понуждения сюда зашёл. И то лишь оттого, что не знает дел наших...

— Так думаешь... — сердито и быстро обернулся к нему узколицый Горд.

— Думаю я, — медлительно ответил «точильщик», — что ненужным делом мы тут балуемся. Чистым, как родник в горах, баснописанием, планов кропанием, что есть занятие скверное и недостойное... а без обид сказать — словами блудим, как девка городская — телом. А за словами — пустота, и свою немочь мы ими прикрываем.

Горд резко покраснел:

— Ты дошутишься, Резан... — начал он напружиненно. Но Йерикка с места оборвал:

— Ладно, ладно, хватит... Что там дальше у тебя, Горд?

Олег тишком уселся в углу на сундук и начал слушать.

— Вот будем её потрошить после улова, — Горд пощёлкал пальцем одну из строчек, — да головы рубить сразу, а потом убивать плотнее, так сразу места больше станет. И пойдёт у нас...

— ... нелепица, — заключил Йерикка. Он, кажется, один внимательно прислушивался к словам Горда. А сейчас потянулся и добавил: — Нелепица, дружище. Места станет больше. Верно. А как в море на наших кочах рыбу разделявать? Всё равно что против ветра мочиться и не забрызгаться. День, другой, третий — и в море от усталости падать начнём, той рыбе на радость.

— Не о себе надо думать, — оскалился Горд, — а о том, чтобы на торг было что везти, не то быть нам голодом, без хлеба...

— Ага, — невозмутимо прервал Йерикка, — ты готов всех наших овец ободрать и полушубки сшить. А я лучше их каждый год буду стричь и безрукавки вязать... Не спорю — полушубок теплее. Зато безрукавок больше будет.

— То анласы так шутят? — осведомился Горд.

— Да какие шутки, — ласково сказал Йерикка, — это жизнь!

Гоймир тем временем вырвал из блокнота листок и подал его, наклонившись вперёд, «точильщику» Резану. Тот посмотрел и фыркнул. Олег взгляделся: хорошо узнаваемый Горд с утрированно-перекошенным лицом правой рукой рубил головы перепуганным рыбакам, левой камасом потрошил их, одновременно озверело прыгая на рыбе обеими ногами — трамбуя её. На заднем плане рыдала невероятно красивая девушка. Рисунок был очень

умелый, профессиональный — примерно так мог рисовать карикатуры на товарищей Вадим. Но что интереснее — внизу листка что-то было подписано, и Резан это прочитал вслух, хотя и негромко:

— Первым делом, первым делом — ловля рыбы, ну а девушки — а девушки потом!

Строчка из старинной песни повергла Олега в лёгкий шок. Гоймир между тем потянулся всем телом и, следя за тем, как листок пошёл по рукам, сказал:

— Так слушаешь — думается, мы в поход знатный собрались, столько разговора. А по делу — что такое рыба? Мелочь...

В его глазах плясал смех, он явно подкалывал Горда, который как раз рассматривал дошедшую до него карикатуру и сказал:

— Нелепица.

— А то как же, — согласился Гоймир.

— Между прочим, — Йерикка повернулся к Гоймиру, — несмотря на всю нелепость затеи, — Горд то ли рыкнул, то ли каркнул от возмущения, — Горд где-то прав. Дело, конечно, скучное, но нужное, а водитель наш рисует карикатуры, как Кукрыниксы... — теперь уже невнятный возглас издал Олег, но на него никто не обратил внимания. — Ты, Резан, ничего по уму не сообразил. Тебя, Крут, я вообще сегодня не слышал.

— Могу сказку сказать. Посмеёмся, — не переставая двигать патроны, объявил младший.

— Как наглотался кто-то «дури» данванской, да вообразил, что лежит в постели с честной супругой, да и занялся рукоблудием посередь улицы, — с отвращением добавил Горд, опершись спиной на стену. — Знаем. Слышали ту сказку.

— У тебя спина белая, — равнодушно заметил Гоймир. Горда перекосило:

— А...

— Не веришь — не надо, — лицо Гоймира вдруг стало злым. — Рассказывай, Крут, что хотел.

Мальчишка довольно уныло и без особого вообще воодушевления начал рассказывать:

— У нас в хозяйстве порешили вчера холостить бычка. А он, понимаете, здоровый вырос немерно. Если б ещё по уму делали, а то оно как обычно покатилося... Нашёлся кто-то — не дать самый умный, да самый быстрый — и понеслось под раскат... Трёхродный мой с торфяников стал. Чистил задок, а как дело за бычка пошло — сказал, что соседи-то его холостить обучили. Нам бы у тех спросить, да уж где там... Начал он расставлять людей, значит. Дал одному здоровенный кий — мол, бей бычка в лобешник. Ещё одного ставит позаду с резакон — давай, как падать начнёт, режь ему добро. Двое ещё — в тех двоих и я, ума-то временем нету — приткнул обок, чтобы, как бычка кием пометят, валить его начинали. А сам трёхродный в дверях становится — одно слово, князь, и только. И пошло. Тот, что с кием, замахнулся сплеча, а колотушка-то с оскепи и сорвись. Лёгкой птахой — да прямо трёхродному в лоб. Он вместо бычка в дверях — бряк! Но то начало было. Тот, что позаду стоял, видит — кием махнули. Он и взялся за дело. Ну а бычок восчувствовал — сей час его самого главного в жизни лишат, начинает ломить вперёд. Его вмах палкой между глаз, а что ему палка? Стоптал... Мы меж делом тем навалились на бок, а бычок у нас из-под рук и выскочи, ну мы мордами в навоз и легли. Трёхродный мой тем часом подниматься начал, да бычок по нему и пробежал.

Олег засмеялся, отчётливо представив себе эту картину. Но больше никто даже не улыбнулся. Гоймир вновь что-то рисовал в блокноте. Йерикка разглядывал носок своего мягкого шкуросапога. Горд по прежнему стоял у доски, вообще ни на кого не глядя. Резан точил карандаш — точнее, стачивал его.

— Да, — пошевелился Йерикка. — Куда ни кинь — всюду клин. Не получается ничего — добычу увеличить.

Это была единственная реплика, последовавшая в ответ на рассказ Крута. Впрочем, он совершенно не отреагировал на невнимание, а продолжал двигать по столу патроны.

— Давайте этим днём больше о рыбе не говорить, — продолжал Резан.

— Ночью, — не отрываясь от блокнота, поправил Гоймир.

— Что? — переспросил Резан.

— Ночью не говорить, — уточнил Гоймир, демонстрируя новую карикатуру: бык в штанах, которые распирали гипертрофированные гениталии, сражался двумя мечами с целой толпой хангаров, а ещё столько же лежали вокруг порубленные. На лбу у быка набухала шишка.

На этот раз все посмеялись, но опять-таки — не очень весело. Йерикка подвёл итог:

— Хорошо, рыбу оставим в стороне. Пока. Горд, не кривись, затея твоя нужная. На ярмарке закажем Чайкам коч побольше. А этот год уж обойдемся тем, что у нас есть.

— Было время — сами те кочи делали, — тихо сказал Крут.

— Было, — согласился Йерикка. — И вновь будет. А пока так... Ты ружья-то проверил?

— Огненный бой? — встрепенулся мальчишка, отбрасывая с глаз светлые волосы.

— Крут Гордыч — ты? — ехидно спросил Йерикка.

— Ну... я заряды смотрел...

— По одному на зуб пробовал, — беспощадно подвёл итог Йерикка. — Второй час сидим, а ты к делу и не приступал.

— Ладно, возьмусь сейчас, — проворчал мальчишка, вставая. Остальные с интересом за ним наблюдали.

Олег опередил Крута, не слишком уверенно смотревшего на «сайги». Он поднялся с сундука, подошёл и взял в руки ближайший полуавтомат. Такое оружие он держал не впервые... и стрелял из него несколько раз. Мощная самозарядка для охоты на крупного зверя — впрочем, если дробью, то можно и уток бить. Двенадцатый калибр валит волка — обычно говорят «слона», но отец, учивший Олега стрелять, всегда смеялся: слона свалить ничего не стоит, он лёгкая добыча, а вот волк иной раз убегает, простреленный в голову! Неметаллические детали не из дерева, а из зернистого углепластика. На Земле такая штучка обойдётся тысяч в пять-семь, а тут, интересно, откуда, уж не последний ли дедов подарок?... Пятизарядный магазин, флажковый предохранитель, удобный затвор с правой стороны ствольной коробки, прицел перекидной... Крепление для оптики. Плавный спуск. Удобная для удержания шейка приклада — шершавый пластик так и прикипает к ладони... Автоматического огня, конечно, нет, у предохранителя всего два положения...

Олег вертел эту штуку в руках, сам толком не зная, зачем за неё взялся — и услышал вопрос Горда:

— Умеешь ли с ней?

— Вполне, — кивнул Олег, поднимая глаза. Гоймир покривился:

— Я же тебе говорил, как он бьёт, так что спрашиваешь?

— Наган и гладкий ствол — разное дело, — довольно резонно сказал Горд. И спросил снова: — Хорошо ли бьёшь? Метко?

— Метров за... — начал Олег, поморщился и, задумавшись на секунду, поправился: — Сажень за тридцать в гильзу от этой же штуки попаду. Как не фиг делать.

На миг воцарилась многозначительная тишина. Резан сказал:

— Да мы клад откопали...

— Ты стреляешь лучше? — спросил Олег — ему почудилась в голосе насмешка.

— Да ты не ершишься, — добродушно ответил Резан. — Я без того, чтоб просмеять... Тридцать сажень — это добро. Очень добро!

— Тем более — патрон, зарядов мало, — добавил Крут. — Две дюжины на два ствола, полдюжины на третий. Покидаем впустую без навычки. Йерикка?

— Гоймир? — встрепенулся рыжий горец, и, когда Гоймир молча кивнул, обратился к Олегу: — Ты у нас вроде гость. Местным для войны назвался, войны нет, потому откажешься — не обидится никто. Мы вот что хотим предложить — пойдёшь завтра с нами на коче?

Снова повисла тишина — на этот раз выжидающая. Больше всего Олег, ошеломлённо выслушавший это короткое предложение, хотел завопить: «Да!!!» — и как можно быстрее,

пока не передумали, чтобы снова не начались пустые дни и ночи, скука и тоска... Но достоинство требовало соответственной реакции, поэтому мальчишка задумался (тишина стала уважительной — не пустомеля какой ответ дать хочет, вон как думает!), и в эту тишину Олег небрежно обронил:

— Куда? — словно его ждал десяток дел и он ещё собирался выбрать, какое интереснее. А про себя он удивился, как просто всё получилось — как в сказке. Зашёл со скуки на огонёк, а тебе подарили клад.

— Смотри, — Йерикка толчком развернул на столе льняную тряпицу — это оказалась карта. Вычерченная от руки, но очень умело и подробно. — Вот — наша долина. А эта каша — Северные Моря, Снежные Моря. Наш залив, — он махнул рукой на стену, — открывается в них. На островах живут снежища — такие твари с белой, как снег, шкурой. Нам к ярмарке нужна их желчь — да и для себя тоже. Из неё делают лекарство, которое останавливает кровотечение даже из рваных ран. Даже внутреннее, которое часто бывает от данванского оружия. Охотиться на снежищ трудно — они бегают, как лошади, да ещё и ныряют, а если лягут — не увидишь, пока не наступишь. Мы ходим на них с рогатинами, охотничьего оружия мало, да и привычки к нему нет. А раз ты говоришь, что хороший стрелок — то согласишься?

Олег посмотрел прямо в глаза Йерикке. И неожиданно понял, что никто из этих ребят В САМОМ ДЕЛЕ не обидится, не затаит злобу или неприязнь, если он, Олег, скажет: «Нет!»

Поэтому «нет» сказать нельзя.

И, сохраняя предельно равнодушный вид знающего себе цену человека, Олег ответил:

— Ладно, пойдём.

— Вот и добро, — с этими словами Гоймир дёрнул из блокнота и протянул Олегу ещё один листок. — Бери для памяти.

Это снова была карикатура: охотник, очень похожий на Олега, со свирепым лицом целился из «сайги», зажмурив один глаз. Огромный и очень ехидный зверь, похожий одновременно на акулу и белого медведя, стоял сзади и закрывал охотнику лапой вторую. Внизу что-то было написано. Йерикка, нагнувшись к Олегу, перевёл со смехом:

— Ни единого зверя не вижу!

* * *

Коч не имел названия. Олегу объяснили, что чести иметь своё имя удостоиваются лишь боевые шнеки. Пузатая посуда, набранная из сосны, была не больше тридцати метров длиной и по здешним масштабам могла считаться лайнером. Вёсла отсутствовали; на невысокой мачте уныло висел подобранный парус. Зато на носу стоял под чехлом из промасленной кожи самый обычный ДШК. Под носовой же палубой хранились в специальных сундуках охотничье снаряжение и одежда на все случаи жизни. Экипаж этого покорителя северных широт составляли десять крепких ветеранов, а охотничью партию — три десятка подростков, в число которых на правах «огнебойца» вошёл Олег.

Никаких жилых кают тут не было. Кают вообще — тоже. Для поселения предлагался провонявший рыбой открытый трюм — Олег знать не знал, как эта штука на самом деле называется, для него это было просто место между пятачками крытых носовой и кормовой палуб. Здесь все и обосновывались совершенно непринуждённо, расстилая спальники на гагачьем пуху. Такой же получил и Олег — вместе с комплектом тёплой одежды: штаны, безрукавка из шерсти, меховая куртка с капюшоном, трёхпалые рукавицы и сапоги-унты, которые тут называли «куты».

Отплывали вместе с солнцем. Было около трёх утра, но оно уже уверенно взбиралось на небо из-за горизонта. Олег уже давно заметил, что здесь рано светает, поздно темнеет, а ночи становятся короче раз от раза. Ему объяснили, что дальше на полночь солнце вообще перестаёт садиться — но объяснили потом, а тут при виде солнечного диска все вдруг

неспешно, но дружно поднялись на ноги (Олег тоже, непонимающе оглядываясь по сторонам)и, вскинув руки всё в том же «фашистском» приветствии, хором сказали:

— Слава, Дажьбог!

Кормчему — седому, как лунь, морщинистому на лицо, но широкоплечему старику — подали связанного за ноги петуха с крыльями цвета бронзы. Солнечный свет искрами взблёскивал на них. Петух хлопал крыльями и хрипло орал. Кормчий, повернувшись на солнце лицом, медленно извлёк камас и со словами: «Тебе даём, помоги детям твоим!» — одним точным ударом обезглавил птицу, а потом швырнул брызжущее кровью, встопорщенное тело в воду, хмурую и спокойную у берега... С хрустом и треском упал и развернулся широкий крашеный парус, на котором скалилась рысь.

Путь на полночь начался.

... У Олега было противное ощущение, что он сидит в автобусе, который быстро движется по бесконечной ухабистой дороге. Коч не успевал опуститься на воду, как в днище поддавала очередная волна — и кораблик снова взлетал вверх. Так, наверное, чувствует себя муравей, оказавшийся внутри теннисного шарика, который шутки ради снова и снова подбрасывают ракеткой. Почти сразу навалилась странная апатия. Олег присел на своё место, вытянул ноги и с испугом понял, что у него начинается морская болезнь — самая обычная и очень неприятная, о которой она раньше знал только понаслышке. Запах рыбы из неприятного стал омерзительным. Располагавшиеся вокруг ребята раздражали ещё и потому, что вели себя совершенно как на суше, похоже, и не ощущая волнения.

— Плыть четверо суток, — сообщил располагавшийся слева Йерикка. — Обратно быстрее — ветер будет дуть точно в паруса, не надо петлять. Сейчас-то против ветра идём — чувствуешь, как бьёт? А ведь это ещё и волны нет совсем...

— Чувствую, — кивнул Олег, с обречённостью подумав, что если это «нет волны», то там, где она есть, ему точно придётся блевать. На глазах у всех остальных! И в каком состоянии он прибудет к месту охоты?!

Его страданий никто не разделял и не замечал. Справа устроился Гоймир, напротив — у другого борта — невысокий и неожиданно смуглый Хмур и совсем юный тринадцатилетний Морок, впервые покинувший Вересковую Долину для серьёзного дела. Все они деловито копались в своих вещах, взятых в плавание — немногочисленных, но важных. Наконец Морок нарушил тишину трагическим:

— Чтоб мне!.. Бельё под смену забыл!

— Так оно бывает, когда человек по первому разу сам себе рухлядишку в путь укладывает, — назидательно заметил Гоймир.

— Так как же, — Хмур оглянулся через плечо, стоя на коленях около своего крошна, — как прошлым летом ему сестрица, на пастбище собирая, сунула в крошно свою исподнюю — он с той поры до сборов никого не допускает...

— Йерикка, — не обращая внимания на подначки, Морок умильно смотрел на рыжего горца, — сердце у тебя доброе... Так дашь мне своё?

— Нет, — отрезал тот. — Ты запачкаешь ночью. У тебя возраст такой, а мне носить... — хохот потряс коч, а Йерикка выругался: — Кровь Перунова!

— Что за дело? — невинно спросил Гоймир.

— Я рубаху забыл, — убито признался Йерикка.

— Меняю на исподнее, — немедленно предложил Морок.

— Что-то мне тошно, — решил обратить на себя внимание Олег. Гоймир — он пристраивал на коричнево-жёлтый выгнутый борт в головах своего спальника карандашный рисунок Бранки, держащей в зубах веточку рябины — немедленно отозвался:

— Это море тебя обнюхивает. Отпустит скоро, коли уж вовсе несчастливым не окажешься...

— А если окажусь? — вздохнул Олег и спросил: — А где Бранка сейчас? Что-то я её не вижу.

— Как её увидишь? — пожал плечами Гоймир, садясь на спальник. — На восходе она,

на дальнем пастбище... Дед сильно гневался, что ушла без спросу с обозом да едва не сгнула — заслал с глаз долой. Вернётся недели через две, может — к нашему возвращению...

— Накличешь, — Хмур трижды сплюнул через левое плечо, пробормотал: «В морду тебе, сгинь-пропади-рассыпья!» — Снежища — не селёдка, косяком не идут. Как будет — может статься, вдвое больше просидим на льдах...

— Совет хороший, — вдруг сказал Йерикка. — Ложись-ка ты спать. Прошлую ночь на ногах прокрутился, уснёшь быстро, а во сне привыкнешь к качке... Да и дел тут других всё равно нет. Есть-то не хочешь?

— Нет! — Олега даже передёрнуло, к горлу подскочил ощутимый комок. — Я, наверное, правда лягу...

Он, торопясь, чтобы поскорее улечься спокойно, разделся, влез в тёплый спальник и... уснул, едва успев надвинуть на лицо клапан.

* * *

Олег проснулся от лёгкого, но настойчивого голода, а ещё — от мелкой водяной пыли, моросившей на подбородок. Сперва он совершенно не понял ни того, где находится, ни почему темно, ни отчего всё вокруг качается... Потом вспомнилось — он на коче, и мальчишка застыл, с тоской ожидая, что сейчас вернутся тошнота и отупелость.

Но Йерикка оказался прав. Морская болезнь ушла со сном.

Неожиданное открытие очень обрадовало. Высвободив руку из тёплых объятий мешка, Олег откинул клапан и понял, что резко похолодало. Низкое серое небо сочилось дождём. Было хмуро, но достаточно светло — похоже, за тучами солнце раздумало садиться. Коч скрипел и стонал, наверху что-то загадочно посвистывало и выло. Вокруг сопели, похрапывали и просто громко дышали спящие.

Кроме голода хотелось в сортир. Олег покосился на свою одежду, лежавшую рядом. Пожалел, что не сунул её в мешок. Представил, какая она сейчас холодная. Вздохнул. И решил потерпеть. Всё равно придётся вылезать, так хоть не сию секунду...

Почти все вокруг спали — почти, но не все. Хмур, например, не спал — лежал, закинув голые руки под голову и смотрел в небо, шевеля губами.

Молился, что ли? Особенного молитвенного рвения Олег тут ни за кем не замечал... Почувствовав на себе взгляд, Хмур отсутствующе посмотрел на Олега и снова уставился в небо.

На секунду Олегу представилось, что ничего и не было — он просто в походе... Но потом неожиданно накатила тоска по дому — такая, что мальчик плотно сжал веки, а в мозгу сами собой возникали мысли, что он никогда, никогда больше не вернётся на Землю... никогда...

Он вновь открыл глаза. Посмотрел налево. Йерикка читал. Да, читал самую обычную толстую книгу в обложке с неразличимым рисунком и стёртыми строчками названия, написанного, похоже, глаголицей. И вернулся интерес — до чего на широкую ногу было поставлено взаимодействие миров, если земляне тут проложили железную дорогу, печатали книги на местном языке... А потом пришла мысль: интересно, дед был всему головой? Или он просто примкнул к чему-то, что начали другие? И как вообще всё начиналось, с чего, с кого?

Йерикка тоже ощутил взгляд Олега. Но он в отличие от Хмура отреагировал:

— Проснулся? — тихо спросил он, опуская книгу. — Как себя чувствуешь?

— Нормально, — тоже шёпотом ответил Олег. — Что читаешь?

— «Описание Ханна Гаар» Владимира Твердиловича, — пояснил Йерикка. — Интересная книга, хоть и старая.

— Старая? — переспросил Олег. Йерикка объяснил:

— Владимир Твердилович жил двести лет назад... Тогда горцы были ещё настоящими дикарями, а на юге лежали десятки разных княжеств... Независимых.

— Я хотел спросить, — нерешительно начал Олег. Йерикка кивнул: — Как же так получилось? Мы с вами совсем одинаковые. Один народ. Но у нас столько техники разной, настоящее государство... А тут средневековье... Это...

— Я знаю, — перебил его Йерикка. — Я читал.

— Время ведь одинаково идёт, — продолжал Олег. — Но у нас на Земле люди те же самые, из того же народа, в технике ушли дальше намного. Потому и данваны вас покорили...

— Нас они не покорили, — без обиды поправил Йерикка. — Но я понял, про что ты. Наш мир погубило спокойствие. Когда наши предки вернулись сюда с Земли, они увидели благодатные пустые земли. Хангары, хоть и многочисленные, были куда слабее нас. Они платили нашим князьям дань... На северо-западе иногда приходили из своих земель анласы, но с ними никогда не было большой войны, так — молодецкие сшибки за славу... И мы перестали развиваться. В первую очередь — в технике. Её развитие всегда подталкивает война с настоящим врагом, опасным, равным по силам. У нас такого врага не было на всей планете. А когда он пришёл — застал нас почти такими же, какими мы вернулись сюда с Земли. Вся техника, которую ты тут видишь — она привезена тоже оттуда. Или сделана тут по вашим образцам...

— Зато у вас экология хорошая, — утешил Олег. И покаялся: — Извини, я глупость сказал...

— Глупость, — подтвердил Йерикка. — Данваны тоже очень об экологии заботятся. Чтоб технический прогресс их владения не портил... Ты кем хотел стать? — неожиданно спросил он.

— Почему «хотел»? — спросил Олег. — Я хочу... только не знаю — кем. Я всегда мечтал о приключениях. Вроде, — он усмехнулся, — вроде того, в которое влип. И никогда не думал, что приключение изнутри — совсем не то, что приключение снаружи.

— Совсем не то, — подтвердил Йерикка. — Отец был у данванов на хорошем счету, мы очень неплохо жили... Я много читал, в том числе — запрещённые книги... И мечтал о приключениях тоже. А потом они начались... Здешние ребята не так живут. По нашим меркам, у них вся жизнь — одно приключение. А мечтают они о другом. Чаще всего о том, чтобы уничтожить данванов и просто жить.

— Ты веришь в то, что их можно уничтожить? — поинтересовался Олег.

— Нет, — ответил Йерикка.

Олег растерянно посмотрел на него и непонимающе переспросил:

— Нет?

— Нет, — подтвердил Йерикка почти равнодушным тоном. — Я сейчас объясню, почему так думаю. Если хочешь.

— Давай, — всё так же растерянно попросил Олег.

— Мы, славяне, считаем, что весь мир — это единое целое, — начал Йерикка. — Боги, люди, навьи, потомки — всё это одна большая семья, Верья. Наши боги нам не «пастыри», а предки и старшие братья, которых не нужно бояться, от которых ждёшь помощи и на кого нельзя бросать тень своим недостойным поведением. Навьи — отцы, деды, прадеды — воплощены в нас, ныне живущих. А в наших детях, внуках, правнуках будем мы. Понимаешь, ВСЁ ЕДИНО. И живём мы по закону, что Великий Род дал дочери своей, Ладе — а она лишь принесла его людям, когда отделил их Род от зверей. А в законе том говорится, что высшая свобода — осознанно подчинить себя благой цели. Так мы верим и так живём. Словно в большой семье, повторяю, где ты отвечаешь за всё — и все отвечают за тебя. Кто зло сделал — твоя вина. Ты зло сделал — все виноваты, и не за страх божий, а потому что... разве можно ложью, подлостью, бесчестьем свою семью позорить? А теперь представь себе такую жизнь — когда ВЕСЬ МИР на тебя смотрит. Оценивает. Проверяет. Представил?

— Не могу, — признался Олег, честно попытавшись это сделать. — Это даже не ответственность... я и названия не подберу, правда!

— Вот, — грустно сказал Йерикка. — Вот, вот, вот. Трудно быть богом.

— Как?! — удивлённо переспросил Олег. Йерикка повторил:

— Трудно быть богом, а наша Верья этого требует. Чтобы мы к богам тянулись, ввысь росли. Вровень с ними, с нашими братьями... Вот тут данваны нас и поймали. Не нас, — поправился он, — а наших родичей с юга. У данванов проще. Они людям дали бога, который для людей — пастырь. Пастух в стаде. И ничего особенного от людей не требует. Молиться и верить. Да ещё погромче каяться, если согрешил. Там в священной книге так и сказано: «Нет разницы между человеком и скотом. » А раз нет — так чего себя сдерживать? Согрешил. Покаялся. И снова... А можно и вообще в богов не верить. Ни в каких — данваны за это не преследуют. Лишь бы знал — один раз живём. Для себя, ни для кого больше. И главное — весело прожить, а там гори всё синим пламенем. Ни чести, ни ответственности. И надрываться не надо — себя переделывать, заставлять, зверя в себе скручивать... Что естественно — то не безобразно. Легко так жить. Хорошо. Голова пустая, дума её к земле не клонит. Ешь, пей, да девок под себя гребь, никто не спросит, не осудит — ни люди, ни боги. Тем более, что опять сказано: «Не судите, да не судимы будете!» То есть — прощай, и тебя простят. Хороший задел...

Йерикка говорил спокойно, но Олег заметил вдруг, как дрожат у него губы.

— А для тех, кто поумнее, — продолжал он ровно, — можно и философского туману напустить. Мол, раз в мире всё едино — то и добро со злом — две стороны одной медали... Как посмотреть!

— А в вашей Верье есть место злу? — задумчиво спросил Олег. Йерикка покачал головой:

— Верья — это семья. А зло возникло позже, как отрицание всего, что делал и дал людям Род. Зло с добром — не две стороны одной медали, а два разных мира. ДА и НЕТ не могут быть одним словом. Зло и Добро не могут быть одним делом... Так вот. Поставили данваны на зверскую половинку в человеке — и выиграли. Уже когда восстание было — половина южан за них дралась. Тупо дралась, со страхом, на славян не похоже совсем — но ДРАЛАСЬ! А сейчас там и того хуже, на юге... Ничего в людях нашего не оставляют. Ни закона, ни языка, ни обычая, ни памяти... В ком воля и честь сохранились — тех после войны перерезали. Сам ведь шёл по обезлюдённым местам — это тогда их опустошили. В лесовиках только страх и остался. А в горожанках... — Йерикка недобро шевельнул уголок рта.

— Это правда, что там свободно продают нарко... дурь? — поправился

Олег. Йерикка немного досадливо проворчал:

— Да знаю я это слово — наркотики... Продают. И ещё много вещей делают, о которых здешние горцы и представления не имеют. Да и ты, наверное, тоже.

Йерикка ошибался. Олег — в основном понаслышке, по газетам и телевизору — всё-таки представлял себе, кажется, какое общество там, на юге, отгрохали данваны. То самое «свободное и демократическое» которым гордятся на Земле политики. По крайней мере — очень похоже, если судить по услышанному. Взрослые знакомые, друзья, наставники Олега, его отец — они это общество презирали, и мальчик принял от них такое же отношение, хотя, если честно, лично ему это общество ничем не досадило... А так ли уж ничем? А те уроды, с которыми сцепился Вадим, когда они начали приносить на школьный двор наркоту и толкать её соплякам? А две его, Олега, одноклассницы, которых нашли за городом — изнасилованных, с перерезанными горлами? «Лица кавказской национальности» затолкали их в машину среди бела дня, на людной улице — и этих подонков так и не нашли... А серые от скуки и безделья стайки его ровесников, шатающихся вечерами по улицам? Да, он, Олег, сам близко не сталкивался с этой жизнью. Но достаточно хорошо её знал — Йерикка ошибался...

— У нас очень похоже, — хмуро сказал он. Йерикка удивился:

— И у вас? А старики рассказывали, что ваши — ну, кто нам помогал — говорили: на Земле по-другому...

— Было, наверное, по-другому, — осторожно ответил Олег. — Но сейчас похоже на то, что ты рассказываешь...

— Значит, и у вас... — помрачнел Йерикка. — Тогда вообще край. Наши многие ещё надеются, что от вас снова помощь придёт. А кому тут помогать-то? Во всех горах полсотни племён, не больше ста пятидесяти тысяч человек, они за старые предрассудки цепляются. Ну, ещё анласы... И всё. Остальные гниют заживо.

— Почему же ты не убежишь? — спросил Олег. — Не на юг, а куда-нибудь ещё... На другой континент, я не знаю...

— Во-первых, я даже не знаю, есть ли другие континенты, — улыбнулся Йерикка. — В школе учили, что на Море их только два — наш, большой, и Анлас — он меньше почти вдвое. А там тоже данваны разгуливают, как у себя на Невзгляде. А во-вторых... — он помедлил. — Понимаешь, я их ненавижу. Данванов. Даже не за отца, мать и братьев. Тут дело такое, тут война... Я их ненавижу за то, что они с нами сделали. За их тупую надменность и беспощадность ненавижу. Куда унести такую ненависть, в каком скиту её спрятать, Вольг? Да, можно ненавидеть и прятаться. Но я хочу ненавидеть и мстить. Даже если совсем нет надежды на победу... Лучше умереть, чем бежать, оплакивая своё поражение. Для мёртвых поражения нет.

— Ты веришь в богов? — поинтересовался Олег. Йерикка глянул строго:

— Я верю, что во мне есть что-то, не дающее делать подлости, — ответил он. — Если это не бог — то что?

— Совесть, — предположил Олег. Йерикка ответил:

— А это просто другое имя бога.

— А ты видел данванов? — спросил Олег, забыв, что и сам их видел.

— Видел, — кивнул Йерикка. — Без их доспехов — видел, ты ведь про это спрашиваешь? Они рослые, могучие, с надменными лицами. Внешне — вполне люди. А вот детей и женщин их я не видел ни разу. Они их не привозят с Невзгляда... или откуда они там... и из наших там никто не бывал. По крайней мере, — поправил себя Йерикка, — никто оттуда не вернулся...

Гоймир что-то пробормотал во сне, выбросил из-под спальника руку и треснул ею Олега по носу. Олег отпихнул её — Гоймир даже не проснулся. Хмур, похоже, уснул. Йерикка тоже больше ничего не говорил — лежал с книжкой на груди, смотрел вверх и улыбался каким-то своим мыслям...

— Знаешь, — вдруг сказал он, — в отцовской библиотеке были книжки с Земли. Я умею читать и кириллицей... У моих родителей действовал канал связи с вашим миром — будь они живы, помогли бы тебе... Так вот. Среди прочих там была такая тоненькая книжечка в мягкой обложке. Сборник стихов «Альтернатива». Не все стихи хорошие, много было таких, что поют по данванской указке — в смысле, похожих на них... Но кое-какие мне понравились. Ты вообще любишь стихи, Вольг?

— Я? Н-н-н-н-н... — Олег затруднился с ответом. Если брать школьную программу — нет. Песни? Но это же не стихи... Он уже хотел ответить, что не очень, но вспомнил стихотворные предисловия к главам «Волкодава». И ещё — Кипплинга, которого как-то начал читать со скуки, а потом... — Скорее да, чем нет, — решил с ответом он.

— Тогда послушай, — предложил Йерикка. — Я не помню автора, а стихи запомнил, потому что понравились...

И он начал читать — просто, очень обыкновенно произнося слова...

— *Воды нашей реки то недвижны, то бешено быстры,
И не в силах никто предсказать накануне их ход —
Словно звуки из-под нервной руки пианиста,
Что играет без нот, и не знает двух нот наперёд.*

*Клавиш чѐрных и белых вековой разговор —
Наши белые дни, переложенные чѐрными днями,
Но мелодия льѣтся, и никак не погаснет костѣр —
Значит, мы не одни, значит, кто-то невидимый с нами.*

*Ах, господа, ваши руки и помыслы чисты
В вечной битве за право мужчин быть всегда наверху —
Но, стреляя друг в друга, я прошу не попасть в пианиста —
Их так мало осталось на нашем мятежном веку.*

*Он всем вам нужен — он и сам это не понимает,
Соединяя ваши души в пассажи свои,
И к тому же, кто ещё вам сыграет
В день, когда вы окончите ваши бои?*

*Попеременно, вправо и влево толкая веслом,
Движемся мы в старой лодке по воле течения —
Вот и арена, где зло будет биться со злом,
И седой пианист потихоньку играет вступленье...*

Примерно с середины Олег перестал слышать слова. Остался лишь РИТМ — горьковатый и печальный, как запах полыни в степи. Иного сравнения Олег не мог подобрать — и оно казалось ему точным. И только когда Йерикка закончил читать, мальчишка встрепенулся, вспомнив фамилию автора, чьи песни он слышал на отцовских кассетах — фамилию, для большинства его ровесников обозначающую лишь ведущего программы «СМАК»:

— Это же Макаревич!

— Может быть, — кивнул Йерикка. — Понравилось?

— Я почти не слышал, — признался Олег. — Слов не слышал, я имею в виду. Я... я ВИДЕЛ.

Это звучало глупо. Но Йерикка понимающе кивнул:

— Всё правильно. Ты точно сказал. ВИДЕЛ...

* * *

Лѣжа с чуточку приоткрытыми глазами, Олег наблюдал, как Гоймир в коленно-локтевой позе подбирается к Хмуру. В правой руке Гоймира была банка с жиром для смазки оружия, на лице — выражение, характерное для охотника, загнавшего крупную дичь. Йерикка, жевавший кусочек ольховой коры, поглядывал на происходящее через плечо. Морок, сидя на «постели», затягивал ремни кут.

Хмур неожиданно ловко взял руку Гоймира на излом и резким движением ткнул банку ему в физиономию, а сам, выскочив из спальника, метнулся к бадье с водой, из которой умывались ребята. Гоймир с проклятьями начал стирать жир, залепивший ему глаза.

С кормовой палубы свесился один из охотников:

— Й-ой! — завопил он. — Да у них веселье!

— Ты по делу, или как обычно? — Йерикка сплюнул кору. Сверху свешивались и другие физиономии, на всех читался живой интерес.

— Вообще-то завтрак подходит, — заметил кто-то. — Вольг пробудился?

Или всё спит?

— Уже нет, — Олег приподнялся на локтях. — А тут не подают завтрак в постель?

— Обычно нет.

— Для вас разве только подать, князь-господин!

— А не в обиду ли вам будет есть ту же пищу, что и нам-то?

— Довольно зубоскалить, шутки грубые ему в оскорбление, неумойки дикие!

Олег засмеялся и, вздрагивая от холода, выскользнул из спальника:

— Ладно, ладно... Как погода за бортом?

— На открытую воду выходим, — торжественно сообщил Гоймир, вытерший наконец свою физию. — Спокойно пока... Завтракать-то будешь, или как?..

... Было холодно. В налетавших порывах ветра кружились мелкие снежинки, вылезавшие из спальников ребята плескались ледяной водой из нескольких бадей и поспешно натягивали тёплое, рассаживались, кто где хотел с мисками в руках. У многих на груди Олег замечал татуировку — оскаленную рысь. У многих, но не у всех, из чего и заключил, что когда-то это был племенной знак, ныне превратившийся просто в дань моде или традицию.

— Здесь тоже не подают? — осведомился Олег, доставая новенькую миску, выданную перед отплытием. Гоймир громко сообщил:

— Сколько нужно горожан, чтобы работать на мельнице? Один. Он держит жёрнов, а свет вокруг него вращается, вращается...

— Совсем не смешно, — обиделся Олег. Несколько младших мальчишек быстро разнесли холодную кашу, вяленое мясо и хлеб — пока что свежий, не сухари. А ещё — жбан с чем-то непонятным, мутно-белёсым.

— Это что, берёзовый сок с мякотью? — поинтересовался Олег.

— Квас, — ответил Йерикка.

Небо почти цепляло мачту. Море, хоть и вовсе спокойное, было свинцово-серым, как небо. Жуя завтрак, Олег тихо мечтал о картошке и размышлял, как вышло, что никому из прежних землян не пришло в голову познакомить местных с таким полезным и неприхотливым продуктом. Хотя — Бранка говорила, что картошка тут есть. Так где она? И как там сама Бранка?

Было холодно, противно и сыро. Причём — к некоторому облегчению Олега — не только ему. Все с тоской посматривал за борт, даже ветераны из экипажа, бодрые деды, похожие на военных-пенсионеров. Ну, позавтракали. Будем ждать обеда...

Гостимир, обосновавшийся у самого носа, при общем одобрительном молчании извлёк из промасленного мешка небольшие гусли, игравшие в здешнем мире примерно ту же роль, что гитара — на Земле. Помимо гуслей тут употребляли редкостно пронзительные рожки (в основном — на войне, как понял Олег) и волынки. Сперва Олег, считавший волынку чисто шотландским инструментом, удивился, но потом вспомнил, что, кажется, в учебнике истории правда видел древнерусского музыканта с волынкой.

Пока он всё это обдумывал — Гостимир обратился к нему:

— Споёшь что? Я подыграю.

— Я?! — искренне удивился Олег. — Да ну нафик...

— Говорила сестра — знатно поёшь, — настаивал Гостимир. — Что-то из неслыханного. Скучно же!

Одобрительные возгласы посыпались со всех сторон. Олег понял, что отбиться не удастся — народ жаждал зрелищ.

— Ладно, спою, спою! — отчаянно махнул он рукой. — Не понравится — за борт не бросайте, я вам ещё пригожусь... Ну-ка, сыграй так...

Он тихо пропел, сбиваясь, без слов мелодию одной из песен Высоцкого. Гостимир согласно кивнул и умело подхватил — пальцы так и бегали по струнам на изогнутом лебединым крылом деревянном коробе. Олег уллучил мгновение и включился:

— Возвращаясь с работы, рашпиль ставлю у стены...
Вдруг — в окно порхает кто-то из постели, от жены!

*Я, конечно, вопрошаю: «Кто такой?!»
А она мне отвечает: «Дух святой!»*

*Ох, я встречу того духа!
Ох, отмечу его в ухо!*

*Дух — он тоже духу рознь;
Коль святой — так Маишку брось...*

... Может быть, не всё в песне было понятно горским мальчишкам, но общий не слишком пристойный смысл они уловили и похохатывали, косясь друг на друга, в нужных местах. А Олег, видя успех, разошёлся и хотел спеть ещё «Про любовь в средние века», но потом вдруг — неожиданно для самого себя! — задумался на несколько секунд и показал Гостимиру совсем другую мелодию... А сам, помолчав немного, отставил подальше миску и...

*— Водой наполненные горсти ко рту спешили поднести...
Впрок пили воду черногорцы — и жили впрок. До тридцати.*

*А умирать почётно было средь пуль и матовых клинков,
И уносить с собой в могилу двух-трёх врагов, двух-трёх
врагов!*

... Он не очень-то смотрел по сторонам. Но тишина подсказала ему — выбрал правильную песню.

*— Пока курок в ружье не стёрся — стреляли с сёдел и с
колен!
И в плен не брали черногорца — он просто не сдавался в плен!*

*А им прожить хотелось до ста — до жизни жадным! — век с
лихвой,
В краю, где гор и неба вдосталь, и моря — тоже с головой...*

*Шесть сотен тысяч равных порций воды живой в одной
горсти.
Но проживали черногорцы свой долгий век — до тридцати.*

Все смотрели на него. Все слушали. Притихнув, сидели неподвижно, забыв про еду. Слушали те, кому не то что тридцать — кому и двадцать могло уже никогда не исполниться. И Олег, с ужасом поняв это, поняв, что поёт для смертников, почувствовал, как на миг сорвался голос — сжало горло.

Но всё равно продолжал петь, глядя теперь уже не поверх голов, а в заблестевшие глаза мальчишек вокруг...

*— И жёны их водой помянут.
И прячут мальчиков в горах,
Покуда мальчишки не станут
Держать оружие в руках!*

Беззвучно надевали траур

*И заливали очаги.
И молча лили слёзы в травы —
Чтоб не услышали враги.*

*Чернели женичины от горя,
Как плодородная земля —
А им вослед чернели горы,
Себя огнём испепеля!*

*То было истинное мщенье —
Бессмысленно себя не жгут! —
Людей и гор самосожженье,
Как несогласие, как бунт!*

*И пять веков — как божьи кары,
Как месть от сына за отца! —
Пылали горные пожары
И черногорские сердца!..*

*Цари менялись, царедворцы —
Но смерть в бою всегда в чести.
Не уважали черногорцы
Проживших больше тридцати!*

*... Мне одного рожденья мало.
Расти бы мне из двух корней!
Жаль — Черногория не стала
Второю родиной моей!..*

Он умолк. И, чтобы не молчать, чтобы хоть что-то сказать в наступившей тишине, сказал:

— Вот.

— Благо тебе, Вольг, — откликнулся Гоймир. — Благо тебе.

И отвернулся в море.

А Олег необычайно отчётливо вспомнил, когда он выучил эту песню. Весной 99-го, когда НАТО бомбило Югославию, вот когда. Отец смотрел новости, ругался сквозь зубы, а потом уходил к себе в комнату и ставил кассету. А на небе горели, взрывались дома и с гулом плыли над взлётными полосами бездушные и высокомерные «Файтинг Фалконы», «Иглы», «Торнадо», «Хорнет», «Тандерболты»...

Как тот данванский фрегат, что придавил его, четырнадцатилетнего славянского мальчишку, на железнодорожной просеке. Придавил ужасом, мощью, беспомощным сознанием собственного ничтожества перед проплывающей в небе броневой тучей...

А ещё вспомнилось тоже виденное по телевизору — люди, взявшись за руки, стоят на мостах и глядят в пересечённое пунктирами очередей завывающее небо. Женщины стоят, дети и старики.

Нельзя прятаться от опасности. И если уж совсем нет сил — одолеть врага, если не осталось даже надежды — так надо подняться в рост и, глядя ему прямо в глаза, сказать: «Стреляй, сволочь.»

И пусть тогда убивает.

Это — тоже победа.

В последующие дни у Олега было много возможностей снова и снова пожалеть о необдуманном решении принять участие в ОЧЕНЬ плохо продуманной, подготовленной и управляемой экспедиции. Нет, морская болезнь не вернулась. Но было постоянно холодно (опять-таки ОЧЕНЬ!), мокро и ветрено. Возможность согреться была только в спальнике — по утрам из него не хотелось вылезать. На четвёртое утро появилось солнце. Нет, вообще-то оно никуда и не девалось, предпочитало оставаться на небе круглые сутки. Просто на этот раз оно решительно разогнало тучи, очистило небосклон, заиграло на воде... и ударил мороз градусов в пятнадцать. Брызги замерзали на лету, и коч набрал лишний вес за счёт льда.

Лёжа в спальнике, Олег хмуро размышлял над своим идиотизмом. Помимо воли перед ним вставала картинка — коч затирают и давят могучие льды, они все идут пешком... куда — не вполне понятно. Ему уже объяснили, что коч не может затереть в принципе — он построен так, что лёд сам выдавливает корабль наверх. А уж летом такого льда не бывает даже на самом севере. Это не зима, когда Снежные Моря замерзают до самого побережья! Но жуткое видение продолжало качаться перед глазами.

— Морской Народ!!! — заорал кто-то с носа. Все вокруг засуетились, забегали, из спальников пулями по вылетали даже те, кто вроде бы дремал. Йерикка перескочил через лежащего Олега, крикнул:

— Вставай скорей!

Около носового склада расхватывали охотничье оружие — рогадины, короткие мечи, тяжёлые топоры. Кто-то скакал по обледеневшим трапам босиком. Выбираясь наверх, все рассыпались вдоль бортов или группировались на носу и корме. Захваченный общей тревогой, Олег тоже вскочил, не ощущая холода. Воображение почему-то рисовало ему викингов на большом длинном корабле, подгоняемом неумоимо шевелящимися вёслами. «Во попал!» — лихорадочно думал он, засовывая за пояс брошенный ему меч и поспешно передёргивая затвор «сайги». Но, когда он в числе последних взобрался на борт, то не увидел никакого корабля вообще — на все шестнадцать румбов, как говорят моряки на Земле. Только метрах в двухстах к кораблю, по-дельфиньему выпрыгивая из воды, приближалась большая стая крупных рыб.

— А где? — тяжело дыша, спросил он.

— Кто? — ответил вопросом оказавшийся рядом парнишка, державший обеими руками тяжёлый топор-секиру.

— Эти. Морской народ, — повторил Олег.

— Да вот же они! — удивлённо указал топором горец. — Плывут! Дай боги — помирному... Махаться перед охотой — недобро...

Но Олег его уже не слушал. С изумлением и омерзением он понял, что к кораблю плывут вовсе не рыбы — это были человекоподобные зеленокожие существа, необычайно стремительно передвигавшиеся волнообразными движениями чешуйчатых тел. Челюсти их резко выдавались вперёд, над выпуклыми надбровными дугами начинался гребень, становившийся всё выше и выше до центра спины, а потом вновь уменьшавшийся к копчику. Некоторое время Олег не мог понять, есть ли у Морского Народа хвост, пока те не подплыли поближе и не стало ясно — хвоста нет, а есть почти обычные ноги, в то же время напоминавшие плавники.

Метрах в двадцати от корабля Морские Люди разделились на два потока и, охватив коч овалом, легко пошли вровень с ним, то и дело поворачивая к людям ничего не выражающие большеглазые лица. Потом один из них плавно отделился от остальных и приблизился к корме. Старик кормщик, передав рукоять весла напарнику, наклонился над водой и крикнул:

— Добром пусти — дадим чего! А нет — много нас, с огненным боем идём, бить вас станем!

Не переставая пугающе легко держаться вровень с кочем, Морской Человек поднял из серой воды длинную трёхпалую руку с перепонками, коротко протрещал — словно на сучок

наступили. Кормщик взял в ладонь поданный ему нож — не камас, конечно, а просто длинный одноострый клинок из бронзы, кованый с рукоятью в одно целое и, нагнувшись ниже, вложил оружие в пальцы чудища. Оно немедленно нырнуло — и тут же, повинаясь явному беззвучному приказу, нырнули и остальные, чтобы по-явиться метров за сто от коча. Олег шумно перевёл дух, покосился на соседей — никто не смотрел насмешливо, размякли лица, опускались руки с оружием. Олег щёлкнул предохранителем ружья.

— Берег рукой подать, — сказал кормщик. — Может, и доберёмся к месту.

— Почему берег близко? — спросил Олег у своего соседа. Тот, поставив секиру рукоятью между ног, ответил охотно:

— А Морской Народ вдаль от берегов не забирается. Им отмели самое по душе. А вот погоди — берег увидим-то. Сей час увидим.

— Не каркай, ворона! — окликнул кормщик. И тут же кто-то истошно крикнул — ещё никогда не слышал Олег такого человеческого голоса:

— Вон!

... Данванский вельбот шёл над одой совсем низко и очень быстро, немного похожий сейчас на экранопланы Земли. Поверхность моря разбегалась мелкой белёсой рябью.

На коче все окаменели. А вельбот приближался легко, играючи. Оба «ППШ» в блистерах¹⁷ были наведены на палубу кораблика.

«Оружие данванов... Извергает поток маленьких стрелок из металла... Они летят так, что пробивают каменные плиты... » — вспомнил Олег слова Бранки. И сдвинул вниз предохранитель.

Вельбот повис над палубой — метрах в трёх от верхушки мачты. Звук его движения стал неслышным вопреки расстоянию. Сколько это продолжалось — Олег не взялся бы сказать. Он смотрел прямо в чёрный косой срез ствола и думал только о том, чтобы успеть выстрелить. Хотя бы раз. Просто в это серо-голубое днище, наверняка бронированное всеми видами брони.

Потом что-то тяжело упало на носовую палубу. Все вздрогнули, а вельбот так же легко снялся с места и уже медленнее, зачем-то рыская в воздухе, пошёл дальше.

— То что? — напряжённо спросил кормщик. С носа ответили:

— Мешок, вспорем сейчас... — и после короткой паузы — какой-то болезненный крик: — То дерьмо! Мешок с дерьмищем кинули, паскудцы!

Мальчишка рядом с Олегом прохрипел:

— Уж добро бы били... выродки... чем так-то...

Олег покосился на него — из глаз мальчишки текли медленные злые слёзы. А с носа закричали:

— Й-ой, ты смотри! Ты смотри, смотри, что творят, что творят-то, негодящие! Смотри!

Вельбот словно бы танцевал над поверхностью воды старый брейк — резко дёргался туда-сюда, чуть опускался и тут же поднимался на прежнюю высоту... Из носа и кормы в воду били серебристые, посвёркивающие под холодным солнцем струи, казавшиеся прозрачными, как слабый туман. Там, где они касались воды, та вскипала. И в этом кипении суетливо и гибко подскакивали и рушились обратно рыбообразные тела Морских Людей.

Их спокойно и точно расстреливали с вельбота — всех, кто не успел нырнуть глубже. Вот один из Морских Людей подскочил высоко, взмахнул рукой — на солнце ярко вспыхнул вылетевший из его руки клинок, направленный в брюхо вельбота — и падал обратно уже мелким крошечком...

Люди на коче, онемев, смотрели на бессмысленное истребление. Смотрели всего несколько секунд — не вечность, как почудилось Олегу. Потом сразу пятеро или шестеро бросились к установленному на носу ДШК, свирепо и молча завозились, сдёргивая промасленную кожу, мешая друг другу... Олег увидел, как из открытого ящика

¹⁷ На летательном аппарате — прозрачный бронеклопак, место размещения стрелка или штурмана.

металлической змеей выскользнула ошетиленная патронами лента. Жала пуль были обведены красными кольцами — бронебойно-зажигательной маркировкой. ДШК, повинаясь ладоням Гоймира, вставшего к рукояткам управления, плавно развернулся на турели, повёл округлым набалдашником пламегасителя... Кормщик вместо того, чтобы остановить мальчишек, каркнул хрипло:

— По-над крылами стегай, по-над крылами! Да гуще, не жалея бою, родной!

Гоймир дрогнул спиной, повёл плечами — не мешайте! Лента легла в приёмник, масляно клацнул затвор... Вельбот всё ещё плясал над волнами свой страшный безжалостный танец — там или не замечали действий славян, или молча их презирали. С их жалкой скорлупкой, с их пулемётиком, с их гневом за чужую гибель...

Какую-то часть Олега охватил ужас. Если вельбот окажется достаточно хорошо бронирован — вторая или третья очередь по нему станет последней для всех, кто находится на коче! Но об этом думала только малая часть, а всё остальное существо мальчишки стремились к одному — увидеть, как эта штука упадёт!

Когда-то отец рассказывал ему, как в детстве видел однажды охоту с вертолётов — снежное поле, густо стрекочущие машины и хохочущих красноносых «охотников» в дублёнках, с самозарядными карабинами. И сайгаков, на которых они «охотились». И кровь на снегу... «Если бы я тогда мог — я бы их поубивал, » — признался Олегу отец — сам охотник...

И сейчас Олег желал только одного — чтобы Гоймир попал. И не потому, что в противном случае его, Олега, ждала гибель. Совсем не потому.

— Курсовой установлен! — пролаял Йерикка, нагнувшийся к прицелу ДШК.

Гоймир, впечатавшись плечом в обрезиненный наплечник, окаменел. Секунда... другая... и ДШК взорвался оглушительным грохотом, размеренно и бесшумно выплёвывая в приёмник стреляные гильзы и рассыпавшиеся звенья ленты. Бледное пламя запульсировало около дульного среза. Гоймир бил одной длинной очередью, не выпуская вельбот из паутиной сетки прицела.

Дымная полоса прошла по верху машины над короткими крыльями — туда, обратно, снова туда... В стороны полетели части обшивки, потом переломился и рухнул вниз, оставляя чёрную спираль, широкий невысокий хвост. Пули вспороли носовой блистер, кормовой; поворачиваясь, вельбот подставил всю корму, и Гоймир прошил её ещё одной очередью.

— Падает! А, падает! — заревели сразу несколько глоток, и их вопль подхватил весь коч. Олег тоже завопил, потому что машина данванов, сделавшись разом неуклюжей и нестрашной, опрокинулась на борт, застыла на миг и рухнул в воду, как сундук, подняв фонтаны брызг. Почти тут же на воде двумя яркими фосфоресцирующими овалами распустились спасательные плоты — знакомые, почти земные. Олег ничего не успел подумать, как Гоймир, резко опустив ствол, начал бить по плотам, открыв рот в неслышном крике.

Оранжево-синие наросты на морской глади разорвало в клочья — вместе со всем, что в них было живого. Только лохмотья закачались на серой воде вместе с бликами солнца.

ДШК умолк. Тишина била в уши. И в этой тишине Гоймир сказал, сурово глядя на воду:

— А твоим добром да тебе и челом, — и тихо добавил: — Сучье племя...

* * *

Почти отвесные серые и чёрные скалы дышали в залив холодом. Ни единого кустика, ни одной травинки не росло на голых камнях, только тут и там лизали сумрачную воду языки ледников, да громоздились готовые обрушиться бело-зелёные горы айсбергов. Ветер дул в заливе, как в трубе, завывал в береговых трещинах и пещерах, стонал и гудел в рога на

сотни голосов. Коч, медленно двигавшийся по заливу, казался крохотным рядом с хмурыми каменными великанами в снежных шапках...

— Похоже на ваш север? — спросил, проверяя лыжные крепления, Гостимир. — Так у вас?

— Не знаю, — Олег, пряча лицо в меховую оторочку капюшона, покачал головой. — У себя я не был так далеко на севере... Но у нас там нет земли, только замёрзший океан... большое море.

— Здесь не то, — Гостимир выпрямился. — Здесь тех островов много, а меж ними проливы. По лету — замёрзшие только к самой полночи, ещё дальше. А в зимнюю пору тут всё под лёд уходит. Ночь, Моранино княжество...

*Ночь кромешная,
Ночь холодная,
Бесконечная,
Полугодная.*

*Стынет ветра свист
Промеж тёмных скал.
Да снега идут
На все стороны...*

— прочитал он задумчиво и словно бы смутился, больше не разговаривал.

Охотники — уже полностью снаряженные, с оружием и крошнами, держа в руках недлинные широкие лыжи, стояли вдоль борта. Кое-кто молчал, но большинство переговаривались — обрывки разговоров носились вокруг Олега...

— ... зеленью воняет. А он так-то за столом расселся важно, да пальцем под стреху кажет: «Эвон сидят они, да и ножки свесили!»...

— ... не так то поётся. Что ж ты голосишь, как скопец хангарский?! Вот, слушай...

— ... спросили тогда и анласа: «Что будет такое — зима аль лето, а всё одного цвета?»
А он в ответ: «Кровища!»...

— ... их-то старший и говорит: «А ну, вожаки, зачинщики да горцы, на казнь — шаг вперёд!» А Войдан-то шагнул и отвечает: «Ну, меня, стало, трижды казните...»...

— Вольт, — рядом встал Гоймир, положил на борт рогатину с широкой перекладной под длинным тяжёлым пером, — я думал тут... пойдёшь ли со мной в пару?

— Конечно, — немедленно согласился Олег. Он сам, если честно, стеснялся предложить свою компанию кому-нибудь — ребята друг друга знают уже давно, наверное, уже сбились в пары, а тут он...

— Ну и добро, — Гоймир тряхнул непокрытыми капюшоном длинными светлыми волосами, увесисто стукнул Олега в плечо. — А вот подходим. Сейчас коч прятать станут, а мы двинем...

Коч, сбавляя ход — парус сворачивали — подходил к плоскому пляжу из чёрного песка, на который ритмично набегала непроглядная вода. Над нею танцевали снежинки, а в метре от песка начинался снег — плотный, сверкающий белизной и безжизненный...

... Солнце вновь спряталось. Низкое хмурое небо рассыпало снежные заряды, которые рывками разносил плотный до вещественности ветер. Когда не было снега, он пахнул солью и йодом — эти запахи за дни плавания стали уже привычными.

Палок не было. Гоймир, который шёл первым, балансировал рогатиной. Олег, стараясь не отставать, нёс ружьё в опущенной правой руке — «сайга» была заряжена пулями.

В таких условиях Олег ещё никогда не охотился. Он даже толком не представлял, что это за звери — снежища. Расспросить было недосуг, а на рисунке Гоймира они походили на белого медведя и акулу одновременно. Хорош гибрид...

Лыжи шли не очень удобно. Тут, похоже, ещё не додумались до искусственной смазки.

Из снега тут и там поднимались ропаки¹⁸, часто встречались искрящиеся даже без солнца площадки фирна¹⁹, где лыжи с хрустом проваливали верхнюю корку. Было не так уж и холодно, но ве-тер резко усиливал мороз.

— Как пусто, — не выдержал Олег молчания. Гоймир откликнулся тут же, словно ждал случая заговорить:

— То вид один. Тут всякой живности через край, а по лету — на особицу.

Вот похоже только, снежищ нету, — добавил он.

— Они чуткие? — деловито осведомился Олег.

— Глуховаты. А нюх — тот выше похвал. Да и не увидишь тут тварь, пока не переедешь... — пожаловался горец. Потом вдруг сказал решительно: — Не одним нам боги ума вложили, а всё ж таки станем быть на Ледянку, это место такое. Они там тюленей у полыней скрадывают, а мы их поглядим.

— Поехали, — откликнулся Олег, — тут твоя вотчина.

— Я этим местам не князь, — возразил Гоймир, — а у Мораны вотчину не отсудишь, силы не те... А у вас хороша охота?

— Только по лицензии, за деньги, — с сожалением сказал Олег. — Зайцы, утки, кабаны, лоси... Вот волка в любое время бить можно.

— Нас тоже в любое время бьют, — засмеялся Гоймир, — как волков, да не выбить им ни тех, ни других, ни серых, ни нас... А что за тварь — лось?

— А у вас нету? — удивился Олег. — Большой такой, горбатый... на четырёх ногах. Ноги — как ходули, рога — офигеть... большие, я говорю, рога. Губа такая...

— А, сохатый! — опознал описание Гоймир. — Есть и такие... Как назвал — лось? Смешное слово, право... Вольт, ты кем быть хочешь?

— Йерикка меня уже спрашивал, — заметил Олег. — Не знаю, если честно. А ты станешь князем?

— Стану, когда время будет, — равнодушно ответил Гоймир, — коли не убьют до поры... — это он добавил легко, без страха или огорчения. И тут же спросил: — А у вас в гулу играют?

— Это как? — поинтересовался Олег.

— Две ватаги. Старший и десять содругов в каждой. На ровном месте пускают шар железный — гулу. Надо её кольями к противоположному краю загнать, тогда твоя взяла. А держать можно тоже только одними кольями, не руками, не ногами.

— Я в футбол играл — с мячом, как вон у вас перекидываются, — ответил Олег. — Там тоже команды по одиннадцать человек, и мяч кожаный, только не набитый, как ваш, а воздухом надутый, и его как раз ногами гоняют, не просто на край, а в ворота к противнику... Мне вообще спорт нравится.

— Спорт? — переспросил Гоймир. — Слышал слово... Это? .

— Ну, — замялся Олег. — Разные упражнения, чтобы быть сильнее, ловчее, быстрее... Вот охота у нас тоже спорт считается.

— А читать любишь ли? — задал Гоймир неожиданный вопрос.

— Люблю, — чуть удивлённо ответил Олег. — А ты что, тоже?

— А то как же? — тоже удивился Гоймир, отталкиваясь древком рогатины. — У нас книг-то много, новых только нету. Самые лучшие — про звёздные путешествия. «Туманность Андромеды» или «Страна багровых туч» читал ли?

В который раз Олег онемел от удивления. Гоймир читал Ефремова и Стругацких, чуть ли не основоположников ещё советской фантастики!

— Читал, — осторожно ответил он. — А тебе Хайнлайн не попадался? Он тоже про

¹⁸ Вертикально стоящая ледяная глыба.

¹⁹ Зернистый лёд.

звёзды писал...

— Не читал, — огорчённо помотал головой Гоймир. — Расскажи, как время будет.

— Попробую, — пообещал Олег. А Гоймир, вздохнув, продолжал:

— Я иной раз думаю — сгинь данваны, может, и мы уже до звёзд летали бы? Йерикка смеётся. Его послушай — так человек новое узнаёт одно когда его по голове хлобыстают, а без того лежит и брюхо чешет... Мне вот чего до смерти охота — у вас побывать, на Земле! Посмотреть, чем да как там живут?

— Там не очень хорошо, — сухо ответил Олег. У него снова холодно закололо в груди при мыслях о доме. — Слишком много лгут, крадут и разрешают. И слишком мало верят, делают и борются. Тебе бы не понравилось. Хотя техника у нас, конечно...

— Так и будь с нами, — предложил Гоймир. — Чего тебе? Или данванов сторожишься?

— У нас там свои такие есть, — вздохнул Олег. — А ещё там моя семья. И мой друг. И моя родина, Гоймир. Я только тут и понял, как это много...

— Да, много, — согласился Гоймир. — Посмотреть бы я хоть вот сейчас. А на жизнь... — он покачал головой. — Нет лучше гор и леса нашего. Ты как мы думаешь, а значит — правильно думаешь.

— А у нас многие уезжают, — вспомнил Олег. — Где теплее, богаче и забот поменьше...

Гоймир вместо ответа сплюнул. Потом поинтересовался:

— А девушка ждёт ли тебя?

— У меня нет девушки, — честно признался Олег. Гоймир посмотрел удивлённо, но ничего не сказал по этому поводу, а просто вспомнил:

— Бранка пропала — я мало ума не лишился. Снова благо тебе, что выручил её и довёл, что защитил...

— Кто ещё кого довёл, — смущённо пробормотал Олег. И подумал, что Гоймиру даже в голову не пришло заподозрить, что за неделю в лесах между Олегом и Бранкой могло ЧТО-ТО быть. Просто — В ГОЛОВУ НЕ ПРИХОДИЛО, что Олег мог что-то сделать с девушкой против её воли.

А в Бранке он был уверен.

— Ледянка, — нарушил размышления Олега негромкий оклик Гоймира.

* * *

Хаотичное нагромождение торосов и сугробов чередовалось с открытыми участками чёрной воды и голыми красными валунами. От этой картины пахло такой дремучей, первобытной жутью, что Олег ощутил озноб. «Такими эти места были, — с почти суеверным ужасом подумал он, плотнее натягивая капюшон, — когда людей в Мире не было вообще. Такими они останутся и когда... когда? Им просто всё равно. »

И снова, как в саду дедовского дома, Олег со злостью подумал, что миру вокруг плевать на людей, а природа человеку никакая не мать. Даже не мачеха.

Словно отвечая его мыслям, неподалёку с мрачным и долгим грохотом сполз в море торос, и эхо монотонно раскатило шелест льда и плеск воды. Как будто бесстрастные и могучие силы природы почувствовали гнев маленького человека — и снизили до ответа... то ли насмешливого, то ли угрожающего... Мол, на кого рог тянешь, козявка?!

Не зная, что, если эта козявка берётся за что-нибудь — то уже не отступает, пока не побеждает... или не падает замертво. А тогда на мес-то погибшего приходит другой.

— Стало быть, мы самые умные, — сказал Гоймир, — или остальным в других местах везение... Ну, пошли. Да в оба смотри.

Мальчишки спустились вниз со снежного холма и, почти не проваливаясь на своих широких лыжах, неспешно пошли между полыней и торосов, не теряя друг друга из виду. Но, не пройдя и десятка шагов, Гоймир остановился:

— У тюленей за обычай возле полыней лежать, — напряжённо сказал он, прищуренными глазами всматриваясь в Ледянку. — А где они?

— Может, снежища близко, они в воду и попрыгали? — предположил Олег. Гоймир медленно кивнул:

— Может, так и случилось... Смотри туда, а я сюда.

Несколько минут мальчишки стояли неподвижно и молча, всматриваясь каждый в свою сторону — снег, полыньи; над камнями — унылое небо. Ветер дул вовсю.

— Й-ой, не по себе мне, — тихо сообщил Гоймир. — Так не по себе, словно Кашей по рёбрам погребальную играет...

— По-моему, всё нор... — Олег хотел сказать, что всё нормально, но осекся. Ему почудилось какое-то движение между торосами в полукилометре от них.

— Гоймир, что это?

— Где?! — молниеносно обернулся горец.

— Смотри, — вытянул руку Олег. — Льдины — одна как клык, а вторая почти кубиком. Там что-то есть.

Несколько секунд Гоймир всматривался в ту сторону. И его загорелое лицо медленно белело. Он всё ещё молчал, но Олег, тоже смотревший в ту сторону во все глаза, и сам видел теперь, что движение ему не померещилось.

Казалось, что движется сам снег. Быстро и целеустремлённо — сюда, в сторону мальчишек, застывших под склоном. Что-то... что-то похожее Олегу уже приходилось видеть, но где?! Когда?!

Да в кино же! «Хищник» и «Хищник-2»! Инопланетный охотник, маскировавшийся под окружающее, как хамелеон!

Мальчишку прошиб пот.

— Что это? — спросил он, не узнавая своего голоса. Гоймир сглотнул и ломко ответил:

— Попали мы... Вот пусто-то почему. То восьминог-ледовик. Слышать слышал, а видеть не приходилось... да и наперёд не видеть бы!

Олег стряхнул в снег правую рукавицу и поднял «сайгу», но Гоймир, поспешно сбрасывая лыжи, быстро заговорил:

— Огненным боем — без пользы. Любой заряд насквозь проходит, всё одно через воду — у него и костей с кровью-то нет. Запоминай: руби ноги ему, как потянется, во всю силу руби. У него одно место уязвимо — где ноги венцом расходятся, по-над пастью... так старики говорят. Они таких били, так и мы, глядишь, осилим... — но по его движениям было видно, что горец боится. Перехватив удобнее рогатину, Гоймир вдруг спросил, глядя прямо в глаза Олегу: — По чести ответь: не побежишь? Хуже нет, когда обнадеешься, а тебе спину-то и откроют. Лучше уж сразу одному встать.

— Пошёл ты... — внятно сказал Олег, доставая меч и стараясь немного утоптать снег вокруг, чтобы не вязнуть. Ответ, судя по всему, вполне удовлетворил Гоймира — он кивнул и замер, чуть пригнувшись, выставив вперёд рогатину и прижав ступнёй её древко.

Наступила тишина. Только сухо пел снег — ближе, ближе и ближе. Рядом. За соседними камнями.

Потом Олег увидел восьминога.

Сейчас он не был таким уж незаметным. Сквозь него мутно просвечивало всё, рядом с чем или на чём эта мразь оказывалась. Как две капли воды восьминог походил на гигантского кальмара, вот только ракетобразную капсулу несли вперёд множество мокричьих ножек. Толстые щупальца были сжаты в сердцевидный бутон. Бессмысленно белели глаза размером в тарелку, казавшиеся маленькими при размерах существа — оно было не меньше двадцати метров длиной без щупалец, которые тут же выстрелили вперёд, едва восьминог увидел людей. Олег увидел в их основании круглую беззубую пасть, а повыше — чёрное пульсирующее пятно. Из пасти пахло рыбой — отвратительно пахло.

Толстое щупальце неожиданно быстро обвилось вокруг ног Олега, и он упал в снег раньше, чем успел понять — драка началась. Приподнявшись на локте, мальчишка нанёс два

удара — словно валил дерево, перекатился, ещё раз рубанул мечом — выше, вскочил на ноги. Гоймир, стоя на колене, рубил и колол рогатиной, капюшон с его головы свалился... Страха не было — он снова отступил, едва началась схватка. Щупальце метнулось навстречу, обвило тут же онемевшую вскинутую руку — стиснув зубы, Олег перерубил его пополам — удача! Но тут же второе, обхватив в пояс, едва не задушило Олега, подтаскивая его к пасти, пульсирующей, словно диафрагма фотоаппарата. Мелькнула мысль, что конечности у чудовища, наверное, вырастают, раз оно так легко с ними расстаётся... Гоймир перескочил, оттолкнувшись рогатиной, через щупальце, тянувшее Олега, обрушил её, как топор:

— Ххак! Ххак! — и тут же упал сам, сбитый со спины, а Олег вместо того, чтобы броситься к нему на выручку, оттолкнул перерубленное щупальце, швырнул меч и в отчаянном рывке дотянулся до «сайги». Переворачиваясь на спину, ернул вниз предохранитель и, авскидку прицелившись поверх плеча Гоймира, одну за другой выпустил три пули в чёрное пятно...

... — Ты мне мозги запудрил, — тяжело дыша, Олег опирался на ружьё. Гоймир, стоя на коленях, мотал головой, весь сотрясаясь от накатившего страха омерзительной смерти. — Не привыкли вы тут со стрельбой, вот и... Если рогатиной или мечом можно, то почему же пулей в то же место нельзя? Там, наверное, нервный узел... Правда, ваши витязи, небось, в одиночку таких ломают, да ещё голыми руками, так что былины про нас не споют... Хорошо ещё, я догадался вовремя, а то бы нас сейчас дожёвывал...

Он покосился на обретающую непрозрачный серый цвет тушу монстра и передёрнулся. Гоймир с трудом встал на ноги, сообщил, морщась:

— Рёбра помял... — и, неуверенно подойдя к Олегу, вдруг обнял его и поцеловал в щёки.

— У... уди! — вырвавшись, Олег отскочил. — Ты что, голову повредил?!

Гоймир захлопал глазами недоумевающе и обиженно:

— Чем обидел? — непонимающе спросил он. Вместо ответа Олег покрутил пальцем у виска. — Да чем обидел-то, скажи, Вольг!

— С Бранкой целуйся, — сердито ответил Олег. Гоймир неожиданно покраснел и потупился:

— До свадьбы?!

— А со мной что — уже обвенчался?!

— Не пойму тебя, — признался Гоймир. Олег с шумом выдохнул:

— Блин, дремучий... — и, помявшись, пояснил: — У нас мужчины не целуются. Парни тоже. Только если они... э... ну... больные.

— Й-ой! — Гоймир улыбнулся. — У вас, должно, так делают?

И с той же улыбкой он протянул Олегу руку.

— Ну вот, другое дело, — ответил Олег, крепко пожимая сильную ладонь...

... До самого ночлега им не везло. В жизни Олег столько не ходил на лыжах — и устал так, что почти равнодушно воспринял слова Гоймира о ночлеге, тем более, что солнце за тучами и не думало закатываться.

На ночь устроились в пещере, вырубленной в одном из снежных холмов, состоявшем из похожего консистенцией на пенопласт, сухого снега — его бруски звенели, словно металлические. Из этих же брусков выложили закрывшую вход стенку, а оставленное отверстие Олег завесил меховым пологом, который Гоймир нёс прикрученным к крошну. Сам Гоймир тем временем вырезал в стене пещеры два лежака и бросил на них спальные мешки, а потом разжёг жировую лампу. К тому времени, когда Олег влез внутрь, набрав в котелок снега — в пещере уже было здорово теплее, чем снаружи, стенки блестели, покрывшись слоем льда, а самое главное — не было ветра, донимавшего весь день и вообще всё последнее время. Мальчишки сняли верхнюю одежду и куты. От лампы шли сразу и тепло и вполне достаточный свет.

— Нет удачи, — огорчённо сказал Гоймир, пристраивая котелок над огоньком. —

Лишь бы ко всему погода не испортилась, тогда и вовсе ничего не возьмём...

— Это что, хорошая погода?! — изумился Олег. — Ас-с-с... а! — он влез, поворачиваясь, ладонью в пламя и сунул руку в снег.

— Чем плоха? — удивился Гоймир. — Посвети Дажьбог сильнее — снежной слепотой накажешься... А в иной край — снег повалит, не заметишь, как в полынью ухнешь... По за ту зиму так-то наш один сгинул. Отыскали его — сидит на корточках у самой полыньи кусок ледяной. Было, свалился, вылезти мочи хватило, а разогнуться не смог. Морана его и согрела...

— Ну тебя, повеселей ничего не вспомнишь?! — Олег представил себе, как там, наверху, снег засыпает их убежище и поёжился. — Есть давай, вода уже согрелась, наверное... Знаешь, я в первый раз вот так ночую.

Гоймир достал сухари, вяленое мясо, бросил в начавшую закипать воду сухие брусничные листья и ещё какие-то травы — в пещере запахло настоящим летом и теплом лесных полянок. Какое-то время мальчишки молча и сосредоточенно жевали. Потом Олег сказал:

— Да, на таком холоде, как тут у вас, в генерала Карбышева недолго превратиться...

— А кто это? — Гоймир, продолжая жевать, посмотрел на Олега.

— Ну, это наш, русский генерал. В Великую... Короче, была большая война, враги его взяли в плен. Предлагали на службу к ним перейти, а он отказался. Ну, тогда его связали, вывели на мороз и давай водой поливать, пока он не превратился в ледяную глыбу...

Гоймир помолчал, потом вздохнул и сказал:

— У нас было похожее... Во время взятия вот так погубили целое племя, Медведей... Они жили на полдень и на закат от нас. Мороз клятый был, рассказывают. А выжлоки всех, кого живыми побрали, выводили под данванские глаза — и в водопад, а после — наружу. Человека разом схватывало, льдом брало, что плевков на лету. Те ледышки вдоль их города расставили, другим на страх. Только совсем малых и пощадили...

— И то хорошо, — понимающе ответил Олег, но Гоймир замотал головой:

— Где хорошо — лучше уж самую страшную смерть принять, чем к ним в руки! Им малые нужны знаешь про что? Они с них хобайнов делают. Сила, умение, здоровье, сметка — наши, навыки — данванские, злобища — тоже. Нет у горца врага страшнее хобайна, Вольг. Выучат его и усыкают на нас — искать, след тропить, врага на свою же землю водить. Чудище бес-памятное и безродное из малого сотворяют — бывает, его ж кровным родичам на слёзную беду... А ты говоришь — хорошо... Немой, что тебя в эту кашу втянул, был хобайн. Но у него везение случилось — память сохранил человеческую, вот и погиб за правое дело. Я про такое больше и не слышал вовсе...

Олег смущённо примолк. Какое-то время они ели, потом Гоймир снова заговорил:

— А вот ты — смог бы, как этот ваш, что в плену за верность замёрз?

Олег задумался, глядя на язычок пламени над лампой. Вопрос был неожиданным...

— Так, наверное, смог бы, — медленно сказал он. — Говорят, замерзать не больно...

— Ты боли боишься? — спросил Гоймир.

— Ну, это смотря какой, — осторожно ответил Олег. — Мы однажды с ребятами поспорили: кто дольше руку продержит над свечой... Сожглись страшно, — Олег показал ребро левой ладони, где сохранились следы этого глупого эксперимента двухгодичной давности.

— Мы тоже испытание устраивали, — вспомнил Гоймир. — В давнее время были воины, что боли вовсе не боялись. Так мы костёр большой запалили, а как прогорел — босиком по углям бегали, кто дольше протянет... Тоже сильно ноги пожгли. Йерикка тогда отказался.

— Неужели трусил? — неприятно удивился Олег, но Гоймир возразил:

— Не трус он. Рядом не лежал. Однако, иной раз думает не так, как мы. Городская кровь, что ещё... Давай-ка спать, — неожиданно оборвал он воспоминания, влезая в мешок. — Угол у полога загни, а то не проснёмся... вот так. Да и ложись тоже.

Однако, Олег ещё какое-то время сидел на лежаке, обхватив колени руками и думал о своём. Гоймир вроде бы уснул — по крайней мере, дышал ровно и тихо. Решив наконец-то последовать его примеру, Олег полез в спальник, сказав вслух:

— Пора спать.

— Что? — спросил Гоймир.

— Не спишь? — удивился Олег.

— От тебя проснулся... Сказал ты что?

— Спокойной ночи.

— А. Да. Слушай-ка, Вольг... — Гоймир замялся. — Я вот тоже сказать хотел... что ты живёшь у чужих, как не родной? Не хочешь у родни жить — так переходи ко мне. Плохо одному. И не только на охоте да в бою...

Олег закинул за голову руку и пожал локоть горца:

— Давай-ка спать, дружище.

* * *

С этой охоты Олег жил словно во сне — быстро, красивом и ярком. Как по волшебству, его безоговорочно признали своим. Он вскакивал в шесть утра, чтобы успеть сделать личные дела, на которые днём не будет времени, потом поспешно завтракал и нёсся в школу, чтобы вернуться глубокой ночью и, вымывшись (воду заботливо готовила хозяйка), рухнуть в постель, перестать существовать до шести утра.

Он ходил на единственном мотоботе племени, переделанном из коча, к самому полюсу Мира — протоками и озёрами до тех мест, где лёд не таял даже в разгар лета, где в беспощадно-стылом и прозрачном во-здухе среди бела дня со стеклистым шорохом переливался в небе Большой Сполах²⁰. На каменистых берегах Снежных Морей оно охотился на тюленей и слушал рассказы своих новых друзей об изворотнях²¹, которых нельзя убивать. Среди бела дня налетали шторма, и густой сухой снег взвихривался над чёрными вязкими валами, встававшими на пятнадцатиметровую высоту, словно кипящая смола, и день обращался в ночь, и чёрное море сходилось с чёрным небом... Приходилось вручную скалывать лёд с опасно кренящихся кочей, а потом тросы оснастки срывали кожу с рук, мотая вцепившихся людей, словно бумажных... Солёная вода разъедала раны... Чудовищные каменные акулы мрачно следовали за людьми, показываясь меж пологих валов. На ветру трескались и кровоточили губы, спать приходилось на выловленной рыбе... Кочи буксировали к причалам огромные туши китов, убитых гарпунами с крохотных лодчонок. Однажды из ледяных пучин всплыл настоящий кальмар — почти сорокаметровый архитойтис — и напал на два коча, и был убит только общими усилиями... По ночам на пустынных этажах крепостной башни в тишине гулким эхом отдавались шаги сторожевых. Прямо посреди улицы разворачивались самодеятельные представления — со смехом, шутками, патетикой типично средневековой в них говорилось о прошлом Мира, о его героях и негодях. Тяжела была работа в оружейных мастерских, не оставлявшая зачастую времени перекинуться словом с соседом. Под гул волюнок и воинственный визг рожков вокруг костров, метавших в светлое ночное небо бледное пламя, неслись гикающие живые кольца — руки на плечи, быстрее, быстрее, быстрее! — так плясали коло, здешний национальный танец. Жаркий пот учебных поединков... а потом — сутки и сутки в седле вокруг овечьих отар, и режущий ухо свист товарища, отгоняющего волков, и стрелы твоего самострела вслед тени, тающей в белой ночи, и кожаная куртка, посланная на мох, и вереск вместо

²⁰ Северное Сияние.

²¹ Тюлень-оборотень.

постели (а седло — вместо подушки), и костры, и та же куртка, распростёртая над заболевшим ягнёнком во время дождя, и струи этого дождя, лупящие по голой спине... Обмороки, когда в яму для резки торфа прорывались вдруг болотные газы — и сама резка, больше похожая на сражение, где оружие — лопата с изогнутым буквой П лезвием... Купание в обжигающе холодных и прозрачных, как воздух, речках и озёрах, от которого в первый момент перехватывало дух и обжигало всё тело — прыжки нагишом с десятиметровых скал, пушечный грохот воды, дикие вопли прыгающих... И снова игра-война — засады в скалах и в лесу, когда сидишь, сжимая оружие и, как в настоящем бою, ждёшь схватки, а под ложечкой сосёт... Наполненные раздирающей рот зевотой часы ночной стражи на стенах крепости, когда девчонки выносят из домов горячий травяной «чай», улыбаются тебе, и разговаривают с тобой, и смеются... Ночные костры, затаённое дыхание соседа, блестящие глаза и приглушённый голос рассказчика: как победить Чёрного Кожана²²; почему нельзя пилить старые деревья — не все, но какие именно; как оседлать лесного коня²³; что делать при встрече с лесной нелюдью; что такое обаянь и отвод²⁴; как противостоять скажу²⁵, который напускают уводни²⁶; кому и за что помогает Полуденник²⁷... И другие ночи — когда за горло брала прежняя тоска, а время снова казалось еле полущим... но внизу хлопала дверь, стучали шаги по всходу-лестнице, вваливались серьёзные или смеющиеся друзья — и время переходило на быстрый шаг, а потом пускалось в галоп снова. Вовсе не старинные, а вполне современные портреты вперемешку с фотографиями смотрели на мальчишку со стен дружинной горницы — и Олег находил на них своего деда и тёзку, здешнего героя, почти сказочного богатыря, офицера НКВД-КГБ, всё ещё совершенно непонятного внуку... Огромная форель в горных ручьях, её незабываемый вкус, когда она — свежая! — оказывалась на раскалённой сковородке... Походы вдоль самых рубежей Вересковой Долины, ночёвки, когда засыпаешь, следя за лёгким парком, вылетающим изо рта — а где-то в глубине сознания не спит острое ощущение опасности, и внизу, совсем близко, горят электрические огни ХРОТОВ — данванских крепостей с хангарскими гарнизонами, что стерегут границу... Зелёная с алыми вкраплениями шкура лесов, серо-зелёный ковёр вереска, серые громады скал, свинцовое море, прозрачность рек, ручьёв и озёр. Звонкие, холодные, солнечные просторы сосновых боров на склонах гор. Ослепительная белизна берёзовых рощ вокруг Рысёго Логова. Блуждающие огоньки на бездонных просторах торфяных болот. Многотысячные птичьи стаи на озёрных берегах...

Ночи, дни, вечера — бешеный калейдоскоп света, тьмы, холода, тепла, камней, воды, шума, тишины, леса. Пустошей... Жизнь. Жизнь. Жизнь.

И над всем этим — холодный синий зрачок Невзгляда.

²² Летучая мышь. Чёрный Кожан — гигантская летучая мышь, крадущая скот и людей.

²³ Особо крупный, волшебный волк.

²⁴ Заговоры-заклятья: обаянь — внушение людям необъяснимого доверия; отвод — умение становиться невидимым.

²⁵ Мираж, видение.

²⁶ Злой дух-обманщик.

²⁷ Полевой дух, встречающийся людям на полуденных дорогах в виде сопливого старичка. Помогает тому, кто не погнушается вытереть ему сопلي.

Утречко выдалось жаркое — в смысле работы. ВЧЕРА утром Олег с группой волков — стаей товарищей — взялся чинить три вытасненных из недр склада немецких ЭмПи-38, занесённых в северные горы Мира суровым ветром земных сороковых двадцатого века. Трудно чинить то, что раньше никогда не держал в руках, имея рядом с собой троих отчасти древних парней, у каждого из которых есть своё мнение вплоть до того, что большая часть деталей в оружии вообще лишняя и, возможно, даже вставлена туда вредителями. ЭмПи вполне соответствовали характеристике, которую дал Попандопуло в знаменитом фильме: «Один трясётся, как ненормальный, а второй, гад, по своим стреляет. «Лишних деталей всё-таки не удалось обнаружить. Тогда новоявленное «КБ им. Содома и Гоморры», как охарактеризовал происходящее Олег, пошло путём офицера Жилина из рассказа Толстого «Кавказский пленник», который чинил часы чеченцам следующим образом: «Разобрал, почистил, сложил — пошли часы. » Один ЭмПи после этого начал стрелять и был опробован под ликующие вопли сотрудников КБ. На остальные навалились всем миром — впятером — и к шести утра привели в чувство ещё один, чему сами же удивились. Последний пистолет-пулемёт ушёл в глухой отказ и в наказание был разобран на запчасти. Конструкторы быстро добились квас и чёрствые медовые пряники (всё это позволяло коротать время за раздумьями) и разошлись хоть немного поспать перед трудовым днём. Олег, вывихивая челюсть от зевоты, полез вниз за водой — умываться.

Он уже несколько раз плеснул себе в лицо водой, пахнувшей цвелью и колодцем, когда сзади от дверей раздался грохот и невнятные проклятья, к которым Олег уже привык вместо мата.

— На это и ставили, — буркнул он, вытираясь рушником. — Заходи, не заперто!

— Однако, глянется, заминировано, — ответил Гоймир, стоявший в крайне неловкой позе рядом с упавшей с притолоки небольшой скамейкой. — Тут, глянется, гульба была?

— Вроде того, — Олег ткнул рукой. — Не стой, садись.

— Огненный бой оживляли? — ловким толчком ноги Гоймир поставил скамейку, прицелился сесть, но Олег, уже поднаторевший в здешних обычаях, повёл ладонью в сторону лавки:

— Сделай милость. По гостю честь.

Гоймир уселся на лавку, вытянув ноги, поставил между них меч. Олег, продолжая вытираться, доложил:

— Значитца, доношу, водитель. Из трёх единиц шайтан-бабах две восстановлены, но зарядов мало. Третью разобрали на... в общем, на запчасти... А ты какого чёрта в полном снаряжении — боишься, в школе на тебя нападут?

— Э-эм-м-м... — неопределённо отозвался Гоймир. — Я про что зашёл...

— Да кто тебя знает, — Олег развесил рушник на окне и, помедлив, выплеснул наружу воду.

— Да Зелёных Садов поедешь ли?

— Это вёска внизу, где обалденные яблоки? — припомнил Олег разговоры. — Вообще-то я спать хочу, а днём ещё за дровами ехать. Да и для яблок не рановато ли?

— Не сам еду, дело гонит, — пояснил Гоймир. — Есть там мужичонка такой — Степаньшин. Крещатик, но силком. Он нам зерно сторговывает. Так вчерашним днём должны были подводы приволочься, а нету их...

— Может, волоты²⁸ груз переняли? — Олег посвистывал, рассматривая свою ковбойку.

— Волоты скотину тащат, зерно им не к рукам... Так будешь со мной? — Гоймир положил меч на колено.

²⁸ Туповатые великаны, живущие в горах.

— Конечно, — Олег снял с крюка на стене самострел. — Эту штуку брать? Или наганом перебыюсь?. . Как-никак, к друзьям в гости едем.

— Дружили волки с собаками, пока бер²⁹ леса тропил, — презрительно усмехнулся Гоймир. — А самострел не бери. Возьми-ка один из тех, что починил, да и оставь себе — дело получше.

— Серьёзно?! — восхитился Олег перспективе обладания автоматическим оружием. Но тут же увял. — Не, Гоймир, это нечестно. У меня револьвер, да ещё и ЭмПи будет, а больше половины ребят и одного-то ствола не имеют...

— Дают — бери, бьют — беги, — серьёзно ответил Гоймир. — А огненный бой бери, не отказывайся. Тебе он к месту.

— Ну, спасибо... Я давно хотел спросить: а почему вы у убитых врагов не берёте оружие? С боеприпасами было бы легче...

— Без пользы оно нам, — досадливо покривился Гоймир. — Если чужак за него берётся — так оно рвётся у него в руках... С давна прослежено то. Ну, за чем дело? Пошли, шагать-то немало...

— Пешком?! — ужаснулся Олег. — Да тут вёрст двадцать, ты чего?!

— Обклатся, городской, — злорадно отметил Гоймир. — Не трясись, верхами поедем.

— Дружище, — вкрадчиво поинтересовался Олег, поднимая со стола один из пистолет-пулемётов, — а ты на лошадь-то сможешь сесть? Тебе же штаны помешают.

— Ты про что это? — немедленно насторожился Гоймир.

— Не, мне правда интересно, — Олег, пряча улыбку, повернулся к столу, на котором россыпью лежали остроголовые пузатые парабеллумовские патрончики, — как у вас вообще получается верхом-то ездить? При таких-то штанах... Или вы их повыше подтягиваете? Или... в дамском седле?

Не оглядываясь, Олег нырнул в сторону — очень вовремя. Сумка Гоймира со шлепком впечаталась в стену, пролетев в десятке сантиметров от головы мальчишки. Тот сразу вскинул руки:

— Сдаюсь! Правда, прости. Сейчас поедем. А тебе это за то, чтобы не обзывался.

— Ладно, — буркнул Гоймир. — Ты поспешай давай, кони-то стоят...

... Тропка вела по лесистым склонам, лишь изредка выходя на вересковые пустоши или пересекая речушки по расшатанным, не знавшим машинного колеса мостам. Ехать предстояло долго, да ещё и заночевать в весях. Олег не имел ничего против, но Гоймир довольным не выглядел и ничем не пояснял своего недовольства, пока Олег прямо не спросил его:

— Ты чего такой кислый, словно квашеной капусты переел?

Гоймир искоса посмотрел на него, потом метко плюнул на закачавшуюся веточку папоротника и ответил:

— Гостимир говорил — сей день Бранка будет. Вечеру.

Олег ответил не сразу. За последнее время он почти забыл, как выглядела та девчонка, с которой он бегал под дождём... и вот теперь вспомнил сразу, вспомнил при одном звуке её имени.

И то, что он ощутил при этом воспоминании, его испугало. Потому что это могло быть только... НЕТ!

— Ничего, завтра увидите, — равнодушно откликнулся он.

— Пень ты, коряжина вывороченная, — ответил Гоймир. — Долей ушибленный, потому и не любил никогда. А я как вижу её — сердце вмах засекается... Й-ой, и чего я рассыпаюсь с тобой!

— Спасибо, обложил, — поблагодарил Олег. — Кстати, зря. Хотя я и вправду девчонок не любил. Гулять — гулял с ними, и всё.

— Я тебя с собой кликнул, чтобы ты меня развеял, а ты чего творишь?! — почти взвыл Гоймир. — Это ж сколько я с ней ещё не перевижусь-то?!

— Между прочим, ты этот разговор сам затеял... Что это? Слышишь?

Мальчишки остановили коней. Гоймир прислушался — и услышал то, что Олег засёк ещё до него — звук летящего вельбота. Не сговариваясь, они свернули под деревья. И почти тут же из-за сосен вынырнула хорошо знакомая обоим машина, шедшая точно над верхушками.

— Выглядывает, трупоед, — Гоймир следил за вельботом из-под руки. — Ух, нечисть смердячая...

Вельбот сделал круг в полуверсте от мальчишек и пошёл, резко забрав на юго-восток. Далеко залетать не стал, почти сразу скрылся за деревьями, а потом растаял и звук.

— Дальше, — скомандовал Гоймир, толкая коня пятками. И ещё раз зло покосился на небо, в глубине которого бледными пятнышками различались звёзды.

... Скоро Олег начал жалеть о том, что согласился ехать. В седле он держался получше горца, но уж больно скучно было. Это его в здешних поездках доставало больше всего — выросшему в скоростном мире подростку до тошноты медленными казались здешние средства передвижения. Ландшафт и пейзажи стали угнетать разнообразием. Гоймир молчал, думая, судя по всему, о Бранке. Скакать галопом тут было невозможно, да и не признавали здешние пони-кони такой вещи, как «галоп» — он оскорблял их медлительное достоинство. Оставалось покачиваться в седле, зевать и думать о самых разных вещах.

О Бранке, например.

— Смотри-ка, а это что? — вдруг привстал в стремени Гоймир. Олег передвинул на бедро ЭмПи и убеждённо сказал:

— Зря ты не взял «шпагина».

На тропе лежали несколько лошадиных туш. Уткнувшись в дерево, стояла телега. Ещё две или три валялись, опрокинутые на бок. По всей тропе были разбросаны лохмотья и кучи чего-то серого, омерзительно воняющего...

Гоймир спешился и, на ходу доставая меч, подошёл к одной из этих куч. Ткнул в неё...

— Хвост Переплотов! — гневно выкрикнул он, поворачивая к Олегу вспыхнувшее лицо. — То наше зерно, то хлеб! Его известью окатили!

— Данваны? — Олег огляделся.

— А подводчики-то где? — Гоймир ходил вокруг разора. — Нет, данваны случись тут — они б и подводчиков... да и не по чину им то, всё одно что на ворота помочиться тишком...

— Поищи лучше, — Олег тоже спешился, перехватил ЭмПи с упором в бедро.

— Мертвяков-то? — Гоймир описал большой круг, вороша папоротник. — Ни пса тут не валяется. Ни живых, ни мертвяков не видать.

— А вот тут ты пролетел, друг мой, — Олег потянул воздух сквозь зубы. — Если ты их знаешь, то представь мне.

Гоймир повернулся.

С разных концов на тропу вышли восемь человек — восемь ребят примерно в возрасте друзей. На взгляд Гоймира так одеться могли только полоумные, а вот на Олега повеяло знакомыми ветерками с тусовки. По крайней мере, кислотная цветовая гамма, покрой одежды, приоткрытые рты и прыщи пробудили в нём почти ностальгические чувства. При всём при том эти восемь обормотов казались тут до смешного чужими — куда более чужими, чем Олег — в ковбойке, джинсах, сапогах-чунях и с пистолет-пулемётом.

Однако, у троих были обрезы охотничьих ружей, у остальных — солидные дубинки, явно частенько использовавшиеся. Движениями вся компания до такой степени напоминала рэперов, что Олег тихонько пробормотал:

— Ой йо ма фа йоу...

Месяца два назад такая встреча его бы серьёзно беспокоила бы. Но после того, что он повидал, сознание отказывалось воспринимать, как угрозу, даже обрезы в руках этих недоразумений.

— Не ходит у меня такая срань в знакомцах, — сообщил Гоймир с некоторой безразличностью.

— Оба-на, мы ему не катим, — сказал один, поигрывая обрезом, и Олег снова на секунду впал в столбняк. — Не катим, э, ты, козёл горный?

— Не промахнулся, — лениво ответил Гоймир.

— А тебе? — обратился тот же к Олегу. — Тебе мы, твою мать, тоже не нравимся?

— Не очень, — признался Олег. — Чесслово, мне и покруче пацаны стрелки забивали, — он подумал и добавил: — Клык даю. Век воли не видать.

— Вы сотворили? — махнул рукой Гоймир. Олег прислонился к одному из валунов, беспечно сунув руки в карманы, а подошвой упершись в камень.

— А чё, не нравится? — осклабился ещё один, недвусмысленно целясь из обреза в пах Гоймиру.

— Один тот мешок, — задумчиво сказал Гоймир, — что вы испоганили, по деньгам будет поболее мяса, что из вас настругать можно. А буде не деньгами померять — так и вообще не равняй; в том хлебе труд человеческий, пот... а в вас и есть-то, что кто-то зачать озаботился, а кто-то — из-под подола выкинуть. Невелик труд, да и вышло не чтоб красиво.

Олег, осклабившись, вынул руки из карманов, три раза хлопнул в ладоши и убрал их обратно.

— Тебе чё-то надо, ты? — спросил у Олега третий с обрезом.

— Ну, — откликнулся Олег. — Не видеть твоей похабной рожи.

— Поначалу думал я в ряд вас поставить да и окоротить на голову, — излагал Гоймир, не повышая голоса. — Но поразмыслил — какой с того племени прибыток? По справедливости будет — свести вас в Зелёны Сады, да и заставить тот хлеб отработать...

— Приносить пользу обществу — это даст вам ощущение некоторой новизны, — изысканно заметил Олег.

— Он чё-то квакнул про мою рожу, — родил наконец тот, кто спрашивал Олега, что ему надо.

— Коли я говорю — другим молчать, — оборвал его Гоймир, — а уж вам — и особо. Бросайте дрекольё, да и шагом поперёд нас в весь.

Воцарилось молчание. На лицах за прыщами угадывалась усиленная и тяжкая работа мысли. Потом кто-то, хлопнув по ладони дубинкой, неуверенно сказал:

— Э, ты за языком следи. Не проспался, что ли — нас ВОСЕМЬ, а вас ДВОЕ!

— Погоди, он прав, — снова подал голос Олег. — Их ВСЕГО восемь, а нас АЖ двое. Нечестно получается. Знаешь, я у себя всегда мечтал таких бить, а получалось редко, то настроения не было, то менты под кроссовками путались. Ты постой в стороне, а то ведь скажут потом — с мечом на малолеток недоразвитых...

— Ну, держи штаны, падла, я сейчас тебе всю харю в кисель превращу! — не выдержал морального давления один из дубиноносцев. И ринулся на Олега в лучшем стиле уличной драки — галопом, заноса дубинку над головой с маху. Олег до последнего мгновения не менял позы, стоял у камня, а потом... пропал. По крайней мере, так показалось атакующему. Он ахнул по камню со всей силы и ярости — отдача вышибла дубинку из руки, осушив ладонь, а в следующий миг стало совершенно нечем дышать, и нападающий лёг под камешек, уютно свернувшись клубочком. Олег, простенько пригнувшись, ударил его коленом в солнечное и, танцуя, как на боксёрском ринге, отскочил в сторону.

Разом вскинулись три обреза, но Гоймир вдруг выстрелил в воздух из невесть откуда взявшегося ТТ и сказал:

— По чести, так по чести. Оружие наземь, а не то... кто на первую руку пойдёт? Кто без страха? Кто за соратников мой заряд примет?

— Спасибо, дружище, — весело откликнулся Олег.

— А всегда помогу, только слово скажи, — заявил Гоймир, держа малолетних налётчиков на прицеле.

Переглядываясь, неохотно, трое с обрезами побросали оружие. Олег подхватил

выпавшую дубинку и несколько раз покрутил её в пальцах, потом перекинул из руки в руку.

— Крой его!!! — взвизгнул кто-то. Первый признак трусости — вот такие крики. Олег отбил удар дубинки серединой своей и свалил двоих — ударами в пах и под челюсть.

— Трое на сторону, — отсчитал Гоймир. — Подмогу дать?

Олег переоценил свои силы. Ударом ноги в колено он сшиб ещё одного, но не уследил за размашистым движением сбоку, и дубинка ударила его в левое плечо, отбросив к камню. Но Гоймир вступил в дело мгновенно.

Двое рухнули, как мешки, от ударов раскрытыми ладонями по шее и боку. Третий получил ногой в грудь. Четвёртый — единственный! — успел ударить Гоймира кулаком в лицо, но промахнулся и повалился от беспощадного тычка локтем в солнечное.

— Ого! — выдохнул Олег, держась за плечо. — Ничего себе чего!

Он уже видел, как дерутся местные ребята, но такую молниеносную расправу с реальным противником наблюдал впервые. Гоймир спокойно огляделся — никто не шевелился, решили, что вставать себе дороже.

— Надобно их поспрошать, кто да зачем их нанял, — Гоймир расслабился. — По обличью — городские, тут, в весях, такие не водятся.

— А сейчас расспросим, — предложил Олег. — У нас с ними некоторое взаимопонимание, а тебя они боятся. Я нежненько, осторожненько...

— А я уж было думал костёр запалить, — серьёзно — Олегу даже жутко стало — заметил Гоймир. — Добро. Спрашивай ты.

— Открывай глазыньки, радость моя, — Олег наступил на руку тому, которого завалил первым. Парень сообразил, что притворяться бессмысленно. К тому же он несомненно слышал про костёр.

— Ты меня изувечил... — облизнул он губы. Олег упал на колено и воткнул разведённые «вилкой» большой и указательный пальцы правой руки в горло по обе стороны кадыка:

— Я с тобой ещё и не то сделаю! Ах, бедняга, — Олег подпустил в голос насмешки, — а что вы-то собирались с нами делать?! Бутербродиками кормить? Так гони, я по ним уже соскучился... Хватит! Кто приказал погубить груз?! Откуда вас таких черти принесли?

— Б... б... о... на... — прохрипел парень. — У... у... ери...

Олег отнял пальцы. На коже остались два пятна — багровые, они быстро наливались синевой.

— По порядку. Откуда вы?

— Из Виард Хоран, — парень несмело поднял руку, потёр шею. Гоймир что-то буркнул, сплюнул в траву.

— Умница, — поощрил Олег. Происходящее казалось ему игрой. — Ну и кто вас нанял?

— Мужик один... здешний... отслюнил кучу бумаги, билеты нам подогнал... Сказал — дело плёвое... — он снова скривился.

— Что приказал? Какое дело? — отрывисто спросил Олег.

— А вот... зерно это уработать. Сказал ещё, — заторопился парень, — пусть эти ко... козлы горные, — он с опаской посмотрел в глаза Олегу, рыскнул взглядом куда-то в сторону, — пусть, мол, вы, короче, почешетесь, а то хорошо больно живёте, на всех положили с прибором... Ещё посмеялся так...

— Одно посмеялся? — зловеще сказал Гоймир. — Уж мы смеяться будем. Приспело.

— Чего? Чего? — парень приподнялся на локтях, облизнув губы, умоляюще зашептал: — Я же всё сказал, я всё сказал... не убивайте...

Олег прервал его шёпот шлепком по щеке — несильным, но обидным. Хотя — подобного типчика едва ли можно оскорбить подобным образом.

— Тебя как зовут?

— Нико, — удивлённо и с опаской отозвался лежащий, словно ожидая от произнесения своего имени ещё каких-то неприятностей.

— Что за имя? — удивился Олег. — Ты славянин?

— Кто славянин?! — взвился Гоймир. — Его славянином зовёшь?! Его одной со мной кровью вяжешь?! Его в Верью нашу пхаешь?! Ты видишь — не то что природное, славянское имя его стороной обкатило, он и от крещатого-то охвостье оставил, позыв собачий, на данванский лад скроил! Давить таких след!

Нико (скорее всего — Николай, отметил Олег) заскулил, закрылся ладонями с расставленными дрожащими пальцами. Олег вскочил, уперся ладонью в грудь взбешенному Гоймиру.

— Стой, стой, — спокойно сказал он. — Чего разоряешься? Порубить их хочешь здесь? Давай, руби. Ба-альшая честь будет.

Гоймир, раздувая ноздри, смотрел на Олега. Залегшая между густых бровей злая складка распускалась на глазах. Очевидно, ему впервые в жизни указали на неразумность решения. Без какой бы то ни было охоты он наконец ответил:

— Добро. Твоя правда. Пусть двигают отсюда всем скопом, да живой ногой, пока я их не повыдирал, откуда растут. А нам-то, глянется, в обратную...

— Давай уж поедем, — возразил Олег, больше не обращая внимания на лежащих вокруг налётчиков, на вздрагивающего у его ног Нико. — Заодно порасспросим, кто там такой предприимчивый, что за этими придурками в город съездить не поленился... Вирад Хоран — это ведь город?

— Три Дуба, — произнёс Гоймир славянское название. — Самый ближний к нам. Оттуда Ломок уходил. И машина твоя там была, сквозь неё мы с Земли от деда твоего пересыл имели... Едет кто? — вдруг оборвал разговор и насторожился Гоймир.

Олег схватился за ЭмПи. Но через секунду Гоймир успокаивающе отмахнулся, вглядываясь в двоих всадников, появившихся на тропе со стороны Вересковой Долины:

— А, то наши — старый Семик Мечкович с внуком — Брячислав, мой трёхродный! Куда их Кулла³⁰ тащит?.. Брячко! — Гоймир махнул рукой, убирая ТТ.

Гибкий парень — рослый, красивый, как и весь здешний народ — махнул рукой в ответ, чуть наклонившись с седла:

— Хвала! Думали вас в Зелёных Садах нагнать, так вы вот где стали? За чем дело?

— Вон, — Гоймир повёл вокруг рукой, — разговоры разговаривали. Слово за слово, да повздорили... А вас куда несёт? Не туда же?

— А что, своё дело на наши плечи переложить хотите? — вопросом откликнулся ещё могучий старик-горец, сивые усы которого были заброшены за уши по здешней моде.

— Да наше дело вроде как тут разбросано, — вздохнул Гоймир. — С чего нам конские копыта бить, да и свои задницы? А вам всё одно там быть, так и к Степаньшину заглянули бы?

— А добро, заглянем, — кивнул старик. — И к Сцыпину Аркашке тоже, говорил он, что дешевле даст... А этих — иль пускаете?! — он указал на возившуюся вокруг шелупонь.

— Пусть бегут, куда ноги несут, — насмешливо бросил Гоймир. И добавил: — А со Сцыпиным глаз да глаз. На крысу он кажет. Такие хороши, пока за горло их давишь, а отворотишься — своё борони... Как бы не он по паскудству орлов заборных нанял.

— Вот и мне не кажется он, — поддержал Брячислав, поправляя головную повязку. — Глаза б не глядели, дед.

— Гривны карман не оттянут, а с пустым тоска, — ответил внуку старик.

— Ярмарка на носу, там бы и купили, — упрямылся Брячислав, но ясно было, что сделает, как скажет дед. Они зарысили дальше по тропе — плечо в плечо, колено в колено, почти одинаково рослые, только Брячислав — стройный и гибкий, как тополёк, а Семик — кряжистый, узловатый, будто оживший дуб...

³⁰ Колдовской, чаще всего злой, ветер.

* * *

Аркашка встретил гостей, как положено — у самых ворот, сам отвалил их, припёр камнем, лучась улыбкой так, что во дворе стало светлее.

— Гости, гости-то какие! — излишне суетливо шустрил он, частя на лесном наречии. — Жена, собирай на стол, да что получше — проголодались, небось, с дороги? — и заглядывал в глаза горцам, неспешно шагавшим по убитой до каменной твёрдости земле, словно воочию хотел убедиться, что они всем довольны.

— Что ты метёлкой мечешься? — удивился Семик, уже усаживаясь за стол — широкий, крепок сбитый из прочных досок. Брячислав устроился у окна, подпёр спиной раму, подмигнул старшей дочке Аркашки, которая вдруг побледнела и выскочила из горницы. — Ты вот что говори нам...

Двери распахнулись, с треском ударив по стене, от тяжёлого пинка. Внутрь полезли, склонив винтовки со штыками наперевес, горные стрелки с тупо-злобными лицами, многочисленные и молчаливые.

— Хватай их! — завопил Аркашка, предусмотрительно, словно на пружинах, отскакивая к другому концу стола. — Хватай!

— Дед, засада! — крикнул Брячко, прянув вперёд от окна.

— Чтоб впослед у тебя упыри гостили, переверотень! — выхваченный стариком короткий широкий нож полетел в Аркашку, но тот успел в страхе присесть, и нож со стуком вонзился в стену, глубоко расколов бревно. Второй — угодил в ощеренный рот одного из стрелков. — А! Кровь Перунова! Брячко, в окно! Беги, внучек!

Брячислав, мгновенно подхватив из угла скамью, высадил раму и метнулся следом. Семик, ударом ноги перевернув стол между собой и нападающими, выхватил меч и камас...

... Брячислав упал на руки с перекатом — сразу оказался на ногах. И так же сразу ему стало ясно, что уйти не удалось — расплывчатые, серые фигуры, похожие на Мар, надвигались со всех сторон.

— Не кричала сей день моя Желя, — пробормотал мальчишка и, бросив послушное, тренированное тело в воздух, с маху ахнул не успевшего и вскрикнуть стрелка, что оказался ближе остальных, в грудь обеими ногами. — То тебе! А то — тебе! — приземляясь, он обеими руками опустил меч на плечо подскочившего сбоку, раскроив его до середины груди.

— Бейте его прикладом в морду! — визгливо и истошно заорали сзади.

Повернуться Брячко не успел — стало ОЧЕНЬ светло, как не бывает даже днём, а потом — ОЧЕНЬ темно, как не бывает даже ночью...

... Старого горца пытались первые секунды взять живым. Двое поплатились за это руками, один лишился головы, двое были проколоты, а двое — порублены насмерть. Семик не пытался выскочить за внуком в окно — бесполезно это было, в саду слышались крики и свирепая возня.

В юности он был ловчей и подвижней, но силу и выносливость сохранил и сейчас. Отбиться Семик не надеялся — скорей уж просто хотел прихватить за кромку побольше врагов.

Его закололи штыками сразу в грудь и спину, навалившись толпой спереди и через окно. И долго потом били и кромсали безжизненное тело...

... Ледяной поток обжёг лицо. Вспышкой боли разорвало разбитый затылок. Голоса. Смех. Солнечный свет, видный сквозь веки.

Брячко открыл глаза.

Первое, что он увидел — грубо сваренный из чёрных стальных прутьев крест, перечеркнувший высокую белизну неба.

Увидел и понял — это — ДЛЯ НЕГО.

— Очнулся! Очнулся! — завопил кто-то с такой радостью, словно очнулся лежавший при смерти родич или дорогой друг. Вот только радость эта была злая. — Очнулся, падла

горская! Очнулся, козёл сраный!

Удар под рёбра почти не ощутился сквозь нахлынувшие тоску и ужас, которые разом переполнили всё существо Брячко. Как во сне, он увидел стрелков, выстроившихся полукругом, отсекавшим от креста молчаливую людскую толпу, хангаров-выжлоков, сидевших в сёдлах у границ этой толпы — и данванов. Трое огромных существ в угловатой броне, в шлемах с матовыми забралами, широко расставив ноги, замерли совсем рядом. Какое-то существо носилось кругами и вопило — Брячислав не сразу узнал Аркашку. Именно он, визжа от удовольствия, с почти безумным лицом бегал вокруг, истерично хохотал, осыпал мальчишку пинками и ругательствами.

Брячислав разлепил мокрые губы:

— Боишься, — сказал он жёстко. Словно не он лежал тут, связанный по рукам и ногам, а этот плюгавенький мужичонка.

— Чо-о-о-о?!?! — завизжал тот, но Брячислав лишь повторил:

— Боишься, — и перестал его замечать.

Несколько хангаров наваливали у подножья креста дрова и хворост. Один из данванов начал говорить тем правильным, мощным и бездушным голосом, который так пугал всех, кому приходилось слышать данвана:

— Благодаря бдительности одного из жителей вашей веси сегодня вечером были схвачены и обезврежены двое горских бандитов-дикарей. Проявившему бдительность жителю будет выплачено денежное вознаграждение...

— Иуда! — крикнул кто-то в толпе. Данван оборвал речь. Другой — с чёрными наплечниками — монотонно крикнул:

— Кто сказал?!

Люди враждебно молчали. Данван не стал продолжать — только добавил:

— Вам предъявляются на опознание захваченные. Если кто, что может о них сказать — говорите.

Двое хангаров вздёрнули Брячислава за руки и волоком потащили мимо людей, стоящих за спинами горных стрелков. Боли в вывернутых руках мальчик не ощутил — навстречу ему за ноги тащили труп его деда. Седая голова Семика билась о комья земли и камни. Руки старого рубаки были отсечены выше кистей — из них не удалось вырвать оружие...

Мертвец и живой поравнялись.

«А помнишь ли, дед, спросил я одно у тебя — что живёт в Мире человек? Для чего? И ты в ответ говорил — затем, чтоб бороться... А как стать, если нету сил, спросил я? Тогда не человек он, отвечал ты. Так я ещё попробую бороться. Благо тебе. А перевидимся мы раньше, чем ты говорил...»

Мужчины в толпе смотрели себе под ноги. Женщины откровенно плакали, прижимая к себе испуганно притихших людей. Подростки стояли угрюмые. Старики и старухи крестили Брячислава.

— Ты прости нас, сыночек...

— Сила солону ломит...

— Прости за того предателя...

— Господи, спаси и сохрани...

Брячко слушал всё это равнодушно. Ничего он не имел против этих людей. Разве что чуть презирал их за скотскую покорность, за слепую веру... и жалел их за то же. И всё. Их жалость, их восхищение, не были ему нужны. Он готовился к своему последнему бою.

Страх ушёл, растаял, хотя сейчас, как никогда отчётливо, мальчишка представлял свою судьбу. Жестокость врагов в нём тоже не вызывала отвращения или злобы сама по себе. Он и его соотечественники были тоже жестоки, и в сказках старших о днях взматения была захватывающая дух жуть расправ над врагом. Остались тоска, решимость и холодная злость к предателю, который принимал их в своём доме, за столом — и там же выдал. Потому он не

сказал ни слова, даже когда военный священник, прибывший со стрелками, спросил его, не хочет ли он исповедаться?

Заскрипели блоки, и крест наклонился, зачёркивая небо, свет, остатки надежды. Умело удерживая мальчишку, хангары прикрутили его, и с тем же зловещим скрипом крест поднялся вновь.

— Есть ли у тебя последнее желание? — спросил данван в чёрных наплечниках. — Ну, скажи, чтобы мы все подох...

— А поверните-ка крест. Я скажу — как.

Слова были настолько неожиданны, что данван дёрнул головой и умолк, безлико глядя вверх, на распятого пленного. Потом махнул рукой хангарам, и крест начал поворачиваться.

— Довольно.

Отсюда, с высоты, Брячислав видел сосновый лес, поднимающийся к бледному небу, а там, за этим лесом, различал он в прозрачном предутреннем воздухе вересковые пустоши, за которыми лежало море. Вдали собирались, взбухая штормом, чёрные тучи, и море уже, наверное, с грохотом билось о скалы, и вереск гремел на пустошах, как жёсть, и клочья пены неслись по воздуху... Кочи возвращались к причалам, и кто-нибудь из его, Брячко, друзей, пел, задыхаясь холодным солёным ветром:

— Эй! Холодное море, Глубокое море, суровое море — Э-гей!

Всё это было, всё это существовало, и всё это будет продолжать жить, даже если оставит Мир он, Брячислав из племени Рыси! Не разорвать великую цепь-Верью. И море, и вереск, и сосны, и торфяные болота, и высокое бледное небо, и песни, и былины... А тогда — какой смысл бояться одного мига, пусть и сколь угодно мучительного?

Мы сражались за эту землю!

И пусть МНЕ выпало прожить на свете неполных пятнадцать — я сражался тоже, и никто не посмеет сказать, что прожил я свою жизнь слепо и без смысла!

Мы жили отважно!

И пусть я не смог погибнуть в бою — связавшие мне руки не свяжут ни сердца моего, ни духа!

Огонь, вспыхнув разом, охватил загудевшую, затрещавшую кучу дров и хвороста, взметнулся, засвистел, запел, поднимаясь всё выше и выше, окутывая распятого мальчика струящимся плащом... И оттуда, из этого пламени, ясный и бесстрашный голос запел:

— *Хвала тебе, Дажьбог Сварожич,
Солнце Пресветлое!
И тебе хвала, Перун Сварожич,
Гром Небесный!
Хвала племени Сварогову...*

— Брячко закашлялся, но справился с собой и вновь запел:

— *И вам, навьи-предки,
И вам, люди-потомки,
И всей Верье славянской —
Хвала ныне и веки...*

...— Иди за мной! — голосом, похожим на гул пламени, воскликнул могучий воин на вороном жеребце, облачённый в сияющую броню. — Иди за мной, Брячислав, сын храброго Воимира! Отец твой ждёт тебя! Отец твой горд тобой! Иди! Не страшись!

Серебряные волосы и огненная борода воина вились под неощутимым ветром, волновались бурными потоками, и Брячко понял, обмирая от восхищения и радости — вот он, Перун! А откуда-то из-за его спины по-слышался и другой — знакомый — голос:

— Шагай встречь, сын! Вот рука — берись!

— Иду! — изо всех сил крикнул Брячислав. — Иду, отец!..

... Огонь взметнулся выше, стирая черты лица мальчика. Видно было, что он горит — одежда, волосы, кожа — но по-прежнему смотрит на северо-восток, туда, откуда надвигался морской шторм...

* * *

— Были и хангары, и стрелки, и данванов самих трое было. Что мы могли сделать? Они ж все с оружием, а у нас дома, детишки, бабы... — Степанышин сцепил пальцы и глядел в стол, голос его звучал глухо, как из-под земли. Гоймир сидел напротив него, сведя кулаки перед лицом и поставив локти между двух кружек с вонючим сивым самогоном — Степанышин пил, когда пришли горцы. Гостимир замер у дверей, скрестив руки на груди. Йерикка — у стены, опираясь на свой «дегтярь». Олег — вполоборота к окну, положив ладони на ЭмПИ, висящий поперёк груди. — Веску сожгут, и поминай, как звали. Ну вот. Старика-то в доме убили. А мальчишку схватили живым. И сожгли на костре.

Последние слова Степанышин произнёс совсем тихо. Олег чуть шевельнулся — горцы даже не переглянулись.

— Боимся мы их, пойми ты, парень! — вдруг надрывно сказал Степанышин, хватаясь скрюченными пальцами за ворот. — А ну как снова придут, да и...

— А рубаху-то не мучай, жене работа — зашивать, — Гоймир аккуратно отцепил, нагнувшись через стол, пальцы мужика от ворота. — К нам вон по зиме одно приходили. Знал, небось? А что обратно не ходят — хочешь знать?

— Народ у вас... — Степанышин спрятал глаза.

— Ой, не надо, язык-то не мучай. Нас в красную пору и полутора тысяч счётных не сыскалось бы. А у вас одних мужиков на круг столько по вёскам, — спокойно перебил его Гоймир. — В том толк, что овцы вы. Стричь вас — самое милое дело, ведаю, что говорю, право слово. Куда скажешь — туда они и бегут, а как стрижёшь или режешь — одно блеют: «Господи помоги!» — и Гоймир поднялся, возвышаясь над словно бы растёкшимся по столу мужиком. — Да вы тут ведь овец не водите? Так я тебе скажу, как их на бойню гонят. Поставят им так в голову барана-подманочка. Они и текут за ним, куда ведёт. Хоть на бойню, так-то. Дед мой знал твоего деда. Так ли тот жил, как ты живёшь? Да и живёшь ли ты?

— Мальчик, — горько сказал Степанышин. — Мальчик, где те ваши, что против силы встали? И дед мой — где? И отец? Думаешь, нам легко? Но мы живые. А они все — мёртвые, мёртвые...

— Это вы мёртвые, — пошевелился Йерикка. — Каждый день, каждый час умираете. Дохнете от страха и молитесь, чтобы подольше подышать, — он скривился, помотал головой и неожиданно прочитал насмешливо:

— *Паситесь, мирные народы!
Вас не пробудит чести клич.
К чем стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь...*

— Это Пушкин сказал. Был на Земле такой поэт... Ну что, Гоймир, пойдём?

— Здесь по стойте. Я разом вернусь, — попросил Гоймир. — Дело сделаю и вернусь, — он пошёл к двери. Гостимир посторонился, тихо сказал:

— Ой, беды наворотить горячим делом... С собой бери.

— Благо, — Гоймир пожал плечо Гостимира. Помедлил, объяснил: — Один пойду. Был мне Брячко трёхродным. Мне и расчёт вести...

... Аркашка, сидя за столом, хлебал щи из здоровенной миски. Хлебал неспешно,

напоказ, что никого не боится — но заряженное картечью охотничье ружьё (разрешённое!) лежало рядом на лавке.

Сцыпину было тревожно. Куда-то пропали городские сопляки, за которыми он специально ездил в Виард Хоран, чтобы их руками сорвать сделку со Степаньшиным — в надежде срубить бумагу на торговле с горцами. Если попали в руки данванов — по головке не погладят, хоть он и выдал, не задумываясь, прибывших к нему (как и рассчитывал!) гостей.

В окно постучали — размеренно и негромко. Аркашка поднял голову — и схватился за ружьё, схватился, как за последнюю свою надежду... да так оно и было на самом деле!

Гоймир выстрелил прямо через окно — выстрелил не из ППШ, а из ТТ через прозрачное, как родник, привозное с юга данванское стекло. Мягкая пуля 7,62 мм пришлась Аркашке в правое плечо, развернула вокруг себя и бросила через лавку, в угол. Ружьё загремело по чисто выскобленным доскам пола. Плечо, рука, часть груди разом онемели. Подвывая, Сцыпин зажал ладонью рану, поднял голову — и увидел бешеные, широко поставленные светлые глаза невесты когда успевшего войти горца — золотистыми искрами в них горел гнев.

— Сидеть, — услышал Аркашка, и этот голос парализовал его намертво, как заклятье.

— Ы-ы-ы-ыии... сиж-у... сиж-у... — садящимся, скулящим, каким-то юродствующим от страха и боли голосом простонал Аркашка, зажимая плечо. Жена с дочерью и сыном, выскочившие в горницу, сжались у двери. Мельком скользнув по ним взглядом, Гоймир мягко, бесшумно по-дошёл к столу. — Стало, вот тут ты наших-то принимал, гнусь болотная?

— Ы-ы-и... за ни-им... за ни-им... — Аркашка корчился в углу, рука висела плетью, кровь капала на пол, собираясь в чёрную лужицу.

— Много ли взял за них? — спросил Гоймир, шагая обратно и не сводя глаз с Аркашки, вжавшегося в стену. И того вдруг прорвало:

— Гоймир! Не надо! Христом-богом! Не надо! Не хотел! Заставили! Грозили! Семья! Детишки! — стуча коленками по полу, с искажённым лицом Аркашка бросился к Гоймиру, ткнулся в мягкие сапоги, начал целовать их — истово, словно икону. — Гоймир! Не надо! Не убивай! Родненький! Матерью твоей! Не надо! — он поглядел на горца снизу вверх со смертельным ужасом и сумасшедшей надеждой в плачущих глазах, кривя мокрый рот. Увидел там что-то такое — в этом сером, золотыми искрами — и завыл бессмысленно, цепляясь здоровой рукой то за штанины, то за мохнатые ножны меча, то за сапоги, то за руки Гоймира, которые тот отдёргивал с гадливой гримасой на лице: — Не! Не! Не-е-е! Я! Меня! Ы-а-а-а! Ы-а-а-а... до!!!

Животный страх плёнкой остывал в его глазах, неотрывно глядящих на единственного настоящего бога, в которого сейчас верил Сцыпин — на Гоймира.

— Ты, вижу, трясёшься — тебе та же смерть, что Брячко, будет, — размеренно сказал Гоймир. — Не трясись. Что за радость труса мучить — от него в последний час смердит стократ больше, чем по жизни... Я тебя быстро сведу, перевет. Молись богу своему.

Рывком подняв икающего и пускающего слюни Аркашку, Гоймир страшным ударом всадил камас ему в живот и рванул лезвие, распарывая внутренности. Толкая Сцыпина перед собой, подвёл к двери — тот смотрел бессмысленно и умоляюще, словно ещё на что-то надеялся, и молчал. Потом вновь повернул лезвие и вогнал его изогнутый конец за рёбра, в сердце.

И выбросил Аркашку наружу с крыльца.

— Душу твою Кашею без возврата, — тихо сказал он, делая шаг назад. По рукам мальчишки текла кровь.

Кто-то потянул его за подол. Гоймир повернулся — это оказался пятилетний сын Аркашки. Жена его и дочь лежали у дверей воющей кучей тряпья.

— Зачем ты убил папу? — требовательно и без слёз спросил ребёнок, пристально глядя в глаза горца — своими, такими же серыми.

Гоймир встал на одно колено и провёл ладонью по светлым, тоже как у него самого, волосам ребёнка, пачкая их кровью. Потом рукоятку вперёд протянул камас ему.

— Бери. В мужской возраст войдешь — убьёшь меня. Пусть оно так будет — расти будешь с мужской думкой за месть. Живи той думой — всё лучше, чем как твой отец, ложью да молитвой. Будем живы — сыщи меня, коли почувешь, что достал сил да умения скопил. Одно — не торопись, потому как я не сжалюсь... да и не медли, потому как без чести — старика вбить.

Обеими руками мальчик взял камас — их потянуло вниз стальной тяжестью, но ребёнок удержал оружие и серьёзно кивнул:

— Хорошо. Я убью тебя, когда вырасту. Я тебя обязательно убью.

— Санька! — завывала женщина, протягивая руку с пола. — Ты что говоришь?!

— Смолкни, дура, — сказал Гоймир, не поворачивая головы. — Станется — вырастет он не таким выб... ком, как муж твой. Станется — начнёт нас убивать, но не предаст никого за столом своим, как гостя принимая, через хлеб ему в глаза глядя, подле Огня печного сидя! Смолкни и не смей в его путь вступать!..

...— Убил?

Спросил это только Гостимир. Олег стоял, где стоял, по-прежнему молча. Йерикаа смотрел куда-то в угол.

Вошедший Гоймир сел к столу, нашарил, глядя под ноги, в миске огурец, захрустел. Невнятно сказал:

— Зарезал... Да что... не вернёшь ни деда Семика, ни Брячко... В толк возьми! — он плюнул огрызок обратно в рассол и поднял голову: — То ведь меня да Вольга, то нас должны были убить! Мы-то в обратную пошли, а...

— Ты не о том думаешь, — откликнулся вдруг Йерикка. — Они вторглись на наши земли. Целой воинской частью, нагло, — рыжий горец обвёл всех своих товарищей холодным взглядом. — Это уже не зерно отравленное! Это нам в лицо плевок почище убитых в Трёх Дубах, почище Ломка! Потому я предлагаю по возвращении собрать ребят и обсудить ответные меры.

— Набег? — во взгляде Гоймира появилась осмысленная злость, похожая на голубой огонёк.

— Конечно, — кивнул Йерикка, и Олег впервые увидел, что такое «зловещая улыбка» — раньше он эти слова считал выдумкой писателей. — И если кто-то решил, что мы теперь вроде тряпки при входе — то скоро он убедится в обратном. Так как, водитель?

Гоймир улыбнулся в ответ. Или просто оскалился.

Интерлюдия: «Баллада о ненависти»

*Торопись! Тощий гриф над страной кружит!
Лес — обитель твою — по весне навестит!
Слышишь? Гулко земля под ногами дрожит!
Видишь? Плотный туман над полями лежит!*

*Это росы вскипают от ненависти!
Ненависть — в почках набухших томится!
Ненависть — в нас затаённо бурлит!
Ненависть потом сквозь кожу сочится,
Головы наши палит.*

*Погляди! Что за рыжие пятна в реке?!
Зло решило порядок в стране навести...
Рукоятка меча холодеет в руке,*

*И отчаянье бьётся, как птица в виске,
И заходится сердце от ненависти!*

*Ненависть — юным уродует лица!
Ненависть — просится из берегов!
Ненависть жаждет и хочет напиться
Чёрною кровью врагов.*

*Да! Нас ненависть в плен захватила сейчас!
Но не злоба нас будет из плена вести...
Не слепая, не чёрная ненависть в нас!
Свежий ветер нам высушит слёзы у глаз
Справедливой и подлинной ненависти!*

*Ненависть пей! Переполнена чаша!
Ненависть требует выхода, ждёт!
Но справедливая ненависть наша
Рядом с любовью живёт! ³¹*

* * *

Олег лежал на лавке, забросив руки под голову и мрачно глядя в окно с распахнутыми ставнями. На Вересковую Долину напознала вторая за сутки туча, обещавшая потрясающий ливень. Что вполне соответствовало настроению мальчика. Только внутри него бушевала настоящая гроза.

Олег был обижен.

Нет, он понимал, что Гоймир — водитель племенной молодёжи — соберёт на совет человек пять-шесть, не больше. Никаких прав там присутствовать у Олега не было. И всё-таки...

«И всё-таки, чёрт побери, — Олег зло завозился на лавке, — Гоймир примчался к кому?! К Йерикке, Гостимиру — и ко мне! Чёрт, чёрт, чёрт побери! — повторил он. — Мог бы и разрешить...»

Мысли перескочили на другое. Он как раз вернулся «домой» и собирался бежать в школу (вот интересно, кто занёс сюда это словечко?!), когда влетел Гоймир с бешеными глазами и косноязычно от спешки и злости сообщил, что прискакал нарочный от Степаньшина... Гоймир даже позвать не успел — Олег рванул из комнаты, на ходу влезая в ремни: «Скачем!»

Олег ощутил нервный озноб. А ведь, как и крути — Гоймир прав. Убить должны были их двоих. Он перевёл дыхание, вспоминая, что осталось от Брячислава — обугленные кости с остатками скрученных чёрных мышц. Ему, Олегу, на тех тинэйджеров из Трёх Дубов молиться нужно, как на икону!

Страх — запоздалый и резкий — внезапно нахлынул всё сметающей лавиной. Олег во всей отчётливости понял, что здесь, в этих холодных и равнодушных местах, смерть ходит под ручку с каждым. И с ним, Олегом Марычевым, Вольгом Марычем... Несколько секунд мальчишкой владел страх — ну, ещё смешанный с желанием как можно скорее испариться из этого мира. Домой, и что ему за дело до совета, на котором обсуждают планы мести — ещё одного витка круговорота крови в природе...

... Ремень меча вдруг лопнул со щелчком, похожим на щелчок кнута, и тяжёлое оружие,

на лету выскальзывая из ножен, упало на колени подскочившего Олега. Он подхватил меч у пола и задержал в руке.

— Прости, — вырвалось у него. — Это так... типа нервы. Слово!..

... Он как раз заканчивал чинить ремень, когда в дверь застучали.

— Войдите, — вертанувшись на лавке, откликнулся Олег.

Вошёл смущённый Гоймир. Он смотрел на Олега исподлобья, склонив голову к плечу — и чем-то напоминал нашкодившего щенка.

— Разрешить ли? — неловко спросил он. Олег ткнул — не без злорадства — на табурет, а сам встал, отошёл к окну и устроился у подоконника. — Я понимаю, — вздохнул Гоймир. — Не злился бы ты, Вольг — право слово, не надо. Когда б можно было — первым бы тебя кликнул, слово вот!

Самое странное, что утихшая было обида при словах Гоймира вновь вспыхнула, как пожар в торфянике. Олег махом оседлал подоконник, уставился наружу...

— Ха! А ты думаешь, мне интересно слушать, о чём вы базарили?!

— Да не гони ты... — покачал головой Гоймир. Но Олег в самом деле «погнал» в земном смысле этого слова:

— О чём вы там могли договариваться?! Пара налётов на деревни... тьфу ты, блин с икрой, веси!.. всё население которых виновато, что у них стоят вражеские гарнизоны?! Да знаешь, где я видал эти ваши набеги?! В гробу в белых тапочках, чеченцы, зас... ные! Я тут остался, чтобы что?! Чтобы воевать(сорвавшиеся слова больше всего удивили самого Олега), а не по ночам на крестьянах отыгрываться! Вы вон давайте найдите тех, кто наших убил — слабо, эй?!

— Нет твоей правды, Вольг, — терпеливо сказал Гоймир, — и не знаешь ты, о чём говоришь...

— Да ну нафик! Всё я знаю и понимаю! Прямо скажи: «Мальчик, ты нам не в кассу!» — я и это пойму! А не хочешь говорить прямо — стрэбай видсэля, как говорят наши братья-украинцы! Ну, вали отсюда, чего ждёшь?!

— Что кричишь, что дуешься, как лягва на коче?! — не выдержал и Гоймир, вскакивая и краснея. — Не тебя одного не кликали! Ты уж наособицу встал, не яснит мне что-то?! Тут полторы ста таких, как ты — один в один!

— А прилупил ко мне!.. — Олег с ужасом осознал, что ляпнул, осекся. Вот так, от нескольких слов, и рухнет сейчас только-только зародившаяся дружба...

Гоймир втянул воздух — так, что только свист пошёл по комнате:

— Потому к тебе, что друг ты мне, — открыто сказал он. — Не знал я, не думал, что за дружбу можно особицы себе требовать. Недобро то. Недобро то, и коли ты так хочешь — гуляй стороной, а мы тебя не дожидаемся!

Они смотрели друг на друга через комнату. Потом Гоймир совсем спокойно продолжил:

— Скажи, что нет твоей правды, Вольг.

— Ага, — Олег устало махнул рукой. — Ты прости, я так глупо обиделся... Это со страху. Я про Брячко думал.

— Ясен день. — просто ответил горец. — А я до тебя скоро так, едва совет кончили. Сказать, что порешили.

— Рассказывай, — Олег указал на лавку. Гоймир присел, на другой конец опустился сам хозяин комнаты.

— Между делом, Йерикка один в один как и ты сказал, — заметил Гоймир.

— Йерикка? — удивился Олег. — Да он же этот набег и предложил!

— Да не то думаешь. — отмахнулся Гоймир. — Говорил он — напасть не на вёску, а на хрот данванский.

— Ну, это дело! — обрадовался Олег. — А когда?

— Будет день — будет пища, — загадочно ответил Гоймир и неожиданно сморщил нос. — Слушай, есть ли у тебя время свободное?

— Есть, — подумав, ответил Олег.

— Дай что пожевать, — почти умоляюще попросил Гоймир. — Два дня домой нос не казал, а в школе тоже куска не перехватил с этим советом...

— Пошли, — оживился Олег, — чего ж ты сразу не сказал?

— От дома в корчму есть хожу — слышать странно, — усмехнулся Гоймир. — Вот только домой-то я кто знает когда появлюсь. Ночью-то опять дела. Вот тут приходи и ты, коли хочешь... А кто те чеченцы — ты говорил?

Они спустились на кухню нижнего этажа, и по дороге Олег коротко рассказал о проблемах России с независимой Ичкерией. Гоймир надулся:

— Поровнял, как пса с котом повенчал... Детишек да баб хватать, чтоб мужам руки крутить — то самая данванская навычка и есть, не наша!

— Ладно, без обид, — отмахнулся Олег, открывая шкаф. — Понял, отчего я ни к кому переселяться не хочу? тут на жратве сижу, как князь на престоле. Вареники холодные будешь?

— А то... Молоко есть?

— Под лавками горшок посмотри. Да осторожней, там уж ночует.

— Не учи... Вареники-то где?

— Оп! — Олег метнул на стол деревянную миску. — Вот.

— Оп! — Гоймир подцепил двузубой вилкой сразу два вареника, кинул в рот и, залив водопадом молока, сообщил: — Вот, — и засмеялся.

— Проглот. — весело ответил Олег. — Ладно, не объешь... Ты отсюда куда?

— В море часом выйдем, — Гоймир отлил молока в кружку. — Рыбку посмотрим. Скоро вернёмся.

Олег пробормотал нехорошее ругательство. Вот уже несколько дней данванский вельбот упорно охотился за выходившими в море кочами. Просто чудом было, что не потопил ни одного... пока.

— Я случаем в него топор кину, — угадав мысли друга, обнадежил Гоймир. О чём-то подумал и спросил: — А вот скажи, почему тех разбоев, про которых сказал, смертью не казнят?

— Не по закону, — пожал плечами Олег, присаживаясь напротив.

— Что ж то за закон, что смертоубийцу карать не велит? — нахмурился Гоймир. — Хуже, чем смертоубийцу — татя, ночника трусливого! От таких на всём роде человеческого гниль заводится, что парша по овце — не прирежешь, так всё поголовье выморит...

— Закон, — повторил Олег пожав плечами. — У вас лучше?

— Нет у нас тех законов, — ответил Гоймир. — Йерикка про такие много рассказал — что на бумаге лежат. Не на бумаге должен стать закон. Тут он должен быть, — и мальчишка-горец коснулся груди.

— У вас законов не нарушают? — не без иронии спросил Олег. Гоймир покачал головой:

— Вольг, друже. Прав-бог хранит закон Рода-Сварога, со Сварога Верья наша начало ведёт. Закон его — основа естества людского. И что, как не Зло — против естества пойти. Кому в разуме то на сердце ляжет? А коли ляжет — одно Зло им овладело. Нет мочи славянину в разуме закон рушить. Всё одно нет мочи... ну... — Гоймир задержался, подыскивая сравнение, потом вскинул вилку с вареником: — Ну, вот, вареник ухом съесть. Безумец одно попробует.

Олег промолчал. Он был парнем начитанным и умным, поэтому всегда с подозрением относился к диким народам Земли, тщательно хранящим свою «самобытность» и право «на свой путь развития». Это всегда оборачивалось хаосом, бандитизмом, войнами — исключений земная история не знала. Все «национально-освободительные движения» Африки, Азии заканчивались после изгнания «угнетателей» одним и тем же —

трайбализмом³², клановой враждой, беспределом вплоть до людоедства. Как бы плоха не была европейская цивилизация (в её изначальном, неамериканизированном, варианте!) — она всё равно оказывалась лучше и гуманнее любого «особого пути», который пытались изобрести что выпускники Университета Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы, что питомцы МВФ, резвившиеся на просторе без присмотра глаз старших наставников. Но здесь... Нет, здесь было что-то другое. Глядя на своего товарища, поглощающего вареники с молоком — и только что высказавшего почти коммунистическую идею о воспитании внутреннего закона в человеке, Олег размышлял, каким бы мог стать ЕГО МИР, ЗЕМЛЯ, не случись на Руси христианства, которое вышибло из-под людей этот самый Закон Рода, а взамен... взамен ничего не давшего. Неужели славяне Земли могли бы сейчас быть похожи на горцев Мира? Не по одежде, не по образу жизни — по образу мышления и поведения?! Это было бы здорово.

— Скажи, — вырвалось у Олега, — а как же Брячко?

— А что Брячко? — нахмурился Гоймир. Олег сбивчиво начал объяснять:

— Ну вот мы говорим, смеёмся, шутим. А он мёртв. Совсем недавно умер. Нет его. А мы вроде бы и забыли. Уже.

— Ну так что... — Гоймир вздохнул. — Война. А на войне редко помнят дольше, чем сутки тех, кто сгинул. Иначе и жить не сможешь. И зачем той смерти прятаться? Смерть в бою — слава вечная. Пройдёт время — вернётся и Брячко, и дед Семик вернётся. Первое — чтоб племя жило, племя не сгинуло. Тогда и все жить будут. Даже те, кто на погляд умер.

— Мы на войне? — задумчиво спросил Олег. И сам себе ответил: — Как незаметно...

* * *

Часовым на стене оказалось на этот раз скучно. Один напарник всё время зевал, другой согласен был говорить только о девушках — эта тема Олега сейчас не вдохновляла. Тоскливо цепляясь ЭмПи и ножнами меча за все выступы, Олег пошёл обходом по стене, заглянул в башню... Дождь всё-таки полил, и Олег, откопав в одной из школьных комнат словарь с глаголицей, уселся зубрить азбуку. Давалась она на редкость плохо, хотя с языками вообще у Олега никогда не было проблем. Совершенно без аналоговые значки плохо вписывались в память. Листая страницы из хорошей бумаги со значками английской фирмы «Белойт», Олег рассеянно думал, что глаголица была распространена на Балканах — наверное, предки здешних славян пробрались в Мир во время Великого Переселения Народов, когда славяне вторглись в Византию и докатились до Малой Азии...

В башне было сегодня особенно тихо. Через приоткрытую дверь тянуло сквозняком из коридора и было слышно, как в отдалении бубнить напарник Олега, сумевший, кажется, расшевелить второго разговорами о девчонках — этот бубнёж казался просто частью тишины. Поэтому Олег насторожился, услышав в коридоре чьи-то быстрые и лёгкие шаги.

Мальчик положил на стол, под раскрытую книгу, наган — просто на всякий случай. Кто-то шёл по коридору, дёргая все двери и заглядывая в помещения. Кольнувшее было беспокойство испарилось — в башню (если исключить личные помещения князя наверху) заглядывали часто и все, кому не лень. Здание было огромным — находясь в одном его конце, просто трудно сказать, есть ли кто-то в другом.

— Тут ли кто? — звонкий девичий голос раздался за дверью, и она отворилась.

— Й-ой! Вольг, ты? Здоров будь...

Олег поднялся на ноги, чувствуя, что выглядит нелепо — особенно если учесть выглядывающий из-под книги револьвер. Ему показалось, что в каменный сумрак, освещённый лишь одним факелом, заглянуло солнышко.

³² Межплеменная вражда, явление, характерное для Африки второй половины XX века.

Бранка стояла у порога в свободной, лёгкой позе, опираясь поднятой рукой о косяк — совершенно такая же, какой Олег вытащил её из жуткого подвала в памятную ночь — даже снова босиком, только весёлая, ещё более загорелая, чем в первую встречу. Она улыбалась Олегу — весело и чуть смущённо улыбалась обветренными губами, никогда не знавшими помады, и всё же такими яркими...

— Бранка! — вырвалось у него радостно прежде, чем он успел себя проконтролировать.

— А кто ж, — весело подтвердила она, закусив уголок губы и с любопытством глядя на вытянувшегося перед ней рослого мальчишку с такими же, как у её соплеменников, светлорусыми волосами и почему-то очень растерянным взглядом.

— А на рисунке ты не такая, как в жизни, — ляпнул Вольг. — Я ещё тогда подумал.

— На каком рисунке? — не поняла девчонка, глядя на Олега смеющимися глазами.

— А... Гоймир с собой брал, — пояснил Олег. — Ну, когда мы на охоту плавали. Ходили, в смысле, — Олег подумал и уточнил: — На коче.

— Опять до любого места он тот листок с собой тащит! — фыркнула Бранка. — Я его, между делом, ищу — уговорились встретиться, а нет его!

— Он не виноват, — поспешил Олег оправдать друга. — У нас тут были кое-какие проблемы... короче, он занят был. Мы были заняты.

— А этим часом он где? — с ядом спросила Бранка. — Обрато занят?

— Да. Нет. Вернее, у него дело, но он скоро появится, это точно, — заверил Олег. — Короче, он в море вышел. Ненадолго.

Бранка помрачнела. Её рука сползла по притолке.

— Как чуяла, — беспомощно сказала она. — Всё сам. В каждое дело воткнётся. Давно ли ушёл?

— Давно, — кивнул Олег. — Ты садись... Там дождь, а в дождь данваны их не выследят, и думать нечего.

Бранка села, положила ногу на ногу. Олег примостился обратно на своё место.

— Отбыла наказание? — поинтересовался он, чтобы не молчать.

— Отбыла, — Бранка вдруг зевнула — очень изящно. — Овцы по сю пору перед глазами толпятся. В баню бы сейчас, да и спать подольше. А ты, одно, прижился?

— Вроде так, — солидно согласился Олег. И хотел добавить: «Я часто про тебя думал,» — но смолчал, сказав вместо этого: — Так ты будешь ждать? Он, наверное, скоро уже вернётся.

— Я тут посплю, — указала Бранка на одну из лавок. — По то время, как он сюда будет. Укрыться найди чем, а?

— Вот, — Олег через голову стащил надетую на его ковбойку местную куртку, — подойдёт?

— Чего лучше, — уже сонно ответила Бранка. Она в самом деле очень устала — приняв решение никуда не ходить, начала засыпать сидя и с явным облегчением завалилась на лавку, подложив под голову ладони. Олег накинул ей на ноги куртку и не сразу распрямился, разглядывая профиль горянки — мягкий и совершенный одновременно. Понадобилось сделать физическое усилие над собой, чтобы выпрямиться.

Он отошёл в другой конец комнаты. Факел светил неровно, тени прыгали по лицу мгновенно заснувшей Бранки, и Олег, решительно взявшись за рукоятку, отнёс факел в коридор и воткнул в крепление у дверей. Постоял — и запретил себе возвращаться обратно в комнату...

... Снаружи по-прежнему лило, и он, решив не мокнуть, вернулся в башню. На нижних этажах шумели — похоже, та начали собираться ребята, и Олег спустился туда, попутно размышляя, до чего быстро он привык к оружию на поясе — словно никогда не ходил без него!

В уже хорошо знакомой комнате, где он вроде бы совсем недавно показывал своё умение обращаться с «сайгой», собралось человек тридцать. Все рассматривали

прислоненную к стене большую картину, написанную на липовых досках, собранных в рамку из дубовой резьбы. Автор картины — парнишка одних лет с Олегом по имени Одрин — стоял возле своего творения с хорошо знакомым Олегу скромно-отсутствующим видом: именно так выглядел Вадим, когда Олег или ещё кто-то рассматривал его картины. Олег присмотрелся... и невольно тихонько ахнул.

Откуда средневековый мальчишка — пусть даже и знающий, что такое огнестрельное оружие, печатные книги и школа! — мог взять образы, которые положил на дерево отнюдь не средневековой кистью?! Откуда это — тропический лесопарк под куполом, возле которого выстроились северные сосны, любопытно заглядывающие сквозь стекло; стрелы крытых переходов между свободно разбросанными среди скал и ручейков зданиями; лёгкие, красивые летающие машины над знакомым заливом?! Ему что — во сне всё это приснилось? Но в каком сне он мог увидеть ажурную стройную башню, стоящую ногами опор на обоих берегах залива — и аппараты, похожие на дирижабли, причалившие к этой башне на разных уровнях?! Откуда взялись в его фантазиях эти странно одетые мальчишка и девчонка, которые, взявшись за руки, стоят на переднем плане феерии, навалившись грудью на лёгкое ограждение овальной площадки, венчающей хорошо знакомую скалу с водопадом?! По нижнему обрезу рамки шли буквы, и Олег неожиданно понял, что разбирает их...

«Моя Долина: ПОСЛЕ БЕДЫ!» — вот что было написано там.

Почти с ужасом Олег взглянул на Одрина, уверенный, что увидит Вадима. Но... нет, Одрин оставался Одрином — рослым парнем с камасом на широком поясе, с повязкой на светлых волосах. У Олега вырвалось — в полной тишине, все остальные рассматривали картину:

— Одрин, что это?!

Все обернулись на голос. А сам Одрин смущённо ответил:

— Во сне привиделось, Вольг... Похоже ли на те города, что в твоём мире?

Олег вспомнил рисунки из старых журналов «Техника-молодёжи», которые отец выписывал чуть ли не с начала 70-х. Город походил на рисунки оттуда, а не на города, виденные Олегом на Земле. В нём не было ни суетливости мегаполисов, ни напыженной погони за этими мегаполисами, характерной для областных центров, ни сонной тишины районных «столиц»... Только простор и бесстрашная открытость.

— Нет. Он в сто раз лучше, — тихо сказал Олег. — Но что это, что?

— Наше Рысье Логово, — пояснил Одрин. — Говорю же: во сне увидел. Что и нет данванов будто, и Беда сгинула, а вокруг — вот так-то.

Он умолк, и остальные молчали. А Олег видел, что они словно примеривают на себя сказку с картины. И внезапно испытал страшный прилив злости — злости на тех, из-за кого никогда, никогда не будет у этих ребят такого города... а их потомков если и ждёт что-то — так имен-но копия мегаполисов Земли. Или здешнего Юга, о которых рассказывал Йерикка.

— Спору нет — красота, — наконец сказал Горд; из его голоса ещё не ушло искреннее восхищение. — Так ведь то мечта одна.

— Чем плохо — мечта? — вспыхнул Одрин. — Что за жизнь то станется, если не мечтать?!

Йерикка, которого Олег не сразу заметил у стены, сказал под одобрителный шумок:

— Ты на Горда внимания не обращай. Его только рыба интересует. А нарисовал ты красиво... — он умолк, словно бы что-то не договорив. И Олег мог бы поклясться, что удержал он на языке те же горькие слова, что думал про себя Олег.

Ребята столпились около картины, обсуждая её. Олег тоже хотел подойти... но подумал, что ему станут задавать вопросы про его мир, на которые не хочется отвечать — и, сунув руки в карманы джинсов, вышел обратно в сумрачный коридор.

За щелями бойниц лупил красноватый в свете Ока Ночи дождь. На стене масляно поблёскивал зачехлённый ДШК. Кто-то пробежал, накрыв голову курткой, из ворот к дверям башни.

— Вольг!

Голос Гоймира вывел мальчишку из задумчивого состояния. Гоймир шёл по коридору, улыбаясь и обняв за плечо Бранку. Вольг улыбнулся в ответ, вскинув ладонь в салюте, который всё ещё определял для себя, как «фашистский»:

— Вернулся? И уже успел её разбудить?

— Это ты её укрыв? — поинтересовался Гоймир. — Благо... Что Одрин — показал дело?

— Показал, — подтвердил Олег. — А Бранка твоя спать хотела. Раздумала?

— Так он меня развлечь клялся, — насмешливо заметила Бранка. — Так развлекай, коли говорил.

Гоймирово лицо стало слегка растерянным. Он покосился на Олега, и тот, мысленно усмехнувшись, сказал:

— Пойду-ка я, пожалуй.

— Поспешаешь? — с явным облегчением спросил Гоймир. Ясно было, какого ответа он ждёт, и Олег совершенно серьёзно подтвердил:

— Оченно. Падаю от поспешности.

— А постой, — отчеканила Бранка. — Желается мне-е... — она посмотрела на обоих мальчишек и закончила: — Желается мне, чтобы вы подрались. Вот и будет мне развлечение.

— Как? — поперхнулся вопросом Гоймир.

— Куда проще, — задрала она нос. — Вы драться станете, а я — смотреть. В любой комнате.

— Тебе повезло с девчонкой, — от души веселясь про себя, задумчиво сказал Олег вслух. Непонятно почему, но ему одновременно хотелось плакать и смеяться. Гоймир покачал головой:

— Й-ой, слепила...

— Трудно ли подраться? — изобразила возмущение Бранка. — А клятвой клялся, что развлечёшь... Одно я спать иду.

— Да не трудно, не трудно, — поспешно сказал Олег. — Гоймир?

Тот двинул плечом:

— Будь по её... Устроим ей скомрашье глядение. Ой и жадны до крови длиннокосые! — он шутливо дёрнул Бранку за косу...

... Нелепость положения Олег ощущал совершенно отчётливо. Ни черта себе — ни с того ни с сего драться, пусть даже и не всерьёз, со своим лучшим другом ради прихоти девчонки... но в том-то и было всё дело! Скорее всего, Бранка решила приколоться над Гоймиром за то, что он не встретил её — для девчонок в таких случаях не существует объяснений «не мог», «был занят». Это, скорее всего, общее правило для всей Галактики.

В первой же пустой комнате они отодвинули к стене большой стол и две скамьи. Гоймир, ни слова не говоря, начал вылезать из своей рубахи с капюшоном. Олег стащил ковбойку, бросил её на стол, ткнул для разминки кулаками в воздух. Он помнил, как дрался Гоймир на тропе, и сейчас мысленно приравнивал к манере неожиданного противника.

Бранка отошла к окну, с интересом разглядывая обоих мальчишек. Олег был великолепно развит, с выпуклыми мышцами под загорелой, чистой кожей. Гоймир — шире в кости, с многочисленными шрамами; когда он двигался, рысья морда на груди вскидывалась и смыкала клыки. Но оба одного роста, стройные, быстрые... Девушка затруднилась бы сказать с первого взгляда, кто из них сильнее. Да она и не задумывалась над этим — просто смотрела, испытывая ей самой не до конца понятное волнение... Единственное, что она подумала связно — это что землянин, пожалуй, очень красив — не меньше, чем горцы...

Олег легко затанцевал в боксёрской стойке. Гоймир пошёл вокруг него по дуге — неровными, припадающими движениями... Бранка не уловила, когда землянин начал атаку — быструю, как бросок гадюки — свингом³³ левой. Бранка не знала, что это называется

³³ Боковой удар на длинной дистанции.

«свинг» — она видела только, что Гоймир пригнулся, ныряя под удар, а Олег отскочил, как резиновый, и нанёс хук³⁴ правой в пригнутое лицо Гоймира. Тот уклонился, но неудачно — кулак врезался ему в плечо, горца развернуло, и Олег впечатал апперкот³⁵ в удобно подставленную спину. Гоймир упал на колено, но тут же вскочил лицом к противнику.

— Ловко, — признал он, отступая перед перемещающимся скольльзящим шагом и ныряющим вправо-влево Олегом. — Только что же ты так слабо? Ровно муху бьёшь.

— Могу и сильнее, — улыбнулся Олег и ударил обманный панч³⁶ в корпус правой, а на самом деле провёл хук левой в челюсть. Вернее... думал, что провёл, потому что Гоймир закрылся от панча локтем, а сам поймал хук рубящим ударом по запястью... и вскинул брови. Олег только на миг скривился, отскочив, но руки не опустил. И тут же снова атаковал. Гоймир закрылся от апперкота в челюсть скрещенными руками, крутнулся на пятке, подсекая ноги Олега, но тот, упав на спину, перекатился назад и снова оказался в стойке!

Гоймир вдруг взмыл в воздух — и Олега шмякнуло в стену, удар ногой пришёлся в лоб. Он устоял на ногах, но кулаки опустились сами собой, ноги стали ватными...

— Хха! — выдохнул Гоймир, ударяя ногой в колено. Он поспешил — Олег подсёк его бьющую ногу зацепом вверх, и Гоймир вынужден был отскочить, чтобы удержаться на ногах, а Олег выиграл время для того, чтобы придти в себя.

Если бы мальчишки приглядывались, то заметили бы, что Бранка давно сбросила маску скучающей королевы. Она следила за схваткой с неподдельной, всё возрастающей, тревогой. И как раз когда противники изготовились ко встречному броску, прозвенел её голос:

— Будет! Довольно!

Ребята опустили руки, всё ещё по-боевому дыша. Гоймир поморщился:

— Не ко времени крикнула. Я едва разнёсся...

Олег подставил ладонь и засмеялся, когда Гоймир неумело хлопнул по ней.

— Красивая схватка, — оценил Олег. — Давай одеваться. И... — он украдкой взглянул на Бранку, — ... я всё-таки пойду по своим делам. А вы сходите посмотреть на картину Одрина.

* * *

Уже со следующего утра Олег окунулся в донельзя привычный ритм спортивного лагеря — могло показаться, что он всё-таки очутился там, куда не мог попасть на Земле из-за переезда. Три десятка подростков постарше всё своё время посвящали теперь практически исключительно военной подготовке — от пробежек с камнем на плечах до боевых стрельб. Племя Рыси начало всерьёз готовиться к мести за предательски убитых в Зелёных Садах.

До начала этих тренировок Олег самонадеянно считал, что его классное умение спортивного фехтования даст ему преимущество перед местными. Так было во всех книжках, которые он читал — в «Дипломированном чародее» Спрэг деКампа, в «Дороге Славы» Хайнлайна, у того же пресветлой памяти Крапивина... Но тут с первых же секунд первой же учебной схватки он пожалел о том, что не записался в клуб, когда Юрка звал. Мечом — на треть короче и в два с лишним раза тяжелее спортивной шпаги — фехтовать в привычном смысле слова было нельзя, невозможно. Кроме того, у него просто отсутствовало остриё — он предназначался только для мощных рубящих ударов. Плюс к этому, дрались обеими руками, держа в левой камас и используя щит на левом локте... Короче говоря, Олег

³⁴ Боковой удар на короткой дистанции.

³⁵ Удар снизу в корпус или голову.

³⁶ Прямой удар.

попал в аутсайдеры, что больно ударило по самолюбию — и в любую свободную минуту он занимался с Гоймиром или с Йериккой. Со вторым это получалось лучше — Гоймир был никуда не годным учителем и быстро начинал горячиться.

Реванш взять удавалось по стрельбе — тут уже Олег выступал в роли инструктора. Жаль только, что патронов было очень мало и на тренировки их выделяли более чем скупо...

... В этот раз Олег сражался с Йериккой. Тот был, пожалуй, лучшим бойцом на мечах во всём племени, что в немалой степени воодушевляло Олега — ведь и Йерикка родился и рос в городе. Кроме того, рыжий горец обладал непробиваемым терпением и вкусом к обучению — умел повторять без срывов снова и снова одно и то же, никогда не ленился показать подробно любое, пусть и самое сложное, движение. Кроме того, он ещё и ухитрялся разговаривать во время схватки.

— Запомни, — Йерикка наступал, парируя встречные удары Олега щитом, — то, чему я тебя учу, это не данванский гессадрер, не искусство. Наша цель — за минимальное количество времени максимально изрубить как можно больше противников с наименьшими потерями. Что угодно для того, чтобы вывести врага из строя! Даже не убить — главное, чтобы он перестал сражаться. Ты его обезвредил — и сразу к другому! Вот так!

Меч вырвался из руки Олега и с длинным гулким лязгом ударился о стену дома, за которым они фехтовали. Клинок Йерикки, свистнув, оставил на шее Олега угольную отметку от обматывавшей его тряпки — землянин схватился за чувствительно ушибленное место.

— Ладно, пока хватит, — Йерикка прокрутил в воздухе своё оружие.

Олег, ворочая шеей, пошёл за мечом; Йерикка уселся у стены и хлопнул рядом по вереску, доставая из сумки на поясе пару яблок. — Посидим немного.

— А что такое гессадрер? — спросил Олег, опускаясь рядом. Йерикка протянул ему яблоко, хрустнул своим, прожевал кусок и только тогда ответил:

— Данванское развлечение. Похоже на твоё фехтование. У них многие этим увлекаются.

Подушка вереска приятно пружинила. Тут, за домом, не было здешнего постоянного ветра, пригревало спокойное солнце, и Олег, шурясь на него, глубоко вздохнул, расслабляясь. Йерикка искоса поглядывал, поглаживая лезвие меча. Оба мальчика молчали, постепенно задрёмывая.

— Так мы уснём, — Йерикка зевнул, лязгнув зубами. — Пошли, вставай, — он ткнул локтем Олега в бок. — И помни, что человеку боги дали две руки, одну — чтобы нападать, другую — чтобы защищаться! Это не бог моей матери Дьяус Однорукий.

— Почему он однорукий? — осведомился Олег, становясь перед Йериккой.

— Вторую руку ему оторвал Астовидату Расчленитель, когда они боролись. Правда, Дьяус всё равно связал его и посадил на цепь...

— Оторвал этот... Астовидату? — поинтересовался Олег. — А не волшебный волк откусил? — ему вспомнились скандинавские саги.

— Нет, при чём тут волк, — пожал плечами Йерикка.

— А народ твоей матери, анласы — они какие? — спросил Олег. Йерикка признался:

— Я же их редко видел, да и не жил с ними никогда... Дикие даже по сравнению со здешними горцами... Вот, может, когда поедem на ярмарку — увидишь их. Они иногда добираются в эти места. Последнее время — чаще, потому что со своих земель за проливами начали уходить... Готов?

— Готов, — кивнул Олег, но тут же спросил. — Йерикка, а почему у вас нет волхвов?

Йерикка посмотрел на Олега расширившимися глазами, словно очень и очень удивился вопросу. Потом дёрнул плечо, отвернулся и несколько раз воткнул кончик меча в землю, как будто очищал его от чего-то.

— Почему ты спросил об этом? — голос Йерикки был безмятежен и равнодушен.

— Ну... мне всегда казалось, что, если есть боги, то должны быть и эти,

— Олег взялся за камень в кладке фундамента, покачал. — Служители культа.

— Кто?! — на этот раз Йерикка на самом деле изумился и не пытался этого скрыть. —

Какие служители?!

— Культа, — растерянно промямлил Олег. — Это...

— Не, я понял, — поспешил Йерикка. — Я только не понял, волхвы-то тут при чём?

— Ну, разве не они типа там с богами говорят? — у Олега внезапно возникло ощущение, что они с Йериккой внезапно переключились на разные языки; он говорит по-португальски, а Йерикка отвечает ему на кечуа.

— Каждый может сам говорить с богами, если захочет, — покачал головой Йерикка. — Мы не христиане, нам не нужны посредники и специальные места для беседы со своими родичами... Так в вашем мире волхвы говорили с богами? Не может быть.

— Так в истории сказано, — возразил Олег. Йерикка засмеялся:

— А я читал историю, где сказано, что до прихода всех благ с Невзгляда в Мире процветали скотоложество, кровосмешение и людоедство. Её написали для нас верные слуги данванов... А кто писал историю для ваших школ?

— Фонд Сороса, — буркнул Олег. Он чувствовал себя глупо. — Ладно. Ты смешал меня с грязью. Но кто же тогда волхвы?

— Любой наш воин способен на многое в бою, — сказал Йерикка и замолк, уставившись куда-то мимо Олега. На фоне неба его профиль казался отекавшим из воронёной стали, а волосы вспыхивали, как медная проволока. Казалось, он превратился в памятник. — Но волхв — это... — ладони Йерикки сделали жест, словно в них лёг какой-то хрупкий шар. — Это всё. Начало и конец. Свет и тьма. Вопрос и ответ. Жизнь и смерть. Да и нет. Я не видел ни одного волхва. Их и во все-то времена было немного. А последние, наверное, погибли во время восстания. Понимаешь, Волх, волхв может НИЧЕГО НЕ ХОТЕТЬ. Есть, пить, спать. Он может сутками лежать на льду или раскалённом песке. Может остановить кровь из любой раны... кроме самых уж страшных. Может не ощущать боли. Проходить сквозь крепостные стены, превращаться в волка или орла, читать мысли врагов на расстоянии. И многое, многое другое. Волх — совершенный воин, лекарь, учёный. Он воплощённая справедливость, которая не осознаёт факта своей воплощённости, не задумывается над своим воплощением, потому что оно — часть сущности. Волхв ближе к богам, чем остальные люди. Говорят, до Беды волхвов было относительно немало. И становилось с каждым поколением всё больше. Они боролись с междоусобицами, учили детей, изгоняли болезни. Так было, пока не пришли данваны. И теперь есть только мы... — Йерикка посмотрел наконец на Олега и печально продолжал: — Да ты ведь, наверное, заметил, что мы, молодые, живём как бы одни? Старики устали. Они смелые, гордые, но... утомлённые и больше ни во что не верящие. Они проиграли свою войну. а наш проигрыш ещё впереди.

— Проигрыш впереди... — повторил Олег и передёрнул плечами. — Я бы не смог рассуждать с таким спокойствием о том, что меня наверняка убьют. Понимаю, воплощение, Верья и всё такое... но жить-то всё равно очень хочется.

— А тебе не хотелось, когда ты приказал Бранке бежать, а сам остался задерживать хангаров с одним револьвером? — напомнил Йерикка. Олег смутился:

— Ну, это дело такое... Она девчонка. Я и не думал особо.

— Правильно, потому что кроме жизни есть ещё и честь. Высшая ценность в мире! Смерти не хотят все. Но смерть — это миг. А жизнь без чести — смерть длиною в жизнь. И негодяям часто жизнь отпущена долгая — не как награда, а как мучение! Вечная, свинцовая, непреодолимая мука. Снова и снова вспоминать свою трусость, своё предательство, свою мерзость — вот это настоящий христианский ад на земле... Ладно, берись наконец за меч! Легендарные герои прошлых дней за нас клинками работать не станут...

* * *

На протяжении дней, заполненных тренировками, Олег часто видел Бранку — как

правило, с Гоймиром. Но она всякий раз махала мальчишке рукой и улыбалась. Олега уже и это страшно смущало... впрочем, горские девчонки сердечно относились не только к «своим» парням. У них находились хорошие слова и внимание для любого — да и удивительно оказалось бы, случись здесь, на краю земли, в немногочисленном, обескровленном племени иные отношения между людьми.

Гоймир относился к этому совершенно спокойно, хотя частенько отпуская в адрес Олега грубоватые шуточки — но именно шуточки. На близкое общение с какой-либо девушкой у Олега просто не оставалось времени...

... Олег жарил сам себе оладьи на кухне. Настроение у него было отличное, и, пока оладьи, шкворча, подрумянивались, он напевал:

*— Ничего, что песня эта так беспечна!
Горяча была б любовь и вечна...*

Ничего, кроме этого куска, он не помнил, поэтому повторял его снова и снова. Олег как раз снял последнюю оладью и полез за мёдом и маслом, когда в кухню вломился Гостимир:

— Ты... чего тут?.. — почему-то косноязычно спросил он, что было для певца отнюдь не характерно.

— Оладьи жарю, — невозмутимо пояснил Олег. — Буш?

— Зачем оладьи?! — выпучил глаза Гостимир. — Тебе что, ум застило туманом Мораниным?! Подхватывайся, коней седлают! Приспело!

Вот оно. С треском захлопнув дверцы шкафа, Олег помчался наверх, в свою комнату. Его трясло от нетерпения. Гостимир мчался по пятам, комментируя ситуацию:

— А мы тебя спохватились... глядь — нету... ну, двое потекли в школу... а Гоймир-то и скажи — да он, станется, в корчме... я и сюда... ты собирай там всё, как есть...

Снаряжение было давным-давно готово. Олег перепоясался поверх спешно накинутой местной рубашки поясом с мечом и камасом, закрепил на локте щит. Привычный местным топор он так и не научился использовать, зато сунул в кобуру наган, а через оба плеча перекинул рыжие трёхмагазинные подсумки из вытертой свиной кожи. Седьмой магазин вставил в ЭмПи, передёрнул затвор и поставил его в предохранительный вырез. Забросил оружие на правый бок, под руку.

— Готов, пошли.

Проскакивая у выхода мимо зеркала из полированной бронзы, Олег на секунду поражённо застыл. Из зеркала на него глянул персонаж дедовых фотографий.

— Он сказал «поехали!» — сообщил Олег своему отражению. И махнул рукой.

... Около коновязи пахло металлом, кожей, лошадьми и возбуждением. Гоймир, метавшийся вдоль бревна, набросился на Олега — и заодно на Гостимира:

— Кровь Перунова! Да где вас носит — Кашей с собой уволок, что ли?! А ты его ещё какое время искать не мог?!

Гостимир хмыкнул и вспрыгнул в седло своего конька, уцепившись за луку седла соседа. Тот замахнулся на него:

— Лапашь, ну?!

— А ты что стал, свои задохлей все пути сгородил?! — огрызнулся Гостимир, удобнее устраивая за спиной АКМС со смотанными пластырем магазинами. Его конь подал назад, кого-то брыкнул, сзади заорали:

— Ещё, ещё! Прёшь куда?! Держи коня! Носилку перекинешь!

— А куда ты со своей волокушей, калечный, что ли?!

— Брось сухарями хрумкать, хомяк об двух ногах-то! Дыру в брюхе сделают — повысыплются!

Короче, лаялись все. Олег, принимая из чьих-то рук повод, поинтересовался, сдерживая странный озноб:

— Куда едем?

— Й-ой! — парень, к которому он обратился, поправил головную повязку.

— Вытропили тех гнусливцев, что Брюшко умучили. Тут они, недалеко сидят, пиво яблочное заливают... Теперь и порежем их.

Олег ловко вскочил в седло, тронул конька, чтобы занять место в строю. Его встретили руганью, он огрызался весело, пиная чужие сапоги, лезущие в брюхо его «транспорта», пока не втиснулся на своё место. Слева от него оказался Йерикка, справа, справа — тот мальчишка, с которым плавали на север — Морок. Гоймир верхом прорысил вдоль строя и, прищипорив коня пятками, махнул рукой:

— Вперёд! Свет Дажьбогов с нами!

... На перевале один за другим шли снеговые заряды. Белые вихри снова и снова в плавном красивом танце проходили вокруг упрямо пробивающегося вперёд отряда.

— Да тут зима! — вырвалось у Олега, когда первый холодный порыв обжёг лицо, а его конёк бодро ступил в снег, доходивший до края бабок.

— Тут всё зима, — коротко ответил Гоймир, кутаясь в плащ.

— И это просто здорово, — откликнулся сбоку Йерикка, надевая на ствол «дегтяря» чехол. — Хэй-хоп! Держись за мой хвост, Вольг, а то познакомишься с пропастью!

— У тебя есть хвост? — невинно осведомился Олег, но тут же прикусил язык — кони стали прыгать с камня на камень, ухитряясь не поскользнуться на тающем снегу — буран уходил вверх, а отряд спускался вниз еле приметной тропкой. Олега прошиб пот — зависеть от лошади было для него совершенно новым ощущением. Но коняшки, потряхивая мокрыми гривами, очень ловко пробирались вниз, словно на копытах у них были скалолазные шипы. Потом сами по себе перешли на рысь — высохшим руслом реки между огромных валунов, по воде ручья, дальше — берёзовой рощей... остановились они тоже словно бы сами собой — у спуска вниз, в долины, но совсем не там, где попал в Вересковую Олег. Внизу кипело настоящее лето — вовсе не такое, как в горах. Отсюда, сверху, были видны зелёные поля на рощистях, домики веси в окружении садов, стоящие вдоль текущей с гор речки. Сосен и берёз там не было — дубы, тополя... Именно к такой природе привык Олег — и сейчас он буквально с наслаждением вглядывался в раскинувшийся у его ног летний пейзаж.

Отряд спешил. Несколько человек, у которых были бинокли, подошли, скрываясь за камнями, к краю обрыва левее уводившей вниз тропы. Олег последовал за ними — и тут же Йерикка протянул ему мощный, хотя и помятый, «цейсс».

— Посмотри.

Улочки веси, сады и огороды приблизились сразу. Пустынные, ночные... Но — у явно наскоро сколоченной коновязи стояли кони. Много коней, украшенных многоцветьем сбруи — хангарские! За домами виднелся вельбот. Над крайним зданием лениво хлопало по ветру полотнище с Грифоном Данвэ.

— Они там? — тихо спросил Олег. Йерикка ответил из-за плеча.

— Да. Там.

— А то что за скомрашьё хороводье? — удивлённо спросил Гоймир.

Олег повёл биноклем наудачу — и тоже удивился. Около десятка солдат — мальчишка уже научился узнавать горных стрелков — с винтовками наперевес вели по улице полдюжины гражданских (так определил их Олег), непрестанно избивая их прикладами и поднимая упавших за волосы и вывернутые руки. Большинство из конвоируемых уже потеряло даже подобие человеческого облика — в рваной одежде, окровавленные... Дальше хангары — четверо, с саблями наголо — конвоировали ещё двоих, вроде бы целых и невредимых.

— Да нет, на скомрахов это похоже, как я на упыря, — медленно сказал Йерикка, глядя в бинокль, который отдал ему Олег. — Слушай, водитель, они их ведь расстреливать ведут, честное слово. Наверняка во-он к тем скалам.

— Кажет на то, — согласился Гоймир. Олег переводил взгляд с одного на другого — и выпалил, сам того не ожидая:

— Надо их отбить!

Об горца разом уставились на Олега, потом — переглянулись:
— Из человеколюбия? — задумчиво спросил Йерикка. Гоймир недоумённо сказал:
— Но они ж лесовики... да и не готовы мы, всё дело загубим!
— А те двое кто? — запальчиво спросил Олег. Йерикка молча пристукнул о камни неуклюжим прикладом ДП. Заметил:
— Всё равно нам язык нужен.
— Случись, заболтают нас четырнадцать языков-то, — подал голос кто-то. Гоймир, размышлявший ещё несколько мгновений, тряхнул головой.
— Добро. Йерикка, сам-шесть сделай всё путём. Без огня!
Йерикка кивнул. Олег тут же вцепился ему в плечо:
— Возьми меня! Честное слово, не подведу!
Тот даже не задумался — кивнул, потом ткнул ещё в пятерых, явно наугад. Все поднялись сразу, а рыжий горец вскинул руку:
— Побежали!
— Хоть своими ногами, — вздохнул Олег.

* * *

Йерикка оказался прав — всю эту компанию явно вели на расстрел, и именно туда, куда он указал. Горцы добрались до места вовремя — стрелки как раз выстраивали свои жертвы у большущей, с хороший дом, отвесной каменной плиты. Один из избитых — пожилой мужчина, борода которого была наполовину выдрана с мясом, а наполовину запеклась сосулькой — уже не мог стоять сам, его поддерживали двое мужиков средних лет.

Ещё один бородач — помладше первого — обнимал, прижимая лицом к груди, плачущего мальчишку. Последний из смертников — подросток лет 14 — сжав кулаки, стоял сам, лицо оплыло от побоев, но глаза сверкали злобой.

Двое, которых конвоировали отдельно, оказались одеты по городскому. Олег снова удивился, насколько эта одежда похожа на одежду его мира: жилеты с кармашками поверх серых рубаш, мешковатые штаны из чего-то, похожего на вельвет, крепкие высокие ботинки. Оба были молоды, лет по 25, хорошо выбритые. Спешившиеся хангары поволокли их к камню и толкнули в общий строй. Тот, что пониже, схватил своего товарища за рукав и затряс, истерично-громко выкрикивая:

— Да скажи же им, Виктор! Скажи им, что мы журналисты!

Виктор, медленно скрестив руки на груди, поднял голову и ответил очень чётким голосом, спокойно и презрительно:

— Сказать? Я не умею разговаривать со зверями.

— Кон-во-о-ой!. . — протяжно скомандовал один из стрелков. — Заряжай!

Послышался слитный лязг затворов. Линия стрелков выровнялась. Хангары отошли в сторону, предоставив славянам расстреливать славян.

Избитый мальчишка, перекосив лицо в последнем напряжении, в отчаянии шагнул вперёд и высоким, нездешним голосом закричал-запел:

— *Слава, слава славная,
Славная слава славянская...*

И остальные подхватили — сперва недружно, а потом — всё более слитно...

— Целься! — выкрикнул старший. И... рухнул с изумлённым лицом, выплёвывая кровь — в горле торчал метательный нож. Следом, не успев опомниться, повалились ещё четверо — ножи летели точно.

— Рысь! Руби! — с каким-то сухим треском рявкнул Йерикка, сваливаясь с расстрельной глыбы едва не на головы убийцам. Двое горцев отсеки хангаров от лошадей.

Противников осталось одиннадцать, и они были растеряны до столбняка.

Олег соскочил вниз вместе со всеми, держа меч и камас в руках. Никогда в жизни он никого не убивал холодным оружием. И, если честно, сейчас совершенно забыл, что надо делать.

АБСОЛЮТНО.

Мелькнули растерянные лица стрелков. Кто-то выметнулся вперёд слева от Олега, тонко и зло свистнула сталь, и молодого стрелка, стоявшего ближе остальных с разинутым ртом, как-то перекосило... он начал падать... или нет! Олег понял, что стрелок стоит, а падают его ГОЛОВА, ПРАВОЕ ПЛЕЧО И ПРАВАЯ РУКА. Олег бросился в сторону, отворачиваясь, чтобы не видеть этого; внезапно ему стало очень плохо, физически плохо, а на него бежал плечистый стрелок, отводя винтовку со штыком для удара, и лицо стрелка было бешеным, нечеловеческим... Олегу было совершенно всё равно, что сейчас его заколют, но тело оказалось умнее и быстрее оцепеневшего мозга. Олег метнулся влево перед самым штыком — и обрушил удар сплеча. Он услышал хриплое «аахх!», и в ноздри ударил запах... страшный запах крови, парного мяса — СМЕРТИ. Стрелок, повернувшись, повалился под ноги Олегу, зачем-то закрывая грудь винтовкой. Ни лица, ни нормальной человеческой головы у него не было... а из этой жути текла бурлящая кровь и торчало что-то розовое, влажно блестящее. Мальчик застыл, не в силах отвести глаз от зарубленного им человека — и очнулся, лишь когда Йерикка дотронулся до его спины и сказал весело:

— Й-ой, как ты его!.. Меч-то вытри, всё кончено.

— Уже? — спросил Олег. Просто чтобы что-то сказать. И огляделся.

Все горцы были на ногах. Скрутили стрелка и хангара, заткнув им рты и накинуд на шеи удавки. Пленных развязывали, и те выглядели не менее обалдевшими, чем их палачи.

— Меня сейчас вырвет, — тихо и задумчиво сообщил Олег, не сводя глаз с убитого. Йерикка увидел, что землянин быстро зеленеет, а вокруг глаз ложатся чёрные круги, и, приобняв его за плечи, силой повернул в сторону:

— Сначала всегда так. Дыши глубже. И смотри вон туда, в горы...

... Двое журналистов оппозиционной газеты «Глас Мира» оказались там, где не надо, не вовремя. Они засняли сцену избияния схваченных лесовиков, вся вина которых была в том, что они возмутились хангарским постоем в их домах. Комментатор Виктор больше всего сожалел не о том, что их едва не расстреляли, а об утраченной записи. Однако, похоже, считал, что набрёл на ещё один потенциальный сюжет — мальчишки-партизаны, отважно и гордо ведущие борьбу за право жить по законам предков на своей земле! Разубеждать его не стали, и Олег (он один мог оценить красоту момента!) с восхищением наблюдал, как Йерикка (знакомый с повадками журналистской братии, обожающей объяснять всё не так, как есть, а как им кажется, причём выдавая личное мнение за истину в последней инстанции!) забивает баки восторженно кивающему Виктору. Тот, кстати, выглядел неплохим мужиком, и Олег с трудом удержался от того, чтобы подкатиться к нему со своими проблемами — да и то лишь после предостерегающего жеста Йерикки.

Палачи, превратившиеся в пленных, находились в шоковом состоянии от быстрой смены декораций. Их приволокли на стоянку, очень спеша — счёт теперь пошёл на минуты, не заметить исчезновение шестнадцати бойцов в веси не могли, — и Гоймир с пулемётной скоростью выдал им серию вопросов, на которые ни стрелок, ни хангар отвечать не пожелали. Горцев это ничуть не обескуражило.

— Да пусть молчат, — махнул рукой «развязавшийся» с журналистами Йерикка. — Лично я и по руке правду узнавать умею.

— Делай, — предложил Гоймир. Двое мальчишек, повинаясь знаку Йерикки, схватили правую руку хангара и протянули её вперёд ладонью вверх. Рыжий горец извлёк из-за пазухи металлическую зажигалку из патронной гильзы и, выбив огонь, поднёс его длинный язык к коже хангара, ласково сказав:

— Говори правду. А то по другим местам узнавать начну.

При этом лицо у него было такое, словно он делал что-то очень-очень доброе и

гуманное.

Страшное лицо, если честно. Олег даже вздрогнул — ему показало-сь, что Йерикка исчез, а вместо него появилось какое-то страшное существо. Смотреть дальше он не мог — отвернулся. Но не слушать было труднее.

...— Что с этими-то будем? — поинтересовался кто-то, когда пленные подтвердили данные разведки — в веси действительно находились те, кто был нужен. Гоймир провёл большим пальцем по горлу — и расправа была совершена тут же с хладнокровной жестокостью. Пленным просто отрубили головы.

Виктор и пятеро из шести освобождённых потребовали себе оружие, но Гоймир начисто игнорировал эти просьбы...

... К околице вёски подобрались, скрываясь за камнями и деревьями. Гоймир, явно волнуясь, отдавал последние распоряжения:

— Их там две ста, впятеро перед нами. Огненного боя хватает. Вон те дома. Бросаемся сразу, оконца, двери — под огонь. Готовы? — он ещё раз огляделся. — Почали. Боги с нами.

Двумя цепочками горцы побежали в улицу, продвигаясь вдоль стен домов и плетней перебежками, прикрывая друг друга. Странно и жутковато было идти по молчаливой, призрачной в белой ночи, улице, поднимая тёплую придорожную пыль, мимо молчащих окон, слепо глядящих на неожиданных гостей.

Олег присел у калитки, подняв к плечу ЭмПи с откинутым прикладом. Напротив перебежал Йерикка, упал в пыль, выставив воронку пулемётного ствола.

Позади скрипнула дверь.

Олег обернулся сразу, вскидывая оружие. Его взгляд встретился со взглядом мальчика, вышедшего на крыльцо.

Несколько секунд двое мальчишек смотрели друг на друга. Олег качнул стволом в сторону двери, прижал указательный палец к губам. Мальчик кивнул и исчез; вновь скрипнула дверь. Олег перевёл дух, скользнул взглядом по окнам дома и отвернулся. Горцы вновь задвигались, теперь уже выбирая позиции для стрельбы. Их никто не заметил — скорее всего, часовые присоединились к развлекаловке с расстрелом.

Отряд врага был обречён.

Над спящей всёю прокричала сова. Раз. Другой. Третий.

— Рысь! Рысь! Рысь!

Утренняя тишина развалилась, словно стеклянная витрина, в которую угодил камень. Посыпались её осколки, разрываясь треском очередей и тугими раскатами гранат.

Дверь дома под флагом распахнулась. С хрустом срывались ставни, но люди, появлявшиеся в оконных проёмах, не успевали выпрыгнуть — очереди швыряли их обратно. Несколько человек, пригибаясь и стреляя, всё-таки вырвались из одного дома, прыгали по ступенькам лестницы... но сбоку от крыльца разорвалась ручная граната, положив конец попытке бегства.

— Закройте концы! — проорал Гоймир, указывая на противоположную сторону улицы. Там — раз, раз, раз — проскакивали на противоположную сторону стрелки, очевидно, ночевавшие на каком-то сеновале. Проскакивали, ложились и густо лупили из своих винтовок.

— За мной, — выдохнул, подбегая, Йерикка, — через огороды, скорее!

Несколько горцев, влетев во двор, проскочили его и выбежали на огороды. Олег перепрыгнул через несколько грядок с помидорами, стараясь держать ЭмПи стволом на линии огня, не опускать его в землю.

— Ложись! — Йерикка грохнулся между грядок, приложился к пулемёту.

Остальные попадали кто где стоял — Олег, например, под стену хлева, за которой хрюкали разбужденные свиньи.

— Тише вы, отбивные, — пробормотал он еле слышно, удобнее перехватывая оружие.

Йерикка угадал точно и на этот раз. На огороды начали выскакивать горные стрелки — оглядываясь и стреляя в улицу.

Гром «дегтярёва» был похож на длинный секущий прут. Йерикка стрелял, вжавшись щекой в приклад и придерживая его левой ладонью сверху.

Олег поймал на мушку метнувшегося обратно и срезал его первой же короткой очередью. Вскочил, перебежал под прикрытием пулемёта до угла хлева, стоя на колене, выпустил ещё одну очередь, наугад, просто чтобы обозначить себя.

— Прикрой! — выкрикнул Йерикка, подхватывая пулемёт на бедро. Олег начал от живота поливать горизонт перед собой, не заботясь о том, что ЭмПи при стрельбе длинными очередями неизбежно задирает вверх. Йерикка перебежал, почти не пригибаясь и стреляя, упал между грядками, начал менять диск. Горцы косой дугой перемещались по огородам, отрезая стрелкам отступление. Те это поняли и рванули напролом, густо стреляя перед собой, надеясь задавить врага огнём.

— Уйдут! — заорал Йерикка. Один из парней около него, стоявший на колене, вдруг взвился всем телом, рухнул в ботву, заколотил ногами. — А-а-а-а! .

— Куда они денутся! — крикнул в ответ Олег. — Пальцы загигать умеешь? Гни!

Жестокий азарт овладел им. Расстояние было метров сто, увеличивалось по секундам, следовало спешить, пока эти метры не сделали бесполезной стрельбу из малоприцельного ЭмПи. Олег приложился...

Бежали уже трое — было пятеро, но двоих успели срезать другие. Олег стрелял, как недавно по мишеням: короткая очередь — ствол чуть в сторону и вниз, короткая очередь... Бегущие валились, кувыркались, как подстреленные кролики.

— Загнул? — Олег быстро поменял магазин. — Что новенького?

— Все новости устарели, время динамичное, — Йерикка приподнялся. — Всё, кажется...

Они всей командой, прикрывая друг друга, перебежали туда, откуда выскочили стрелки. Последним подбежал парнишка по имени Твёрд, оставшийся осмотреть подстреленного товарища.

— Как? — быстро спросил Йерикка, не поворачиваясь и немного высовываясь из-за угла.

— Мёртвый. В лицо, — так же быстро ответил Твёрд.

— М-угу, — откликнулся Йерикка. — Через улицу, быстро. Твёрд первый.

В веси ещё шёл бой. Точнее сказать, отстреливались из одного дома — не деревянного, а блочного, должно быть, здорово построенного. Били в четыре ствола, из них, похоже, два — пулемётных.

— Может, предложить им сдачу? — спросил Олег. Йерикка даже не обернулся.

— Тут сдачу не предлагают. И не принимают.

Следующим перебежал Коваль — и почти сразу попал под огонь. Йерикка вытащил его за ноги, мальчишка был ранен в грудь справа навывлет.

— Интересно, — сквозь зубы спросил, накладывая на рану льняной бинт, Твёрд, — как это ты ухитрился-то?

— Да... — Коваль кусал губы и выглядел не столько испуганным, сколько растерянным. Он даже нашёл в себе силы пошутить: — Так они ж мне по ногам били. Ну я и увернулся...

В улице неподалёку зазвучал голос Гоймира — горцы прекратили стрелять:

— Подпалим вас! Подпалим, нечисть! Молитесь!

Это было просто предупреждение. Не предложение сдаться.

Стрельба из дома тоже прекратилась. Несколько секунд царило полное молчание, а потом молодой голос красиво запел:

— *Лайс ана навис*
Скиван сайан...

— и ещё два голоса подхватили:

— Хармр уна хандангс,
Фрам отт спейван!
Ой-х, ой-х, врам отт спейван!

— Данваны, — процедил сквозь зубы Йерикка. А Гоймир крикнул:

— Пали их!

«Баум! Баум!» — дважды рывкнул гранатомёт — единственный в группе. Две гранаты поочерёдно влетели в окна, разорвались внутри, и жирное, чадное пламя метнулось из всех окон, с хрустом проломило крышу...

— Думаю, Брячко было так же хорошо, как им сейчас, — сказал Йерикка, вставая. Потянулся и спросил Олега: — А знаешь, о чём они сейчас пели? О том, что они на нас плюют. И что придут другие, которые пройдутся по нашим трупам. Так вот, Вольг. Так вот.

...Побоище, учинённое горцами в вёске, не затронуло местных жителей. Если не считать, конечно, что один дом сгорел, а ещё четыре были здорово покалечены. К счастью, местных из них выселили, чтобы не путались под ногами.

Бежать, судя по всему, никому не удалось. Пленных тоже не было — раненых врагов обезглавили на месте. У самих горцев трое были убиты, один ранен тяжело и двое — легко. Тяжело раненый — с простроченной наискось грудью — умирал...

Корреспонденты обнаружили в одном из домов свою аппаратуру и метались по вёске, похожие на голодных, дорвавшихся до стола с обедом. снимали всё подряд, раздражая горцев, занимавшихся сбором трофеев.

Олег в этом не участвовал. К трофеям его друзья хладнокровно относили и головы врагов, а это... Он сидел на ступеньках одного из домов, ел скороспелку и поглаживал ЭмПи, лежавший на коленях. Усталость и нервное напряжение откатывали прочь, уступая место странному умиротворению, как после хорошо сделанной важной работы.

Огрызком Олег запустил в верхнюю жердину плетня и удовлетворённо хмыкнул, когда огрызок разлетелся мелким крошевом.

Сзади спустилась и села рядом девочка лет восьми. Искоса и внимательно смотрела на рослого незнакомого парня, от которого пахло потом, порохом и горячим железом. Олег подмигнул. Он не представлял себе, как надо обходиться с маленькими девочками. Однако, она сама сделала первый шаг.

— А у нас кошка вчера окотилась. Один котёнок весь беленький, а остальные четверо все серые...

— Красивые? — спросил Олег.

— Ага... А тебе не нужен котёнок?

— Да нет, знаешь... — Олег вздохнул. — У меня на квартире домовый есть.

— А он страшный? — округлила глаза девочка. — У нас давно нет...

— Он полезный, — важно сообщил Олег, не упомянув о том, что домовый несколько раз прятал его джинсы.

— А ты с гор?

— Из Вересковой Долины. Знаешь такую?

— Ага, знаю...

Подошедший Йерикка держал пулемёт на плече. Остановившись рядом, он вздохнул:

— Хорошо сработали.

— Неплохо, — согласился Олег. — Тебе котята не нужны?

— Котята? — удивился Йерикка. — Знаешь, нет.

— Жаль...

Йерикка сделал движение, словно собирался сесть. Но не сел, а оперся локтем на перила и с глубочайшим удовлетворением оглядел улицу:

— Теперь можно и на ярмарку, — заявил он. — За душу не тянет. А, Вольг?

— Не тянет, — согласился Олег.

И понял, что сказал правду.

* * *

— Почему ты не дал мне поговорить с журналистами? Они, наверное, могли бы помочь...

Потряхивая головами, коньки Йерикки и Олега шли рядом, недалеко от головной подводы неспешно тянувшегося по еле заметной тропе обоза племени. Всадники, удобно устроившиеся в сёдлах, разговаривали «за жизнь» — так определил Олег, а Йерикке выражение очень понравилось.

— Да ничего они не могли бы, кроме как испортить тебе жизнь, а то и просто погубить, — обстоятельно ответил Йерикка, поглаживая конскую гриву.

— Почему? — удивился Олег. — Мне показалось, они неплохие мужики.

— Хорошие, — подтвердил Йерикка. — Я их газету знаю. Да там много таких газет, на юге. Оп-по-зи-ци-он-ных, — саркастически отчеканил он. — Ра-ботают там хорошие люди, искренне верят, что по-своему борются с режимом. Гордятся тем, что их иногда убивают за «острые материалы». А на самом деле — всё это балаган налаженный, и наладили его сами же данваны. Во-первых, масса энергичных, честных людей отвлекается от борьбы. Во-вторых, там их можно контролировать. В-третьих, создается впечатление, что в обществе полная свобода — иногда по их материалам даже меры принимают, обязательно с шумом, с треском. А на самом деле они для данванов — мелочь. Если и правда кто опасен становится — его сразу к ногтю, и все дела. А прочие пусть сенсации публикуют, кому от этого вред? Там, на юге, они наших так надрессировали, что никакой сенсацией это болото не расшевелишь... Ну а скольких настоящих сопротивленцев эти самые журналисты — не со зла, по азарту, за теми же сенсациями гоняясь! — спалили, так этого лучше и не считать. Сотни! И с тобой могло быть то же. Ты бы рассказал про себя, они бы искренне пообещали помочь, тиснули про тебя материалчик, ты зимой сунулся в город, тебе на хвост сели — и пропал не только ты, но и те, к кому мы тебя направляем.

— А... — Олег даже дыхание затаил, представив себе эту картину. А Йерикка продолжал:

— Ты, Вольг, пойми — для данванов ты опасен. Во-первых — внук их страшного врага. Во-вторых — на руках у тебя ЭнТэ, за которыми они охотятся. В-третьих — раз ты сюда попал, значит, где-то ещё и ЭфТэ действует, им неизвестный — а это для данванов первая опасность. Так что выплыви про тебя правда — и ты нигде не будешь себя спокойно чувствовать, это точно.

— А на ярмарке будут те, кто на самом деле может помочь? — спросил Олег. Йерикка кивнул:

— Должны... Даже если и не будут — отправим тебя зимой с обозом. Жаль.

— Чего? — удивился Олег. А Йерикка ответил прямо:

— Ты хороший парень. Всем нравишься, смелый, стреляешь хорошо. И мне с тобой интересно.

Олег смутился, сам не понимая, почему. И быстро спросил, чтобы прогнать смущение:

— Я одного не пойму. Кто у нас, на Земле, вам помогает? Организация какая? Государство? Или просто люди отдельные?

— Если честно, то я и сам точно не знаю, — признался Йерикка. — Понимаешь, каждое племя свои связи бережёт... Во время восстания вроде бы была какая-то организация у вас, на Земле. Дед твой нам потом в одиночку помогал. Не разберёшь! А вообще такие, как ты, тут нередко появляются... Но что пакостно — у данванов на вашей Земле тоже своих людей полно. У меня есть... знакомые, — Йерикка помялся, — так они считают, что у вас всем на Земле давно уже заправляют данванские ставленники.

— Похоже, — хмуро буркнул Олег и пришпорил коня, бросив сердито: — Еле

тащимся!

Он вдруг испугался, что их нагонит Бранка...

... Гоймир никуда не поехал. Так интенсивно собирался, непривычно болтал, как он оттянется на ярмарке — как последний тинэйджер про давно ожидаемую дискотеку — и вдруг увял, хотя и продолжал усиленно готовить обоз к отправке. Олег приглядывался, собираясь расспросить водителя молодёжи племени, но Гоймир подошёл к нему сам — перед отъездом обоза из крепости.

— Не еду, — решительно сказал он, словно до этого ещё сомневался, а вот теперь определился точно.

— Ну и зря, — сердито ответил Олег — он седлал лошадь. — всё спокойно, мог бы и съездить. Ты же этой ярмарки год ждал.

— Два, — вздохнул Гоймир, рассеянно теребя пояс, — о прошлый год мы в лесах сидели. Отец учил меня след тропить...

— Ну и ехал бы, — посоветовал Олег. — Ничего не случится.

Гоймир покачал головой:

— Вот то время и станет самым опасным. Когда все уж порешат, что спокойно вокруг, не быть ничему дурному... То как в лесу: раз тихо — сам человек рядом. Нет, не поеду. Так вот что, Вольг... — он помялся. — Я уж и Йерикку-то просил, и Гостимира тож... А всё-таки и ты догляди за Бранкой. Зла она, что не еду, чего не вытворила бы.

— Она едет без тебя?! — почти выкрикнул Олег. И едва не сказал, что и он не поедет... но было поздно.

И теперь Бранка сидела в седле где-то позади, в середине обоза. А Олег упрямо ехал в голове, никому не уступая своего места. И, естественно, никому не объясняя причин такого решения...

...— Спой что-нибудь, — прервал его воспоминания голос Йерикки. Рыжий горец смотрел в глаза Олегу, и тот в какой-то момент готов был поклясться, что Йерикка читает его мысли. Олег давно перестал стесняться, когда его просили спеть, а обширный репертуар неизвестных тут песен обеспечивал ему стойкую популярность. Хотя нередко, стоило ему начать, как кто-то подхватывал.

Вот и сейчас, едва Олег открыл рот, как Йерикка подключился — и они пели вдвоём:

*— Ой, то не вечер, то не вечер —
Мне малым-мало спалось.*

*Ой, да во сне привиделось,
Будто конь мой вороной
Разыгрался-расплясался,
Ой, да разрезвился подо мной...*

*Налетели ветры злые
Ой да с восточной стороны,
Да и сорвали чёрну шапку
Ай с моей буйной головы...*

*А есаул догадлив был,
Сумел сон мой разгадать:
«Ой пропадёт, — он говорил, —
Да твоя буйна голова...»*

— Отличная песня, — заметил Йерикка, едва они допели. — Только я всегда хотел узнать, кто такой «есаул». Предсказатель?

Олег вытаращился на него, как баран на новые ворота:

— Ты что? Какой предсказатель? Казачий офицер!

Он коротко рассказал о казаках и спросил:

— Что, никогда не слышал?

— Нет. — покачал головой Йерикка. — И не читал.

Они на какое-то время умолкли, лениво оглядываясь по сторонам. Последний день — пятый день пути — солнце вообще отказывалось закатываться. Ехали тёплой долиной, слева и справа от которой вставали увенчанные белыми коронами горы, но было тут тихо, безветренно, гораздо жарче, чем в Вересковой, а растительность — совсем такая, как на юге, в лесах. Олег уже понял, что среди этих огромных гор, раскинувшихся на весь север материка, прячется немало таких же оазисов, защищённых от ветров и холода Северных Морей горными хребтами. Понял он и то, что племени Рыси досталось не лучшее место для обитания.

— Это Ярмарочная Долина, — ещё утром, когда преодолели перевал и начали спускаться, пояснил один из бойров, вёдших обоз. — Ничья земля. Круглый год пустая, одно лето народ собирается со всех концов...

Народа «со всех концов» Олег пока не видел. Его взгляд рассеянно скользил по сочной зелени вокруг, над кронами деревьев — к склонам гор.

Позади неспешно тащились тридцать подвод, нагруженных всем, что могло дать племя. Тридцать подвод, полтора человека, из них женщин и девушек — четверть, да четверть восторженно глазающих по сторонам в предвкушении ярмарочных чудес детей. Судя по такому количеству не бойцов, дорога была безопасной, и Олег с начала пути молча удивлялся тому, что все снарядились, как на войну — и не только огнестрельным оружием. Йерикка вёз при седле аккуратно сложенную кольчугу, шлем, стальные наручьи с кольчужными перчатками, а бойры все — полный двухпудовый доспех, какой Олег раньше видел только на стенах башни, в покоях князя Крука... Сейчас мальчишка вновь об этом вспомнил и вслух спросил:

— Зачем это?

— Что? — повернулся к нему Йерикка.

— Доспехи, — Олег ткнул во व्यюк. — Вчерашний день, сам говорил. Против данванов от них помощи — как от картонок.

— Против данванов — да, — согласился Йерикка. — Но на ярмарке будут наши кровники — Серые Медведи и Орлы.

— Возможны стычки? — деловито спросил Олег. Йерикка подумал и ответил:

— Раньше — точно не обошлось бы... Но наши отцы и старшие братья вместе погибли, зимой отражая нашествие... Может, и обойдётся. Но ты учти — если с кем сцепишься, не хватайся за огнестрельное, это против правил. Можешь звать Коней, Вепрей или Снежных Ястребов — это наши союзники и дальние родичи.

— В смысле — звать на помощь? — уточнил Олег и засмеялся. — Это что орать во всю глотку? Да ну на фиг.

— Не ну на фиг, а учти, — строго оговорил Йерикка. — Это не шуточки. Прицепятся втроём-впятером и будут по очереди вызывать на поединок, пока не зарубят. На тебя много не понадобится.

— Я думал — толпой навалятся и по рёбрам настучат, — серьёзно заметил Олег. Йерикка сердито покосился на него и на всякий случай крепко ткнул кулаком в бок. А потом — спросил в лоб, неожиданно:

— А что это ты от Бранки бегаешь?

Олег почувствовал, как его сердце подскочило к горлу и застряло там плотным комком. Ладони вспотели, словно он окунул их в воду. А голос стал абсолютно чужим и позорно сорвался, когда Олег начал отвечать:

— Я не бе...

— погоди, — Йерикка осадил коня и, положив правую ладонь на рукоять меча, левой снял с пояса прямой рожок. Прежде чем Олег успел задать вопрос, горец протрубил

пронзительный сигнал. Позади послышался стук копыт — от обоза мчался десяток всадников. А спереди ответил из-за деревьев сигнал такого же рожка, только в другом тоне, и там замелькали очень похожие на Рысей всадники на таких же лошадках.

— Кто? — спросил Боривой. Бойра, вёдший весь обоз, всматриваясь дальнозоркими старческими глазами в движущихся навстречу людей.

— Синее с белым. Кони. И рожок их, — успокаивающе ответил Йерикка.

Действительно, теперь легко можно было различить, что головные повязки у скачущих навстречу горцев не сине-красно-золотые, как у Рысей, а сине-белые. В остальном отличить их было непросто.

— Привет тебе, Боривой! — прокричал такой же старый и крепкий воин, приближаясь. Боривой в ответ вскинул руку:

— И тебе привет, Воидан! Добро, что живой ты.

Они съехались и, не сходя с коней, обнялись, расцеловались. Из-за деревьев выползала голова обоза Коней, окружённого всадниками. И людей, и подвод было примерно столько же, сколько у Рысей, но Йерикка успел шепнуть:

— Зерно и у них брать будем. У них земля хорошая.

— На что поменяем? — так же шёпотом поинтересовался Олег.

— Железо, медь, — быстро ответил Йерикка и с улыбкой поднял руку в ответ на приветствие мальчишек из охраны обоза Коней.

Охранники смешались. Знакомые, конечно, были у каждого, у многих, судя по всему, и родственники... Йерикка уже болтал на городском диалекте с двумя ребятами и девчонкой, которая была помладше — очевидно, тоже беженцами с юга.

Олег отъехал чуть в сторону и, скупливо, с внезапной лёгкой обидой поглядывая на происходящее, полез в карман джинсов — за серебром, которое ему, как и всем участникам поездки, выдал перед отъездом князь Крук. Это были гривны — почти такие же, как в учебнике истории Отечества: прямоугольные слитки серебра весом граммов по двести, в количестве пяти штук, они здорово оттянули карман. По всей длине гривны были проклеймлены головой рыси. Если Олег что-то понимал — деньги ему достались немалые, и он даже выразил удивление этим, но князь неожиданно хлопнул его по плечу и сообщил: «А мы серебра не дешёвые, — и добавил: — Мужички гривну добудут, а вот гривной мужей не добыти.» И улы-бнулся вдруг — странный князь племени, лишившегося всех своих мужчин. Одинок-ий князь, проводивший почти своё время под крышей башни Рысёго Логова...

...— Того на немалое дело хватит.

Олег поднял голову. Возле него в седле сидела Бранка — кивнула на серебро и повторила:

— Немало можно сделать на то серебро, Вольг.

Ещё утром она принарядилась в праздничное, как и почти все, кто ехал в обозе. Новый плащ скалывала на плече большая заколка — хотя и бронзовая, но красивая, да и вдобавок украшенная крупными синими камнями — сапфирами, что ли? И головная повязка была новой, и широкий пояс, и расшитая узорами безрукавка... И вообще Бранка выглядела новенькой, красивой и весёлой. Такой, что Олег ещё раз подумал с ужасом, как было бы дико, пойд-и она в пищу тем уродам в лесах заброшенной земли на юге... Но, конечно, он не сказал ей этого, а просто заметил:

— Ты сегодня красавица.

— Да и ты ничего, — не осталась в долгу Бранка. — Ни у кого такой рухляди нету, кроме как у тебя.

Месяц назад Олег смертельно обиделся бы за ковбойку и джинсы. Но слово «рухлядь» в горском диалекте означало просто «вещи». И точно — едва ли кто-то придёт ещё на здешнюю ярмарку в двухсотдолларовых «леерах» и американской же рубашке. Успех обеспечен!

— Я тебе подарок куплю, — неожиданно для самого себя сказал Олег. — Сегодня же

куплю.

— Не. Сей день не купить, — покачала головой Бранка. — Одно завтра, а сей день, как доберёмся, торг уж сложится. По крупному, зерном да другим припасом, торговать, право, будут дотемна, а то и в ночь. Да ты ведь не зерном дарить будешь?

— Я придумаю, что купить, — пообещал Олег. И подумал, что дома он бы позвал девчонку в «забегаловку». И в кино позвал бы. И ещё — что он вернётся домой (а как же, не может не вернуться!), а Бранку — Бранку больше никогда не увидит. Между ними будут не километры, не континенты, а непредставимые расстояния — чудовищные и холодные.

«Что это? — удивился Олег. — Я... НЕ ХОЧУ домой?!»

Он прислушался к своим ощущениям. Нет, домой он хотел, пусть и ослабела тоска. Очень хотел. Вот сейчас опять представил себе маму, отца — и всё скрутилось в груди. Но он НЕ ХОТЕЛ расставаться с Бранкой. Это было упорное и идиотское желание, доходившее до того, что Олег решил предложить ей вместе отправиться на Землю. Но вместо этого спросил:

— А Гостимир где?

— Й-ой, надоел больше капусты квашеной, — скривилась Бранка. — Шага не отходит. Это Гоймир его притравил, точно... Да, не спросила я — у тебя-то, Вольг, братья-сёстры есть ли?

— Никого, — покачал головой Олег. — Я один. У нас много семей по одному ребёнку.

Сказал — и стало смешно. «Ребёнок!» Олег улыбнулся; Бранка тут же спросила:

— Что ты?

— На тебя смотрю, — соврал Олег. Или честно сказал? Смотреть на Бранку было здорово, это тоже вызывало неожиданную улыбку.

Слившиеся обозы тронулись дальше вместе. Бранка решительно сказала:

— С тобой буду.

— Ага, — кивнул Олег, сам себе удивляясь. Несколько дней он даже спать укладывался на другом от Бранки конце лагеря, все силы прилагал, чтобы случайно не встретиться во время переходов или отдыха дневного... а вот она подъехала — и он даже попытки не сделал разойтись в стороны. Послал коня рядом, словно так и надо. А надо-то отъехать подальше и думать о ней поменьше, смотреть на неё поменьше, не то что говорить, потому что с каждым сказанным словом — всё крепче и крепче становятся невидимые, но физически ощутимые нити между ним и этой девчонкой-дикаркой — нити, первая из которых протянулась, когда он вытащил её из подпола в залитой кровью комнате лесного логовища... Страшные нити, потому что Гоймир — его друг, который прикрепил им самим нарисованный портрет этой девчонки на борту коча.

— Й-ой, буду сей час! — оживлённо сказала Бранка. — Там вон вижу — трёхродная моя, перевидеться надо! — и она направила коня в сторону. Олег проводил её бездумным взглядом — и пошевелился в седле лишь когда кто-то прочёл рядом, за плечом:

— Isot, ma drue, Isot, m'amie,

En vos ma mort, en vos ma vie!.. 37

Звуки французской речи так удивили Олега, что несколько секунд он таращился, не понимая, кто перед ним, в лицо подъехавшего Йерик-ки. А тот, чему-то улыбаясь, спросил:

— Парлэ ву франсэ, нэ спа, Вольг? 38

— Жэ парль... 39 — машинально ответил Олег и вдруг рассердился: — Какого чёрта ты

37

— *Изо, любовь моя, Изо, моя подруга,
В тебе одной, Изо, и жизнь моя, и смерть!.* (франц.)
«Тристан и Изольда»

38 Ты ведь говоришь по-французски, Вольг?

взялся читать мне «Тристана и Изольду»?! Мы их проходили в школе год назад!

— Значит, прошли мимо⁴⁰, — негромко ответил Йерикка и оживлённо-беспечным голосом продолжил: — ну вот, скоро уже будем на месте! Сами доехали — и Бранку довезли в целости, как Гоймир просил.

* * *

Ярмарочная долина до странности напомнила Олегу тамбовский рынок в среду или воскресенье. Площадью побольше, но народу тут кучковалось примерно столько же. Солнце уже подходило к горизонту, чтобы почти сразу начать новое восхождение на небо, чётче обозначились звёзды и нависло Око Ночи. Но ярмарка не утихала — её шум слышался ещё до того, как обозы Рысей и Коней выбрались на гребень холма, за которым начинался спуск. Ряды телег, балаганы, сотни людей — всё это придавало долине внизу ещё и вид цыганского табора.

Здесь, на перевале, в ряд стояли врытые в землю статуи славянских божеств — словно шеренга воинов-часовых, охраняющих спуск.

Обозы остановились. Всадники спешили, те, кто сидел на телегах, соскочили наземь. Вместе со всеми Олег уже привычно вскинул руку в приветствии. Следовало подождать, пока старшие поговорят с могучими родичами живущих на земле людей.

Олег уже знал всех этих богов. Даже тех, о которых не упоминалось в школьном курсе истории — а может, их просто и не было у славян Земли.

Щитоносец Дажьбог с восьмиконечным ломаным крестом-свастикой на щите.

Среброволосый, золотобородый Перун, опершийся на свой грозный тупик, украшенный восьмиконечной звездой-перуникой.

Охранительница ряда и кона Лада, прижимающая к груди четверомерно рассечённый ромб.

Грузная Макошь, подательница благ природы.

Юный красавец Ярила с венком на голове и черепом у широкого пояса.

Суровый, грозный Прав. Бог закона и порядка, справедливого воздаяния за обман и нарушение заветов Рода.

Без-образный и добрый Огонь, живущий среди людей Бог — четверо конечный ломаный крест.

Мудрый Числобог, властитель знаний, со своим знаком из четырёх букв Т.

Безликая Среча с такой же Несречей — все одинаковые, только платки золотой и чёрный; богини счастья и несчастья.

Прекрасная Лель — покровительница чистой любви.

Гордая Куपाва в платье с узорами-волнами — властительница вод и одновременно — хранительница женского начала природы.

Змей-Велес — бог скотий, царь лесного зверья, стихий, покровитель охотников.

Расправивший могучие крылья пёс — Семаргл-Переplут, без которого не расти в Мире ни придорожной муравке, ни золотистому хлебу.

Супруги Озем и Сумерла — хранители подземных богатств, кладов, рудных жил и пещерных глубин.

Бесстрастная Морана в платье без вышивки, с распущенными волосами. Как удивился Олег, когда узнал, что и её тоже чтут — богиню Смерти! Ему объяснили, что в Моране нет

39 Говорю (франц.)

40 Полюбивший жену короля Марка рыцарь Тристан погиб вместе со своей возлюбленной. Их имена в средневековой европейской традиции — символ трагической и несчастной любви.

человеческого зла, как нет его в сосущем болоте, в насквозь вымороженном зимнем лесу, в горном камнепаде, что убивают без ненависти, без злобы, без разума...

Настоящее Зло — Чернобог-Кашей. И его тут нет. Не может быть.

Олег смотрел в лица богов, смотрел на небо, вниз, в долину, на лес по склонам, на пики гор — и понимал, что всё это и есть — храм. Без крыши, без стен, без запаха ладана, без коленопреклонённых молящихся — настоящий храм для свободных людей, куда несут беду, счастье, клятву, как несут их к старшим и сильным родным — отцу, старшему брату. Они всё поймут, всё примут, во всём помогут. Перед ними нет нужды вставать на колени, их незачем бояться.

Он услышал заключительные слова, произнесённые бойрами:

— ... а коли замыслю нечестие — да будет мне стыдно.

Обозы поползли в долину.

... — Здесь они, — с неудовольствием сказал Йерикка. Намеренно или случайно, но он пустил своего коня между конями Бранки и Олега. Олег не знал, злиться ему за это или благодарить из всех сил. Поэтому спросил:

— Кто?

— Смотри, — Йерикка вытянул руку. — Стяг видишь? Весь алый, а на нём по центру — чёрная птица падает? Это Орлы. А во-он, левее, наискось чёрно-золотой, а на чёрном — серый медведь на золотом коловрате? Это и есть Серые Медведи... А наши?

— Вон Снежные Ястребы, — показала Бранка, — тебя выслепило, что ли, Йерикка?

— А, да! — Йерикка указал Олегу чёрный стяг с падающей белой птицей, удивительной похожей, как и символ Орлов, на знак украинского РУХа или «трезубец» киевских князей. — А вот Вепрей что-то нет.

— А это чей? — Олег показал на белое полотнище, на котором были алая свастика и изогнувшаяся над нею рыба.

— Касатки, — пояснил Йерикка. — А вон там, где без флагов, горожане и лесовики стоят — добрались всё-таки...

— А вон анласы! — возбуждённо выпалила Бранка. — Кой год не было!

— Где? — заинтересовался Олег таинственными родичами Йерикки.

— Вон баннорт анла-тайар, вон — анла-коом, — непонятно сказал Йерикка, засмеялся и перевёл: — Баннорт — это стяг. Только они не такие, как у нас. Смотри же, вон!

Олег увидел похожие на значки римских легионов баннорты: Т-образная перекладина, с которой свисали цветные ленты, а на ней стояла фигура. Один баннорт был сине-белый со вздыбленным конём, другой — коричневый с быком, роющим землю рогами.

— Эти анласы сдавна за горами на закат живут, — пояснила Бранка. — Одно до Беды перебрались. Разно было — бились, рондились, на выхлоков хангарских заодно хаживали, набегали... А в наше время они всем народом в загорные земли перебираться начали. Новости послушаем, как у них на родине-то. Жаль мне их — слов нету. Каково это — с родной земли уходить, страха такого врагу не пожелаешь...

— Сегодня купить уже ничего не успеем, — оценил Йерикка ярмарку. — Вот разве что зерном ночь напролёт торговать будут, да прочим таким. А нам не погулять.

— Скомрахи должны быть, — возразила Бранка, — их глянем. Одно видел скомрахов, Вольг? Бывает — живот сорвёшь, как хохочешь. А бывает — в плач кинет. Вот глянешь.

— Заворачивай! Заворачивай! — зычно прокричал Боривой своим. — а вон наше место!

Обоз пополз среди многочисленных телег, костров, людей, коней и неумолкающего гула, который тут, очевидно, длится всю ночь. Олег заметил в отдалении большие стальные фургоны, ярко расписанные данванским линейным алфавитом, изумлённо спросил Йерикку:

— Данваны?!

— Где?! — тот вскинулся, но тут же обмяк. — Шутки у тебя... Горожане. Фургоны на конной тяге, кони не в пример нашим, тяжеловозы. Машинами в эти места не доберёшься. А надписи — чтоб в пути не придрались. Они ж сюда тайком добирались.

— Смелые, — оценил Олег. Йерикка кивнул:

— Большинство — правда смелые, наши хорошие друзья, вот познакомишься... Но есть и данванские агенты. Кто с дурью, кто с непотребщиной разной, а кто просто шныряет, высматривает... Пять лет назад вот на такой ярмарке несколько сот людей насмерть отравились южным вином. А семь лет назад — данваны высадили десант и устроили побоище. С тех пор всегда берём с собой огнестрельное оружие.

Обоз неспешно продвигался вперёд. И Йерикка спросил так, словно не было только что слов о прошлых жертвах, об опасностях и врагах:

— Ну скомрахов-то пойдёшь смотреть?

— А когда? — оживился Олег.

— А вот устроимся — и пойдём, что ещё делать-то? — пожал плечами рыжий горец.

* * *

Около скомрашьего балагана собралась шумная толпа в сотню, не меньше, человек. Все перекликались, посмеивались, спорили. Горцы разных племён перемешались, как жидкости в коктейле — жаль, что тут никто не знал этого точного сравнения.

Йерикка с Олегом протолкались в первый ряд — их пропускали неохотно, однако у Йерикки был слишком уверенный вид.

— Вот, смотри, — шепнул рыжий горец. Олег кивнул, разглядывая устроенный на телеге балаган — просто занавес из какой-то тяжёлой ткани, расшитой золотыми и алыми узорами, в которых проглядывали то звериные морды, то распростёртые крылья сказочных птиц, то запрокинутые ветвистые рога оленей, то переплётшиеся, как на лезвии меча, стебли трав. Присмотреться Олег не успел — послышался негромкий напев гуслей, и сбоку от занавеса появился вполне обычно одетый для лесовика старик. Поклонившись в пояс собравшимся, он выпрямился, оглядел людей — и под его взглядом шум стих. Все ждали начала. Старик кивнул и заговорил — отчётливым, хорошо слышным даже тем, кто стоял в задних рядах, голосом, в котором не было и намёка на старческую слабость или надтреснутость:

— Благо за внимание всей честной компании. Благо, что свои важные дела побросали, да наши глупые речи послушать собрались. Может, чего и сгодится — иной раз из глупости ум родится. Не понравится — гневу волю не давайте, а понравится — так не забывайте... — он снова поклонился и под изменившийся, ставший погромче, гусельный напев продолжал:

*— Куклы наши — не живые,
Только всё же не простые.
Вы смотрите, примечайте,
Да знакомых узнавайте...*

По сигналу его руки занавес разъехался в стороны и началось представление...

*— Князь имел трёх сыновей.
Старший был других хитрей,
Средний был других богаче,
Младший — только что храбрей...*

... На фоне грубовато, хотя и ярко нарисованных декораций некоего богатого города началась вполне обычная история. Только персонажи были одеты так, что в старшем сыне сразу можно было узнать горожанина, в среднем — лесовика, а в младшем — горца. Куклы изготовила рука мастера, и даже Олег, избалованный телевидением и видео, смотрел внимательно, хотя и ожидал, что сейчас начнутся традиционные поиски невест и так далее.

Однако вместо этого на сцене разворачивались другие события. Старый князь пошёл походом на неведомых чужаков, что разоряли окраинные земли. И вернулся разбитый, с остатками дружины, сам умирающий от ран. На заднем плане ловко и бесшумно менялись декорации, создавая ощущение смены пейзажей и вообще здоров оживляя происходящее.

Умирая, князь завещал своим детям, пришедшим проститься с отцом:

*— Приближается напасть!
Чтоб вам, дети, не пропасть —
Друг за друга стойте крепко,
Не делите, братья, власть!*

Но почти сразу после отцовской кончины старшие братья принялись затирать младшего. Старший с ним вообще знаться не хотел. Средний всячески обманывал в мелочах и в крупном. Младший не обращал внимания, вёл себя по-прежнему дружелюбно, да ещё и охранял границы княжества, пока старший бездельничал, а средний копил богатства. Зрители реагировали очень непосредственно, поддерживали младшего сочувственным гулом, а в адрес старших не скупились на сердитые реплики.

Вот как-то братья обедали. И вдруг прямо в их богатую горницу ворвался всадник — рыжий, как огонь, на большом коне. У всадника был отчётливо крючковатый нос, и в толпе заперешёптывались: «Анлас, анлас...» И точно — братья заговорили:

*— Вот анлас пришёл до нас.
Что расскажет нам анлас?*

Гусли сменили ритм — мелодия стала явно не славянской. Всадник, соскочив с коня, заговорил — и речь его тоже была иного стиля: без рифм, с частыми аллитерациями. Он жаловался братьям-князьям, что, пока пас он своих коней, неведомая злая сила разорила кочевье, и нашёл он стариков-родителей сгоревшими в пламени, младшего брата-юнца — лежащим у пожарища с копьём в руках, умершего от ран, верных псов — порубленными, а молодую жену и новорожденную дочь унесла злая сила невесть куда.

*— Чем на пожарище, чадном и горьком, мёртвых
оплакивать.
Я снарядился в дело праведное, в дорогу дальнюю.
Злую ту силу выследить, месть отомстить клялся я.
За погубленных родичей, иль вернуть любимую.
Дочке не дать рабыней вырасти.
Мёртвым лечь, под плетью вражеской.
Наши отцы, в битве яростной,
Спины прикрыли друг другу накрепко.
Смерть отвели друг от друга оружием.
Звались они побратимами до смерти.
По силам помощи жду я от вас...*

Но оба старших брата принялись юлить, ловчить, отнекиваться, а потом прямо заявили, что они к отцову побратимству касательства не имеют, и пусть анлас сам со своими врагами разбирается, а от их земель любая опасность далеко — не по воздуху же враг прилетит?! Тогда вскочил младший:

*— Вижу, нету толку с них,
С этих лежебок двоих!
Я пойду, анлас, с тобою —*

Ближних вызволять твоих!

И ускакал с анласом. А старшие только обрадовались:

*— Ускакал наш дурачок!
Ну а мы-то тут при чём?!
Будем жить оба-двое,
И сыты, и пьяны...*

На сцену упала тень. И женский истошный голос прокричал:

— Ой, спасайтесь! Данваны!

Занавес на время закрылся. Вокруг стояла напряжённая тишина — ни звука, даже с ноги на ногу никто не переминался. Все ждали...

— Эх-хе-хе, вот как бывает, — печально заговорил старик, — среди лета снег выпадает; думаешь — беда далече, а она тебе — прыг на плечи!

На декорации был уже не красивый город, а дымящиеся руины, трупы и вереницы пленников, тянущиеся куда-то бесконечными цепями, жуткими в своём однообразии. На переднем плане старшие братья пытались спрятаться друг за друга, а на них надвигались несколько огромных фигур в до удивления похожих на данванские доспехах, с громоздким, устрашающим оружием в руках.

*— Вот они, грифоновы дети!
Весь народ за правителей глупых в ответе!
Тем-то что — башка с плеч, и всего,
А прочим — рабство да плети...*

А у края сцены тем временем появились анлас и младший брат — оба пешие, в рваной одежде с пятнами крови. Появились и застыли, перешёптываясь. Потом подошёл конь анласа — тоже пораненный.

*— Что тебе в моей войне?
Ты не кровный родич мне...
Так спасайся, лес-то близко,
Вмиг ускачешь на коне...*

— горячо сказал младший брат. Но анлас гордо отвечал:

*— Коль ускачу, от врагов укроюсь.
В воду я гляну — в озёрное зеркало —
Вода мне покажет труса харю.
В дом свой зелёный — в лес я спасусь,
Лес зашумит мне: «Изменник подлый!»
Конь меня больше носить не станет,
Сбросит, покинет друга предавшего.
Как дальше буду я жить на свете?
Встанем вместе, брат мой названный!*

И они бросились на врага, чтобы не дать данванам стрелять из своего оружия — врукопашную. Но данваны отступили, а между ними и защитниками княжества встали кривоногие уродцы — хангары. Началась схватка. Мельком Олег подумал, что скомрахов, наверное, человек двадцать — иначе такое не изобразишь... но эта мысль тут же ушла. Представление увлекло его. Горцы кругом вопили и потрясали мечами и камасами.

Тем временем героям удалось пробиться к данванам. Младший брат ловко обрушил на шею одного меч, анлас умело ударил другого тяжёлой пикой. В толпе одобрительно заревели, но... и меч, и пика переломились пополам!

*— Не сгубить его мечом —
Меч данвану нипочём!
Пикой тоже не проткнуть —
Колдовство укрыло грудь!*

Герои отступили в растерянности. Но только на миг. Тут же младший брат закричал:

*— Видно, смерть нам настигнет!
Всё равно пойду вперёд!
Грудью близких я закрою,
Раз врага сталь не берёт!*

И они с анласом бросились на врага с голыми руками. Но с воплями прихлынули хангары, завалили героев живой копошащейся кучей, а когда отхлынули — те стояли на коленях, связанные...

— Эх, чему быть, тому не миновать, — вздохнул старик. — Воинам молодым головы потерять, а народам нашим в ярме стонать... Видно, такая судьба, что без пользы борьба...

Но гусли вдруг заиграли что-то озорное, весёлое, даже не подходящее к моменту. Все персонажи подняли головы, прислушиваясь — а будто бы приближавшийся из дальней дали голос распевал бесшабашно:

*— Ой, скок-поскок,
Промеж звёзд — да мосток,
По тому мосту
Я к вам в Мир иду.
Я не князь, я не бог.
Я простой паренёк,
Я зовусь Иван —
Берегись, данван!*

— Да никак сам Иван-Великан! — всплеснул руками дед. — Ой, и впрямь — берегись, данван! Тот Иван — не данванский Иван, не Иван-Болван, не безродина подзаборная, силой крещена, на беде повенчана! Ноги уноси, разорители! То брат наш идёт, грабители!

Хангары тишком рассосались в какие-то щели, как и не было. Данваны оцетинились оружием, но откуда-то сверху за из спины прыгнул не уступающий им в росте и ширине плеч... Олег открыл рот. На этом герое был пятнистый камуфляж, фуражка набекрень и АКМ на ремне. Впрочем, он справился и без АКМ — сгрёб данванов в охапку и треснул головами, прокричав:

*— Ну-ка — нечисть с дома прочь!
Навались — делу помочь!*

Быстро опустилась новая декорация — на ней люди кто чем гнали по развалинам хангаров и данванов, те удирали, сломя голову и побросав оружие, во все стороны, прятались в щели, а восставшие опрокидывали брёвнами вельботы, поддев под днище, освобождали пленников... А впереди трое братьев, анлас и Иван-Великан лихо домолачивали своих врагов, выкидывая их за верх занавеса. Полёт каждой куклы толпа сопровождала хохотом и одобрительными выкриками. Наконец с последним врагом разделались, и герои

представления встали в ряд на краю сцены, поклонились, а занавес опустился.

— Кабы в жизни так, — тихо сказал старик, ещё раз поклонился и медленно ушёл за балаган...

Вместо него появился другой скомрах — с рожком и волынкой, на которых одновременно заиграл что-то донельзя дурашливое, при этом ещё и ухитряясь высоко подпрыгивать, кувыркаться, а его напарник в длиннорукавой рубахе и перекошенной кожаной «харе», проходись колесом, распевал разную смешную чушь:

*— Как у Иванова двора
Загорелась вода.*

*Вёской всей пожар тушили,
А пожар не загасили.*

*Пришёл дедушка Фома,
Расседая борода.*

*Он народ прогнал в овин,
Затушил пожар один.*

*Как Фома тушил пожар,
Он об этом не сказал.*

*Только слышно стороной:
Затушил он бородой!*

В толпе начали смеяться. Но Олегу, если честно, ни стихи, ни ужимки скомрахов по душе особо не пришлись. Он покосился на Йерикку и начал проталкиваться в сторону, на свободу.

Оставалось сделать пару шагов, когда Олег неожиданно споткнулся. Ему сперва показалось, что под ногу попала кочка, но, с трудом удержавшись на ногах и выпрямившись, он столкнулся взглядом с мальчишкой своего роста и сложения, который буркнул:

— Глянь, куда копытишь! — и, пихнув Олега плечом — весьма чувствительно! — собрался было ввинтиться в толпу. Но Олег бросил ему в спину:

— А ты костыли не расставляй, инвалид хренов, а то как бы не поотшибали.

Реакция мальчишки была совершенно адекватной — он развернулся, словно закрученная и отпущенная пружина, подбоченился и встал перед Олегом, меряя его взглядом. И только теперь Олег с запоздалым сожалением заметил на его алой головной повязке чёрные силуэты падающих хищных птиц.

— Говорил ли что? — процедил он.

— Баклан ты неконкретный, — улыбнулся Олег, решив идти до конца. На лице Орла отразилось искреннее недоумение пополам с замешательством:

— А? — удивлённо спросил мальчишка, расширив глаза. Олегу стало смешно:

— Хорошая погода, не правда ли? — продолжал он давить противника интеллектом.

Мальчишка понял, что его непонятно и изошрённо оскорбляют и побагровел.

— Ты чьих будешь? — напористо спросил он. А у Олега эта фразочка вызвала приступ весёлости. «Ты чьих будешь, смерд?! — От смерда слышу!» — вспомнилось ему, и Олег фыркнул.

Тут же, без промедления, Орёл въехал ему в ухо.

Удар получился сильный и болезненный, а главное — обидный. Олег полетел наземь. Стоявшие поблизости на них покосились, но даже не подумали вмешаться — сцепились двое парней, подерутся и разбегутся.

Мальчишка с недоброй улыбкой, подняв сжатые кулаки, следил, как Олег поднимается на ноги. В ухе позванивало, оно быстро немело. Олег пощупал его и сообщил Орлу:

— Ты труп.

Но броситься в драку ему не дали. Между мальчишками, уже напрягившимися перед настоящей стычкой, шагнула Бранка. Гостимир схватил Олега за плечи, а Йерикка выкрикнул:

— Стоп!

Так выкрикнул, что Олег опустил кулаки. Орёл скользнул взглядом по Бранке и, скривив губы, сказал над её плечом:

— А ты прыток за девчачью спину утекать.

— Чо-о-о-о-о?!?!?! — взревел Олег вслед уже уходящему мальчишке, рванулся, но к Гостимиру присоединился Йерикка. — Пустите, блин! — уже спокойно, побарахтавшись в их руках, попросил Олег. Они отступили. Бранка, подойдя, чуть прикоснулась к уху пальцами — прикосновения Олег не ощутил — и жалостливо сказала:

— Й-ой как... Ну одно ничего. На ночь примочку приложу, к утру спадёт.

— Чего вы влезли?! — спросил Олег. — Я бы сейчас...

— Примета дурная — торг со свары начинать, — пояснил Гостимир, — от того не задастся... Да ты и другой день его вытропишь, а мы пособим такому делу-то. Уймись, Вольг. Пошли лучше, уж и вставать скоро. Тут с рана начнут, а дел хватит.

Молча освободившись от его руки, Олег первым зашагал к стоянке Рысей. Было обидно и стыдно — в основном от того, что Бранка видела, как он закувыркался по земле. Он, чемпион по боксу среди юниоров! Ну ничего, Гостимир прав — этого баклана Орла он, Олег, не упустит. Времени впереди много, тогда посмотрим, кто песочек с земли собирать станет...

С такими злыми мыслями Олег, закутавшись в плащ, буквально закатился под телегу и неожиданно для себя... всплакнул. Не потому, что уху, хоть и положила Бранка на него примочку, горело. Не потому, что захотелось вдруг домой. Не от обиды, что получил удар на глазах девчонки, которая ему нравится. Не от того, что нравится девчонка, которую друг зовёт своей невестой. Ни от чего, а просто так вдруг потекли по щекам слёзы, и Олег больше удивился, ощутив их.

А потом укрылся плащом с головой, ткнулся лицом в сложенные руки и заплакал по-настоящему, ощущая лишь одно — невероятную, давящую, громадную растерянность перед всеми сложностями, свалившимися вдруг на его голову.

* * *

Олег проснулся от щекотки. Резко сел, подобрав босые ноги и в последний момент избежав знакомства с днищем телеги, под которой спал.

Раннее утро было вокруг. Примятую траву посеребрила роса. Ярмарка шумела, но глухо, словно тоже просыпаясь; вокруг храпели, дышали и сопели на разные лады Рыси; сонно фыркали кони; то тут, то там скрипела телега под спящими.

— Вылезай из норы, хомяк, — негромко позвал Йерикка. Полностью одетый, он сидел на корточках возле телеги, поигрывая прутиком, которым щекотал пятки Олегу, и улыбался. Одной левой рукой рыжий горец колол лесные орешки и ловко забрасывал в рот очищенные ядрышки. — Вопрос: или спишь дальше, или идёшь со мной по важному делу, а потом — гуляем.

— По какому делу? — Олег вылез из-под телеги, сел на плащ, начал обуваться. Йерикка высыпал рядом на плащ горку орехов. На поясе у него висела коричневая кобура «парабеллума», по другую сторону — тяжёлый, больше похожий на сумку, кошель.

— Грызи... Орудия труда пойдём покупать. Ну и о тебе заодно поговорим...

— За оружием пойдём? — тут же окончательно проснулся Олег. — А ещё кто?

— Никого, — строго ответил Йерикка. — Даже Бранку не возьмём.

— А я и не о ней, — запротестовал Олег, но Йерикка отмахнулся:

— Ладно. Вдвоём пойдём. И приготовь глаза и память. Ты об оружии немало знаешь, вот и будешь этим, как его — экспертом... И вот что, Олег. О том, что на этой ярмарке увидишь, пока будешь со мной ходить — помалкивай.

— Я вроде не трепло, — обиделся Олег, перебрасывая через плечо ремень ЭмПи. Йерикка кивнул:

— Вот и отлично.

Было ещё в самом деле очень рано. Люди не столько торговали, сколько вяло перемещались с места на место, плескали в лица водой (Олег тоже умылся возле ручейка и бросил в рот кем-то протянутый кусочек ольховой коры), переговаривались и сдёргивали кожаные пологи с телег. Однако где-то уже лихо и неразборчиво кричал зазывала, в другом месте спорили о цене, а в третьем пели... Поспевая за Йериккой, Олег успевал и вертеть головой — ему было любопытно. Сейчас, среди оживающей суеты и толкотни, к нему вдруг пришло ошеломляющее и острое понимание: ЭТО — ДРУГАЯ ПЛАНЕТА, И ЛЮДИ ЭТИ — ИНОПЛА-НЕТЯНЕ ! Он частенько об этом забывал, увлечённый обычностью происходящего, а потом вдруг накатывало и хотелось смотреть по сторонам вдвое внимательней, чтобы не пропустить самого-самого... чего? Как здоровенный лесовик пересчитывает мешки с зерном? Как крепкая женщина задаёт трёпку ревущему мальчишке? Как варится что-то в котелке над небольшим костерком? Да нет, ведь и вправду всё совершенно обычно...

— Сюда, — коротко приказал, не сказал даже, Йерикка, сворачивая в проём между двумя огромными городскими фургонами.

На откидной лесенке сидел молодой мужчина в серой рубашке, накинутой на плечи плотной куртке, мешковатых брюках и хороших сапогах на толстой подошве. При виде Йерикки он молча кивнул, поднялся и жестом пригласил мальчишек внутрь.

Направо, похоже, была спальня. За левой дверью горел электрический свет — большая комната без окон выглядела, как склад, да и была складом. К некоторому удивлению Олега, здесь мужчина и Йерикка обнялись.

— Вытянулся, — сказал хозяин, отшагнув и рассматривая рыжего славянина. — И возмужал. Вот отец посмотрел бы...

— Рад, что ты живой, Саша, — по-взрослому ответил Йерикка. — Слышал, что в Трёх Дубах?..

— Все газеты выли, — кивнул горожанин. — Накрыто ещё одно логово бандитов... Значит, вы без связи теперь?

— Всё, накрылась наша ближняя... И Олег Семёнович умер.

Олег вздрогнул, услышав имя деда. Саша остолбенел, потом тихо спросил:

— Неужели?..

— Нет, сам. От старости, — пояснил Йерикка. — Да вот внук его, — он кивнул на Олега, — тоже Олег.

— погоди! — Саша уставился на мальчишку, который начал переминаться с ноги на ногу. — погоди, погоди... Вот он на кого похож! Не лицом, а... — Саша покрутил ладонью в воздухе, но тут же нахмурился: — Стой, а как ты здесь?

— Несчастный случай, — объяснил Йерикка. — И кроме прочего — вот что. Не поможете парню домой вернуться? У вас же ЭфТэ рабочий.

— Да, но он настроен на... — Саша потёр переносицу, хмыкнул. — Короче, далеко от твоего дома, парень.

— Мне лишь бы домой, — искренне ответил Олег, — а там я хоть с Южного Полюса доберусь.

— Ладно, проблем тут нет, — решительно отрубил Саша. — Зимой подъедешь с обозом, перебросим. Если живы будем... Не в первый раз. А теперь о деле давай. Что у тебя?

— Золото, — Йерикка отстегнул и бросил на стол кошель. — Ещё — тюлений жир.

Потом заберёте.

— Много? — деловито поинтересовался Саша.

— Десять берковцев⁴¹. Бальзам из желчи снежищ есть. Камешки, но немного — нам ещё зерно менять. В этом году урожай ничего, да вот только придётся ли нам тот урожай собрать...

— Ждёте? — понимающе спросил Саша. Йерикка наклонил голову:

— Ждём. Похоже, что дождёмся... Так что — давай, что там у тебя есть.

— Есть кое-что, — охотно откликнулся Саша и двинулся вдоль ящиков, сложенных во всё помещение на колёсах. — От Сновида-то не было никого?

— Тоже ждём. — коротко ответил Йерикка и — Олег готов был поклясться! — показал на него, Олега, глазами: мол, не при нём! — Давай, давай, показывай, хватит разговаривать...

— Вот, — Саша достал из одного ящика хорошо знакомый всему свету автомат. — «Калашников», новяк, ещё в смазке. Пять штук.

— Посмотри, Вольг, — кивнул Йерикка. Олег, рисуясь, взял оружие в руки, повертел, сообщил:

— АК-103, семь-шестьдесят-два. Подствольники есть?

— Есть три «костра», — подтвердил Саша, — в комплекте. Ещё есть пять М16 с подствольниками, но вы же их брать не будете?

— Дерьмо. — всё больше входя в роль эксперта, определил Олег. — Без отвёртки не разберёшь. И гильзу разрывает часто.

Он сам М16 в руках не держал, но так отзывался о ней Игорь Степанович. Саша понимающе пожал плечами:

— Ну вот... Ещё есть три СКС, охотничья модификация...

— «Архар»? — уточнил Олег.

— «Архар... Пять «судаевых» тоже есть.

— Всё берём, — решил Йерикка. — Пулемёты?

— Только один «дегтарь», — развёл руками Саша. — зато есть гранатомёт-станкач. Вы такого чуда ещё не видели. Лента на девяносто гранат, так же, как в АГС-17, а сам вместе с лентой весит всего два пуда. «Тридцатка» называется. Ещё — «гром», тоже новяк, к нему гранаты осколочные. И двадцать «мух», плюс шесть «шмелей».

— Ручные гранаты? — поинтересовался Йерикка.

— Сорок английских L2L2. И десяток РКГ, противотанковых. Пистолеты, револьверы нужны? Могут дать восемь ПММ.

— Героически застрелиться? — ехидно поинтересовался Олег. Саша засмеялся:

— Не обкатишь! Лады. Пять «вальтеров» Р-88, не машинка — жена, спать можно, чуть подучить — готовить начнёт и постель стелить. И десять револьверов Нагана.

— Тоже берём... Как с боеприпасами? — уточнил Йерикка. Саша начал перечислять:

— 7.62x39 — залейтесь, двадцать тыщ штук... 7.62 ТТ — пять тыщ, 7.62 к «наганам» — двести всего, больше нет..., 9 «парабеллум» — восемь тыщ, 12-й калибр охотничий — тыща, картечь, пули-экспансивки... 12, 7x107 — полторы тысячи... 7.62x54 — шесть тысяч... Да, есть противотанковое ружьё, ПТРД, к нему — сто патрон, возьмёте?

— Возьмём, — согласился Йерикка.

— Лады... Что ещё? . А, к тому, что уже есть: 5.45x39 — четыре тысячи, 5.56x45 — десять тыщ...

— Миномётов бы пару, — попросил Йерикка.

— Нету, — развёл руками Саша. — И ракет нету — ни зенитных, ни противотанковых... Так, что ещё? ВОГ-25 к «кострам» — сто штук, ВОГ-17 к «тридцатке» — триста шестьдесят, к «грому» выстрелы — двадцать, сколько осколочных — не помню... К вашим РПГ-7 — шестьдесят штук, ПГ-7В. Ещё — мины. «Клэймор», противопехотные,

⁴¹ 1 берковец = 163, 8 кг.

сорок две штуки. L9A1, противогусе-ничные — десяток. Пластит — два пуда в брикетах. Вот и всё вроде.

— Неплохой урожай, — одобрил Йерикка, поднимая со стеллажа затянутые в пластиковую упаковку гранаты без запалов. — Может, ещё что есть?

— Бронежилеты, — предложил Саша. — Но я знаю, вы их не уважаете. Или как?

— Не надо, — отмахнулся Йерикка. — Лекарства какие есть?

— Хирургические наборы полевые есть, — ткнул в ящики Саша. — Шёлк. Шприцы одноразовые. Нембутал, тоже в шприцах. Больше ничего из того, что вам нужно. Ещё, правда, антидоты есть. Будете брать?

— Возьмём, — решил Йерикка, — это всё возьмём. Ну, договорились насчёт зимы.

— Конечно, — Саша протянул Олегу руку. — Для внука Олега Семёновича пополам треснем, но сделаем, честное слово.

— Не надо пополам, — смутился Олег. — Спасибо, я приеду... А вам не удобней будет послать человека к ЭфТэ, который я в лесах нашёл?

— А ты его сейчас отыщешь? — спросил Саша. Олег подумал, уверенно ответил:

— Отыщу, точно.

Саша помедлил, что-то оценивая, потом решительно ответил:

— Нет, лучше не надо. Данваны про неё не знают, ну и пусть не знают. Будет на крайний случай... Ты потом своим расскажи, как туда добратся.

— Он уже рассказал, — сообщил Йерикка, — даже план нарисовал... Ну, к вечеру наши подъедут, всё заберут, — деловито продолжил он, по-хозяйски окидывая взглядом внутренность склада на колёсах. И вдруг обратился к Олегу: — Вольг, хочешь свою сморкалку на «калаш» с подствольником поменять?

Предложение было неожиданным и лестным. Олег представил себе автомат, чуть было не кивнул головой, не раздумывая, но вздохнул и ответил:

— Нечестно... Только появился — мне пистолет-пулемёт. Потом — автомат, да ещё и с подствольником. А многие всё ещё ар... самострелы носят. Обидятся.

— Никто не обидится, — спокойно возразил Йерикка. — И не надо думать, что с тобой так потому, что ты особенный или гость. Я же видел, как ты стрелял. Будь у тебя автомат — получилось бы ещё лучше. Как ни крути, а ты с этими вещами обращаться умеешь лучше, чем большинство наших, так что это не знак внимания, а военная необходимость.

С такой точки зрения Олег этот вопрос ещё не рассматривал, поэтому без особого сопротивления сдался. ЭмПи и подсумки к нему он с лёгким сожалением положил на ящики, подумав, что машинка служила ему недолго, но верой и правдой. А Саша уже копался в ящиках, доставая новое оружие.

«Калашников» сотой серии с установленным «костром» лёг в руки приятной боевой тяжестью. Олег перебрал его поперёк груди — стволом к левому бедру, прикладом к правому плечу — и, сняв ремень, начала цеплять на него подсумки: один на четыре тридцатизарядных «рожка», другой — на семидесятизарядный «барабан» от пулемёта. Саша, наблюдавший за его манипуляциями, протянул десятизарядную кассету для подствольника и предложил:

— Наганчик не хочешь поменять? Коль тебя уж так ценят — бери «вальтер». Я тебе говорю — не машина, а золото. Берёшь?

Олег открыл кобуру «нагана», коснулся пальцами плавного изгиба рифлёной рукояти. И вдруг подумал, что легко расстался с ЭмПи, потому что ничего не знал о его прежнем хозяине. Да и едва ли тот был хорошим человеком... А вот наган — наган ему словно бы передал совсем другой человек. Как бы... ну, как бы в знак того, что и он, Олег, тоже... типа того...

Олег запутался в мыслях, засопел сердито и, закрыв кобуру, коротко ответил:

— Я с ним.

Когда вышли от Саши, ярмарка была уже в разгаре. Йерикка выглядел довольным, даже мурлыкал что-то под нос, как кот, потом предложил весело:

— Прогуляемся?

— Ага, давай, — Олег украдкой поглядывал по сторонам, выглядывая Бранку. Несколько ребят из Рысей были в поле зрения, но её не наблюдалось, и Олег пошёл следом за Йериккой со смесью облегчения и досады.

В толпе легко было потеряться. Люди гомонили, скрипели подводы, лаяли собаки, ржали лошади, визжала, мычала, кудахтала и блеяла разная другая живность, все что-то куда-то тащили, волокли, грузили, сгружали. Олег растерялся, что было странно для парня, выросшего в шумном городе — похоже, отвык как раз от шума. Вокруг него били по рукам, смеялись, ругались, перебирали ткани, плетёные короба, связки лука, украшения...

Олег ощутил себя чужим. Это чувство оказалось таким острым, что он хотел уже было окликнуть Йерикку и попросить его пойти в другое место, где не так шумно. Но как раз в этот момент взгляд Олега упал на балаган, мимо которого они проходили — и наткнулся на привычные ряды книжных корешков.

— Я посмотрю, — уже меняя направление, бросил Олег и подошёл к этому неожиданному товару.

Книг было много — несколько сотен. Они плотно стояли на чём-то вроде топчана, застланного тканью, за которым сидел совсем не похожий на книготорговца лесовик — пожилой, но плечистый, не в лаптях, как большинство из них, а в хороших сапогах, в накинутом на плечи чёрном плаще. Что-то странное было в фигуре торговца, но Олег не мог определить, что. А сам торговец скользнул по Олегу равнодушным взглядом и продолжал читать лежащую на коленях пухлую книжку того формата, который на Земле называют «покетбук».

— Я посмотрю? — нерешительно обратился к его склонённой шевелюре Олег.

— Смотри, — голос торговца был глубоким, гулким, как из бочки ухал. И снова он ничем не подал виду, что ему интересен покупатель.

Олег провёл пальцем по корешкам, оплетённым то в кожу, то в ткань, то в пластмассу. Наугад вытащил две книги. Одна оказалась на данванском — судя по всему, какой-то справочник. Название второй Олег разобрал и привычно удивился: это была напечатанная глаголицей «Молодая Гвардия» полузабытого писателя Фадеева. А рядом оказался Джек Лондон, «Рассказы Южных морей». И «Справочник офицера запаса» — всё той же глаголицей.

— Вольг, — окликнул его хозяин балагана. Мальчик удивлённо вскинул голову и понял, что ошибся. Лесовик звал не его. Из-за косо свисавшей занавеси бесшумно вывернулся худенький мальчишка лет десяти, босой, в одной рубашке. Любопытно посмотрел на Олега, перевернул страницу лежащей на коленях торговца книги и исчез обратно.

Проследив взгляд Олега, лесовик хмыкнул и повёл плечами. Плащ тяжело соскользнул за спину — и Олег закусил губу. Вот почему фигура показалась ему странной! Плащ не скрывал рук, его складки висели пу-стыми. Правой руки у хозяина балагана не было по плечо, левой — выше локтя.

— Это о Крентане память, — теперь уже не сводя глаз с лица Олега, прогудел лесовик. — Взрывом оторвало. Что лапки букашке... Отлежался — думал умереть, к чему я такой. Да вот живу. Чужими жизнями, правда, да уж лучше так... А ты никак с Земли? — Олег неловко кивнул. — Землянин меня спас. Хороший врач был, Ганс Дидрихс. Пропал потом — может, по-гиб, может, обратно вернулся, когда они уходить начали... Книгу выбрать хотел? — он указал подбородком на корешки.

— Это наши все, — вздохнул Олег, — и вашим... вашей азбукой я плохо владею.

— Тебя тоже Вольгом зовут? — спросил лесовик и, не дожидаясь ответа, снова указал подбородком на левый край топчана: — Гляди здесь. Может, что и найдёшь.

Олег снова наугад вытащил книжку в переплёте из серой ткани — и улыбнулся. Буквы, от которых он уже отвык, гласили: «Статьи фронтовых газет. 1966-1970 г. г. (64-68 г. г. Беды).» Он отложил эту переплёт вверх, потянул другую.

«О. С. Марычев. Нас не нужно жалеть. (Стихи разных лет.)»

Вспотевшими руками Олег открыл форзац. «Военно-полевое издательство. 1970 г. (68 г. Беды).» И фотография.

Это были стихи его деда.

— Я возьму эти, — сипло сказал Олег. Лесовик предложил:

— Ещё посмотри.

— Я эти возьму, — упрямо повторил Олег. — Сколько?

Безрукий ветеран внимательно изучал стоявшего перед ним мальчишку с автоматом поперёк груди. Потом позвал — буркнул:

— Вольг.

Высочивший мальчик набросил ему на плечи плащ. Лесовик уткнулся в книгу и проворчал:

— Ничего.

...Йерикка успел куда-то пропасть, и Олег побрёл наугад. Ему очень хотелось перелистать книги прямо сейчас, но в толпе это сделать не представлялось возможным. Вместо этого он высматривал Йерикку.

Надо сказать, это оказалось совсем не трудно. Рыжая голова друга маячила в азартно гомонящей толпе не так уж далеко от места, где Олег обзавёлся книгами. Человек пятьдесят, образовав круг, внимательно и напряжённо, но при этом не переставая вопить, следили за происходящим внутри.

Не без труда, прижимая книги локтем, Олег протолкался в круг, к Йерикке. Тот едва оглянулся со словами:

— А, погоди, погоди... — и тут же завопил: — Куси, эй, куси!!!

Олег только теперь увидел, что так привлекло общее внимание.

В кругу, на небольшой утоптанной площадке, предназначенной очевидно специально для этих случаев, совершенно молча и ужасающе остервенело дрались два горских пса. Вставали на дыбы, вцеплялись зубами так, что кровь брызгала на землю, повисали на враге, стараясь завалить под себя и всадить клычищи в горло. Мотали друг друга, вскакивали, отлетали, набрасывались, били грудью. И всё это — молча, только с каким-то утробным, жутким хрипом.

Смотреть на это было неприятно. Не страшно, а именно неприятно. Олег отвернулся и начал проталкиваться наружу. За его спиной толпа ещё раз взревела — и слитный гомон распался на отдельные голоса: то радостные, довольные, то досадливые, сердитые.

— Скрючился Урван, — весело сказал Йерикка, догоняя Олега. — О, книжки купил?.. Зря Ладен его расхваливал. Пияк у Властислава в сто раз лучше. Поздравь, Вольг, я тут подзаработал немного. Главное — знать, на кого ставить!.. — и уже тоном ниже: — Ты чего такой?

— Ничего, — Олег посмотрел за его спину. Кто-то обтирал бока замершего на широко расставленных ногах пса-победителя. Молодой парень, стоя на колене, растерянно ворочал запрокинутую голову второго бойца, неподвижно лежавшего в пыли. Шерсть на обоих слиплась сосульками. — Неужели тебе нравится на это смотреть?! — вырвалось у Олега.

Глаза Йерикки вдруг стали жёсткими, как камешки-гальки в холодном ручье.

— Нравится, — отрезал он. Но потом заговорил иначе, мягче: — Я знаю, Вольг, что ты сейчас подумал. О дикарях и дикарских забавах. Вот данваны, например, собачьи бои запретили. Как, кстати, и охоту, и многое другое. Именно как дикарские забавы. Больше того — даже на содержание домашних животных масса ограничений. Таких, чтобы не причинять им при содержании страданий. Я вот очень хорошо помню, как мне было девять лет, и я видел сходку активистов организации «Защита творений Господа». Много народу, с плакатами, организованные — пикетировали городской совет, требовали запретить продажу мяса в торговой сети, по-тому что убивать животных негуманно, — Йерикка вдруг задрожал и, отведя глаза в сторону, продолжил: — А на соседней улице... за углом... мои ровесницы

торговали собой... продавали себя хангарским наёмникам из гарнизона и нашим извращенцам, которых вырастили данваны... И никому, ни одному гаду с плакатом, не было до этого дела. Коровки на бойнях для них были важнее, чем детские трупы, которые каждое утро вылавливали в реке — кто потребовал за ночь слишком много, или нарвался не только на насильника, но и на убийцу. А женщины с окраин продавали старших детей в больницы — на кровь, на органы, для опытов — чтобы кормить младших. Или вообще не могли иметь детей из-за того, что их сте-рилизировали во время облав — «в целях борьбы с перенаселением», тоже из гуманизма... Я был маленький и из обеспеченной семьи, Вольг. Но я всё это знал. Я играл с мальчишками, чьих старших братьев украли прямо со двора и замучили... или тоже стерилизовали — прямо в школе, у школьного врача, под местным наркозом, в приказном порядке. И с девчонками, которые днём играли в самодельные куклы, а вечером шли продавать себя, чтобы на следующее утро хоть что-то поесть — с ними я играл тоже. И знал, чем они живут и что это за жизнь. А потом шёл домой и смотрел передачи, где рекой лилась ненастоящая человеческая кровь. И передачи эти перемежались спорами, как сделать наше общество ещё гуманней, чем оно есть. Что для этого ещё нужно запретить и разрешить славянам...

Йерикка снова посмотрел в глаза Олегу.

— Всё, чем жили наши предки, было неправильно и не так, — продолжал он. — А всё, что осуждал закон Рода, становилось нормой, «естественным проявлением раскованных чувств»... Как ты думаешь, где совершается больше убийств на душу населения — в наших горах, где нет ни общей власти, ни общего правительства — или в городах на юге?

— В городах, — без промедления сказал Олег.

— Верно, — удовлетворённо кивнул Йерикка. Лицо у него вдруг стало таким, словно Олег подарил ему торт. — Верно. Потому что наша жизнь и смерть весомы, реальны и ощутимы! Они не подделка под жизнь и смерть. Помнишь, как ты зарубил человека мечом?

— Да, — Олег вздрогнул. Йерикка поднял палец:

— Вот! Ты убил его, потому что так было НУЖНО. И тебе никогда не придёт в голову убить, чтобы попробовать, как это — убивать. Я смотрел на собачьи бои. Но мне ни за что, никогда не захочется сжечь на костре живого щенка. А те, кто живёт на юге, под данванской властью, уже утратили любые ориентиры в жизни. Они путают реальность с тем, что читают и видят на экранах. Они много спорят о добре и зле, об их видах, но давно разучились различать их инстинктивно, навскидку, как и положено человеку... Чем больше жестокости в обществе между людьми — тем добрее оно старается быть **ВООБЩЕ**. И наоборот, потому что охота, вот такие бои, поединки, даже кровная месть — это клапан, через который выпускается пар агрессии. И школа, которая учит людей **НАСТОЯЩЕЙ** жизни и смерти. и их цене. Никто из людей, которые вызвали у тебя такое отвращение своей кровожадностью, не обманет тебя, не ударит в спину и не надругается над женщиной потому что над ними — и в них! — Закон Рода. Порог, через который не переступишь. А те, на юге... — Йерикка скривился. — Они придумали сотни красивых, правильных слов и законов. И думают, что данваны дали им мудрость. А данваны их погубили, потому что **ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСТОЯЩИЙ ЗАКОН** может существовать только в душе человека. Вот так, Вольг. Недаром они там даже язык свой заменили на полуданванский, на четверть хангарский — в славянском даже слов нет для обозначения тех цветистых вещей и тех мерзостей, которыми насытили их мозги наши «спасители от дикости»! А то, что мы — другие, данванов бесит и пугает больше, чем наше вооружённое сопротивление, Вольг.

— У нас тоже есть такие, — вдруг вспомнил Олег. — Ходят по улицам и краской обливают тех, кто одежду из натурального меха носит. А до тех, кто мальчишек по телефону в постель заказывает, им дела нет... Маму однажды окатили краской, она пришла вся в слезах — шуба такая красивая была. Так отец их через два дня нашёл.

— Ну и что? — заинтересовался Йерикка.

— А ничего. Заставил друг друга этой краской изрисовать и отпустил, — Олег невольно улыбнулся, вспомнив эту виденную им картину. И вздохнул.

— Они у тебя хорошие, наверное, родители, — понимающе произнёс Йерикка. — Ты не грусти, Вольг. Ты их скоро увидишь. А вот я своих — уже никогда, — он посмотрел куда-то на горные вершины. — Даже если мы вернёмся обратно, как положено по закону Рода — мы друг друга уже не узнаем. А может — и не вернётся никто. Некуда будет.

— Почему? — спросил Олег.

— Да потому, что, когда погибает всё племя, становится некуда возвращаться, — печально ответил Йерикка. И тряхнул головой. — Ладно. Ты книжки купил?

— Не совсем купил, — замялся Олег. — Подарили. На, посмотри, если хочешь.

Йерикка перелистнул книги. Понимающе сказал:

— Стихи твоего деда... Ты их, наверное, очень любишь?

— Я их почти не знаю, — не стал притворяться Олег.

— Такие хорошие?! — искренне удивился Йерикка. Перевернул ещё несколько листов и, не обращая внимания на толпу вокруг, прочёл:

— Не умалю заслуг бородача,
Сыскавшего бесценный первый камень.
Но Женица — начало всех начал.
Но женскими невидными трудами
Был обжит край, был вздут огонь в печах,
Хлеб испечён и выношены дети.
Поистине всё лучшее на свете,
Всё в Женице — начале всех начал...

— Наверное, он посвятил их своей жене.

— Вряд ли, — покачал головой Олег. — Он писал, что мало уделял ей внимания. И даже прощенья просил... только вот поздно — уже после смерти.

— Вот как? — кажется, Йерикка удивился. А Олег попросил:

— Пошли, покажешь мне, чем тут торгуют.

* * *

К тому времени, когда деловой шум ярмарки затих и сменился шумом веселья, Олег «уходился». Они раз двадцать прошли ярмарку насквозь, и Йерикка показывал всё новые и новые товары. Олег купил пачку чая в серебристой фольге, совсем земной. Несколько раз они перекусывали пирогами с лотков разносчиков — горячими, мягкими и умопомрачительно вкусными. И разговаривали, сами не заметив, как остановились, присев на край чьего-то воза, около большой утоптанной площадки, на которой и вокруг которой уже начал бурлить народ. Только сейчас Олег обратил внимание, что уже поздний вечер.

— День напролёт вас ищем! — послышался знакомый голос, и мальчишки, обернувшись, увидели Бранку, Гостимира и ещё с полдюжины парней и девчонок из Рысей. Шумной компанией они подошли к друзьям и расселись на возах. Посыпались вопросы:

— Купил?

— Забрать-то когда?

— А кроме огненного боя ничего?

Йерикка отмахивался. Бранка, ловко усевшись рядом с Олегом, обиженно сказала:

— За-про-сон усвистал, не побудил одно. Вместе б ходили.

— Йерикка не велел, — поспешно перевёл стрелки Олег, хоть это и было не очень красиво. От Бранки пахло нагретой тканью, ромашкой от волос и холодной водой. Поспешно порывшись в кармане джинсов, Олег достал орешки, которыми так и не попользовался. — Угощайся, вот.

— Угощай, — лукаво сказала Бранка. Олег, поднатужившись, раздавил орех об орех,

протянул девчонке очищенные ядрышки:

— Держи, я сейчас ещё расколю.

Здесь, как успел заметить Олег, эти орехи лопали, как в его мире — семечки. Где бы не собирались славяне на короткое время — обязательно оставляли после себя шелуху скорлупок.

Два рожка визгливо задудели какую-то странную ломаную мелодию, и на мгновенно расчистившуюся середину утоптанного круга вышел совершенно седой гигант с гладко выскобленным подбородком и могучими усами, которые, будучи заложены за уши, спускались до плеч. На головной повязке у него были знаки Орлов. Расшитую кожаную безрукавку в юношески стройной талии стягивал широкий кожаный пояс с серебряной пряжкой, украшенной красными камнями, а ремни, стягивающие «сапоги», были сделаны из узорчатой, переливающейся всеми цветами радуги, кожи. Старик начал пританцовывать-приплясывать, то нагибаясь к земле, то выпрямляясь, то раскидывая руки, то идя вприсядку, то почти падая, то подсакивая... В наступившей почти полной тишине Олег услышал его сильный, но дурашливый голос, выкрикивавший:

*— Ой, давайте, парни, драться,
Чем задумавшись ходить!
Я один сюда пришедши,
Вам слабо меня побить!*

Почти тут же в круг вышли трое молодых мужиков — в разных повязках, но с одинаковыми длинными палками. Переглянулись — и напали. Одновременно и всерьёз.

Потом начался какой-то идиотизм... Один из нападавших грохнулся наземь; у второго из рук вылетела палка; третий сам её выпустил и зарылся носом... Старик, продолжая свой танец, завопил:

*— Мой кистень — моя игрушка,
В чистом поле — за дружка!
Разлетайся, черепушка,
Басурманская башка!*

Теперь Олег различил у него в руке выскользнувшую из рукава тусклую гирьку на тоненьком ремешке. Действовал ею старик обалденно, заставляя всех троих кувыркаться снова и снова. Из толпы выскочили ещё трое, бросились с такими же палками на помощь... Олег заметил, как из другого рукава старика серой тенью выскочил второй кистень — и к старому бойцу просто стало не подойти: его окружало сплошное серое сияние, издававшее низкий посвист:

*— Хорошо тому живётся,
У кого стеклянный глаз!
Он не колетя, не бьётся,
И сверкает, как алмаз!*

— Это Яр Туроверыч, — с уважением и неприязнью, прозвучавшими в голосе одинаково отчётливо, сказал Йерикка. — Когда-то он убил одного из моих прадедов, тогдашнего князя племени... Яру было шестнадцать; он вызвал прадеда на поединок в полном вооружении, а сам вышел с одним кистнём. И убил одним ударом — перехлестнул ремень через щит, пробил шлем и голову... Такого бойца поискать, хоть и лет ему много.

Старый Яр подобрал оба кистеня и положил руку на плечо рослого парня — выскочив из толпы, тот с готовностью подставился и гордо посмотрел кругом. Вот тогда Олег и узнал в парне своего вчерашнего обидчика.

Юный Орёл тоже задержал взгляд на землянине. Скривив губы, что-то сказал старику, кивая на Олега.

— Так этот дуб его внук? — спокойно спросил Олег, уже зная, что сейчас будет и веселая от азарта. Йерикка, ничего не заподозрив, кивнул, но Бранка, обострённым женским чутьём что-то ощутив, взяла Олега за рукав:

— Не след...

— погоди, — улыбнулся Олег и рассчитанно-негромко (но так, чтобы все слышали) сказал: — А я-то думал — кто он? А он подпоркой работает!

Шутка была так себе. Но Рыси готовно заржали. Мальчишка-Орёл вывернулся из-под руки старика:

— Мне?!

— Тебе, — кивнул Олег. — А перед тобой, Яр Туроверыч, извинюсь — не понял я. Тебе подпорка ни к чему — это ты сам его придерживаешь, чтоб ветром не повалило.

Мальчишка зарычал. Но старик, посмотрев на Олега с иронией и — нет, правда! — симпатией, сказал:

— Драться с моим внуком подбиваешься, чужой?

— Не чужой он! — крикнул кто-то из Рысей. — Местник за нашего!

— Родич он, — поддержали другие, — по закону!

— То добро, — кивнул Яр. — Так что — драться похотел?

— А хоть бы и так, — Олег соскочил с телеги. — Посмотрим, так ли он ловок в лицо бить, как по уху исподтишка!

— Лжа это, дед! — возмущённо выкрикнул мальчишка. — Сам он за девчачью спину прыгнул! Сам так!

— Теперь не прыгну, — пообещал Олег. — Выходи... баклан.

Мальчишка сверкнул глазами — синими, пронзительными, как самоцветы — и Олег понял, что бой будет не спортивным, нет... Но это только добавило азарта.

— На кулачках, одно ещё что? — старик отступил в сторону.

— На кулачках! — Орёл сбрасывал рубаху. Ещё раз зло посмотрел на Олега и попытожил: — До лежака!

— До лежака, — подтвердил Олег, расстёгивая ковбойку. Бросил её Гостимиру, но рубашку перехватила Бранка, и Олег улыбнулся ей, несколько раз ударил кулаками воздух, поменял стойку, провёл серию нырков и уклонов, разогревая мышцы...

Его противник стоял неподвижно, и Олег мысленно присвистнул. Тело горца-Орла было телом греческой статуи. Не культуристская гора мышц, не тяжёлый амбал-селянин стоял перед Олегом. Пятнадцатилетний мальчишка легко посрамил бы многих взрослых спортсменов Земли тем, как были развиты его мускулы — словно хорошо прочеканенная кираса из золотистой чистой бронзы. Олег много занимался боксом, ходил к Вадиму на самбо, спарринговался ради интереса с каратистами и кикбоксёрами — но ни разу не видел у своего ровесника такого совершенного тела — инструмента для боя.

— До лежака, — повторил Орёл, вытягивая в сторону Олега руку. И пошёл вперёд, держа кулаки почти в боксёрской стойке, разве что шире и ниже.

Никакого преимущества бокс тут дать не мог. За противником Олега стояли забытые на Земле, но развивавшиеся и крепнувшие здесь традиции школы славянского кулачного боя — не клубно-надуманного, а настоящего и смертельно опасного.

Ну ничего. Бокс тоже не с дуба рухнул и не на разных изолированных островах изобретён. Любой «восточник» проиграл бы этот спарринг после первого же удара Олега — у тех, кто занимается восточными единоборствами, всегда проблемы с силой удара и стойкостью на удар партнёра. Разница весовых категорий, параметров тела и культурных традиций превращает европейца, занимающегося каратэ или кунг-фу, в забавное недоразумение, совершенно непригодное для настоящей схватки — это Олег понял давно.

Но бокс — это другое дело.

Потому что настоящие мужчины дерутся кулаками.

Ну, папа, спасибо тебе.

Противник — Олег с острым интересом думал о том, как его зовут — приближался осторожным, раскачивающимся шагом, словно вместо ног у него была пружинная подвеска. Потом вдруг оказался рядом одним длинным, скользящим движением — и Олег, привычно подставив блок предплечьем под размашистый удар, нырнул вниз-вперёд, в клинч⁴², выбросил руку в молниеносном броске. Пальцы резануло болью — вот оно как, без бинтов и перчаток! — но горец попятился: не отскочил, а именно попятился, поматывая головой. Удар пришёлся точно в подбородок — жаль, слабоват оказался! Олег быстро перебрал пальцами — целы — и сам пошёл в атаку, демонстрируя свинг левой в ухо, а в последний момент всей тяжестью тела, скоростью броска и силой удара повёл панч в корпус.

И получил сразу два ответных! Горец каким-то звериным чутьём угадал удар, скользнул в сторону... Олегу показалось, что он услышал треск сухожилий правого локтя, по которому удар пришёлся снаружи. А второй — «под ложечку» — лишил его возможности дышать.

Пришёл он в себя, наверное, через секунду — этого времени хватило только на то, чтобы упасть. Тут же вскочил, опираясь на руки — правая отплатила резкой болью, словно локоть полоснули ножом. А противник опять наступал, точно и сильно молотя кулаками по блоку — предплечья Олега начали гореть.

Мелькнула мысль — этой схватки ему не выиграть. Он дрался на ринге — строго ограниченные раунды, судьи... Дрался со всякими лохами — там у него было преимущество на две головы. Дрался с хангаром — было. Но сейчас его противником оказался человек, для которого драка была стилем жизни. ВОИН, а не спортсмен. Не выиграть.

Он запретил себе думать об этом, и мысль ушла без следа. Под очередной удар Олег быстро и чётко подставил... голову. Самую макушку — то, что на ринге строго наказывается. Но тут не ринг...

В глазах — звёзды! Но, проморгавшись, Олег увидел, что его противник с искажённым лицом стоит, прижав правую к груди, и по пальцам льётся кровь из рассечённых костяшек. Орёл не заорал, как заорал бы на его месте любой (уж сам-то Олег — он это знал! — точно). Но и бой сразу продолжить не мог. В его взгляде, устремлённом на земного мальчишку через разделявшие их пять-шесть шагов, были злоба и боль.

За спиной Олега одобрительно и возбуждённо гудели. Как на собачьих боях, подумал Олег, но эта мысль его почему-то рассмешила и взбодрила. Он подвигал правой — боль сошла почти на нет — и бросил насмешливо:

— Пальчики повредил?

Орёл мигнул. Медленно. Его зрачки сузились. И он заскользил к Олегу. Как большое и смертельно опасное хищное животное.

Только вот кулак у него не сжимался. Олег видел, как он хочет сжать, свести пальцы — и не может. Видел — и оскалился насмешливо прямо в лицо Орлу, танцую в стойке. А потом — пошёл в атаку, бомбардируя горца равномерными, страшными ударами: хук левой, хук правой, отскок, свинг правой, свинг левой, бросок, панч левой, панч правой, хук левой, хук правой, отскок... Он не стремился к точности. Главным сейчас были быстрота и сила — всё равно часть ударов попадала в цель, и Олег знал, что один какой-нибудь окажется последним.

Каменное лицо противника маячило перед глазами. Он тоже бил. Но только левой, попадая в блоки. А на его теле горели тут и там жаркие пятна попаданий.

И всё-таки он бил в ответ снова и снова, закрываясь своей полу-беспомощной рукой. И не жмурился, когда кулаки Олега с коротким тупым звуком местили его тело.

— Ложись, — сказал Олег. Тихо, так, что услышал только Орёл. В его глазах мелькнуло удивление. — Ложись, — повторил Олег. — Ты не выстоишь... с одной. Ложись.

⁴² Ближний бой.

И понял, что ляжет этот парень только тогда, когда он, Олег, сделает с ним то, чего делать уже не хотел — измолотит до потери сознания.

Из носа Орла шла кровь. Из обеих ноздрей — разбивалась на верхней губе на два алых ручейка, похожих на усы, стекала в углы рта и копилась там липкими каплями. Бежала дальше — на подбородок. Смотреть на это было тошно — словно Олег делал то, чего делать нельзя.

Может, и правда так?

Правый кулак Орла врезался Олегу в скулу. Солнечная бомба с треском разорвалась в центре головы, потом всё померкло — и Олег успел изумлённо подумать: «Как же так?! ПРАВЫЙ?!»...

... Кажется, он и на этот раз провалился не долго — тоже секунды. Но встать сразу не получилось. Ноги вело коленями в разные стороны, они подламывались, словно разболтанные шарниры. В голове звенело, как год назад, когда на ринге его послал в нокаут — было такое — парнишка-кикбоксёр из Мичуринска. Нет, стоп. Надо встать.

Он переломил себя и непослушное тело. Встал ровно, быстро, не качаясь. Поднял кулаки. Орёл замер напротив. Хлюпнул смешно носом, сказал:

— Одно подловил я тебя. Цела рука-то. Дурака я ломал. Другой раз не поднимешься — слово вот.

— Ты, — ответил Олег, чувствуя, как впервые с начала боя загорается в нём опасная холодная злость, от которой мышцы начинают петь, а остатки тумана после удара улечиваются из головы, — меня положи сначала. Баклан.

Злость была такой прозрачности и градуса, что у Олега изменился болевой порог — как, наверное, менялся он у древних воинов, которые, утыканные стрелами, крушили врагов до тех пор, пока не расправлялись с последним. Иначе не объяснить то хладнокровие, с которым Олег встретил кулак противника не блоком, а беспощадным, во всю силу, встречным ударом своего кулака — но левого. Кисть разворотила, вспорола ужасающая боль, на миг Олегу всерьёз почудилось, что пальцы оторваны... и вместо того, чтобы заорать в голос и прижать руку к корпусу, Олег нанёс сбережённой правой пушечный удар в корпус Орла.

Такой, что всё тело у того затряслось, как желе — и горец мешком рухнул на утопанную землю.

Только после этого Олег сунул руку под мышку и тихо — чтобы никто не услышал — завыл от нестерпимой боли.

Яр Туроверыч смотрел на него с края площадки. Смотрел, расширив яркие, как у внука, не старческие совсем глаза — удивлённо, недоверчиво и восхищённо. Потом перевёл взгляд на неподвижно лежащее в пыли тело.

Олег тоже посмотрел — и ужаснулся мысли, что убил парня. К нему бежали, что-то радостное выкрикивая, люди, мелькнуло лицо Бранки, восхищённое и ликующее, приоткрытый рот Йерикки — то ли от удивления, то ли тоже в крике... Но, не обращая ни на что внимания, Олег встал на колено возле лежащего и дотронулся до его шеи.

Орёл открыл невидящие глаза. Поморгал. Выдохнул. Попробовал сесть. Олег подставил плечо, локтем отпихиваясь от Бранки, выкрикивавшей: «Руку, руку калечную дай, пособию — й-ой, дурилище!» И помог горцу сесть потвёрже. Беспомощный вид противника убил всякое желание драться дальше.

— Хорош удар, — скривившись, сказал Орёл. Попытался подняться, мотнул головой и сел опять. Потом, опираясь на руки подскочивших своих — парнишек помладше — всё-таки встал на ноги. И побрёл прочь — не оглядываясь, молча, загребая ногами пыль.

Олег тоже поднялся. Боль из руки уходила, её словно всасывало и растворяло что-то влажное и холодное. Покосившись, мальчишка увидел, что Бранка осторожно и быстро заматывает руку мягким бинтом поверх тоже же мази, которой вчера лечила ему, Олегу, ухо. Лицо девчонки было отстранённым и нежным. Да, именно нежным, и Олег, со странным весельем подумав: «Вот влип!» — сказал, как ни в чём не бывало:

— Орешки-то я больше щёлкать не смогу. Если только наганом колоть.

Бранка посмотрела сердито и посторонилась, давая дорогу Яру Туровеичу. Тот подошёл вплотную, оценивающе глянул на Олега. Олег ответил ему внимательным — глаза в глаза — взглядом.

Странное выражение мелькнуло в глубине глаз старого Яра. Словно он хотел улыбнуться, но передумал. И только сказал:

— Хорош удар, — как его внук. А потом повернулся и зашагал прочь, к своим — широким шагом, прямой и спокойный.

Олег дёрнул плечами и стал проталкиваться из окружающей его толпы.

... Сидя на краю воза, одетый по-городскому парень с повязкой на глазах — широкой и тёмной — перебирал струны на инструменте, поразительно похожем на гитару, но с овальным корпусом. Вокруг стояли и сидели несколько десятков человек — и горцев, и лесовиков, и горожан. Олег остановился тоже. Огляделся — никого из своих не было видно, да он и не очень-то хотел их видеть. После выигранного поединка мальчишкой овладела тяжёлая усталость, смешанная с лёгкой насмешкой в свой же адрес: герой, ж... с дурой! Зачем полез? Затем, что Бранка смотрела, вот зачем... Ремень с оружием и подсумками, автомат — всё вдруг показалось очень тяжёлым и каким-то бессмысленным, неуместным. Зачем ему это? И что это вообще такое? Закрыть сейчас глаза — и открыть их в своей комнате, и чтоб утро было, а не странный вечер под распухшей здешней луной и всё чётче вырисовывающимися звёздами...

И под синим Невзглядом, который словно наблюдает за человеческой суетой снисходительно и насмешливо — мол, копошитесь, милые, пока я добрый. А надоедите — к ногтю вас...

Господи боже, да что он тут делает-то?! Кому он тут нужен?!

Струны отозвались печальным плачем на его мысли. И возник голос певца...

*— По широкой степи,
По колено в дорожной грязи,
Под печалью дождей,
Не разбирая стези,
Опираясь на плечи
Бедных своих сыновей,
Бредёт нищая баба
Стороною своей...
Старший сын, Игнат —
Хмур да вороват...
А второй, Илья —
Дрянь паршивая...
Третий сын, Богдан —
Кого хошь продаст...
А меньшей, Иван —
Добр, да слишком мал...*

И певец вдруг застонал! Так, что Олег вздрогнул. Это была словно бы всё ещё песня, но в то же время просто стон, долгий и болезненный, бесконечное: «А-а-а-а...» умирающего в бреду человека. И только когда стон сделался почти невыносимым — вновь зазвучали слова:

*— Злой холодный ветер.
Полное небо звёзд.
Под ногами пепел —
Ой, да по коже мороз!
Кто ты, нищая баба?*

*Кто твои сыновья?
Да чего тебе надо?..*

— он оборвал пение и тихо сказал — просто сказал: — Родина я твоя... — и, отчаянно ударив по струнам, запел:

*— Старший сын, Игнат —
Хмур да вороват...
А второй, Илья —
Дрянь паршивая...
Третий сын, Богдан —
Кого хошь продаст...
А меньшей, Иван —
Добр, да слишком мал... 43*

Лёгшая на плечо Олега ладонь заставила его вздрогнуть и досадливо обернуться. На него смотрела Бранка.

— Пойдём, — настойчиво сказала она. — Неладно одному... да ещё под ту песнь...

— Что ты за мной ходишь? — горько спросил Олег. — Ну что ходишь?

— Пойдём, — попросила Бранка снова.

— Я хочу один быть, — отрезал Олег.

— Один и будешь, — согласилась она. — Одно со мной. Я тихо буду, что мышь. А тебя так не кину. Лицо у тебя неладное. Пойдём.

— Не хочу я к нашим, — ответил Олег, тем не менее подчиняясь её руке.

— Не надо, — покладисто согласилась девчонка. — Ещё куда пойдём.

— Искать будут, — противореча сам себе, сопротивлялся Олег.

— Поищут — кинут, — решительно подытожила Бранка, и Олег внезапно решил, что и в самом деле будет неплохо забиться куда-нибудь в тихое место и просто посидеть. А что эта девчонка будет рядом...

Он не дал себе додумать эту мысль.

... Большой плоский валун нагрелся за день, но Бранка всё равно постелила заботливо свой плащ, прежде чем сесть. Строй кряжистых дубов отгораживал словно выросшую из склона каменную площадку на высоте двух человеческих ростов от края ярмарочной долины — притихший шум сюда почти не доносился, а над головой висело загадочное небо. Солнце погасшим костром неподвижно тлело у горизонта между двух гор — скоро оно двинется обратно в вышину...

Ноги мягко гудели, и Олег, увидев, что Бранка снимает ремни со своих «сапог», помедлив, снял и свои тоже. С наслаждением пошевелил пальцами, нагнувшись, молча закинул свои и её ноги краем плаща. Откинулся назад, опираясь на локти, а Бранка наоборот — подалась вперёд, поставила подбородок на колени, обхватив их руками.

— Где твоя звезда, твоё солнце? — вдруг спросила она. Олег вздрогнул от неожиданного вопроса, смешался, но ответил честно:

— Не знаю, Бранк... Тут похожие созвездия, но немного другие. Я же никогда не видел нашего Солнца издалека. У нас на Земле никто не знает, как оно выглядит среди других звёзд. Может, его и не видно отсюда — оно же маленькое, совсем рядовая звёздочка.

— А как знаешь — оно далеко? — снова тихо спросила Бранка.

— Очень, — Олег посмотрел в небо и почувствовал, как дух захватило при мысли о расстоянии, отрезавшем его от дома.

— Десятками тысяч вёрст? — зачем-то допытывалась Бранка. Олег засмеялся:

— Это в вёрстах мерить — всё равно что дорогу до южных городов пшеничным зерном — жизни не хватит. Тут, Бранк, не вёрсты, а световые годы.

— Световые... годы... — повторила она. — Что то?

— Свет в мире — самое быстрое, — пояснил Олег. — Но и ему до моей родины бежать не один год. А то и не один десяток лет.

— Свету?! — в голосе славянки прозвучал жалобный ужас, она повернулась к Олегу. — Свету?!

— Свету, — тихо подтвердил Олег, и у него самого внезапно прошёл по коже озноб. — Если светит нам сейчас моё Солнце, то его лучи, что мы видим, уже годы в пути. Может, ещё до моего и твоего рождения вышли и только сейчас до Мира добежали...

— Страшно, — ладонь Бранки коснулась её губ. — Ой страшно, Вольг.

— Почему? — снисходительно спросил Олег.

— А вот подумай, — она смотрела расширенными глазами. — Сколь того пространства, — она на миг подняла глаза в небо, — меж живыми. Не измерить. И живым встреча — что двум пушинкам, по морю плывущим: небывалое... Та встреча — не чудо; ей прозвания нет! — она снова посмотрела в небо и вдруг яростно выдохнула: — Ненавижу!!! Бездну ту, звёзды те — ненавижу!!!

— За что?! — изумился Олег, почти испуганный тем, как звучал её голос.

Бранка медленно опустила голову. Долгим взглядом посмотрела на мальчишку, и в глазах её жидко дрожало отражение Ока Ночи. Олег не сразу понял, что это слёзы — стоят на самом краю, вот-вот прольются...

— За что? — еле слышно выдохнула она. — За то, что шагнул ты, Вольг, из той-то бездны. Поманила басня. Подумалось — истиной станет для меня. А ты в ту бездну канешь. Навек. Навек. Уведёт она тебя от меня, Вольг. Сто медных сапог стопчу — тебя не сыщу. Всю жизнь идти буду — к тебе не дойду. Вот так-то, Вольг. Понял теперь?

Кровь шумела в ушах. И сквозь этот шум Олег услышал свой голос — внезапно онемевшие губы едва шевелились:

— Уходи со мной, Бранк...

— Как уйду? — горько сказала она. — То ведь тоже — навек. А здесь моё всё оставляю? Нет, Вольг. Не жить у нас счастьем — так пусть хоть погостит... Назло бездне той, назло уходу твоему... любимый мой.

Она сказала эти слова — словно в воду прыгнула, это Олег понял по интонации. И придвинулась как-то сразу, хотя вроде бы и не трогалась с места — волосы, пахнущие ромашкой, припухшие губы, казавшиеся в ночном свете почти чёрными, высокая, крепкая грудь под рубахой с вышивкой, блеск подвесок на висках... Олег понял вдруг, что ни разу в жизни ни одна девушка не была так близко... не вообще БЛИЗКО, конечно, а ВОТ ТАК близко.

— Вольг, — шепнули губы тепло и щекотно. И Олег потянулся навстречу — молча и жадно, словно к воде после долгого, мучительного перехода по жаре. Потянулся, уже не думая ни о Гоймире, ни о дружбе, ни даже просто о том, что делает.

Это было мгновенно, как удар молнии и больно, как ожог.

Это длилось вечность и было прекрасно, как радуга.

Олег не знал, куда деть руки. А потом вдруг нашёл — куда, и Бранка не имела ничего против, а губы её оказались податливыми и в то же время — жадными, ищущими, и местом для рук оказалась она ВСЯ, а её руки тоже нашли себе место... Олег смутно ощутил, что дрожит, как натянутая струна.

— Бранка... — выдохнул он, оторвавшись от её губ. — Я... сейчас... кажется... — не договорив, парень пригнул голову, коснулся губами её сосков, твёрдых, как свинцовые пули, только горячих...

«Но ведь это — НЕЛЬЗЯ! — ожгла его трезвая мысль. — Она не твоя! Это — ПРЕДАТЕЛЬСТВО!»

Бранка почувствовала это изменение мгновенно.

— Что, Вольг? — тревожно спросила она.

Олег приподнимался над ней на широко расставленных руках, и Бранка, глядя в его встревоженные и обиженные глаза, вдруг ощутила, как в ней начинает подниматься смешанное со злостью понимание. Она коснулась обнажённых плеч мальчика, пытаясь его удержать. Но Олег перевалился в сторону, на спину и замотал головой по камню, цедя сквозь зубы:

— Не хочу... нет, НЕ МОГУ я ТАК, Бранка... он же мой друг, и кто я получаюсь?! Подонок...

Может быть, это были справедливые слова. Но для девушки сейчас не существовало справедливости и несправедливости. Вскочив, она подхватила рубаху, прижала её к груди и сказала — как плюнула:

— Да чтоб ты в воде сидел — и напиться не мог!

Хотела ещё что-то добавить, злое, обидное, чтобы наотмашь — но задохнулась, залилась слезами и, соскочив с каменной плиты, бросилась, не разбирая дороги, вверх по склону. Коса металась за плечами, била по спине, словно подгоняя её. Плащ остался лежать рядом с Олегом.

Мальчик неспешно свернул его. Возбуждение медленно отпускало, хотя губы ещё казались онемевшими, а тело странно горело, да и в голове позванивал лёгкий гонг. Олег посмотрел вслед Бранке, печально сказал:

— Гад ты, Гоймир, дружище... — а потом — громче: — Бранка, я тебя люблю! Слышишь, очень! Мамочки, больно-то как!.. — простонал он и откинулся на камень снова, глядя в небо, равнодушно смотревшее вниз тысячей глаз.

Если бы можно было с ней больше не видеться до самого отъезда! Если бы так получилось...

Если бы так получилось — он бы умер. Лучше как угодно мучиться, чем не видеть её **ВООБЩЕ**.

Но настанет зима. И что ПОТОМ?

— Ненавижу, — сказал Олег пустоте над ним. И плотно закрыл намокшие глаза.

Интерлюдия: «Сага»

*Ты меня на рассвете разбудишь.
Проводить необутая выйдешь.
Ты меня никогда не забудешь...
Ты меня никогда не увидишь...*

*Заслонивши тебя от простуды,
Я подумаю: «Боже Всевышний!
Я тебя никогда не забуду —
И уже никогда не увижу...»*

*Не мигая, слезятся от ветра
Безнадежные карие вишни...
Возвращаться — плохая примета!
Я тебя никогда не увижу.*

*Даже если обратно вернёмся
Мы на землю, согласно Хафизу —
Мы, конечно, с тобой разминёмся —
Я тебя никогда не увижу.*

*И окажется так минимальным
Наше непониманье с тобою
Перед будущим непониманьем
Двух живых с пустотой неживою...*

*И качнутся в бессмысленной выси
Пара фраз, долетевших отсюда:
«Я тебя никогда не увижу...»
«Я тебя никогда не забуду...» 44*

* * *

О том, что стоит ночь, говорило только молчание птиц. Олег шагал через лес без цели, никуда не спеша и просто посматривая по сторонам — так ведут себя иногда на последней прогулке те, кто приговорён к смертной казни. Из дальних кустов можжевельника выглянула чешуйчатая мордочка лешего — Олег лениво шуганул его, леший бесшумно канул в заросли, застрекотал, заухал обиженно неподалёку, потом — всё дальше и дальше. Мальчишка вздохнул и неожиданно для самого себя отчаянно заорал:

*— В заколдованных болотах там кикиморы живут —
Защекочут до икоты — и на дно уволокнут!
Будь ты пеший, будь ты конный — заграбастают!
А уж лешие — так по лесу и шастают!
Страшно — аж жуть!*

— Да перестань же орать, — произнёс вроде бы над самым ухом звонкий голос, заставивший Олега подпрыгнуть, хватаясь за автомат. — На твои вопли сюда примчатся даже с Невзгляда!

Кругом никого не было, и, прежде чем мальчишка догадался посмотреть наверх, с толстого сука дуба спрыгнул и встал перед Олегом человек.

Это оказался рослый юноша немногим постарше его самого — плечистый, с лицом красивым и гордым, типично славянским. Русые волосы в беспорядке падали на плечи, обтянутые кожаной курткой. Повязки не было, как не было и меча, зато на поясе висели камас, большая сумка вполне современного вида и деревянная кобура маузера. Мальчишка слегка оперся на палку, поставленную между ног, обутых в горские «сапоги». За спиной угадывались гусли в кожаном чехле. Этот тип беззастенчиво рассматривал Олега большими зелёными широко поставленными глазами — очень знакомо, такие взгляды Олег частенько ловил на Земле и означали они одно: тот, кто смотрит на тебя, уверен в своих силах. Однако, грубое вмешательство в переживания Олега возмутило:

— Не нравится, как я пою? — воинственно спросил он. — Заткни уши и не слушай!

— Пожалей птиц и зверей — им-то за какие грехи эта кара? Они-то не могут заткнуть уши, — насмешливо ответил парнишка. Говорил он, кстати, по-городскому, несмотря на одежду и ловкое поведение в лесу.

— Пожалей лучше себя, — посоветовал Олег. — Тут неподалёку ярмарка, а ты ночуешь в лесу — поневоле поинтересуешься, от кого ты прячешься и за кем следишь?

— А, вот оно что! То-то всю ночь мне мешали уснуть какой-то вой и визг! Теперь понял, — парень облегчённо шлёпнул себя по лбу, — горцы подпевали рожкам и волынкам. Угадал?

— Скажи лучше — ты струсил и не смог заснуть от страха, потому и влез на дерево, — предположил Олег.

— Для горца ты недурно остришь по-городскому.

— Для мужчины ты слишком молод, поэтому я ещё разговариваю с тобой.

Это была чистейшей воды наглость — как уже заметил Олег, парень был постарше его. Но тот не отреагировал на оскорбительное замечание, а продолжал прикалываться:

— Лучше уж разговаривай со мной — так ты, по крайней мере, не отравляешь своим пением жизнь Миру.

— Ты можешь петь лучше? — осведомился Олег.

— Господи, да я ещё в сопливом возрасте пел лучше! — с этими словами незнакомец воткнул палку в землю, ловко перебросил в руки чехол, из-влёк небольшие гусли и, умело аккомпанируя, весело запел чистым, звонким голосом:

*— А как выйдешь ты —
Будем до свету гулять.
Встретим солнце мы —
Я тебя-то провожу.
А не хочешь домой —
Так и не ходи.
Мы пойдём с тобой
До крыльца моего...*

Ничего худшего гусельщик сейчас и выбрать не мог. Тоска, заглушённая спокойствием леса, ожила в Олеге, и он буркнул:

— Песня под стать хозяину — охи и вздохи, вопли и сопли.

— Ты чего-то хочешь? — обиделся наконец незнакомец — не за себя, а за песню.

— А ты что-то можешь? — ехидно осведомился Олег.

— Могу поучить тебя и пению, и хорошему поведению. И ещё многим вещам, недоступным горцу.

— Мне кажется, нам на этой тропинке не разойтись даже боком, — задумчиво сказал Олег.

— Нагнись, и я через тебя перепрыгну, — предложил незнакомец, убирая гусли.

— Ты усугубляешь своё положение. Скажи мне, как тебя зовут, чтобы я знал, кому выразить соболезнования по поводу твоей долгой нетрудоспособности. Убивать тебя я не стану.

— Меня зовут Чужой, — любезно представился гусельщик. — Твоего имени я не спрашиваю — не думаю, что кто-то будет сожалеть о человеке с таким голосом.

— Видит бог, я этого не хотел, — вздохнул Олег, пошевелив пальцами забинтованной руки — боли почти не было. — погоди, я отыщу подходящую дубинку.

— Дубина, вооружённая дубинкой — здорово!

— Куда ни пойдёшь — везде натыкаешься на нахалов, прямо рвущихся к тому, чтобы их проучили, — философски заметил Олег, вырубая камасом подходящую палку и прикидывая её в руках.

— Готов? — вежливо спросил Чужой (то ли по имени, то ли по сути, то ли от балды). Он по-прежнему просто опирался на свою дубинку. Олег, ловко перекрутив выбранное оружие в правой руке, сообщил:

— Я сегодня уже одного очень умного отметил. Поздоровей тебя. Готов!

— Атакую, — предупредил Чужой — и палка в его руке исчезла. Растворилась в воздухе, как тень в сумрачный день, только мгновенно.

Вот когда спасло Олега чутьё земного фехтовальщика, привыкшего реагировать на молниеносные движения противника! Именно этим чутьём Олег УГАДАЛ направление удара — сверху по голове! — и чисто по-фехтовальному взял пятую защиту, отбросил палку

Чужого и, продолжая движение, сильно ударил его по левому боку. Но тот ответил мощным батманом — и, прежде чем Олег успел опомниться, палка жёстко толкнула его в грудь, крутнулась, подсекла под колени...

Он лежал на спине, а Чужой стоял над ним, глядя с весёлым удивлением. Грудь болела — её сверху треснул автомат.

— Очень неплохо, — оценил Чужой. — Но там, где ты учился, я преподавал. Сам встанешь?

— Встану, — Олег, сцепив зубы, поднялся прыжком. Чужой одобрительно кивнул, сказал:

— Заметь, имени всё ещё не спрашиваю.

— Вольг Марыч, — представился Олег. Никакой злости он не испытывал — парень казался интересным.

— Городской беженец? — понимающе кивнул Чужой.

— Ага, — не стал его разочаровывать Олег. Ногой поддел палку, перебросил её в ладонь и зашвырнул в кусты.

— Будь другом, покажи на ярмарке, где Рыси остановились, — попросил Чужой. — Дело у меня к ним.

— Пошли, — сказал Олег ровным голосом, — их я знаю... А поёшь ты хорошо, соврал я. Просто песня не под настроение.

— Это у меня наследственное, — скромно признался Чужой. — Ещё как мой дед гусли в руки брал, так вся вёска собиралась — и в лес. Но дед все тропинки в лесу знал, поэтому музыка всё-таки находила своего благодарного слушателя... Хороший человек был дед, но всего до ста двадцати прожил — безвременно скончался.

Олег искренне засмеялся, а про себя подумал, что дальше с этим странным посетителем пусть разбирается Йерикка...

...Йерикка и был первым, кого Олег увидел, когда они с Чужим выбрались из леса. Рыжий горец почти бежал навстречу со злым лицом — и с ходу заорал на Олега, не обращая внимания на поотставшего Чужого:

— Ты где ходишь?! Смотрю — тебя нет! Думал, ты с Бранкой, а она спит...

— Почему я с Бранкой? — смутился и ошетинился Олег, но Йерикка даже не заметил этого:

— Я невесть что подумал! Давай беги к нашим, скажи, что нашёлся, а то тебя там человек двадцать ищут, с ног сбились!

— Я по лесу гулял, — независимо ответил Олег. — Вот, встретил — Рысей ищет, — он кивнул на Чужого, равнодушно стоявшего шагах в десяти и, понизив голос, добавил: — В лесу ночевал.

— Разберусь, — пообещал Йерикка. — А ты иди, иди, волнуются же...

— Может, помочь чем? — уточнил Олег.

— Иди, — Йерикка подтолкнул его в спину, — нужен будешь — ща крикну.

— Ладно, — и Олег, не оглядываясь, зашагал к лагерю.

Неспешным шагом Йерикка подошёл к Чужому. Несколько секунд смотрел ему в лицо. Потом оглянулся — Олега уже не было видно, пропал среди повозок. Тогда Йерикка обнял пришельца со словами:

— Здравствуй, Ярослав. Здравствуй...

* * *

— Не зови меня Ярославом. Чужой я и есть Чужой.

Йерикка подкинул в руке сухую веточку, искоса посмотрел на старого друга. Согласился:

— Не буду, — и запустил веточку между деревьев.

Мальчишки шли в шаге друг от друга. Под ногами пружинил мягкий белый мох.

— А где же Сновид? — спросил Йерикка, касаясь ладонью ствола дуба, мимо которого они проходили. Чужой повёл рукой:

— На юге. Далеко... Я приехал за него.

Снова долгое молчание, становившееся с каждым мигом всё тягостнее — Йерикка ощущал его, словно за плечами всё тяжелел и тяжелел груз... Ожидание стало невыносимым, и он спросил почти умоляюще:

— Что? Говори, пожалуйста...

— Не обманешь, — печально улыбнулся Чужой. — Зря ты не захотел с нами.

— Не тяни, — покачал головой Йерикка.

— Готовят поход, — словно в огонь шагнул Чужой.

Йерикка остановился. Глянул помертвевшими глазами в лицо друга. Повёл вокруг странным взглядом — словно уже стоял за порогом комнаты, в которую не суждено вернуться, старался запомнить её на всю оставшуюся жизнь... Потом тихо сказал:

— Значит, не собрать нам нынешнего урожая... Когда?

— Сам сказал, — тихо, но твёрдо, не опуская глаз под горестным взглядом, ответил Чужой, — урожая не собрать...

— Так скоро! — с мукой вырвалось у Йерикки, и Чужой не выдержал — отвёл глаза. А Йерикка спросил:

— Не меньше ста тысяч, — торопливо, словно желая поскорей избавиться от груза тяжёлых известий, заговорил Чужой. — Тысяч пятьдесят хангаров, конница. Не меньше тридцати — горные стрелки. Пять тысяч — хобайны, полный фoord. Остальные — сами данваны. Техника наземная, фрегатов около дюжины, вельботы — не знаем, сколько...

— Кто командует? — отрывисто спросил Йерикка.

— Кто... — криво улыбнулся Чужой, — ан Ормонд йорд Виардта.

— Палач, — выдохнул Йерикка. Снова посмотрел вокруг и с тоской сказал: — Вот и всё... Боги, за что?! — вырвалось у него горестное, но через миг горец справился с собой: — Как пойдут?

— Не с юга, — торопливо ответил Чужой, — С запада, от самого побережья. Там легче высадить такое войско, чем вести через леса и болота. Хотят сразу десантами оседлать перевалы и, медленно продвигаясь на восток, чистить долину за долиной, пока не упрутся в Ключ-Горы. Дальше не пойдут.

— Зачем? — горько спросил Йерикка. — За Ключом — едва пять племён, а места гиблые... Та-ак... Что на юге?

— На восстание не рассчитывайте, — покачал головой Чужой. — Всё, что можно сделать — налёты, набег... Там готовы взяться за оружие не больше пяти тысяч.

— Сто шестьдесят миллионов! — эти слова вырвались у Йерикки, как грязное ругательство. — Сто шестьдесят!!! А ближние анласы?

— Им не до нас, — сказал Чужой. — На их земли переселяются анласы из-за моря, там всё движется и кипит. На них натравят хангаров, свяжут боями...

— А Земля? — с затаённой надеждой спросил Йерикка, по-детски заглянув в глаза Чужому. — Как же Земля?

— Прибудут несколько сотен добровольцев, — вздохнул Чужой. — Ни о каком новом 61-м и речи быть не может. С тех пор, как спихнули Коля и заморозили его счета, мы лишились последней поддержки на государственном уровне, Йерикка... А ещё... ты же сам знаешь. Грачёв давно снят. Рохлин и Ражнятович убиты. Краешник — в гаагской тюрьме... «Икзекьютив ауткамс» и «Сэндлайн интернешнл» закрыты. Нас под корень подрубили, нашим друзьям впору самим на Мир спасаться, тут их хоть найти труднее... Оружие вы можете попытаться достать через Марычева.

— Олег Семёнович умер, — тихо сказал Йерикка.

— Вот как... — Чужой на миг прикрыл глаза — веки дрожали, словно последние листья на осенних деревьях ветреным днём. — Вот как...

— Кое-какое оружие привёз Саша, — продолжал Йерикка. — У меня просьба будет... Этот парень, который тебя привёл — кстати, а что ты в лесу ночевал?

— Ждал Сновида, — признался Чужой. — Всё думал — может, догонит... Так что парень? Вольг его зовут?

— Вообще он Олег Марычев, — сообщил Йерикка. — Внук Олега Семёновича. Погоди, — он предупредил изумлённый вопрос Чужого, — я потом расскажу. А сейчас — не заберёшь его с собой? Зачем ему погибать с нами? Для него вся наша жизнь — как фантастическая книжка, пусть такой и останется...

— Рад бы — не могу, — покачал головой Чужой. — Правда — не могу. Я же не на юг отсюда... Да вы, как заварится каша, пошлите его туда с каким-нибудь поручением. Зимой хотели отправить?— Йерикка кивнул. — Ну вот... Дождётся срока у верных людей в город каком-нибудь. Нет, Йерикка, я бы его взял, но я правда не могу!

— Ничего, — согласился рыжий горец, — сделаем, как ты сказал. Тем более, Саша уже предупреждён... А чем Сновид занимается? Я надеялся, он придёт.

— Дела, — туманно ответил Чужой. — Ты слышал о «душевном слиянии»? Новая данванская выдумка.

— Что ещё? — криво усмехнулся Йерикка.

— Хангарам из гарнизонов вменяется в обязанность брать в жёны славянских девушек — даже списки предоставляются, начиная со старших школьниц. Детей называть только крещёными или хангарскими именами, воспитывать в закрытых школах... Те же хобайны, только при живых матерях и ещё хуже — полукровки. В школах открыты пункты контрацепции... Да, ещё — детей из семей, признанных специальным советом неблагополучными, забирают у родителей и вывозят куда-то. Мы пока не знаем — куда. И про сто шестьдесят миллионов ты зря сказал — это про-шлогодние данные. На этот год — сто пятьдесят шесть.

— На четыре миллиона меньше за год, — процедил Йерикка. — Дальше будет расти ещё быстрее...

— Быстрее, — подтвердил Чужой. — И ещё, кстати. Появились заразные болезни.

— Как?! — изумился Йерикка. — Но их уже лет сто пятьдесят как нет!

— Теперь есть, — покачал головой Чужой. — В школах от них делают прививки — массово. Мы добыли образцы вакцин.

— Отрава? — быстро спросил Йерикка. Чужой странно улыбнулся:

— Нет, почему... Действительно лекарство, только... с небольшими побочными эффектами. Конкретную болезнь лечит, а человека в целом — ослабляет.

— Та же история, что десять лет назад с пищевыми добавками?

— Та же, — согласился Чужой. — Только тогда фабрику добавок взорвали. А сейчас всё умнее — вакцину привозят с Невзгляда. Мы вымираем, Йерикка. Через век весь материк будет заселён хангарами и полукровками.

— Сновид занят этим? — догадался Йерикка.

— Да. Ликвидирует наиболее активных проводников новой задумки.

Они довольно долго шли молча. Потом Йерикка тоскливо сказал:

— Ярослав, я бы всё отдал за то, чтобы отец был жив... Так тяжело тащить на себе этот груз...

— Расскажи всё Гоймиру и бойрам, — напомнил Чужой.

— Бойрам... — устало повторил Йерикка. — Они давно уже не живут, а доживают... С зимы, когда погибло ополчение пяти племён... А Гоймиру расскажу обязательно.

— У вас есть одна небольшая надежда, — неожиданно вскинулся Чужой. — Если вы сумеете задержать их до зимы и нанести большие потери — они отступят. Почти наверняка! Данваны не любят больших потерь, ты же знаешь.

— Они могут стереть нас с лица земли фрегатами, — возразил Йерикка, но Чужой поспешно замотал головой:

— Нет, нет! Это слишком дорого. Они всё меряют с этих позиций! Если вы

продержитесь до снега на перевалах — они оставят вас в покое. Может быть — ещё на годы.

— Я иногда думаю — зачем? — зло спросил Йерикка. — Год, два, десять... Дожить до старости, до дня, когда не сможешь поднять меч, беспомощно смотреть, как погань будет жечь и рушить твой дом?! Может, лучше СЕЙЧАС, СЕГОДНЯ — меч и камас в руки и на врага! Быстро, без тоски и сожалений...

— Это отчаянье, — тихо сказал Чужой, останавливаясь и опуская ладонь на плечо Йерикки. — Это отчаянье, друг. Боги завещали нам надеяться до последнего мига жизни. И это ведь твой отец сказал когда-то: «Всё кончено. Идём дальше.»

— Откуда знаешь? — невольно улыбнулся Йерикка.

— Сновид рассказывал... Ещё, друг. Прежде, чем мы пойдём к вам... — Чужой помедлил, посмотрел вокруг рассеянно и сообщил негромко: — На ярмарке человек данванов. Работает под прикрытием — прикрытия наглое, чтобы вас отвлечь.

— Знаешь его? — напружинился Йерикка.

— Знаю обоих, — кивнул Чужой. — Они от нас не уйдут... но пока мне надо хоть немного поспать. Я ждал Сновиды всю ночь.

* * *

Олега не будили, и он заспался — без снов, глубоко и устало, зато хорошо выспался. Может быть, поэтому проснулся в относительно спокойном настроении и мог посмотреть на проблему философски.

«Поссорились — и хорошо, — уговаривал он себя, сидя на одном из возов и держа на колене миску каши с мясом — остывшей, но вкусной — которую щедро навалила ему повариха. — Неизвестно, что могло случиться!»

Но он как раз хорошо понимал, ЧТО могло случиться (и почти случилось!), помимо воли представил это — всё внутри свело от было отхлынувшего, а сейчас вернувшегося неудовлетворённого желания. Олег зажмурился, пытаясь заставить себя переключиться, но память подло подсовывала ему тёмные губы Бранки, запах волос, запах кожи, глаза...

— Ч-чёрт, — помимо воли вырвалось у Олега — просто так, в пространство. — Что ж ты такой деревянный ниже пояса?!

Есть расхотелось совсем. Он заставил себя прожевать всю кашу и выскреб миску, преодолевая желание запустить её вместе с ложкой — не в кого-нибудь конкретно, просто запустить подальше и посильнее. Потом так же через силу умылся и, забросив за плечо автомат, подпоясавшись, отправился бродить по ярмарке в препоганом настроении.

Повозок и балаганов стало ещё больше, чем вчера или позавчера. Между ними легко было запутаться, но это не беспокоило Олега. Ко всему прочему добавилась ещё и глупая обида на Йерикку: мог бы и разбудить, а то ушёл шататься где-то в одиночестве — друг называется!

Пробираясь через толпу и не особо обращая внимания на происходящее вокруг, Олег почти натолкнулся на солнечно-рыжий конский бок. Удивлённо посмотрел — и сообразил, что перед ним стоит, потряхивая узкой сухой головой, не славянская лошадка. Рыжий был огромен и могуч, но в то же время непередаваемо красив — широкогрудый, мощный, на высоких крепких ногах, с длинной, расчёсанной на две волны гривой и ровным лбом. Красивее даже чистокровных коней, на которых Олег ездил на Земле.

Хозяин этого чуда возился у заднего правого копыта — стоял на колене, что-то гортанно приговаривал и выскребал из копыта камешки коротким изогнутым ножом. И хозяин тоже не был славянином. С ног до головы этот человек одевался в скрипучую коричневую кожу: кожаная безрукавка со шнуровкой на груди, кожаные штаны, высокие, подбитые металлом настоящие сапоги с затяжкой на верхнем крае... Широкий пояс оттягивали длинный меч — совсем не такой, как у горцев — и прямой длинный нож в мохнатых ножнах из шкуры мехом наружу. Длинные рыжие волосы отводила на виски со

лба узкая повязка — просто полоска кожи, сильную шею охватывал золотой пластинчатый обруч. Мускулистую правую руку от запястья до локтя обвивала, словно странный браслет, сплошная цветная татуировка — бык топтал змея.

Олег понял, что видит вблизи анласа.

Конь слегка дёрнулся, подался вперёд. Хозяин, продолжая удерживать копыто, ласково проворчал:

— На-на, арбас, топере, стата ана метти, майс брад... — и поднял голову.

Олег увидел уже немолодое загорелое и обветренное лицо, на котором синие глаза казались необычайно яркими; узкое лицо с орлиным носом и плотно сжатыми губами; суровое лицо с тяжёлым, выдвинутым вперёд четырёхугольным подбородком. Правильное, даже, пожалуй, красивое, если бы не уродливый, похожий на белую кляксу шрам над левым глазом, искалечивший бровь. Без какой-либо неприязни взглянув на мальчика, анлас спросил: — Аас, гирис, пурвас видре прэстоти фари?

— Не понимаю, — улыбнулся в ответ Олег. Анлас кивнул и спросил снова — уже на славянском (Олега так и подмывало сказать «русском»), без акцента, только растягивая слова — немного похоже на то, как это делают прибалты:

— Первый раз увидел настоящего коня, горец? — в его голосе прозвучало некоторое превосходство. Олег, продолжая улыбаться, простодушно спросил:

— А что вы делаете?

— Подрезаю копыта, — с честными глазами ответил анлас, — а то неровно сточились. От этого конь может захромать.

— Да? — Олег бесстрашно присел на корточки, наклонился к передним копытам: — Кованый... Камешки вычищаете каждый день, даже если никуда не ездили?

Анлас отрывисто засмеялся — словно залаял. Пружинистым движением поднялся на ноги — плечистый, рослый. Протянул руку тоже вставшему с корточек Олегу:

— Ратэст Ардаар хун Таркас, пати й' уд анлас сам зинд анла-коом, — и пожал не ладонь, а запястье мальчишки. Олег неловко ответил тем же жестом. — Просто Ардаар, — представился уже понятно анлас. — Впервые я вижу славянина, который хоть чуть знает коней... Если не побрезгуешь — идём со мной, к нашему огню. Не самый он яркий, а я — не первый человек среди своих, но для хорошего гостя найдётся и место, и пища, и слова для достойной беседы.

Олег уже успел понять, что тут не бывает приглашений из вежливости. Да и потом — просто интересно было посмотреть, как живут анласы. Поэтому он согласился и спросил неуверенно:

— Можно повести в поводу коня?

— Ты гость, — анлас широким жестом протянул Олегу длинные потёртые поводья и вежливо зашагал рядом.

— Как его зовут? — поинтересовался Олег, с удовольствием ощущая за спиной мощное живое движение.

— Тигри, — ответил Ардаар и перевёл: — Стрела.

Часть ярмарочной долины, где расположились анласы, Олег видел только издали. А сейчас они всё ближе подходили к этому месту, и Олег мог подробно рассматривать новые для него вещи.

Ему вспомнились слова Бранки о том, что анласы-де «не строят домов, как положено». В самом деле, славянину дикими могли показаться жилища анласов, живо напомнившие Олегу фургоны переселенцев из фильмов об американском Западе — длинные, высоченные четырёхколёсные фуры, запрягавшиеся, должно быть, двумя парами лошадей и укрытые полукруглыми тентами из кожи, натянутыми на месяцеvidные распорки. Эти фургоны были составлены в круг и сцеплены длинными дышлами попарно. В центре круга поднимался прозрачной струйкой дымок, борта фургонов покрывала резьба — чаще всего повторялись бык, бесконечно сплетающиеся стебли трав и свастика — но не с загнутыми наружу под тупым углом концами, как славянская, а словно бы две перекрещенные буквы S, наложенные

на меньший по диаметру круг.

Вход — шириной в одну повозку — с обеих сторон охраняли деревянные изваяния. Молодой однорукий всадник на спокойно стоящей лошади держал в единственной руке большой топор с хищно оттянутым книзу полотном. «Дьяус, — вспомнил Олег рассказ Йерикки, — победитель Астови-дату.» Другой — воин в полном доспехе, непохожем на славянский — мчался на крылатом коне, до отказа растянув огромный лук.

— Хайлс, — поприветствовал Ардаар изваяния взмахом руки — тоже почти славянским. Очевидно, и анласы к богам относились, как к ближней родне, а не как к грозным повелителям.

Народу в лагере почти не было, и Олег увидел, что дым — от огня, горящего в ограде из длинных пик, направивших свои узкие гранёные острия в небо. Похоже, наконечники пик были сделаны из серебра. Тут же несколько мальчишек играли с собаками — поджарыми, более высокими, но не такими массивными и длинношёрстными, как горские.

Ардаар режуще, пронзительно свистнул и крикнул:

— Белгат!

Один из мальчишек, собиравшийся бросить палку прыгавшей вокруг собаке, оглянулся, сорвался с места и опрометью бросился к... кто ему Ардаар? Но анлас тут же негромко сказал:

— Белгат, мой младший.

Мальчишка подбежал, звонко выкрикнул: «Хайлс!» — и замер перед отцом. Босиком, одетый в перепоясанную простым ремешком тунику (или как тут у них это называется?) из зелёной ткани, не кожаную; на поясе — нож и пучок маленьких фигурок. Такие же яркие, как у отца, глаза с любопытством рассматривали Олега.

— Барати Тигри, арбас, — строго сказал Ардар и кивнул на Олега. — Ана славас хост, мес ети ин дама... — а потом, неожиданно ткнув сына в плечо, добродушно добавил: — Стоти Тигри — васу такти на тиргас.

Мальчишка заморгал, потом вдруг подпрыгнул с очень знакомым Олегу выкриком:

— Е! Е, атта! Балам!

Он подхватил повод и важно, высоко подняв голову, повёл коня куда-то мимо фургонов. Ардаар же, повернувшись к Олегу, указал на тот, возле которого они стояли:

— Прошу, входи.

Он не просил Олега назваться, и мальчик, ступив на нижнюю планку откидной лестницы, уводившей внутрь фургона, повернулся к гостеприимному хозяину со словами:

— Зови меня Олег, Ардаар.

— Эльха, — переименовал на свой лад имя мальчика анлас и благодарно наклонил голову: — Благодарю за то, что назвал мне своё имя... — и крикнул внутрь фургона повелительно: — Встречай гостей, Ринта!

Олег вовсе не ожидал, что внутри окажется ещё кто-то. Немолодая, но очень красивая женщина, сложив руки на животе, поклонилась мальчишке, едва его нога ступила на плотно подогнанные доски пола фургона, и что-то негромко сказала по-своему. В отличие от горянок, анласка держала волосы распущенными, их схватывал тонкий серебряный обруч... поверх длинного платья малинового цвета с расшитым квадратным воротом было надето ещё одно: коричневое, свободное, от колен под грудь. На поясе висели гребёнка, большой нож и вновь фигурки оберегов. Йерикка, помнится, говорил, что и у горцев раньше часто носили обереги на поясах...

— Очень приятно, — склонил голову Олег, снимая с плеча автомат. Фургон изнутри был обставлен довольно бедно. Пахло кожей, нагретой тканью и дымом от небольшой печки, оборудованной на глиняном пятачке. Примерно треть длины отгораживала расшитая занавеска — по тяжёлому голубому полю летели, сражаясь с многоглавыми и многорукими чудовищами, всадники в броне, на бронированных конях. Над сражающимися горела в небе всё та же свастика.

Среди всей обстановки внимание Олега привлекли две вещи, совершенно к ней не

подходившие. Над занавесью висело у одной из распорок охотничье ружьё. А прямо напротив входа на такой же распорке была укреплена большая цветная фотография молодого парня в городской одежде: он стоял на фоне сверкающего стеклом и металлом здания и улыбался широко и открыто.

— Таркас, мой старший, — сказал анлас, входя следом за Олегом — в фургоне можно было стоять, не сгибаясь. — Он сейчас ходит тропой Дьяуса на далёком юге — пусть подольше не вспоминают про него Старухи, — непонятно добавил он и указал на постеленные около занавеси шкуры. — Садись, Ринта подаст еду и пиво.

Олег подождал, пока сядет хозяин — не только из вежливости, но и чтобы понять, как это делается. Ардаар опустился просто, вытянув перед собой длинные сильные ноги: как отметил Олег — вовсе не кривые, хоть и провёл их хозяин полжизни — если не больше — в седле. Молчаливая Ринта подала большое глиняное блюдо и тихо что-то сказала. Ардаар пере-вёл:

— Она извиняется, что еда холодная. Она не знала о госте.

— Ничего, ничего, — поспешно сказал Олег. Он вдруг почувствовал, что на самом деле голоден, а ломти копчёного окорока на блюде выглядели и пахли очень здорово. А это что рядом? Это...

— Картошка?! — вырвалось у него. Всё ещё не веря своим глазам, Олег взял с блюда коричневый, пахнущий дымом клубень печёного картофеля и, улыбнувшись Ардаару, стал чистить его. Анлас добродушно засмеялся, разливая в деревянные цилиндрические кубки светлое пиво из круглой кожаной фляги с тиснением на боках:

— Ты странный славянин, сказать по чести! Они не так чтобы много понимают в лошадях. А земляное яблоко им покажи — скажут тебе, что яд. А тебе, как я погляжу, нравится?

— Я из города, — пояснил Олег, принимая — не без опаски — кубок. — А земляное яблоко вы привезли с вашей старой родины?

— Да, — медленно ответил анлас. Глаза его затуманились, он вздохнул и прочёл:

— *Анас Вайу Анас
Вайу Аби Анлас
Ку гири, ку марьяс.
Ку рувати асман.
Свэс спэта дамас,
Свапнас такти —
Ор срва Хамаэстар,
Равати сам равас...
Е тамас крурас
Стирас стата,
Ана талам*

Он покачал головой и признался:

— Я не помню нашей родины... Мы ушли оттуда, когда я был ещё ребёнком — случилось так, что на одних полянах и тропах нам стало тесно с соседями, и Дьяус принял в том споре их сторону. Тогда те, кто выжил, забрали табуны и пришли сюда. Но мне всё равно не слишком хорошо, когда я думаю, что настало время всему нашему народу потерять ту землю. И что с теми лесами, где я родился?.. Говорят, от колдовства данванов умирают деревья, что старше всего человеческого рода, а это страшнее, чем смерть человека... Может, настанет тёмный день, когда среди мёртвых лесов в Анласе лишь могилы, где спят наши предки, будут напоминать о том, что мы — БЫЛИ. И найдёт ли счастье на новой земле народ, что покинул свою родину? — он покачал головой. — Но те, кто приходят, говорят, что не покинуть — значит умереть... И всё-таки во сне ко мне приходит мой отец, что похоронен на берегах Даверинга, где дали мы последний бой нашим соперникам. Приходит

и смотрит молча. Нехорошо, когда умерший предок молчит — это значит лишь, что нечего ему сказать доброго. Мудрые люди говорят, что совесть — это голоса мёртвых. Поэтому, — неожиданно закончил Ардаар и отхлебнул пива, — да, поэтому я и не сказал «нет», когда Таркас пришёл ко мне просить отпустить его. Хотя сердце чувствует... — Ардаар угрюмо замолчал, не договорив.

Заворожённый его речью, Олег молчал, почти не слыша слов. Но что-то заставило его встрепенуться.

— Как ты сказал? — переспросил он. — Как ты сказал, что такое совесть?!

— Это не мои слова, — покачал головой Ардаар. — Наш народ говорит, что совесть — это голоса мёртвых.

— Да, — кивнул Олег. — Да, спасибо...

Он машинально отпил пива, не ощутив вкуса — просто во рту пересохло. Совесть — голоса мёртвых.

«Не уходи от меня, дед, — попросил Олег и не удивился этой мысли, не смутился её кажущейся наивности. — Не бросай меня...»

* * *

Пива он выпил слишком много. За разговором, за компанию, просто потому, что хотелось пить. Теперь Олег об этом жалел — пиво ударило в ноги, выходило потом, во рту стоял его вкус. Оружие казалось тяжелее обычного. Очевидно, он и выглядел странно, потому что на него несколько раз косились.

«Да ты набрался, придурок, — пришла необычайно ясная мысль. — Ты просто пьяный, вот и всё! Ну и ну...»

Он присел на траву возле чьих-то телег. Почему-то пришла обида — жгучая и болезненная — на Бранку, на Йерикку... Бросили. Его все бросили. Или нет. Бранку-то он сам оттолкнул, а зачем? Она же выбрала его, его, не Гоймира, а он повёл себя, как последний соплиивый пацан! Или... или как настоящий мужчина? Снова вернулись болезненные и приятные мысли о том, ЧТО и КАК могло быть у них с Бранкой. А теперь она на него и смотреть не хочет. Вот странно — сделал хорошо одному человеку и обидел второго...

Шевельнулся — в кармане ощутил серебро. Почти всё было цело — вчера только на чай потратился... А вот интересно — есть ли у них проститутки? Олег серьёзно задумался. Что если найти — и... Такая мысль ни разу не приходила ему в голову на Земле, где он не раз видел этих женщин, а то и девчонок младше себя. Да нет, наверное, нету тут проституток. Дикая земля...

«Как домой хочется, — трезво подумал Олег. Он ничего не ощущал — ни тоски, ни желания заплакать, ни желания вернуться. Просто словно написанные на плакате, всплыли перед его мысленным взором эти сло-ва. — Как домой хочется.»

Напротив балагана сидел на скамеечке сухощавый старик, одетый в белое — немного похожий на волхва с иллюстрации к «Песне о Вещем Олеге». Косматые брови до такой степени нависали над глазами, что невозможно было понять, открыты они, или нет. Но Олегу почему-то казалось — старик смотрит на него. Пристально и непонятно. Хмель быстро откатывался прочь, и Олег с неожиданным суеверным ужасом понял, что это — из-за взгляда.

Мальчик решительно поднялся и в несколько широких шагов оказался рядом со стариком. Тот остался неподвижен — даже головы не поднял на замершего рядом рослого вооружённого парня — и Олег грубовато спросил:

— Почему ты смотрел на меня, старик?

Седая длинноволосая голова поднялась, из-под густых бровей, из глубины тёмных впадин, загадочно и жутковато посмотрели в лицо Олегу блёклые, не имеющие выражения глаза.

— Ты был пьян, — сказал старик на городском диалекте, как две капли воды схожем с земным русским. — Я не люблю пьяных. Тем более — тех, кто начинает пить в твоём возрасте.

— Я вообще не пью, — возразил Олег сердито. — Просто... настроение поганое. Мысли всякие...

— Это не причина, — непреклонно ответил старик. — Никому и никогда не может быть настолько плохо, чтоб заливать горе хмелем. Да и не удалось это никому, как ни старались. А твоё горе и горем не назовёшь.

— Откуда ты знаешь, что со мной случилось? — подобрался Олег.

— Да то же, что и с сотнями до тебя, — безразлично отозвался старик. — Все молодые одинаково слепы, они думают, что до них не было на земле ни счастья, ни горя, что их беда и радость — первые в Мире. А это не так. Я знаю, что говорю. Когда пришла Беда, я уже был немолод. А в твои годы сидел князем в городе, данванское имя которого не хочу произносить, а нашего сейчас никто не помнит. И мне тоже казалось, что до меня ничего не было. Даже солнце засветили для меня... А если приходила беда — я удивлялся, почему весь свет не плачет со мной.

— Сколько же тебе лет? — спросил Олег. Старик поднял и опустил широкие костлявые плечи. — Ты вправду был князем? — седая голова склонилась. — А сейчас, если не секрет, ты чем зарабатываешь себе на жизнь? Или ты живёшь у родни?

— Я не дряхлая развалина, чтобы меня кормила родня, — Олегу показалось, что старик усмехнулся. — Я рисую.

— Ты художник? — удивился Олег. — Разве тут это может прокормить?

— Знаешь слово «художник»? — в свою очередь удивился старик. — Ты с юга?

— Я горожанин, — уклончиво ответил Олег. И ему показалось, что старик не поверил. — Так ты живёшь продажей рисунков?

— Ты не понял, — покачал головой старик. — Мои рисунки не повесишь на стену. Ты видел, конечно, наколки на коже воинов? Многие из них сделал я — к какому бы племени воин не принадлежал.

— Татуировки? — Олег поморщился, вспомнив, в каких условиях впервые увидел татуированного человека. — Ясно.

Он было собрался отойти и поискать своих. Но задержался. Татуировки славян были искусными и красивыми, но особого восторга не вызывали. Ещё на Земле Олег с пренебрежением относился к пирсингам и «тату», которыми увлекались многие одноклассники и одноклассницы, открыто посмеивался над ними: мол, недалеко ушли от дикарей, ещё консервные банки к ушам подвесьте! Или кость в нос... Здесь, в Мире, татуировки казались вполне уместными, но Олега не привлекали.

А сейчас вдруг он подумал о них совсем по-другому.

— Ты можешь сделать любую наколку? — спросил он старика. Князь-мастер ответил, не поворачиваясь:

— Любую, которую знаю. А если у тебя есть рисунок — сделаю по нему и незнакомую.

Олег помолчал, помялся. Собственная затея казалась ему с одной стороны нелепой — это же на всю жизнь! Да и больно, наверное... Но именно эта мысль — о боли — заставила принять решение. Что он, боли испугался, что ли?!

— Дорого берёшь? — задал он ещё один вопрос.

— Рубль, — ответил старик. Это было дорого: рубль — пятая часть здешней гривны, это Олег уже знал. Часть его всё ещё сопротивлялась, но мальчишка уже знал, что не откажется от затеи, хотя и не понимал, на кой чёрт ему это нужно.

— Сделай мне, — почти приказным тоном сказал он.

Старик вновь поднял голову. Смерил мальчишку с ног до головы непонятым взглядом. И спросил без интереса:

— Зачем?

— Мне так хочется, — не нашёл лучшего объяснения Олег.

— Не стоит, — безразлично, без выражения, сказал старик.
— Я плачу, — настаивал Олег. — Это твоя работа, так ведь? Ты делаешь — я плачу.
— Подумай, — тон старика стал предостерегающим. — А лучше не думай — просто уйди и купи на этот рубль сластей той, с которой поссорился. Это будет умнее.
— Тебе нет дела до моих ссор! — негромко, но резко бросил Олег. — Я ХОЧУ, чтобы ты это сделал.

Он приготовился продолжать спор, но старик внезапно спросил:

— Какой рисунок и куда?

— Сюда, — Олег коснулся груди слева под ключицей, почувствовав, как засосало под ложечкой от предчувствия неприятных ощущений. Это даже на Земле, говорят, больно — специальной машинкой, под обезболиванием. А тут? Но он решительно продолжал: — Знаешь Рысь? — старик кивнул. — Я хочу коловрат, — Олег употребил местное название свастики, — а в центре его — Рысь.

— Хорошо, — старик легко поднялся, и Олег невольно шагнул назад: в нём было за два метра росту, широченные ладони походили на лопаты, плечи у стоящего казались ещё шире, чем когда он сидел. Олег понял, что в зрелом возрасте это был богатырь. — Подожди здесь.

С этими словами он скрылся в балагане. Олег нервно огляделся, снова подумав, что делает глупость. Вот про такие случаи говорили на Земле: «Бес под руку толкает.» И знаешь, что не стоит, и...

А может, именно стоит?

Он не успел закончить спор с самим собой — старик появился так же бесшумно, как и исчез. В руке он нёс ковшик с водой, который протянул Олегу, повелительно сказав:

— Выпей.

— Обезболивающее? — Олег замотал головой. — Зачем, не надо, я не боюсь...

— ПЕЙ.

Прозрачные глаза заглянули в самую глубину... чего? Души? Внезапно совершенно успокоившись, Олег взял ковшик и выпил одним длинным глотком — там и было-то с полстакана. Вода как вода — холодная и безвкусная.

— Куда идти? — спросил Олег и шагнул следом за стариком в темноту...

...— Очнись, Вольг. Очнись.

Подскочив на скамейке, Олег широко открыл глаза. Сердце бешено застучало, мальчик, разинув рот, жадно схватил воздух.

Старик наклонился над ним. Шумела ярмарка. Судя по всему, прошло не так уж много времени. Если вообще прошло... «Я что, сознание потерял?» — хотел спросить Олег и подняться, но увидел над собой глаза старика — ноги подломились, мальчишка неловко шлёпнулся на скамейку.

— Что ты видел? — повелительно спросил князь — иначе сейчас его и назвать было нельзя. — Что видел?!

— Я? — голос Олега сорвался. — Я... ничего... — но внезапно дыхание перехватило: он ВСПОМНИЛ, что видел в той темноте, куда шагнул, выпив поданный ковш! ВСПОМНИЛ! — Меч... — сказал он с трудом, словно язык сделался чужим и неповоротливым, а словам приходилось протискиваться через узенькую щель — тяжёлым, выкованным из металла, шипастым. — Да... меч, длинный меч... Его держал... держал в руке человек... г-гигант с огненной бородой. Нет, не человек! — глаза Олега широко распахнулись, он облизнул губы. — Не человек... бог. Бог с огненной бородой и серебряными волосами... Перун. Он протянул меч мне и сказал... сказал: «Возьми!» — Олег стиснул голову ладонями, потёр виски, брови, кривясь от усилий. — И я взял... или нет? Я не помню... я шагнул и взял... не помню! — обиженно и удивлённо выкрикнул он, поднимая глаза на старика. — Я взял этот меч?!

— Это ты узнаешь потом, — старик ссутулился и стал дряхлым и усталым. Олег вскочил — он тяжело опустился на скамейку. — Но одно могу сказать тебе точно: если ты взял его — то будешь сожалеть об этом всю свою ОЧЕНЬ КОРОТКУЮ жизнь.

— А если нет? — Олег сглотнул.

— Если нет... то жизнь твоя будет очень долгой. И всю свою долгую жизнь ты будешь сожалеть, что НЕ ВЗЯЛ его, — старик вздохнул и сказал прежним своим голосом — равнодушным и бесцветным: — К вечеру накладка опухнет. И ещё пару дней будет болеть и чесаться. Не чеши. Серебро я у тебя уже взял. Иди, Вольг. Иди. И помни, что у Силы только одно право — защищать слабых.

* * *

Место под ключицей оказалось закрыто тканевой подушкой, прилепленной к телу обычными полосками лейкопластыря. Отодрать подушку Олег не решился — и, прежде чем вновь навалились рефлексии, увидел около большого стального фургона, явно городского, Йерикку, Чужого — они разговаривали с невысоким человеком, одетым тоже по-городскому. Человек походил на славянина... и не походил. В лице, в движениях, во всём было что-то хангарское. Но беседовали все трое вполне дружелюбно — хотя, подходя, Олег услышал реплику, с ласковой укоризной обращённую торговцем к Чужому:

— Не любишь ты меня, Ярослав.

— Не люблю?! — возмутился Чужой (Ярославом его, оказывается, на самом деле зовут). И, улыбаясь, поправил: — Что ты. Терпеть тебя не могу.

Все трое весело засмеялись.

— Привет, — вклинился Олег, подходя вплотную. — Вы чего без меня убежали, я вас всё утро ищу.

— А, поединщик! — Чужой первым протянул руку. Йерикка кивнул. — Мы вот тут товары смотрим. Видел такие? Это Исаак Сергеевич нас совращает...

— Исаак Сергеевич — это я, — представился торговец. Но Олег его уже не слышал. На металлическом лотке перед ним лежали... сидюшники. Стопки дисков в ярких упаковках с надписями глаголицей, но очень знакомыми картинками. Батарейки — Олег узнал «Энерджайзер» и «Дэву»! Ширпотреб, как на лотке у вьетнамца — бейсболки, майки с аляповатыми цветными рисунками... Несколько ноутбуков с логотипами известных фирм, над-писанными по-данвански... но Олег мог поклясться, что это копии «Атари» — видно по дизайну корпуса, расположению кнопок на клавиатуре, компоновке...

Что за ересь?

— Ваши меня поедом едят за то, что разлагаю общество, — шутливо пожаловался Олегу торговец. — А я, между прочим, торгую только тем, что покупают, ничего сам не навязываю. Полчаса назад один ваш вот плеер купил. Хорошая вещь. И батарейки к нему.

— Ревок купил, — хмыкнул Йерикка. — Ладно, пусть балуется... Гладко у тебя выходит, торговец. Мол, я не я и вина не моя — это люди покупают, а я только их запросы удовлетворяю. Вот так вы и дурью торгуете.

— Я этой дрянью не торгую, — брезгливо отозвался Исаак Сергеевич, — не первый год езжу сюда, вы меня знаете... Да и то сказать, если уж на такое свернули — разве не так? Посмотрим давайте — из-за дури масса преступлений совершается, а почему? Да потому, что люди ХОТЯТ её иметь. Если им это запрещают — так они убивать начинают. А если им дать то, чего они хотят — преступлений не будет, никому же насильно дурь не навязывают. Но если кто хочет — да на, пожалуйста, чего жизнь-то себе невыполнимыми запретами усложнять, обставлять, как волка флажками?!

— Каков, а? — с не которым даже удовольствием подмигнул Олегу Чужой. — Не прищемишь.

— Ну и вы не простачки, — хрюкнул Исаак Сергеевич. — Да что там, все мы рабы божьи.

— Мой бог меня рабом не зовёт, — тихо сказал Йерикка, чуть наклоняясь вперёд, и Олег с изумлением увидел в его руке, нацеленной под прилавком в живот торговца, воронёный парабеллум. — Давай-ка мы с тобой тут постоим, а друзья мои посмотрят, что ты

там в этот год привёз, кроме обычного набора. Вольг, поможешь?

— С удовольствием, — искренне сказал Олег, наблюдая, как лицо торговца начинает сереть с зеленой. Чужой уже гибко прыгнул через лоток, отстранил Исаака и вошёл внутрь балагана. Олег последовал за ним, услышав за спиной одышливое:

— Не понимаю... там нет ничего против ваших законов...

Йерикка молчал.

Чужому не слишком требовалась помощь. Он уверенно подошёл к ящикам у стены прямо напротив входа, сбросил верхний, открыл ногой. Там лежали майки. Концом своей палки Чужой отбросил их, открыв ровные ряды упаковок со шприцами, уже наполненными желтоватой жидкостью.

— Наглёж... — поражённо сказал Олег.

— Подстава, — усмехнулся Чужой. Сбросил второй ящик, сделал то же — там оказались блестящие пластмассовые пакеты. — Это что ещё?

Олег подошёл ближе. Чужой, достав камас, распорол обёртку — внутри оказался гляцевый яркий журнал. Олег моргнул. Чужой тихо потянул сквозь зубы воздух, словно ему стало очень больно, пролистал страницы — с минимумом текста и максимумом иллюстраций, почти сплошь заполненных голыми детьми и подростками, группами и поодиночке, среди самых различных интерьеров. Сказал задумчиво:

— А я-то думал, мы эту дрян... ошибся, — пролистал ещё раз, бросил в ящик. Покопался на Олега: — Что с тобой?

— Ничего, — трудно ответил Олег, чувствуя, как начинает ровно, жарко полыхать всё лицо. К горлу подступил комок, скатился обратно в желудок, оставив изжогу. В школе среди ребят были несколько человек, достававших из-под полы ИМЕННО ТАКИЕ издания и даже видеокассеты с дисками. В этом было что-то настолько отвратительное, что Олег всякий раз заводился, стоило ему увидеть подобные вещи. Ему это казалось хуже... честное слово, хуже убийства. Там, на Земле, он не мог ничего сделать. Но здесь...

— Я выпотрошу эту крысу, — процедил он. Но Чужой перехватил Олега за плечо:

— Стой. Я же сказал, что это подстава. Исаак, конечно, грязь, но не того плана. Это ему просто подбросили, чтобы отвлечь наше внимание... Вот что, ты один этот журнальчик у упаковку шприцев вынеси и покажи ему. И скажи, чтобы сюда шёл.

Олег вылетел, как на крыльях. Шваркнул шприцы и журнал на лоток, со злорадством увидев, как из зелёного торговец стал превращаться в творожно-белого и начал потирать шею, словно на ней уже захлестнулась верёвка Права:

— Это не я... это не знаю... вы же меня... я чтоб — никогда! Я нет!

— Успокойся, — негромко сказал Йерика. — Твоё счастье — это и правда тебе подбросили, — торговец дёрнулся и громко испортил воздух.

— Иди внутрь, — мотнул головой Олег. — С тобой поговорить хотят.

Исаак Сергеевич моментально шмыгнул в балаган. Йерикка поднял журнал, полистал — Олег отвернулся, чувствуя, как его начинает колотить.

— Да, — словно металлическую черту подвёл Йерикка. — Вот это и есть самое страшное.

— Почему товары не обыскивают в начале торговли?! — взорвался Олег. — Чтобы эта грязь даже появиться здесь не смела! Или это первый случай?!

— В том-то и дело, что не первый, — грустно ответил Йерикка. — А товары некому обыскивать. Тут же нет полиции, даже нет управляющего ярмаркой. Сам каждый приезжает, сам торгует, сам уезжает... Исааку подкинули. А бывает, что и нагло привозят. И торгуют.

— Ради такого дела можно было бы и полицию организовать, — проговорил Олег, успокаиваясь. — Сам же говорил — это и есть самое страшное!

— Ты не понял, Вольг, — поморщился Йерикка. — Самое страшное — не то, что это ВОЗЯТ. Самое страшное, что есть кто-то, кто это ПОКУПАЕТ. Уже есть. Среди этих людей, — Йерикка повернулся и обвёл рукой толчею вокруг. — Таких надёжных, честных, сильных людей... Исаак прав — спрос рождает предложение, а не наоборот... — он помолчал и

добавил: — Скотиной быть легче, чем человеком. А оправдание скотству найти легко. И я боюсь, что, когда большинство из нас погибнет — те, кто сейчас покупает ЭТО, сами откроют данванам ворота наших городов...

— А как же Закон Рода? — спросил Олег. Ему было горько.

— Смотри, — Йерикка полистал журнал. — Этот мальчишка похож на меня... только волосы светлые. А вот — точь-в-точь Морок... На юге тоже верили в него, — в голосе Йерикки прозвучала безнадежность. — Может быть, ещё их отцы верили и скорей умерли бы с голода или разбили себе головы о стены, чем... Просто мы, горцы, оказались крепче... но и мы начинаем поддаваться. Может быть, оно и к лучшему будет — погибнуть. Не так страшно, как увидеть день, когда и здесь восторжествуют животное скотство и вседозволенность под масками свободы, Вольг...

— И ты смиришься?! — выпалил Олег. — Ты смиришься, говори?!

— Нет, — Йерикка внезапно вскинул голову, глаза его опасно блеснули. — Нет, клянусь Солнечным Щитом Дажьбога! Пока жив — нет. А потом... — он засмеялся негромко. — Мир таков, каковы мы в нём. Так-то, Вольг. И это совсем неплохо.

— Только трудно, — угрюмо буркнул Олег, хотя такой Йерикка — обычно ироничный — нравился ему куда больше, чем мрачно-обречённый.

— Нелегко, — согласился Йерикка. И прищурился: — А что это тебя вдруг так заело а, Вольг?

— Не знаю, — помолчав, немного удивлённо ответил Олег. — Может, просто мне всё это и на Земле не нравилось. Только там я ничего сделать не мог.

— Ну сейчас сможешь, — пообещал Йерикка. — Сейчас мы пойдём брать одного на самом деле опасного типа.

— Это хорошо, — рассеянно заметил Олег. И спросил: — А почему аппаратура с Земли? Вот, батарейки. И ноутбуки такие же, только лейблы другие. Я понимаю, что вам нужно оттуда помощь получать. А данваны же и так высокоразвитые.

— Ты даже не представляешь — насколько, — непонятно ответил Йерикка. И не стал ничего объяснять.

...Вопреки словам Йерикки и ожиданиям Олега сразу они никого «брать» не пошли. Чужой, выйдя из балагана, целеустремлённо потащил их в ту часть ярмарки, где расположились лесовики, заявляя, что он голоден, а сейчас самое время сходить в гости. У Олега начало печь грудь, словно там уже давно стоял горчичник — да так сильно, что и свалившийся на голову обед был не в радость.

Между тем, Чужой, не постучавшись даже символически, вломился первым в один из балаганов, где его уже, судя по всему, ждали. Вокруг накрытого стола, размерами напоминавшего бильярдный, стояла целая компания, включая Гостимира, который шумно обрадовался — и Бранку. При виде её Олег весьма глупо хотел повернуть назад, но невысокий, хотя и кряжистый мужик уже с поклонами провожал всех троих на места, причём Чужого усадил напротив себя, за другой конец стола, а Олег оказался рядом с Бранкой.

— Сажай своих девчонок с нами, Степан, — махнул рукой Чужой. — Знаю, у вас, дикарей лесных, не принято, но я же гость!

— Ты, Славко, не гость, а, считай, родич, — ответил Степан и жестом подозвал жену и двух дочерей, стоявших у входа в балаган. Те чинно поклонились и уселись на свободные места. Напротив Олега оказалась старшая — примерно его ровесница, с могучей русой косицей, едва ли не более мощной, чем у Бранки, и весёлыми, озорными глазами василькового цвета. Олег попал в стол ложкой вместо супа, девчонка фыркнула и уткнулась в косу (так классно!), а он внезапно получил зверский пинок в щиколотку от Бранки.

— Ты что?! — не выдержал Олег, разворачиваясь на скамье.

— Хлеб подай, — весело сказала он, ухитряясь одновременно зло смотреть на Олега и ещё злее — на лесовичку. Когда Олег наклонился к ней, подавая ломоть, то его ухо щекотнул шёпот: — Зарежу, как свет свят.

«Упс. Приехали,» — отметил Олег, а Степан усугубил ситуацию, щедро сказав, хрустя

огурцом:

— Понравилась моя старшая? Женись хоть завтра. Крещёный ли?

— Э? . Я? . В смысле — да, — кивнул Олег.

— Батюшка! — лесовичка зарылась в косу.

— А чего? — удивился Степан. — Хороший парень...

— Ой, батюшка! — простонала та.

— Молчу, молчу, — отмахнулся тот.

Олег от смущения налёг на здоровенный рыбник, зверски обжигаясь паром. Первым же куском он подавился, и Бранка от души врезала ему между лопаток:

— Легче так-то? — невинно спросила она.

— Угу, — хмуро ответил Олег. Йерикка почему-то не менее хмуро грыз мосол, потом в сердцах трахнул им по столу, выбивая мозг.

— Одичал в горах, право, — извиняющимся тоном заметил Чужой. Степан отмахнулся:

— Ничё, я тоже мозги люблю.

— Стёп, Славко у тебя? — от входа осведомился амбального телосложения бородач в маскхалате, с «калашниковым» поперёк груди, заглядывая в балаган, как к себе домой.

— Здесь, здесь, садись, — Степан махнул рукой. — Рубай, до чего дотянешься.

— Да ел я, во уже, — амбал чиркнул себя по горлу, но сел, пододвинув скамью и непринуждённо кладя АКМС между рыбником и миской с варениками. Если он и ел, то заметно это не было — вареники со скоростью хорошо натренированных солдат сигали на ложку, в ней — до миски со сметаной, а оттуда — в рот. При этом амбал усиленно делал Чужому какие-то знаки глазами и свободной рукой.

— Жуй спокойно, — предложил Чужой, разрезая поросёнка. Амбал судорожно проглотил последний вареник, а младшая дочка Степана задумчиво сказала:

— А у дяди Феди отсюда, — она показала на горло, — и выше пятнадцать вареников умещается.

Балаган вздрогнул от хохота. Амбал покраснел и махнул рукой:

— Ды... чего я там съел-то? .

— Тебе же сказали — пятнадцать вареников, — пояснил Чужой серьёзно.

— Ну пошли, пошли, дело уже есть, — теперь амбал сигнализировал сразу обеими руками.

— Что ты скажешь? — Чужой поднялся. — Пошли, ребята. Поесть не дадут... Вольг, автомат оставь. После заберёшь.

— Зачем? — агрессивно спросил Олег. Йерикка мягко попросил:

— Оставь... Пошли.

* * *

...Балаган, к которому они подошли, была даже не городским, а лесным. Там торговали стеклянными бусами, подделками под драгоценные камни, браслетами, ожерельями, подвесками — короче, как сказали бы на Земле, бижутерией. Хозяин — молодой весёлый мужик — управлялся вместе с красивой женщиной, похоже — женой и с мальчишкой лет 13-14, не сыном, скорее всего, а племянником. При виде их трудно было поверить, что все трое — данванские агенты.

— И пацан? — изумился Олег, когда они с Йериккой подходили к балагану, и рыжий горец растолковывал ему, что и как. На этот вопрос он жёстко ответил:

— Все трое — хобайны. Понял?

— Понял, — ошеломлённо ответил Олег, наблюдая, как Гостимир и Бранка вместе подошли к прилавку, хозяин пошутил, все засмеялись, и Бранка начала, требовательно покрикивая на Гостимира, примерять ожерелье из эмалированных бусин. Чужой подходил с другой стороны — быстрым, деловитым шагом, во всём его облике ясно читалось — иду

мимо, до бабских безделушек мне дела нет.

— Мужик нужен живым, — продолжал Йерикка. — Его можно только ранить. Двух других — ликвидировать.

— Мальчишку? — Олег посмотрел на привалившегося к стенке балагана русого паренька, который рассеянно крутил в пальцах рубль, чему-то улыбаясь, и честно сказал: — Я не смогу.

— Женщина твоя, — без возражений кивнул Йерикка. — Запомни, Олег, — он назвал Олега настоящим именем, — это не шуточки, не горные стрелки, не хангары. У них — оружие. И они его пустят в ход чуть что... Идём. Сигнал — Чужой подойдёт, спросит: «Золотые не поменяете?» После этого — стреляй сразу. Сможешь?

— Да, — холодея, ответил Олег и, расстегнув кобуру, заткнул наган со взведённым курком сзади за пояс.

— Застегни кобуру, — приказал Йерикка, пряча свой парабеллум под плащ.

Они подошли неспешно, Йерикка поздоровался с Гостимиром и Бранкой. Олег, изображая совсем чужого, остановился у прилавка, рассеянно разглядывая украшения. Краем глаза он заметил, что Чужой сбил шаг, порылся под одеждой, досадливо мотнул головой, огляделся — и направился к балагану.

— Да пойдём, — унылым голосом бубнил Гостимир, — задались тебе стекляшки крашенные...

— Всё одно — красиво, — Бранка что-то подняла на свет. — Одно настоящие камни-то того цвета не бывают... Возьмём, а?

— Золотые не поменяете? — спросил Чужой, опираясь левой рукой на прилавок. Эти слова Олег слышал, как во сне...

Гостимир, сбивающий Бранку наземь.

Мальчишка — в развороте, в броске, с вытянутой рукой.

Чужой — с вытянутыми вперёд руками, пальцы растопырены.

Мужчина, падающий наземь с перекошенным лицом.

Йерикка с пистолетом.

Наган выстрелил в упор — пламя расплущилось о рубаху женщины повыше груди. Олег выстрелил ещё раз — в почерневшую ткань. На прилавок, глухо стукнув, упал короткоствольный пистолет с широким дулом. Она не успела нажать спуск и косо повалилась за прилавок.

Мальчишка — лицо сонное — сползал по стояку наземь, оставляя на отполированном дереве чёрный след. Между закотившихся — одни белки видны — глаз темнела аккуратная дырочка. Чужой, перемахнув прилавок, сноровисто и зло вязал безвольного старшего хобайна.

— Видал? — Йерикка показал кровоточащий след на левом виске. — Раньше успел, гадёныш.

— Чем? — слабо удивился Олег, опуская наконец наган.

— Да рублём, — зло сказал Йерикка. — Как он там, Чужой?

— Дышит, — пропыхтел тот. — Тяжёлый, гад!

— Как это ты его? — спросил Олег, пытаясь засунуть оружие в кобуру и не попадая. — Чужой?

— Можем кое-что, — тот поднялся на ноги. Отовсюду спешили люди с оружием, кто-то кричал: «Купца, купца кончили!» — ему отвечали: «Грабёжника вяжут!» — ещё кто-то поправлял: «Хобайны объявились!» Собралась толпа. Олег почувствовал себя глупо и, чтобы не встречаться взглядом с десятками чужих людей, нагнулся помочь Бранке, которая всё ещё сидела на земле. Девчонка молча оперлась на его руку, встала, но ни слова никому не сказала. Олегу в том числе...

Появившиеся из толпы три человека в камуфляжах, с автоматами, обогнули прилавок, ни слова не говоря, подняли бессильно обвисшего в их руках пленного и куда-то поволокли. Йерикка проводил эту группу внимательным взглядом и посоветовал:

— Записи узнать нужно. Пошли поищем.
— Не надо, — отмахнулся Чужой. — Сейчас не до этого... Да и не нужны мне никакие записи, чтобы всё узнать. Нужны полчаса времени и факел... Пойду, а вы посмотрите.

Он довольно поспешно удалился. Йерикка смотрел ему вслед. Олег поинтересовался:

— Кто он всё-таки такой?

— Мой старый друг, — неохотно, как-то неповоротливо откликнулся рыжий горец. — Вместе росли... Потом я сбежал, а он остался. А в прошлом году встретились снова.

Йерикка что-то не договаривал. Это Олег почувствовал — как чувствуют запах вещи, которую ещё не видят, но про которую по этому запаху можно точно сказать — она есть! Йерикка врал — не нагло, скорее через силу, потому что не хотел врать Олегу... но врал. Не насчёт дружбы врал, а делая вид, что мало знает о Чужом. О странном парне, который ночевал в лесу на дереве, отлично пел, дрался и мог выбить сознание из здорового мужика на расстоянии простым движением рук.

При мысли о вранье Олегу совсем расхотелось идти в балаган — он так и ответил на предложение Йерикки, вместе с которым наладился Гостимир, но Олег ухватил его за край плаща:

— Ты что, обалдел? — процедил он в лицо брату девчонки, независимо стоявшей поодаль. Толпа расходилась, его слов никто не слышал. — Гоймир сказал — беречь её, а ты притащил в стрельбу!

— Стань, закажи ей! — огрызнулся Гостимир виновато. — Дед ей по-травень заказал на полдень ходить. Так ты сам видел — волей ушла, заказ ей под сапог лёг! Что я-то?! — и он, сердито выдернув из рук Олега плащ, пошёл в балаган.

Олег повернулся к Бранке. Нерешительно подошёл, не зная, что будет говорить или как молчать. Но она вдруг заговорила первой:

— Я злые слова говорила, — неожиданно виновато и поспешно сказала девчонка и, коснувшись груди Олега, словно что-то сняла с неё и бросила в сторону, прошептав какое-то неуловимое слово. — Вот, сняла с тебя сказанное. Нельзя такое говорить. Храни Огонь — мары подслушают, или вовсе до беды ходить недалеко — Кашеевы выслуги. Простишь?

— Ладно, — Олег вздохнул, улыбнулся, встретившись глазами с умоляющим взглядом Бранки. — Ничего, я не обижаюсь... Ты тоже... — он сбился и замолчал, понимая, что Бранке ясно, как стекло, О ЧЁМ он молчит. И от этого понимания загорелось лицо.

Из затруднительного положения его вывел Гостимир — высунувшись из балагана, он взволнованно позвал:

— Вольг, поди!

— Зовут, — логично объяснил Олег и облегчённо нырнул в балаган.

Часть вещей тут уже была перевёрнута вверх дном. Йерикка нависал над столом, на котором стоял увенчанный чем-то вроде зонтика из фольги ноутбук. До боли знакомая система — как в «Захвате-1».

— Ого, — сообщил с порога Олег. — Накрыли шпионское гнездо.

— Знаешь, что это? — поинтересовался Йерикка, не поворачиваясь.

— Компьютер с антенной, — пожал плечами Олег. — Средство связи че— рез спутник. Компьютер... — он пригляделся, определил уверенно: — «Макинтош», только вашего, местного производства. А ты что, не знал?

— Таких я ещё не видел, — признался Йерикка. — А ты работать умеешь?

— Я данванского линейного алфавита и языка не знаю, — напомнил Олег. — Да тут ничего сложного. Если на обычном умеешь, то и с этим справишься.

— Да? — с лёгким сомнением наклонил голову вбок Йерикка. Не очень понятно добавил: — Ладно, отшлифуем... Спасибо, Вольг.

— Какой? — невозмутимо спросил Олег. Йерикка наконец обернулся к нему и удивлённо поднял брови:

— Что?

— Какой бог должен меня спасти? — уточнил Олег. — Ты сказал «спасибо», а это усечённое «спаси бог тебя». Так какой?

— Рад видеть, что у тебя исправилось настроение, — Йерикка сощурил глаза, явно хотел ещё что-то спросить, но передумал и отвернулся.

— Я пойду? — спросил Олег в его спину, радуясь, что Бранка, конечно, уже ушла и проклиная Йерикку за то, что он позвал его в такой момент.

— Угу, — безразлично откликнулся рыжий, склонившись к ноутбуку...

...Никуда она не ушла.

* * *

*— Серые глаза — рассвет,
Пароходная сирена,
Дождь, разлука, серый след
За кормой бегущей пены.*

*Чёрные глаза — жара,
В море — знойных звёзд скольжение,
И у борта до утра
Поцелуев отражение...*

— А про мои глаза? — тихо, но требовательно спросила Бранка. Олег улыбнулся, поднёс палец к её губам и продолжал читать:

*— Синие глаза — луна,
Вальса белое молчанье,
Неизбежная стена
Ежедневного прощанья.*

*Карие глаза — песок,
Осень, волчья степь, охота.
Скачка — вся на волосок
От паденья и полёта.*

*Нет, я не судья для них!
Только — без суждений вздорных —
Я четырежды должник
Синих, серых, карих, чёрных.*

*Как четыре стороны
Одного того же света
Я люблю — в том нет вины! —
Все четыре эти цвета... 45*

Дома — на Земле — Олег никогда не читал девчонкам стихов, хотя и немало их знал. Не попадались такие, которым можно было почитать... Да и вообще — сложными были отношения Олега с девчонками, не то что у Вадима, который отбоя от них не знал, общался-то даже нехотя от пресыщения.

Кто бы мог подумать, что за ТАКОЙ девчонкой придётся попасть на другую планету?!

Они с Бранкой стояли недалеко от большого поля, на котором шумно играли в гулу две команды. Олег впервые услышал об этой игре от Гоймира во время той охоты, потом несколько раз видел её, но такими многочисленными и буйными команды ещё ни разу не были — может быть потому, что представляли разные племена. Происходящее напоминало знаменитую игру в футбол кирпичом на минном поле из анекдота. Впрочем, Олег не слишком присматривался — ему хватало переживаний от того, что стоял он рядом с Бранкой. И от того, что ей нравились стихи, которые он читал, хотя и не все она, наверное, понимала.

А может, ей просто плевать было, что говорит Олег — лишь бы говорил?

... Мимо прошёл, высоко подняв голову, молодой священник в длинной рясе, с жидкой бородкой. Лицо у него было замкнутое и гордое, как у великомученика. На великомученика он, может, и не тянул, но обычным мучеником его назвать было можно — следом за ним, шагах в десяти, приплясывала целая толпа мальчишек из разных племён — кривляясь, они распевали звонкими и вредными голосами:

— *Хоп, хоп, хоп, хоп —
Самогонку гонит поп!
Попадья чухонится —
Самогон не гонится!*

— повторяя дразнилку снова и снова. Олега это покорило, но Бранка посмотрела злорадно и крикнула:

— Эй, скопец долгополый! Одно они тебе юбку-то отреплют, гляди! — а потом плюнула вслед.

— Зачем ты так? — поморщился Олег. — Он никому ничего не делает.

Бранка скривилась, плюнула снова и процедила недобро:

— Чтоб его Белая Девка расцеловала, да покрепче... Чего заступаешь, чем они хороши — с языка мёд капает, да только мёд тот на данванской кухне наварен!

— Ладно, — пожал плечами Олег, — это ваши дела.

— Наши, — грустно подтвердила Бранка и посмотрела в небо, словно пытаясь определить, не пойдёт ли дождь. — Вольг, станешь может быть тут ещё? Своей машинкой. Я б тебя встречала там прямо...

— Машинку отдать придётся, — покачал головой Олег. — Ещё один канал для вас... Бранка, дурочка, — неожиданно мягко вырвалось у него, девчонка посмотрела удивлённо, — ты подумай только, ты ж меня себе выдумала... Чем я лучше ваших парней? Ничем. Просто не отсюда, вот ты и сочинила себе такого «человека со звезды», понимаешь? А так — я ведь такой же.

— Я тебе совсем равно с остальными? — еле слышно спросила Бранка, продолжая смотреть в небо. — Совсем-совсем равно — что я, что другие? Или у тебя та есть на Земле, что ты крепче всего света любишь? Ты скажи — я вот больше словом не обмолвлюсь.

Это был простой и приятный выход — соврать ей, что на Земле ждёт девчонка. Но мысль о том, что Бранка станет ему сразу чужой, порвётся какая-то глупая и приятная нить, что их связала — эта мысль так испугала Олега, что он поспешно и испуганно ответил:

— Нет у меня никого, а ты мне очень нравишься... — и осекся, увидев, как откровенно и радостно просияло лицо Бранки.

— У нас девушки сами выбирают, — мягко сказала она. — Одно я тебя выбрала, не Гоймира — страшного в том нет. Понимаешь?

Олег ошалело моргал. Такая постановка вопроса ему, выросшему на принципе, что мужчина выбирает себе пару, а не наоборот, казалась почти кощунственной. А Бранка продолжала:

— Я понимаю, вижу — дружбу замарать боишься. Так?

— Так, — кивнул Олег, и она погрузилась. Потом спросила:
— А правду ли говорил, когда уйти с тобой предлагал? Или плёл?
— Правду, — твёрдо ответил Олег.
— Ушла бы, — вздохнула Бранка. — Ушла бы, Вольг, с тобой — ушла бы... Да ведь оно в баснях ради любви всё кидают и на край света бегут. А в жизни такое есть, что не кинуть. Земля родная — как её кинешь?

Олег молчал. На языке вертелись кощунственные слова, что в его мире многие родную землю «кидают» во всех смыслах даже не ради любви, а просто так. Но он чувствовал — Бранка не поймёт. Да и самому ему эти мысли казались сейчас неуместными. Наконец он выбрал нейтральную тему:

— Ты странная девчонка, — искренне сказал он, глядя на Бранку. — Наши не такие.
— Троерукие? Или глаз во лбу? — усмехнулась она.
— Не такие, — повторил Олег. И Бранка ответила:
— Пошли спляшем.
Неподалёку гудела волынка, подвывали рожки и слышался смех. Олег протянул Бранке руку:
— Пошли.

* * *

Наколка дала о себе знать ночью, как только Олег уснул. В суматошном сне вновь пришедший Перун коснулся своим тупиком груди мальчишки — и прикосновение обжигало, как пламя. Олег проснулся от этой боли.

Грудь горела. Олег полез под рубашку — опухоль захватила всю левую сторону, была горячей даже сквозь повязку. Казалось, татуированная рысь вгрызается в тело. Знобило и выкручивало суставы, как при высокой температуре. Сейчас мальчишка раскаивался в своём дневном решении. «Загнусь ещё от заражения крови, — с испугом подумал он. И вспомнил, что горцы ничем не болели. За всё то время, пока он тут был, он не видел ни единого случая, если исключить травмы, ран и всё такое. — Значит, и лечить такое они не умеют... У, блин!»

Уснуть не получалось, хотя очень тянуло. Стоило задремать — тупик Перуна возникал из качающейся мути и касался груди, вызывая новую острую вспышку боли. В конце концов Олег сел, прислонился к тележному колесу и приготовился ждать, когда боль спадёт.

Было душно. Волны тяжёлого воздуха грузно перекатывались над Ярмарочной Долиной, небо затянули слои туч. Звуки казались слишком отчётливыми, стояла гробовая тишина в природе — ни ветерка, ни посвиста птиц, ничего. «Гроза будет,» — подумал Олег, невольно кривясь от боли. Судя по всему, не он один плохо спал — тут и там среди телег шатались люди.

Сидеть было тошно. Усталость брала своё. Тело просилось в сон, боль из него выдёргивала. Проклиная всё на свете, Олег поднялся, не обуваясь и не застёгивая ремня, сунул наган в карман джинсов и отправился шататься вокруг в надежде найти собеседника.

Росы на траве не было — ещё один верный признак грозы. Когда он встал, то увидел нависшую над дальним краем, над горами, жуткую фиолетовую тучу. Тучу пришивали к горам белые стежки неслышных молний. Гроза шла покруче той, что они с Бранкой пережили в лесу.

Посматривая в сторону тучи, переступая через спящих и досадливо вздыхая, Олег выбрался на край лагеря. Постоял и углубился в лес, решив окунуться в ручей — если не целиком, так хоть головой, чтобы уж проснуться на самом деле. В лесу духота и тишина казались ещё тягостнее. Деревья стояли молча, раскинув ветви, словно тоже не могли дожидаться грозы. В их молчании была какая-то угроза — Олег почувствовал себя неудобно и остановился на опушке, вглядываясь в затемневшую лесную глубину. Там перемещались тени, корчились, приплясывали, и мальчик отвёл глаза — перед грозой баловались уводни,

разная пакость наслаждалась напряжением в мире. В такие минуты нечисть и нежить была особенно опасна, а большинство обычной нелюди просто попряталось по норам и дуплам. Олегу послышался человеческий голос, отчётливо позвавший на помощь, он напряг слух — зов повторился, и Олег узнал голос — звала его мать.

Скаж схлынул, мерзостишка перестаралась — рассудок подсказал Олегу, что его родных тут быть не может. Но в то же время явственно по-слышавшийся родной голос всколыхнул другую боль — в душе, боль и тоску. Подобрав увесистый сук, Олег яростно метнул его в тени, процедив:

— Вот вам... — и услышал негромкий стеклянный смех.

Смеялась мавка — почти человеческое существо, девушка с огромными зелёными глазищами на худеньком лице, в Вересковой Долине их не было, Олег только слышал о них. Она сидела в развилке дуба шагах в десяти от Олега, невысоко над землёй, смотрела, склонив голову к плечу. Разговаривать мавка не умела, как и вся нелюдь — но была умнее самых умных животных; Олег часто задумывался, что они такое — все эти сказочные для него и обыденные здесь существа. Тупиковая ветвь эволюции? Или ещё что-то? Во всяком случае, мавка была безвредной, она просто наслаждалась грозой, но по-доброму.

Олег махнул рукой, мавка замахала в ответ и снова засмеялась своим странным смехом. Потом ловко перескочила на ветки повыше и бесшумно исчезла в листве.

А Олег увидел Йерикку.

Рыжий горец стоял около того самого дуба — обхватив ствол насколько хватало рук и прижавшись лбом к грубой трещиноватой коре — стоял неподвижно, будто сросшись с деревом. Казалось, он спит стоя.

— Эй! — окликнул Олег. Йерикка вздрогнул, медленно обернулся. Лицо у него было бледным, глаза смотрели непонимающе, словно он впервые увидел Олега или вообще плохо соображал, на каком свете находится. Потом моргнул и как будто узнал друга.

— Это ты... Почему не спишь?

— Тебя ищу, — невесть зачем соврал Олег. — Ты чего с дубами обнимаешься?

— В себя прихожу, — дёрнул плечами Йерикка. — Мы с Чужим пленного допрашивали.

— А... — Олег осекся и понимающе кивнул: — Ясно... Тошно?

— Ты себе и представить не можешь, — криво перекошил рот Йерикка — это не то что улыбкой, даже усмешкой назвать было нельзя. — До того пакостное дело... Хорошо, дуб помог.

— Дуб? — Олег смерил взглядом почтенное дерево. — Ну конечно... В каком смысле помог?

— Деревья — они живые, — охотно пояснил Йерикка, отряхивая ладони от коры — на них отпечатался ветвистый рисунок. — У них тоже есть Огнива, как у людей, и отдают они её щедро, надо только уметь попросить и знать, к какому подойти... Хочешь попробовать?

— Я? — удивился Олег. Он готов был поверить, что здешние жители умеют разговаривать с деревьями, но... — А как? У меня не получится.

— Иди сюда, — Йерикка махнул рукой. — Нет, не к этому, я у него и так слишком много забрал, чахнуть начнёт, если ещё взять... Вот подходящий.

Он подтолкнул Олега к брату-близнецу дуба, возле которого стоял сам — такому же кряжистому, раскидистому и мощному. Олег задрал голову — ему показалось, что из кроны глядят на него спокойно и оценивающе внимательные глаза Дерева.

— Что делать-то? — шёпотом спросил мальчик.

— Обними его, — тоже негромко приказал Йерикка. — Прижмись лбом. И постарайся ни о чём не думать. Просто замри.

Чувствуя себя немного глупо, Олег выполнил сказанное. Жёсткая кора давила на лоб. Под босую ногу попал корень, стоять оказалось неудобно. И вообще...

...Что-то мягко толкнулось в ладони мальчика. Словно ИЗНУТРИ дерева выросли и прикоснулись к его рукам мягко и дружелюбно другие руки — сильные и добрые. Тук. Тук.

Тук. Размеренный пульс отдался в лоб, ровно забился в висках — и Олег понял, что ощущает, как ЖИВЁТ ДЕРЕВО. Странная прозрачная бодрость потоком переливалась из-под коры в тело Олега, в мускулы и мозг, отгоняя неприятные мысли, печаль, усталость, напряжение и даже боль в наколке. Казалось, можно было слышать, как шепчутся в глубине леса деревья, как неслышно спешит за добычей волк в версте отсюда, как озабоченная белка перед грозой не спит на дне своего дупла, поводят носиком, как по корням из земли в ствол дуба переливаются соки — и дерево растёт, набирает силу... а вместе с ним набирает силу и растёт он, Олег. Это было чудесное чувство — настолько неожиданное и радостное, что Олег негромко засмеялся и тут же сердито обернулся на Йерикку, который тронул его за плечо со словами:

— Хватит, довольно.

— Что это было? — спросил Олег, отстраняясь и потягиваясь — на миг ему почудилось, что он может, приподнявшись на цыпочки, дотянуться пальцами до Ока Ночи.

— Я же сказал — Огнива, — ответил Олегу Йерикка. — Огнива дуба... Но как быстро это у тебя получилось! — недоверчиво добавил горец. — Ты только прикоснулся — и дуб тебе ответил. Я так не могу.

— А я талантливый, — пошутил Олег, но Йерикка серьёзно ответил:

— Кажется, да. Жаль, что этого не видел Чужой.

— Расскажи ему, — предложил Олег. Йерикка покачал головой:

— Ушёл он... Своей дорогой, а она у нас с ним немного разная.

— А со всеми деревьями так можно? — Олег снова посмотрел на дуб.

— Здесь — да, — кивнул Йерикка. — А на юге они давно уснули... Лучше всех — дуб, Перуново дерево, да жена его — липа. Сосна неплоха. Бук тоже... А вот ель и вяз лучше стороной обходить. Неизвестно, чем они человека наполнить способны. Могут огромную силу дать, а могут и чёрные мысли вложить в душу. Деревья — они тоже разные, как люди. И тоже в Верье нашей.

— А берёза, наверное, лучше всех? — спросил Олег. И удивился, когда Йерикка сердито сказал:

— Мусор эта берёза. Она, ольха, да осина.

— А у нас её русским символом считают, — почему-то обиделся Олег.

Йерикка посмотрел внимательно и тревожно:

— Правда? Это скверно...

— Да чем скверно?! — возмутился Олег. — Красивое дерево!

— Красивое, — согласился Йерикка. — Смертоносное... Любит беду человеческую. Там, на юге, в мёртвых городах посмотришь — все развалины берёзой заросли. На горях она первая. Доброму лесу подняться не даёт. Когда данваны Медведей истребили — берёзовые рощи вокруг их города поднялись за два года, в рост пошли на людском горе. Ничего доброго из берёзы не сделаешь, одни дрова. И подходить к ней опасно — влюбит в себя человека и будет из него ЕГО Огниву сосать, как упырь. Вот такой он, твой символ, Вольг... Нет, символ славянский — Дуб, брат наш. Могучий, несокрушимый, вечный. Ветер его не согнёт, если уж падает — то в рост, а не на колени... А у тебя что-то очень сильно болело, — безо всякого пе-рехода продолжал Йерикка, — и сейчас всё ещё болит... — он примолк, нахмурился, словно вслушиваясь в неслышимое: — Сердце?. . Не-ет... Да перестань ты мне мешать!!!

Изумившийся до столбняка Олег пролепетал:

— Ме-мешать?. . Я не мешаю...

— Мешаешь, — сердито возразил Йерикка, — потому что не хочешь, чтобы я узнал, где болит... Ты что, грудь обжёт? Нет, на рану похоже...

Изумление Олега перешло в испуг. Он невольно попятился, меряя Йерикку настороженным взглядом. Когда тот подошёл — по-прежнему с таким лицом, как будто напряжённо слушает — Олег пробормотал:

— Слушай, отстань...

— Ты мне не груби, — ласково ответил Йерикка, — а то заболеешь сотрясением мозга и переломом челюсти... Ну-ка, что там у тебя? Показывай, показывай.

— Зачем? — сопротивлялся Олег. Собственная затея с татуировкой ему вновь показалась глупой. Но Йерикка настаивал — мягко и решительно:

— Показывай, — и, когда Олег расстегнул рубашку, внезапным быстрым и точным движением сорвал державшуюся на пластырях повязку — Олег от неожиданности вскрикнул, а Йерикка присвистнул: — Й-ой!

Олег опустил глаза. Было действительно «й-ой!», и очень даже «й-ой!» Самой татуировки и видно-то не стало. Место, где она была, опухло.

— Это что такое? — прокурорским голосом спросил Йерикка.

— Да-а... — неопределённо ответил Олег. — Короче...

— Короче стой смирно, — приказал Йерикка и положил ладонь на опухоль. Олег дёрнулся и недоумённо скосил глаза вновь — от руки горца шёл холод, который растворял и прогонял боль.

— Ты кто? — вырвалось у Олега помимо воли. Йерикка посмотрел серьёзно и почему-то печально. — Эрик, ты кто?

Глаза Йерикки чуть сощурились. Он спросил:

— Как ты меня назвал?

— Эрик — это имя такое, — пояснил Олег. — Похоже на твоё, но короче... Да кто ты?!

— Славянин из племени Рыси, — ответил тот и отнял ладонь. Лицо его приняло странное выражение — словно он увидел то, что давно ожидал увидеть. — Так.

Опухоль пропала начисто! Но Олег лишь отметил этот факт, потому что его внимание привлекла отныне навеки украсившая его грудь татуировка. Старый князь постарался на славу. Алый знак огня с надломленными концами в центре занимала оскаленная морда племенного символа — казалось, рысь живёт и смотрит...

— Оставил дурака одного на полчаса, — печально и обречённо объявил Йерикка. Олег обиделся:

— Кто дурак?

— Ты, — сообщил Йерикка, отшагнув назад и добавил: — Красиво сделано. И этот ещё дурак, хоть и старый... Ты зачем её сделал, Вольг?

— Не знаю, — откровенно сказал Олег. — Может, на память... А то уйду от вас — и как будто приснилось всё. Только название, что вашим родичем был.

— На память, — Йерикка покачал головой. — До чего у тебя всё просто! Ты знаешь, что век назад всего, вздумай ты себе такую вещь просто так «на память» сделать — тебе бы её до рёбер срезали? Да не просто так, а прилюдно?

Холодок пробежал по спине Олега, но он с вызовом спросил:

— Считаешь, что не достоин? Так?

— Достойн, — грустно ответил Олегу друг. — В том-то и дело, что... достоин. А скажи, когда тебе знак накалывали, что ты видел?

— Я?. — Олег замялся. — Ну... разное.

— Ясно, — подытожил Йерикка. И вновь печально и тревожно смерил Олега взглядом. — Ну что же, может, оно и к лучшему.

Послышался раскат грома. Только теперь Олег заметил, что в лесу резко потемнело — гроза подобралась вплотную. Йерикка тоже обратил на это внимание:

— Пошли-ка отсюда, — озабоченно посмотрел он вверх. — Сейчас хлынет... Мы завтра уезжаем, Вольг.

— Завтра? — переспросил Олег, шагая по еле заметной тропке следом за Йериккой. — Что, всё купили?

— Всё, что нужно, — подтвердил Йерикка. Помолчал и добавил: — Вот и ещё одна ярмарка прошла... С анласами я так и не поговорил, а очень хотелось. А тебе как — понравилось?

— Здорово, — оценил Олег. Но вспомнил хобайнов и поморщился — Йерикка этого не

увидел.

— У тебя дома нет девчонки? — спросил он, легко перескакивая через сухую лесину.

— Нет, — коротко ответил Олег.

— Тебе нравится Бранка? — Йерикка резко остановился и круто развернулся.

— Не твоё дело, — Олег так же порывисто остановился и встретился с Йериккой глазами. — Хочешь драться?

— Не хочу, — возразил тот, но с места не двинулся. — Оставь её, Вольг. Ты мне друг, хотя я тебя недавно знаю. И Гоймир друг. Я не хочу, чтобы вы сцепились.

— Я ей тоже нравлюсь, — ответил Олег, сжимая кулаки.

— Ты уйдёшь и не сможешь забрать её с собой, — напомнил Йерикка. — Ты погубишь её и Гоймира. Оставь её ради нашей дружбы.

— О таких вещах ради дружбы не просят, — жёстко ответил Олег, — это бесчестно.

— Бесчестно, — согласился Йерикка, — но что мне ещё делать? Пока что больше никто ничего не заметил. Оставь её.

Олег стиснул зубы, борясь с желанием броситься на ни в чём не виноватого Йерикку. Но тот смотрел прямо и требовательно — взгляд отрезвил Олега, он тяжело вздохнул и ответил, глядя вбок:

— Я попробую... Я понимаю, что ты прав, но и ты пойми — мне ни одна девчонка в жизни так не нравилась, как Бранка! Со мной сумасшествие какое-то, честное слово! Я только о ней и думаю, если её не вижу!

— Бедняга, — тихо сказал Йерикка, — да ты её любишь на самом деле...

— Наверное, — облегчённо от того, что ему не пришлось это говорить, откликнулся Олег. — Я...

Но его последние слова даже для него самого потонули в оглушительном грохоте. Фиолетовый свет залил лес, как вспышка чудовищной галогеновой лампы. И, мгновенно прошив кроны деревьев, хлынул сплошной, проливной, увесистый и шумный дождь. Стена воды обрушилась сверху, но мальчишки не сдвинулись с места — они стояли неподвижно, глядя друг другу в глаза...

* * *

С морей Олег вернулся ранним утром, когда даже самые неугомонные уже уgomонились и ещё не проснулись. От причала ребята шли тесной группкой — плащи не гнулись от пропитавшей их соли. Все очень устали за два дня непрерывного лова, различающегося лишь сном на рыбе. Дважды за эти два дня на коч заходил для атаки данванский вельбот, но поднятый ствол ДШК оба раза заставлял разбойников менять свои планы и пропадать в низких облаках.

Впрочем, никто не переставал шутить. Собственно, шутки, смех и песни помогли им продержаться эти два дня и не пасть духом, когда невод срывал кожу с ладоней и казался неподъёмным.

Однако сейчас, при виде родных домов и мыслях о бане и отдыхе, когда их покинуло нервное напряжение, все «увяли» — еле волоклись, перебрасываясь ничего не значащими фразами, мечтая добраться до горячего чая, полока в парилке и постелей.

— Мало времени — и спою я любимую «На заре ты меня не буди», — пообещал Гостимир. — Боги благие, вот глаза не разлепишь — спать хочется!

Последняя реплика была встречена общим хмыканьем, которое можно было понимать в диапазоне сколь угодно широком. Комментировать сказанное членораздельно никто не пожелал, и при входе в город отважный рыбацкий коллектив начал распадаться.

Гоймир, Йерикка, Гостимир, Морок и Олег ещё какое-то время шли вместе. Широко зевая, Морок сказал:

— Одно — дома-то у меня и нет ни души...

— Приду к тебе спать, — объявил Гостимир. — Сестра вовсе из дому выжила. Чем лучше было ей на пастбищах остаться!

— А идём, — оживился Морок.

— Он дома один боится, — хмыкнул Олег, — его домовый за уши тягает.

— За уши куда — за иное место, — проворчал Гоймир. Морок покраснел и хотел что-то ответить, но Олег дурашливо пропел:

*— А я возьму заточку,
Закроюсь на цепочку
И заберусь под одеяло!*

— Маленький, маленький, — он ловко хлопнул Морока по щеке:

*— Ну не будь таким угрюмым,
Подрасти твои попытки
Все равны нулю! .*

— Ладно, мне в море уже надоел ваш щенячий визг, — вмешался Йерикка. — Все свободны.

— Баснь слышали? — вдруг засмеялся Гоймир. У него настроение было получше, чем у остальных, и Олег вдруг сообразил, что его дом немного в другой стороне, а значит он намылился к Бранке. — Вот одолели мы данванов...

— Й-ой, ну?! — удивился Гостимир.

— Кладём так... Вот выводят из поруба пленных. Выходит старший стражник, глянул на тех — стоят, один за одного держатся, ветром их качает... Ну, старший одно и говорит: «Други мои! Война окончена. Все свободны. Всем спасибо.»

— Чей поруб? — спросил Олег.

— Наш конечно, — сразу ответил Гоймир.

— А, это хорошо, — одобрил Олег.

— Смешно, — заключил Йерикка. — Ну, я пошёл.

Мальчишки разошлись. Олег, чисто ради интереса задержавшись, убедился, что Гоймир и в самом деле зашагал к дому Гостимира...

... а значит — к Бранке.

...Олег сел в постели, ещё не проснувшись — тяжело дыша, сердце колотится в бешеном ритме барабанной марш-атаки, глаза широко открыты, всё тело в поту. Мальчик чувствовал, что во рту у него сухо, как в пустыне. Его охватил озноб.

«Сон. Что мне снилось?.. А!»

Вспомнив свой сон, разбудивший его, Олег повернулся и рухнул в постель ничком, пряча вспыхнувшее лицо в подушку, пахнущую свежим сеном и ёжась.

— Ой, блин... — пробормотал он, втискивая лицо глубже, — блин, блин...

— Блин!!! — выкрикнул он затем, чтобы произнесёнными вслух словами заглушить мысли — казалось, гремевшие, как церковный набат в лесной вёске. Потом вскочил на ноги и, на ходу выскакивая из трусов, метнулся к ушату с водой для умывания.

Подобные сны ему снились и раньше. Но всякий раз они были расплывчатыми — словно из тушной темноты появлялись какие-то гипертрофированные формы, неясные и изменчивые. И он никогда не видел лиц. Но сегодня... ожесточённо выплёскивая на себя воду, Олег почувствовал, что кожа горит, словно настёганная крапивой — не только лицо, но и шея, и плечи, и грудь, и спина.

— Как стыдно... — пробормотал Олег, чтобы хоть что-то сказать. Прислонился мокрой спиной к стене и сполз на пол, запрокинув лицо и закрыв глаза.

Ему снилась Бранка. Он ни разу — слово чести! — не представлял её себе БЕЗ ОДЕЖДЫ. Не позволял себе — даже после того, что у них было на скалах. Она была сестрой

друга и чужой — ЧУЖОЙ, ЧУЖОЙ!!! — девчонкой, опять таки девчонкой друга. Настоящего друга, даром что они знакомы около двух месяцев. Но во сне человек не отвечает за себя. И себя не контролирует. А сейчас Олег тщетно старался запретить себе вспоминать сон. Сон, где...

— Нет, нет, нет! — выдохнул Олег, еле шевеля губами. Его знобило. — Я, наверное, заболел...

«Ага. Заболел. Классики так и говорят — любовь и есть разновидность болезни.»

— Чушня, — Олег обнял себя за плечи, пытаюсь заставить встать. Самым кошмарным было, что воспоминания о сне ему... приятны. Он не мог их прогнать, как ни старался.

Подобрав трусы, Олег в сердцах швырнул их в ушат, а потом бросился на постель и вцепился руками в подушку с риском разорвать кожу.

«Домой. Поскорее — домой, домой!»

Интерлюдия: «Песня о далёкой родине»

*Я прошу
Хоть не надолго —
Боль моя,
Ты покинь меня.
Облаком,
Сизым облаком
Ты полети к родному дому —
Отсюда к родному дому.*

*Берег мой,
Покажись вдали —
Краешком,
Тонкой линией...
Берег мой,
Берег ласковый —
Ах, до тебя, родной, доплыть бы,
Доплыть бы хотя б когда-нибудь!*

*Где-то далеко,
Очень далеко
Идут грибные дожди...
Где-то далеко,
В маленьком саду,
Прямо у реки
Созрели вишни, наклонясь до земли...*

*Где-то далеко,
В памяти моей,
Сейчас, как в детстве, тепло,
Хоть память
Укрыта
Такими большими
Снегами!*

*Ты, гроза!
Напои меня*

*Допьяна,
Да не досмерти...
Вот опять,
Как в последний раз,
Я все гляжу куда-то в небо,
Как будто ищу ответа... 46*

* * *

Неумолимо, как саммит ОБСЕ на Россию, надвигалось 20-е число червеня — Перунов День, время, когда зацветает на миг папоротник. Во-общето Олег знал, что папоротник размножается спорами, но благоразумно об этом помалкивал. Всё больше и больше времени отнимали тренировки — Йерикка почти не отходил от Олега, добиваясь от него совершенного владения холодным оружием. И это было, пожалуй, хорошо, потому что меньше времени оставалось — встречать Бранку, её недоумённый и обиженный взгляд. Она не понимала, почему Олег вновь начал так упорно избегать её.

А он НЕ МОГ её видеть.

Не мог — потому что боялся. За неё. За себя. За Гоймира. Эта любовь доставляла больше страданий, чем радости, тем более, что Гоймир совершенно не мог понять холодности своей названной и часто впадал в уныло-хмурое состояние, а то ещё делился переживаниями с Олегом, и это было всё равно что сидеть на раскалённой сковородке.

Йерикка догадывался о мучениях друга. Олег понял это, когда рыжий горец зашёл к нему как-то утром, когда Олег пил чай с пирогами, сготовленными заботливой Славной, тоже начавшей замечать, что с её постояльцем что-то неладно и приписавшей это плохому питанию.

— Будешь? — спросил Олег. Йерикка кивнул:

— Плесни.

Он был какой-то странный, с красными глазами — и навалил в чай кучу дорогого южного сахара, чего обычно не делал. Отхлебнул этот сироп и сообщил:

— Хочу поехать отдохнуть на южное море. Где солнце, вода — тёплая, как этот чай, и девчонки в купальниках. Ты на море был?

— Нет, — ответил Олег, разламывая пирог. — Я не люблю, когда жарко. А что с тобой?

— Договаривался о продуктах с лесовиками, — неохотно ответил Йерикка, снова припадая к чаю. Олег, если честно, давно подозревал, что его друг в племени играет роль шефа службы безопасности или что-то в этом роде. Именно он встречался с разными приезжими, останавливавшимися у Славны, а то — сам ездил куда-то с конвоем или один, отвозил и привозил грузы...

— Ты же говорил, что мы всё необходимое купили, — вспомнил Олег. Йерикка поморщился:

— Сейчас необходимое — это не продукты... До чего трудно говорить с этими лаптями! — вырвалось у него. — Всё равно, что осла перекрикивать, они же, в своих весях сидя, всё лучше всех знают. «Тык эта, парень, значить, и самим-то оно не того — хватает, вот мы, оно это-то сюда и не повезём сколько обычно — уж звиняй!» Почуяли, сидни запечные, что гарью запахло, в печень им дыш-ш-шло! — Йерикка аж прошипел это слово и, словно спохватившись, вскинул глаза на Олега, поспешно продолжал. — Я им предложил разрешить желающим нас снабжать — кто сколько может. У нас же там друзья есть — на себе приволокут почище любого транспорта, ещё и подерутся по дороге за то, кому первому

сгружать! Нет, как же... Если нам не помочь, то их не тронут... — Йерикка поболтал остатки чая в кружке и опрокинул их себе в рот. — Ненавижу идиотов. До икоты.

— До икоты? — засмеялся Олег.

— Угу... Я иногда думаю — неужели идиотизм такая же вечная категория, как отвага и любовь?

Олег пожал плечами. Ответить ему было нечего, да Йерикка, похоже, и не ждал ответа:

— Очевидно — да, — ответил он сам себе. И, разряжая досаду, резко повёл перед собой сверху вниз прямыми сжатыми ладонями — пустая глиняная кружка, из которой он пил чай, вдруг взорвалась шероховатыми осколками.

— Ох ты! — Олег от неожиданности чуть не опрокинулся со скамьи. — Как ты это?!

— Ничего особенного, — смутился Йерикка. И спросил неожиданно: — Тебе никогда не снится Ленко?

— Нет, — вопрос удивил Олега. — А что?

— Его оружие, — кивнул Йерикка на стену, где висели меч и камас. — Я боюсь, что теперь, когда ты сделал себе наколку, марам будет ещё легче добраться до тебя.

— Бред это, — устало сказал Олег. — Послушай, Йерикка, неужели ты и вправду во всё это веришь?

— В мире слишком много простых и понятных невозможностей, чтобы в это не верить, Вольг, — непроницаемо отозвался Йерикка.

— Ну тебя, — отмахнулся Олег. — Чаю ещё будешь?

— Нет, — вдруг сухо ответил Йерикка. — Вольг, ты давно последний раз виделся с Бранкой?

Олег встал. Йерикка продолжал сидеть, глядя снизу вверх внимательными серыми глазами.

— Что тебе за дело? — спросил Олег сдавленным от досады на себя, стыда и внезапно прихлынувшей ярости голосом. — Что ты всё лезешь не в своё? Я тебе обещал — обещал! Пришёл сюда с разговорами, устал он, на хрен...

— Тише, тише, тише, — Йерикка поднял обе руки. — Ты же мой друг.

— Да иди ты... в баню! Друг! Поэтому ты суёшься в мои дела?! — Олег сжал кулаки. — Убирайся, или я вышвырну тебя, понял?!

Йерикка встал.

— Легче!

Он произнёс это слово повелительным, металлическим голосом. Олег осекся. Йерикка ничего не добавил — он просто стоял и смотрел уже не холодными глазами — нет, в них горело странное алмазное пламя!

Олег сделал шаг назад и рухнул на лавку, с которой не успел убрать свою постель. Он был не в силах шевельнуться или произнести хоть слово. Йерикка сразу же тоже сел и вздохнул:

— Прости.

— Ну ты даёшь, — Олег провёл рукой по лбу. — Я испугался...

— Прости, — повторил Йерикка. — Я испугался тоже... Знаешь, Вольг, Гоймир с Бранкой неразлучны уже семь лет.

— Тем больше шансов, что она меня забудет, когда я исчезну, — вырвалось у Олега.

— Они иногда ссорятся, — словно не заметил его реплики Йерикка. — Понимаешь? У них обоих сильные характеры, а таким нелегко жить без ссор... и они иной раз сожрать друг друга готовы из-за мелочей. А раз ты ей УЖЕ нравишься — я боюсь, что она в какой-то момент совершит глупость... и ты — тоже. Ты, по-моему, дошёл уже до такой степени, что готов принять её голую и обриту налысо...

— Эрик! — Олег пристукнул кулаками по лавке.

— Не спорь, не надо... Но самое страшное случится, если она НА САМОМ ДЕЛЕ тебя любит.

«Любит,» — со сладким ужасом подумал Олег, а вслух спросил:

— Да почему самое страшное?!

— Да потому!!! — вдруг взорвался Йерикка. С грохотом полетела в угол тяжёлая скамья. — Ты что, тоже... лесовик, что ли?! Если ты её пару раз обнимешь и поцелуешь — это хоть у нас и не принято, но кончится дракой между тобой и Гоймиром, а потом — общим примирением! Но если И ОНА влюбится в тебя — Гоймир тебя убьёт. Или ты убьёшь его. 70 на 30 не в твою пользу, а я в любом случае в болоте, потому что мне так и так придётся хоронить друга. Я тебя даже не прошу подумать о себе или Гоймире — понимаю, что сейчас это бесполезно, ты глух к этому. Но ты о Бранке не забывай — она-то как потом будет жить! Подумай, если и вправду её любишь!

— Люблю, — обречённо ответил Олег. — Я не могу о ней не думать, не могу, НЕ МОГУ-У!!!

Йерикка сочувственно посмотрел на друга, потом сказал:

— Или, может, писались стихи дураками?! Или наша любовь не достойна стихов?! Да, ты влип.

— Я не встречаюсь с ней, — с трудом ответил Олег. — Я даже близко к ней не подхожу. Я...

Он всхлипнул и закрыл лицо скрещёнными ладонями, пытаясь спрятать слёзы.

Йерикка отшатнулся. В первые секунды он не понимал, что происходит и что ему делать. На подобный исход разговора он не рассчитывал — взрослый смелый парень расплакался навзрыд! Потом, решительно шагнув вперёд, рыжий горец взял Олега за локти и оторвал его ладони от лица.

— Уйди... — выдохнул Олег, опуская голову, но Йерикка решительно подставил предплечье. — Я сказал! Отстань!

Слёзы всё ещё дрожали в его глазах, но выглядел Олег хмурым и даже злым. Йерикка отстранился. Олег, исподлобья глядя на него, вытер лицо рукавом ковбойки.

— Я не плакал, — предупредил он. — Иначе я тебя убью раньше, чем Гоймира. Усёк?

— Нормально, — улыбнулся Йерикка. Олег, приподнявшись, подошёл к окну, открыл его. Не поворачиваясь, сказал:

— Сейчас пойду и застрелюсь. Так будет проще для всех.

— Если это шутка, то твою чувство юмора накрылось, — спокойно резюмировал Йерикка, но Олег не видел, как он напрягся.

— А ты мне что посоветуешь? Ты же пришёл сюда советовать!

— Не советовать, а поговорить, — возразил Йерикка, — и открыть тебе глаза.

— Открыл, радуйся. Дальше?

Йерикка почувствовал, что перебрал пафоса и словно бы немного сник:

— И ничего... Олег, держись от неё подальше.

— Ага. Только тогда я до зимы точно застрелюсь. Ты хоть можешь представить, ЧТО советуешь?

— Да-а... Может, перейдёшь жить ко мне?

— Боишься, что всё-таки застрелюсь? — насмешливо спросил Олег. Йерикка не принял тона:

— В таком состоянии, как у тебя? И стрелялись, и на меч бросались, и не только в баснях, но и в жизни.

— Не беспокойся, — уже совершенно серьёзно и спокойно возразил Олег. — У вас тут война, и я могу, если припрёт, не дожить до её конца, не прилагая к этому личных и лишних усилий.

Йерикка на миг обрадовался, что Олег смотрит в окно. Иначе он увидел бы, как его друг на миг не совладал со своим лицом — и оно стало обречённым и больным...

Пять овец потерялись на вересковых пустошах в восемнадцати верстах от города. В полном соответствии с Евангелием от Матфея, как пошутил Йерикка⁴⁷, Гоймир и Олег отправились верхами их разыскивать, оставив ещё нескольких парней со стадом — и вынуждены были заночевать на пустошах. Белая ночь, безраздельно господствовавшая надо всем Севером, позволяла искать и дальше, но от усталости в седле плохо держался не только Гоймир, но и Олег.

— По-ночь их волки могут прибрать, — угрюмо сказал Гоймир, снимая с седла сумки и самострел — ППШ он с собой не взял.

Олег молча кивнул. С волками у горцев были неплохие взаимоотношения, но несколько дней назад откуда-то с юго-запада пришёл одиночка — его несколько раз видели — который беспощадно резал овец, даже не съедая их. Очевидно, Южака — так прозвали волка — чем-то обидели люди, и он вымещал злобу на скотине...

...Скоро на каменной плите, выступавшей из вереска, горел небольшой костерок, а мальчишки, лёжа около него на плащах, хрустели луком, жевали хлеб и копчёное мясо. Гоймир выглядел хмурым, и Олег не выдержал:

— О чём задумался? — встав на колени, он подбросил в огонь сушняка. — Найдём мы завтра этих овец, куда не денутся.

— Не за овец я, — Гоймир потянулся. — Недобрые мыслишки бродят.

— Какие? — спокойно, но внутренне натянувшись тетивой лука, спросил Олег.

— Как положишь, — Гоймир перевернулся на бок, — пойдут данваны на нас?

«Да ну его на фиг, это дубло! — раздражённо подумал Олег. — Вот комсомолец, он что, слепой совсем, что ли?! Или и правда никто ничего не замечает, кроме меня?» Но серьёзность вопроса перебила эти мысли, и Олег с заминкой ответил:

— Не знаю... Наверное, на это нужно много людей?

— Числом-то они не поскупятся, — мрачно спрогнозировал Гоймир. — Кинут тысячу сто — и станется для нас выбор: на нашей земле лечь, в море со скал племенем падать или... или бежать — а куда бежать-то? — он отвернулся и глухо добавил: — Пуще смерти бессилие ненавижу.

И замолчал. Глядя на огонь, Олег доел оставшийся хлеб и улёгся, накинувшись плащом. Но не успел даже задремать, когда услышал:

— Вольг.

— М? — не очень охотно вернувшись к реальности, откликнулся он, повозившись.

— Спишь ли?

— Нет.

— Бранка пригожая?

Вот тут Олег проснулся. И сделал вид, что ещё не проснулся.

— Чего?

— Да протри глаза! — Гоймир даже затормозил его. — Бранка пригожая?

— Я не рассмотрел, — ответил Олег, мысленно похвалив себя за то, что лежит спиной к Гоймиру.

— Да вот тебе! — обиженно воскликнул Гоймир. Слышно было, как он шуршит возмущённо плащом. — Слепыш, вот право! Бранке и Лель сама вровень не станет, а он не рассмотрел...

— Заткнись и дай мне спать хотя бы здесь, — оборвал его Олег. На самом деле спать ему расхотелось.

— Спи, спи, — сердито фыркнул Гоймир.

Похоже, он сам и правда уснул через какую-то минуту. А Олег лежал, чертыхаясь про себя и глядя в пустоши, расстилавшиеся перед ним. Потом — сел и громко, прочувствованно

⁴⁷ «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдёт ли искать заблудившуюся?» — Евангелие от Матфея, 18 : 12 .

сказал несколько слов — не оригинальных, но выразительных.

Белая ночь плыла над вересковыми пустошами. Всё вокруг казалось чётким и нереальным, как во сне. В небе между звёзд бесшумно и многоцветно горел Большой Сполох. Еле слышно шелестел вереск, а потом вдруг очень-очень далеко послышался жутковатый, заунывный волчий вой. В вышине, кажется, дул ветер — на фоне Сполоха, пригашивая звёзды, быстро проносились, меняя цвет, лёгкие, раздёрганные перья редких облачков.

Было прохладно, не больше +8, но Олег с каким-то упрямым наслаждением сидел, не натягивая плаща, цедил сквозь зубы холодный воздух. И не понимал, что чувствует.

— Я пропал, — сказал он вслух. — Со мной всё. Всё ясно. Я пропал, — и засмеялся не очень хорошим смехом.

Он ещё не знал, что и как будет делать. Но жить так дальше было нельзя. Обманывать себя, обманывать Бранку, Гоймира, всех — всех кругом. Надо было подумать, и Олег, достав из кармана блокнот, с запинкой, морщась и припоминая значки, написал строчку глаголицы:

НЕ СПИТСЯ . УШЁЛ ЗА ОВЦАМИ . ВОЛЬГ .

Записку он положил в ноги Гоймира, прижав камнем. Тихо обулся, затянул ремни чуней и, подойдя к коням, погладил своего по гриве, шепча:

— Тихо, тихо, шуметь не надо... Я понимаю, что ты не отдохнул, ну да мы спешить не будем...

Оглядываясь на спящего друга, оседлал и взнуздal коня. Гоймир не просыпался — очень устал днём. Он не проснулся и когда Олег отвёл коня в поводу подальше, вскочил в седло и пристукнул свой транспорт пятками по рёбрам...

... Если честно, Олег не знал, зачем уехал — может быть, чтобы просто побыть одному. Конёк никаких признаков усталости не выказывал — подчиняясь хозяину, неумоимо шёл то рысцой, то шагом, помахивая косматой гривой и тихо фыркая.

Началась пологая горная осыпь — граница между землями племён, это Олег знал. Дальше — земли Вепрей, давних союзников Рысей. Говорят — Йерикка рассказывал — раньше на этой осыпи каждые десять лет торжественно пороли княжичей обеих племён — чтобы, став князьями, не забывали, где проходит племенная граница, кто сосед и как следует границу соблюдать: на чужое не зариться, своего не отдавать. Вспомнив об этом, Олег улыбнулся. А неплохой был обычай. Можно его у Олега ввести, на Земле... только вот поди узнай, кто президентом станет, кого лупить на границе? Проблема...

Странный цокающий звук отвлёк его от этих мыслей. Олег вскинул голову, взялся за револьвер уже привычным движением, но никого не увидел. А звук усиливался, множился, и Олег узнал цокот копыт — конь скакал вдоль каменной гряды на той стороне.

Мальчишка соскочил на землю. Первое, что пришло ему в голову — Гоймир проснулся и отправился его искать. Олег поспешно вскарабкался по осыпи, заранее поднял пуку и...

И застыл, окаменев.

Никакого Гоймира за насыпью не было.

Олег стоял на гребне скалы, с этой стороны обрывавшейся отвесно вниз. На высоте (или глубине?) примерно двухэтажного дома в каменном кольце лежала почти идеально круглая площадка — большая, размером с половину футбольного поля или около того. От её центра радиально расходились к краям восемь похожих на лодки углублений. Размеры увиденного были настолько велики, что Олег не сразу понял — он видит перед собой огромную перунику — восьмиконечный символ. А в центре перуники поднимался Дуб.

Дуб не был очень уж высок — его вершина едва достигала края гряды, на котором стоял Олег. Но зато он был неимоверно, невероятно, невозможно кряжист. Широко раскинутые его ветви осеяли собой без малого всю площадку. У основания выступали из земли узловатые могучие корни толщиной в туловище быка.

Вид благородного дерева настолько зачаровал Олега, что он не сразу сообразил и то,

что внизу находятся люди. Восемь коней стояли у дальнего конца, где угадывался проход в скалах. Семь человек замерли на семи концах перуники. А восьмой — только что подъехавший — размашисто шёл к последнему лепестку.

Все восемь человек были одеты одинаково — с ног до головы их окутывали белые плащи с капюшонами, даже при ходьбе скрывавшие и лица, и фигуры. Как во сне, Олег шлёпнулся наземь и выставил над краем гряды только голову, да и то не всю, смутно понимая, что видит он вещь, не предназначенную для большинства людей.

Восьмой человек занял место на перунике. Молча, не сговариваясь, абсолютно синхронным движением все восемь выхватили из-под плащей длинные мечи-двуручники и направили их, легко удерживая каждый своё оружие одной рукой, в центр — к корням дуба. Солнца на небе не было, но на длинных лезвиях вдруг заиграло золотистое тёплое пламя, потекло по клинкам, сорвалось с острия каждого — и с треском ударило в землю посередине между людьми и дубом!

Вокруг могучего дерева пылали бесшумным пламенем восемь костров. Люди подняли мечи к вершине — таким же согласным и плавным жестом...

— Род Сварог Безначальный Бесконечный Вечный, — прозвучал ровный, мощный голос, и Олег вздрогнул. Кто говорил — было непонятно: все восемь человек оставались неподвижными. — Отец Божий, создатель племени славянского, податель кона и лада! И вы, Сварожичи: Дажьбог, Щит Солнечный; Перун Громоносец; Лада Охранительница; Макошь Подательница; Ярила Юный; Прав, Закона Ведун; Благ Огонь Безобразный; Числобог Мудрый; Сестра Двуликая, Среча да Несреча; Лель Вечно Прекрасная; Купава Гордая; Озем с Сумерлой, Подземные Хозяева — и ты, Морана Смерть, Белая Девка! Младшие боги — Велес Змей да Переплут Крылатый! И вы, навьи наши, что в земле, да в воздухе, в воде, да в ветре, в траве, да в камне! Поклон вам низкий от родичей ваших в Верье общей, вечной, неразрывной, славянской!

— Поклон! — откликнулся негромкий хор, и восемь голов в капюшонах склонились коротко и быстро.

— А тебе, Кощей, — загремел первый голос, и ветви дуба грозно и тревожно зашумели, — а тебе, Ядун-Чернобожище — тебе мы не кланяемся! От тебя отрекаемся! Отрекаемся! Отрекаемся!

— Отрекаемся! — ухнул хор, и мечи, сверкнув в воздухе, разрубили его над головами хозяев. И послышалось торжественное пение:

— Как за семь морей, за семь гор,
Да за семь болот, за семь рек,
Под семью замками, под семью запорами,
За семью дверями, за семью засовами,
Во пещере тёмной, во тьме глухой
В семи медных кладях Лихо спрятано.
Как опутаны семь кладей во семь цепей,
А на каждую-то цепь семь заклятий легло,
А на каждое заклетье семь жертв дано —
Так не вырваться Лиху на белый свет,
Не гулять Лиху по нашей земле,
Не ступать Лиху по зелёной траве,
Не зорить Лиху наших людей,
Не сиротить Лиху наших детей,
Не видать Лиху славянских мук.
А пусть мучится Лихо в заклётой тьме,
А пусть гложет Лихо семь кладей тех,
А пусть рвёт Лихо семь тех цепей,
А пусть жаждет Лихо пуститься на свет,

*А пусть с жажды той мука Лиху растёт,
А пусть мука та Лиху будет навек!
Говорим мы так — так и сбудется!
Говорим мы так — так и станется!
Сгинь, Лихо! Сгинь!*

— Сгинь, сгинь, сгинь! — мерно ухнул хор, и мечи опустились под плащи.

— Ну что ж. — снова раздался начавший заклятье голос, — все, я вижу, в сборе? Давайте говорить, братья, что нам в жизни, не в песне, с лихом делать...

Он говорил — кто конкретно, Олег так и не мог понять — на городском диалекте, как две капли воды похожем на русский. И это звучало тем более странно после уже сказанного и спетого.

Восемь человек, на ходу откидывая капюшоны — Олег даже заёрзал от досады, что не может разглядеть их лица со спины — молча пошли куда-то за дуб. Олег прополз по краю гряды — и вытаращил глаза.

За деревом никого не было. Огни потухли. Только рослые лошади смирно стояли у дальнего конца поляны.

* * *

Это воистину была ночь случайностей. Во всяком случае — овец Олег нашёл тоже совершенно неожиданно. Он трусил рысцей через пустоши, раздумывая над тем, что видел — и ветерок, поднявшийся перед «утром», донёс до него блеяние...

Заставив коня перемахнуть ручей, вдоль которого ехал, Олег примерно полверсты проскакал пустошью и наткнулся на тушу овцы. Животное было зарезано — из располосованного горла текла кровь, в глазах запрокинутой головы был бессмысленный ужас. Конь захрипел, попятился и опустил голову, мотая гривой, отказываясь идти вперёд.

«Волк,» — понял Олег, соскакивая наземь и доставая наган.

Поодаль, блея, лежала ещё одна овца — левый бок порван. Три оставшихся, сбившись в кучу, дрожали у камней, словно большой комок спутанной шерсти.

— Тише, глупые ублюдки, — прошептал Олег, оглядываясь по сторонам.

Овцы, увидев и услышав человека, начали успокаиваться, но внезапно захрапел и заметался конь, а раненая овца завопила истерично. Олег крутнулся на месте.

В двадцати шагах от него — и в десяти от овец — стоял, широко расставив мощные лапы, белый волк.

Он был огромен, этот волк-одиночка — не меньше чем по пояс Олегу в холке — и весил, должно быть, больше мальчика. Жёлто-карие глаза смотрели не мигая, умно и зло, а под приподнятой верхней губой сверкали влажно ничуть не стёртые страшные клыки. Плотная густая шерсть на холке стояла дыбом.

«Лет пять, — подумал Олег. — В самой силе...»

Мальчик и волк смотрели друг на друга, не двигаясь и не мигая. И Олег всё больше понимал, что пришедшее ему на ум слово «одиночка» было не просто эпитетом. Оно точно отражало сущность зверя. Будь у него логово, подруга и волчата — он не зарезал бы больше одной овцы. И не осмелился бы — вот так, летом! — подойти к человеку. Вспомнив встречу в лесу с другим волком, Олег негромко заговорил:

— Уходи, гончая Перуна. Забирай добычу и убирайся — других овец я тебе не отдам.

Волк зарычал — страшно, утробно. Олег взял его на мушку, левой рукой нашарив камас. И вспомнил слова Йерикки о марах, которые ищут его. Волк ли это? .

... Большой белый зверь не сомневался — нападать или нет. Он прожил на свете шесть зим и видел немало людей. От этого человека пахло потом, железом и огнём, и в руке у него была огненная палка, а на другой — длинный блестящий коготь... но и того и другого волк

боялся не настолько сильно, чтобы страх перебил старую ненависть, которую он носил в себе уже два года, нападая на стада и умело, ловко уходя от погонь.

Два года назад у него была подруга. Второй год — одна и та же. Вторую весну они держали логово в скалах, под каменными плитами. Волчата — шестеро умных и весёлых зверьков — уже подрастали, и он приносил им живую добычу, растил охотников...

Однажды он принёс им большого зайца. Но возле логова были люди — двое страшных людей, которые пахли совсем не так, как остальные, жившие в этих местах, а резко и непонятно. Они вышли из большой летающей штуки — волк много раз видел такие в небе — и стояли около развороченного входа в нору. А его подруга лежала в пыли на смятой, чёрной траве с разбитой головой, и от неё уже не пахло живым... А в логове скулили, плакали волчата... И белый, швырнув зайца, бросился на людей... но тупой удар рыжего пламени опалил бок. Волк пополз за скалы — люди не преследовали его. А потом над камнями логова взвихрились осколки и донёсся гром. Когда люди ушли, улетели, он приполз на это место и долго выл над остро, нестерпимо пахнущей ямой на месте своего дома...

...Наган грохнул впустую — волк прыгнул неожиданно и стремительно, как белая молния. Олег, движимый каким-то инстинктом, успел перехватить его под челюсть и встретить ударом камаса в грудь. Но огромный зверь как-то по-кошачьи извернулся в воздухе, ударил мальчика боком в левое плечо и голову. Оба противника полетели на вереск под возобновившееся бляенье овец.

Олег вскочил — челюсти волка лязгнули, смыкаясь, возле самого бедра — и ударил вниз, но волк увернулся тоже и, выгнувшись буквой «С», полоснул клыками по правой ноге мальчика ниже колена — та без боли подломилась, и тело волка навалилось сверху на упавшего Олега. Рыча не хуже своего противника, мальчишка не давал волку дотянуться до горла или лица, вцепившись в шерсть под челюстью, а сам раз за разом всаживал камас то в воздух, то в бок волка... пока не ощутил, как страшная тяжесть потяжелела ещё больше... но перестала быть страшной, потому что перестала быть ЖИВОЙ.

Хрипя, Олег свалил с себя белого и сел. Зверь лежал рядом, вытянувшись — и Олег вздрогнул, увидев, что в нём было около двух метров от носа до крестца. Камас торчал в залитом кровью боку — последний удар, пятый, пришёлся в сердце точно между рёбер.

Олег ощутил холод — разгорячённое боем и страхом тело остывало на ночном воздухе. Вместе с холодом пришло осознание боли, и мальчишка скрипнул зубами — в ногу, казалось, снова и снова вонзаются волчьи клыки. Джинсы были распороты, четыре рваные раны располосовали икру до кости. Кровь текла сильно, но нигде не бежала тоненькой струйкой и не выбразгивала фонтанчиком — значит, вены и артерии были целы. Но нога стремительно немела, а всё тело затряс озноб — тряслись руки, и Олег не мог заставить себя не лязгать зубами. Порадовался тому, что его не мутит и не тянет потерять сознание — таких ран он никогда не получал.

— Заткнитесь, — бросил Олег овцам. Невнятно — губы прыгали и казались чужими, как после неудачной драки. Из кармана джинсов достал моток бинта, пропитанного бальзамом, сдёрнул кожаную обёртку. Скрипя зубами, потянул вверх насквозь промокшую кровью брючину, а разорванную чуню сдёрнул вместе с ремнями. — У-у-у-у...

Нога от колена до щиколотки была как чужая. Олег наложил повязку — кровь унялась сразу — и, выдернув камас из труп волка, сказал, вытирая лезвие о вереск:

— Лучше бы нам было разойтись, одиночка.

Волк молчал, равнодушно глядя на вереск, камни и небо над ними. Олег подобрал револьвер, взвёл курок и дважды выстрелил в это небо.

А потом привалился спиной к трупу волка и закрыл глаза.

...Гоймир нашёл его часа через полтора, не меньше, когда солнышко уже высоко взобралось в небо. Выехал рысью из-за каменной груды — не там, откуда прискакал Олег, держа самострел наготове. Вздвинул коня, соскочил, подбежал с обеспокоенным лицом к лежащему другу, но, увидев волка, остановился. Глаза расширились до размеров блюдца.

— Салют, — Олег слабо махнул рукой. — Присоединяйся, только сначала закажи

петербургер и бутылёк колы. Лучше двухлитровый.

— Это Южак! — выкрикнул Гоймир, подбегая и с трудом приподнимая волка. — Он что, напал на овец?!

— Ага. И на меня, — Олег кивнул на свою ногу. Гоймир присвистнул:

— Й-ой! Порвал?

— Зацепил немного...

— Не то слово — «немного»! Посиди, я скорым-скоро коня подведу и подсажу.

Он опрометью бросился прочь, но вновь не удержался — оглянулся и ещё раз сказал:

— От да!

* * *

Первое живое существо, которое Олег воспринял, сползая с седла на руки ребят, была Бранка. Он услышал её крик, пробившийся сквозь гул кровопотери:

— Матьер Лада! Ну, Гостимир — жди добра!

— Чем он-то повиноватился? — весело спросил Гоймир, сбрасывая наземь тушу зарезанной овцы.

— Бухнул, что одного из вас волк порвал, а кого — так я его спину спросила...

— Мои страдания не в счёт? — почти всерьёз обиделся Олег. Бранка собиралась ответить, но подскочивший Морок завопил:

— Южак! Й-ой, ей-пра! Вольг, ты его?! Или Гоймир?!

— Вольг, — признался Гоймир. — Камасом под сердце...

— Й-ой!

Налетела толпа. Отбиваясь, Олег слабо кричал:

— Убивают! Автографы потом, приёмные часы с двенадцати до часу ночи! Ай! Не троньте ногу — волк не оторвал, а вы оторвёте!

— Доведу тебя, — Бранка подставила плечо. Олег оглянулся. Гоймир был занят рассказом, но Йерикка, прибежавший вместе со всеми, смотрел внимательно и сочувственно. — Цепляйся.

— Я тяжёлый, — ответил Олег. Девушка пожала плечами и решительно перекинула руку мальчишки себе через плечо:

— А я сильная. Случись — я бы тебя и нести смогла.

— Вот ещё, — фыркнул Олег...

...— Так вот где ты живёшь, — сказала девушка то ли одобрительно, то ли насмешливо. Олег поспешно сел на лавку — прямо на брошенные вчера вечером трусы — и ответил:

— Ага. Мне много не требуется.

— Ложись, — повелительно сказала Бранка, — ногу глядеть буду.

— Да она в норме, не надо... — попытался возразить Олег, но Бранка усилила напор:

— Ложись, кому говорю! Я в этом понимаю, — и от напора словесного перешла к напору физическому, ловко надавив на плечи мальчика. — Лежи.

Присохшая повязка отдиралась так больно, что у Олега на глазах выступили слёзы, и он почти не воспринял слов Бранки:

— Так-то норма у тебя?! Положил повязку и кинул — мол, заживёт, что на волке! Й-ой, дубины эти парни! Хирургический набор есть у тебя?

— У Славны... Эй, ты что, собираешься шить?!

— И кроить, — решительно выставила подбородок вперёд Бранка. — А то — лохмотья эти оставлять, так ли? Лежи.

Она почти бегом покинула комнату и вернулась через несколько минут, неся левой хирургический набор, шёлк, бинты, тазик кипятку и кусок самой обычной клеёнки.

— А ты умеешь? — неуверенно спросил Олег, следя за её движениями.

— А у нас любая соплюха умеет. Я ещё не в лучших хожу.

— Это обнадёживает, — вздохнул Олег.

— Не трусь, — засмеялась Бранка, — не в лучших — не одно, что плохая!

— Ой, надеюсь...

Шила она в самом деле ловко и быстро, чуть выставив вперёд верхнюю губу. Было очень больно, раны горели, и Олег, наверное, завыл бы, делай это кто-то другой. А так — он смотрел на Бранку, не отрываясь, ощущал прикосновения её рук и терпел. И легче было терпеть всё — ножницы, обрезавшие кожу, иглу, протыкавшую тело и омерзительно тянущуюся сквозь живое шёлковую нить.

— Вот и добро, — удовлетворённо объявила Бранка, закончив накладывать свежую повязку. Денёк покоя — и плясать пойдём. Мазь-то свежая, любое затянет.

— Спасибо, — кивнул Олег, устраивая ногу удобнее. Жгучая боль отступала, на её место шла тупая, мозжащая, которую предстояло терпеть — болеутоляющих тут не придумали, а привозные — дефицит, только для боевых действий, а не для ерунды вроде охотничьих ран...

— Не про что... Я сейчас снесу всё в обрат и вернусь мигом.

Она ушла, а Олег не успел даже задуматься, для чего она вернётся, как в дверь буквально вломился Гоймир, неся на руках свежеснятую шкуру волка, уже начерно обработанную солью.

— Вот, — он бросил её — тяжёлую, влажную, пахнущую кровью — на пол рядом с лавкой Олега. — За тот подарок любая в племени на шею тебе повиснет. Княжеский!

Олегу показалось, будто его лицом ткнули чан с кипятком. Но он весело сказал в ответ:

— Ага. Здорово, Гоймир.

Вошедшая Бранка резко вскинула голову, свысока посмотрела на водителя. Смеясь, Гоймир указал на Олега:

— Починила его? Уж что, а это она умеет, Вольг!

— Это его? — присев, Бранка провела ладонью по белому меху, запустила в него пальцы — те утонули... Мальчишки переглянулись.

— Его, — ответил Гоймир. А Олег, холодея от собственной беспредельности, спросил:

— Можно я подарю эту шкуру ей?

— Бранке? — удивился Гоймир. — Так оно лучше своей...

— Мне так хочется, — настаивал Олег, и Гоймир недоумённо ответил:

— Пожалуй.

Олег, придерживаясь за край лавки, встал и поднял шкуру на руки — её концы свисали чуть ли не до пола.

— Возьми, — просто сказал он. И, прикоснувшись на секунду кончиками своих пальцев к кончикам пальцев Бранки — та вздрогнула, словно получив удар током и расширила вдруг ставшие какими-то беспомощными глаза — перебросил пышную тяжесть ей на ладони.

* * *

Праздник начался задолго до вечера. Казалось, что в племени внезапно появилось вдвое больше молодёжи, чем было на самом деле — время давно подбиралось к полночи, а веселье и не думало кончаться. В рощах вокруг Логова горели костры, возле которых со смехом, песнями, выкриками кружились парни и девушки. Среди деревьев аукались ищущие друг друга и тихо перемещались к укромным местечкам парочки. Кто-то запалил костёр на скалах. Над водопадом — шум, смех, молодецкие выкрики и пушечный плеск, гром прыжков в воду. И надо всей долиной разливалась, перекликалась от костра к костру песня...

— Ладо, Ладо, диди Ладо!
Наша мати! Охрани

*Зеленя мои от града,
От копыт в лихие дни.*

*Породи ядрёно жито,
Золотисто, духовито!
На высоком на кургане
Требу я тебе кладу.*

*Чтоб поганый змей Тугарин
Не поганил борозду.
Нам таких гостей не надо,
Ладо, Ладо, диди Ладо!*

*Только первый сок забродит,
Встанет цветом из земли,
Красным девкам в хороводе
Ясных соколов пошли.*

*Чтоб друг дружжку привечали
И дарами, и речами.
С облаков своих летучих
Ты, заступница, слети.*

*Чтоб лелеял ветер кочи,
Долгожданные лады
От соседей к нам до града.
Ладо, Ладо, диди Ладо!*

Перунов день. Рябиновая ночь папоротника, волшебного алого цветка. Ночь молодых, ночь дружбы и любви.

Лучшая ночь в году — светлая ночь, и не только потому, что белая...

... Олег ушёл в самый разгар веселья, потому что у него с начала праздника не было настроения. Нога вела себя нормально — ни одна больница на Земле не могла бы дать такого эффекта, как кусок льняной ткани, смоченный чудо-бальзамом из желчи снежищ. Вот просто надоели ему шум, вопли, музыка. Всё надоело.

Он разминутся с парой-тройкой весёлых компаний, искавших разноплановых приключений в рощицах вокруг — и вскарабкался постепенно на самую вершину скалы, откуда падал водопад. Тут росли под ветрами сосны — знаменитые сосны, от древесины которых отскакивал стальной топор, не очень высокие, жилистые и упорные, вцепившиеся корнями в камень. и отсюда было далеко видно.

Тут всегда дул ветер. Сегодня — из глубины материка в спину, резкий, влажный и ровный, какого не было внизу... Олег, прислушиваясь к его свисту в соснах, к немолчному грохоту водопада, неспешно шёл по гранитной, влажной от брызг скале, трогая ладонью смолистые, шершавые стволы. Вспомнился дуб около Ярмарочной Долины. Йерикка тогда, кажется, говорил, что и сосна — подходящее дерево. Попробовать, что ли? Да нет, от его тоски любая самая прочная засохнет.

Он крепко хлопнул ладонью по стволу, мимо которого проходил — и получил шишкой по голове.

Это его рассмешило. Потирая голову и улыбаясь, Олег вспомнил анекдот — про мужика, который увидел на улице колодец и, подойдя к нему, крикнул: «А!» — «Б!» — ответили из колодца. Мужик удивился и сказал: «В!» — «Г!» — гаркнули снизу. «Ни фи́га себе,» — пробормотал мужик. «А ты как думал?» — был ответ.

— А ты как думал? — спросил себя Олег, подняв шишку и точным броском отправляя её по камням — она запрыгала, сухо щёлкая, словно засмеялся кто-то маленький и злобный.

Олег, не глядя, сел, нащупав рукой камень. Повторил:

— А ты как думал? — и умолк, сделавшись частью окружающего его мира.

Но надолго погрузиться в нирвану не получилось, потому что почудился взгляд в спину. Олег выждал несколько секунд и обернулся.

Бор просматривался насквозь, а белая ночь северного лета была не темнее дня. Но сзади — пусто... Мальчик передёрнул плечами и решил вернуться — начинала уже чудиться всякая ересь.

— Чудесится и чудесится, — вспомнил он слова Алисы в Стране Чудес, поднимаясь на ноги и отряхивая джинсы — сзади они были мокрые. Звонкий, весёлый смех был ему ответом. Из-за большого валуна ловко поднялась девушка — и встала, уперев руку в бок и склонив голову к плечу. Олег узнал её сразу:

— Бранка!

Она кивнула и взмахнула рукой — одетая во всё новенькое, в накинутом на одно плечо плаще. Когда Бранка, продолжая улыбаться, пошла навстречу мальчику, Олегу показалось, что она парит в воздухе — так быстро и легко она ступала.

— Испугался? — чуточку насмешливо спросила она, садясь на камень.

Олег оперся ладонью о ствол дерева.

— Я почувствовал, что тут кто-то есть... А как ты здесь?

— Я шла за тобой, — призналась Бранка. Вроде бы смущённо, а вот глаза из-под волос сверкнули лукаво. — Ты не сердись?

— Нет, — пожал плечами Олег, — дороги никому не заказаны.

Бранка посмотрела уже немного сердито:

— А что ушёл-то? Было скучно? У вас, стало, не так веселятся?

— Вообще-то похоже, — возразил Олег. — И не скучно мне стало, а так... взгрустнулось.

— За дом? — понимающе спросила Бранка, глядя снизу вверх на рослого, прямо стоящего Олега.

— По дому? — переспросил Олег. — Может быть... не знаю... Послушай, идём погуляем у водопада? Если уж тебе меня жалко...

— А пойдём, — Бранка легко поднялась на ноги.

Они медленно и молча пошли, петляя между сосен. Бранка жевала сосновую иголку и не спешила заводить разговор. Олег подумал, что она — редкое исключение, почти не расспрашивала его, как живут на Земле. Может быть, потому что её и так с ним... хорошо? Эта мысль была тёплой и радостной.

— Котёл Мораны, — Бранка вдруг ловко прыгнула на большой камень, протянула руку. — Гляди, Вольг.

Олег встал с ней рядом. Водопад ревел совсем близко, воздух был перенасыщен влагой. Пена, похожая на взбитые сливки, кипела далеко внизу, под медленным, тяжёлым падением многотонных тёмных струй. Ещё дальше лежало Логово.

— Нас оттуда, наверное, видят! — перекивая водопад, сказал Олег.

— Ну и беды? — Бранка нагнулась над водой, и мальчишка схватил её за плечо. — Ты что? Не упаду, Вольг.

— Отвечай потом за тебя, — смущённо сказал Олег, не выпуская её плеча. Бранка смотрела ему прямо в глаза:

— Синьцы посадишь.

— Извини. — не отводя взгляда и не отпуская её, ответил Олег.

— Пустое...

— Бранка, — позвал её Олег, словно она уходила. — Сегодня ночь, когда можно найти папоротник.

— Да, — шевельнулись её губы.

— Если бы я его нашёл — я бы пожелал одного. Чтобы ты всегда была со мной, Бранка.

— И я, — произнесли губы, — и я так же, Вольг.

— Иди ко мне, — попросил Олег. И потянул к себе эти лучистые глаза, эти полураскрытые губы, это огромное счастье — не думая уже ни о чём и ничего вокруг не замечая...

... Не заметили они и Йерикку, который, появившись у крайней сосны, споткнулся и несколько мгновений стоял неподвижно, глядя на своего друга и девушку второго своего друга. А потом, круто повернувшись, пошёл вглубь сосняка, где долго, выхаркивая ругательства на нескольких языках, рубил кусты, пока особо прочный ствол молодой сосёнки не вышиб серебристое лезвие у него из ладони, вывернув кисть. Тогда, плюнув, Йерикка рухнул на камень и, свесив руки между колен, застыл. Кисть опухала и болела, но парень очень мало ощущал это...

... Олег вернулся в город утром. В нижнем этаже заведения Славны, куда он направился сразу же, сидели несколько стариков из ранних пташек, да за двумя сдвинутыми столами тихо бушевала до предела загулявшая молодёжная компания. Олега заметили, замахали руками, за-голосили. Он махнул в ответ, взял с прилавка кружку с пивом, мясо с чесноком, хлеб и подсел к столам.

— Разошлись почти все? — осведомился он. Рван кивнул:

— Остатние гуляют.

Похоже было, что он несколько косой — то ли от хмельного, то ли от ночи. Остальные выглядели так же — весёлые, с блестящими глазами, шумные.

Олег внезапно обнаружил, что ему больно есть. А секундой позже это обнаружили и горцы.

— Й-ой, губы-то опухли!

— А вот он где ночь-то высиживал! А его сыскивали!

— Скольких обцеловал-то?!

— Смотри, городской, не май наших!

— Да отзыньте от него, пусть сил набирается, ему то самое дело сейчас!

Олег заставил себя жевать, уткнувшись в стол. Горцы подшучивали беззлобно и не имели в виду ничего определённого, но великолепная копчёная свинина, которая на Земле продавалась бы не иначе как в у.е., превратилась в опилки, а потом потеряла и этот вкус — Олег подумал о том, что они с Бранкой всё-таки не смогли друг без друга... а дальше что?

... Казалось бы — ну, целовались, ну и пусть, что такого? Но дело было не в поцелуях, а в словах, сказанных друг другу над водопадом. Каждое из них могло зарезать Гоймира не хуже камаса... нет, финки наёмного убийцы, потому что было таким же предательским.

«Неужели, — с отчаяньем подумал мальчик, — каждое счастье — это чьё-то несчастье?!» Есть он не мог — допил пиво и поднялся на ноги.

— Пойду выплюсь, — бросил он уже на ходу не собиравшейся расходиться компании. И у самого входа, поворачивая наверх, к себе, нос к носу столкнулся со входившим Гоймиром.

— Куда тебя Кулла унёс? — удивился горец. — Я искал, искал — ночь насквозь.

«Точно — Кулла.»

— Гулял, — Олег сглотнул, перебивая вкус лжи, похожий на вкус мыла, во рту. — А что?

— Да ничего, — удивился Гоймир. — Не в лад ты какой-то.

— Спать хочу, — с трудом сказал Олег, отчаянно подумав, что раньше он врал лучше — не иначе, как этот проклятый мир его отравил... или просто дело в том, что НИКОГДА в жизни не приходилось ему врать по такому поводу...

— Спать? Дело, — одобрил Гоймир. — Одно погоди, я пиво возьму, сговоримся про встречу и разойдёмся. Я мигом.

— Подожду, — вяло сказал Олег и прислонился к косяку, ожидая, когда Гоймир, взяв

кувшин с пивом, вернётся к нему. Они вышли на пустынную улицу... и в них почти врезался Йерикка.

— Кровь Перунова! — Гоймир едва не выронил пиво. — А с тобой-то чего?!

— Вы?.. — Йерикка метнулся взглядом с одного на другого, грудь его вздымалась, словно он нёсся от границ долины. — В... а?!

— Красно говоришь, — одобрил Гоймир. — На, промочи глотку, — он протянул рыжему горцу кувшин. Йерикка сделал несколько глотков, держа кувшин левой. — С рукой-то что?

— Повредил, — Йерикка вытер губы рукавом, снова приложился, вернул кувшин Гоймиру.

— Всех как смело куда-то — тебя, Вольга, Бранку, — Гоймир принял кувшин. Йерикка поперхнулся не проглоченным пивом и почти с ужасом уставился на друзей. Олег всмотрелся в его лицо и понял одно: «Видел.» А Гоймир, почувствовав неладно, свёл брови:

— Что-то... — неуверенно начал он. — Недоброе что, Йерикка? Вольг?

— Ничего, — Йерикка быстро овладел собой. Но Олег — Олег больше не мог терпеть. Это было всё равно что идти по тёмной аллее, слышать сзади шаги и не иметь сил оглянуться. Загремела в висках кровь, во рту стало кисло, и Олег, почти не слыша себя, сказал деревянно:

— Гоймир, мы с Бранкой любим друг друга.

Гоймир, смотревший на Йерикку, вздрогнул, как вздрагивают люди, убитые в спину — застывают, потом силятся обернуться, пытаясь понять, кто убил их... и падают. Падают. Но то враги, а сейчас он убил друга — в спину.

В тот миг он бы всё отдал, чтобы вернуть время на секунду назад — В КОГДА это ещё не было сказано.

Со странным хлопком разбился о землю кувшин с пивом. Олег увидел глаза Гоймира — внимательные и непонимающие, как у глухого, старающегося понять речь собеседника по губам. И каменное лицо Йерикки — маску Равнодушия из греческого театра, неподвижную, лишь глаза тоже живые, и в них разом столько всего...

— Не мыслю, — улыбнулся Гоймир. И тут же: — Вот как оно...

Йерикка всё с тем же спокойным лицом напрягся, явно готовясь разнимать драку всеми доступными способами — пока не убили или не изувечили друг друга. Но мальчишки даже не пошевелились. Лишь Гоймир не просто бледнел — его кожа становилась какого-то зеленоватого оттенка, а лицо — страшным, как у мертвеца. Потом он что-то неслышно сказал.

— Гоймир, — Олег покачал головой, — я виноват... очень... но...

— Виноват? — тихо произнёс Гоймир и поднял руки со скрюченными пальцами. Олег сделал шаг назад — и водитель просто с силой пнул его в пах подъёмом ноги, круто повернулся и стремительно зашагал прочь.

Молча открыв рот, Олег встал на колени, зажимая ладонями промежность.

— Йоо-о-о-о... — выдавил он. Глаза побелели от боли.

— Вообще-то он не так уж неправ, — безжалостно сказал Йерикка, подавая Олегу руку. Тот с трудом встал, сё ещё сгибаясь и придерживая больное место. — Скажу откровенно — ты долбо...б, брат наш с Земли.

— Иди на... — Олег не договорил и взорвался: — Если он вздумает дёрнуться на Бранку тоже — я его урою, похороню на хрен!

— Не шуми, — предостерег Йерикка. — Ты лучше подумай, что будет с тобой. Вот придурок... Олег, а что она?

— Я тебе уже говорил, — с вызовом ответил Олег, — любит она меня!

— Да я и не сомневался, — вздохнул Йерикка, — я отчётливо вижу, что это точно п...
ц.

— Не матерись, — поморщился Олег, — и где только выучился?

— А по книгам, — охотно просветил Йерикка. — Да и не скажешь точнее... Зрак

Кощеев, что же вы будете делать, если мне отлучиться придётся?

— Громоотвод, блин, — ядовито сказал Олег. — Ой, ну и больно...

— Пошли, — вздохнул Йерикка. — До комнаты тебя провожу. Тебе теперь охрана нужна. Круглосуточно.

* * *

Олег проснулся около полудня и какое-то время лежал в постели, потягиваясь и жмурясь. Обычно этого он себе не позволял, вставал сразу... но сейчас решил, что такой день, как вчера, бывает раз в жизни — во всех отношениях. Даже не в году, как день рождения или Новый Год. Как ни странно — настроение было вовсе неплохое. Может быть, потому что по сравнению с подвешенным состоянием, в котором Олег жил довольно долго, любое другое положение кажется полным кайфом.

Тихо-тихо было в доме. Правда, Олег последнее время жил тут не один — кров Славны делили с ним человек пять делегатов от разных племён, которые вроде бы не собирались съезжать. Но от них беспокойства и шума было ноль — они приходили только ночевать.

— Сегодня можно никуда не торопиться, — громко сказал он вслух. И вдруг отчётливо ощутил, до чего устал за прошедшие два месяца и как это приятно — просто поваляться, никуда не спеша и отодвинув все заботы.

Отчётливо вздохнув, Олег закинул руки за голову и неожиданно вспомнил сон, который видел перед самым пробуждением. Хороший сон, в котором они с Бранкой шли сначала по лесу на Эльдорадо, а потом он привёл её домой — знакомиться с мамой и отцом, и Бранка им понравилась. Они вместе сели за стол... Олег негромко засмеялся — сейчас ему казалось, что всё на свете хорошо, а плохое если что и есть, то скоро утрясётся.

По дому тихо ползли запахи готовящейся еды. Пахло чем-то вкусным и знакомым. Олег, всё-таки поднявшись и завершив утренний туалет, сбежал на кухню вниз, похлопывая ладонью по перилам.

— Доброе... — начал он с порога и осекся в радостном изумлении.

Улыбающаяся Бранка повернулась ему навстречу. На огне тушилось мясо с овощами и... жарилась картошка! Не иначе как из запасов, закупленных у анласов на ярмарке.

— Добро тебе! — весело сказала девчонка.

— Мамочки, это мне? — в тихом восторге спросил Олег.

— Зашла кормить тебя, — Бранка кивнула на стол. — Садись вон...

Олег подошёл к столу, уселся, переставив босые ноги с холодных, только что окаченных колодезной водой досок пола на перекладину под столом. С ходу задал вопрос:

— Погуляем потом на пустошах? Когда поедем? Я решил сегодня бездельничать.

— Погуляем, — без раздумий ответила Бранка и, прихватив сковородку с картошкой, поставила её на чугунный кружок. — Вот, попробуй. Не знала, сладится ли...

...сказать по чести, до той поры Олег на пустошах ни разу не был по-настоящему, хотя и исходил их вдоль и поперёк. А в них оказалась хмурая, сумрачная красота — такая же, как в высоком холодном небе и насквозь прозрачных сосновых борах. И, поглядывая на Бранку, шагавшую рядом, Олег подумал, что люди похожи на те земли, в которых живут.

Они бродили пустошами целый день, временами останавливаясь, чтобы отдохнуть, выкупаться, поесть захваченных с собой пирогов с мясом, просто полюбоваться на красивые места. И лишь когда ярко-ярко загорелись в небе звёзды, а солнце опустилось к самому горизонту, Бранка запросилась домой. Хороший, бездумный и беззаботный день кончался.

Они выбрались на древнюю дорогу, ведущую через болота — прямую и пустынную, выложенную ровными, плотно подогнанными квадратами алого и серого гранита. Олег уже знал, что дорогу проложили много веков назад южане, пришедшие покорять горцев — от их короткого владычества немало осталось в северных горах разных построек, словно неподвластных времени.

Слева вёрстами лежали вересковые луга. Справа чернели торфяные болота — мрачные, с проплешинами островов, заросших верещатниками. Резко, гулко, уныло кричала выпь.

Олег и Бранка шли плечо в плечо молча. Они устали и наболтались за день, но и в самом молчании крылось то, что их объединяло — навек. Молчать с тем, кого любишь — тоже здорово... Над чёрными болотами низко пролетела пара больших, похожих на гусей, птиц — но это были не гуси, а одна из местных пород, добавочно напоминавших Олегу, что он не дома.

— Самострел надо было взять, — вздохнула Бранка и вгляделась вперёд: — Видь, кого несёт навстречу.

— Болотник, — пошутил Олег. — Хочет отбить тебя у меня. Но я не отдам.

— Мужчина, человек, — на полном серьёзе возразила Бранка.

— Изворотень, значит, — продолжал посмеиваться Олег. Бранка остановилась и сердито сказала:

— Будет тебе басни перебирать, накличешь... Что-то мне не по себе.

— Да просто ветер неуютный, ещё и от болот чудится разная ересь, — успокаивающим тоном сказал Олег. — Кто-нибудь из города идёт на торфяники.

Но и ему внезапно стало как-то жутковато. Действительно, в приближающейся фигуре было что-то жуткое... даже потустороннее. Теперь уже ясно различалось, что это и правда мужчина — ветер с болот шевелил тяжёлый плащ и волосы, на бедре качался меч, слышно было уже шарканье чуней по плитам, и звук этот жутковато-отчётливо разносился в тишине болот, сливаясь с посвистыванием ветра. Человек приближался не то чтобы быстро, но как-то... неотвратно, что ли.

С болот напал туман, и Око Ночи, стоявшее в небе, делало белую ночь ещё светлей. И тут-то Олег узнал Гоймира. Да, им навстречу шёл Гоймир Лискович — и Олег, честное слово, предпочёл бы встречу с любой болотной нечистью. Впрочем, лицо Гоймира было едва ли не страшнее лица злого духа: скулы каменели желваками, глаза золотились искорками гнева.

Бранка обо всём догадалась раньше Олега — и, буквально закрыв собой мальчишку, крикнула:

— Стой, Гоймир! Родом тебя заклинаю — стой, не влезай!

Олег ещё ничего не понимал. Но Гоймир, не останавливаясь, выдернул из ножен присвистнувший меч и продолжал идти, словно на пустое место — округлый плоский кончик широкого к рукояти узорчатого лезвия тускло мерцал, глядя в горло Бранке.

— Гоймир, ты чего? — Олег сделал шаг в сторону и вперёд, но Бранка отбросила его в сторону с неожиданной и ловкой силой, надрывно крикнув:

— Вольт, он ведь убивать тебя идёт!

— Бред, — сказал Олег. Но неуверенно. Уж больно СТРАШНО шёл Гоймир. Остановившись в каких-то трёх шагах, горец сказал тусклым, мёртвым голосом:

— За спину её прыгнул, городской? Одно выходи и давай драться, враг.

А то быть убиту не одному тебе — но и её сведу... а потом — себя.

— Не понял, — сказал Олег, перемещаясь — а Бранка перемещалась перед ним, словно блокирующий защитник в баскетболе, следя за Гоймиром, как за диким зверем, — объяснись, — но голос Олега стал жёстким.

— Что понимать-то? — левой рукой Гоймир достал камас. Щита-налокотника у него не было. — Любил я девушку. Любила и она меня. Потом стало — ты пришёл. Думал я — друг пришёл, добрый друг. Но не стало друга, и суженой моей не стало. Убивать я тебя хочу, Вольт.

— Что ты плетёшь? — Олег положил ладонь на плечо Бранки.

— Дерись, — откликнулся Гоймир.

— Я не хочу драться, — покачал головой Олег.

— Трус, запечина! — оскалился Гоймир, и в его оскале ярости и горечи было поровну.

— Думай, как знаешь. — ровно ответил Олег. — Я с тобой драться не стану.

— Трус! — повторил Гоймир. — Не то себя — её! — резкий кивок на Бранку, похожий на выпад атакующей змеи, — и то защитить не станешь! Свою... соложу!

Бранка слабо ахнула. Так ахает человек, в которого неожиданно попадает пуля — и он успевает лишь удивиться произошедшему. Не ужаснуться смерти, а удивиться. Беспомощный, слабый звук...

Олег достаточно хорошо разбирался в тонкостях здешнего — похожего на русский, но всё-таки не русского — языка. И понимал разницу между «супругой» — той, с кем сопрягаешься, с кем тащишь по жизни воз общей судьбы, кому подставляешь своё плечо — и «соложей» — той, с кем делишь ТОЛЬКО ложе. И всё. Которая нужна лишь для удовлетворения инстинктов. В мире Олега слова виделись, как через залитое дождём стекло — размытые, искажённые, утерьявшие смысл — там придумали красивое слово «любовница».

Здесь слова были прямы и жёстки, как лезвие меча. И так же отточены. И так же ими можно было убить.

... Бранка отлетела на обочину, едва удержавшись на ногах. В руке Олега сверкнул меч.

— Не смей её оскорблять, падла! — прохрипел Олег, левой доставая камас.

Гоймир отскочил, скалясь:

— Оно лучше!

Неизвестно, хотел ли он вправду убить Бранку, но своего добился. Олег стоял напротив него с оружием в руках — почти такой же злой.

Смерть. Смерть для одного из тех, кто называл себя друзьями. И Бранка больше ничего не могла предпринять — подняв руки к подбородку, она съёжилась на обочине, отчаянно следя за движениями мальчишек.

Они кружили, вышагивали — медленно, вкрадчиво — по камню друг напротив друга. Ни один удар ещё не был нанесён. Мальчишки почти пластались по дороге, карауля движения противника. Ещё месяц назад у Олега не было бы шансов. Но сейчас дела обстояли немного иначе.

Ярость подвела Гоймира. С коротким хриплым криком он метнулся вперёд, целя мечом в бедро, а камасом — в горло Олега. Тот подскочил как мог высоко, ударил Гоймира ногой в плечо, мечом отбил камас. Гоймир отшатнулся, отбежал на несколько шагов, сохраняя равновесие, крутанул перед собой, проверяя, как его слушаются руки, восьмёрки в обеих плоскостях. Прорычал:

— Бейся! — и снова рванулся вперёд, занося меч для убойного удара наискось в плечо. Скользя по клинку Олега, вскинутаю навстречу, лезвие ударило о небольшую медную гарду — тут её называли «огниво» — и отскочило. Брызнул фонтан искр...

Если честно, Олег всё никак не мог поверить, допустить, что ему надо сражаться в полную силу.

Камас мелькнул вдоль бедра Олега — в самый последний момент мальчик сменил ноги в стойке и ударил Гоймира в скулу кулаком с зажатой рукоятью меча, как кастетом. Удар наверняка свернул бы Гоймиру челюсть и вышиб из него сознание, но горец — воин и потомок воинов! — выскользнул из-под неожиданного выпада. Рысь морда на рукояти меча Олега разорвала Гоймиру кожу на скуле, брызнула кровь — Гоймир отскочил волчком, описав вокруг себя смертельный кокон обеими клинками и застыл на широко расставленных ногах, не пытаясь вытереть кровь и не сводя глаз с Олега. А тому вдруг вспомнилось из «Василия Тёркина»:

И глядят в глаза друг другу.

Зверю — зверь. И враг — врагу.

Да нет же, не может быть! Но меч горца словно независимо от руки, сам по себе, скользнул вперёд в открытом колющем фехтовальном выпаде. В том самом, который как-то показал Гоймиру Олег... Прямо в грудь... Тот машинально отмахнулся камасом — и ощутил острую боль в левом плече. Вскрикнув, Олег скосил глаза... и увидел, как из его тела быстро,

по-змеиному, выскользнул камас Гоймира. Вокруг раны на ковбойке расплзлось тёмное пятно, и Олег выронил камас — просто пальцы сами разжались.

Бранка закричала, словно ранили её. Олег пятился, мечом отбивая удары горца с обеих рук — тяжёлые, неистовые, наполненные злой силой. Да, Гоймир хотел его убить. Бешеное лицо его словно плавало в каком-то дурнотном тумане, на белых губах пузырилась густая пена.

Второе ранение Олег получил вновь камасом — в правый бок. Боли почти не было, но острое жжение подсказало ему, насколько серьёзно его задело в этот раз. Рана не кровоточила, и это только подтвердило опасность. На этот раз Олег отплатил немедленно — меч ткнул Гоймира под рёбра слева, скользнул по ним и раскроил одежду и тело до подмышки. Гоймир словно и не заметил этого — бросившись на клинок, он обрушил свой меч на голову Олега с диким, выворачивающим нутро воем. Олег успел вскинуть оружие, но сила отвесного удара была такова, что Олег не удержал защиту. Впрочем, меч Гоймира отклонился — вместо того, чтобы раскроить Олега до пояса, ударил плашмя.

Ноги мальчишки подкосились, перед глазами всё смешалось — и он рухнул навзничь к ногам Гоймира.

Но через секунду лицо горца из бешеного стало удивлённым — Гоймир повалился ничком, не выпуская из рук оружия. Бранка, округлив глаза, стояла над ним, держа в руке увесистый булыжник.

— Ты... — Олег с огромным трудом приподнялся на локте. — Ты его убила?

— Не знаю, — Бранка выронила камень, но голос её звучал твёрдо. — Он бы тебя не сжалел.

Олег вспомнил лицо Гоймира и, мысленно вздрогнув, согласился с Бранкой: убил бы. Точно. Ему и сейчас было определённо скверно — в ушах шумело, тело каким-то образом ухитрилось раскачиваться так, что тошнило, словно при корабельной качке.

— Идти... идти можешь? — голос Бранки доносился глухо, словно через вату. Олег нашёл в себе силы пошутить:

— Если не смогу — прирежешь?

— Вольт, не к месту шутишь, — голос Бранки стал умоляющим. Мальчишка хотел произнести что-нибудь назидательно-ободряющее, но вместо этого искренне и без испуга произнёс утешающим голосом:

— Ты знаешь, а я, кажется, умираю... — и он распластался на дороге.

Бранка никоим образом, к счастью, не впала в панику — хотя вообще-то обстановка к этому располагала: одна на пустынной дороге рядом с двумя потерявшими сознание парнями, один из которых истекает кровью, а второй вот-вот очнётся и прирежет первого.

Бранка много раз делала вещи, которые девушке делать не полагается по меркам не только мира Олега, но и здешних мест. Она была сильной, закалённой и не раз проходила по пять-десять вёрст, неся на плечах двухпудовую овцу. Олег весил пуда четыре, но и до города всего пара вёрст...

Оторвав рукава у рубашки (вспомнилось, она уже делала это, когда отдала этому парню свои чуни!), Бранка туго и быстро перевязала раны мальчика, который так и не пришёл в себя, а потом тяжело, но уверенно взвалила его на плечо — на подушку из плаща — стараясь не разбередить раны. Вздохнула, собираясь с силами, призвала на помощь всех богов... Бранка уже решила попросить Гостимира пару дней побыть дома — на тот случай, если Гоймир снова явится выяснять отношения. Поморщилась, представив себе лицо брата — они же с Гоймиром друзья! Но в Гостимире Бранка была уверена — не откажет...

Всё это она думала, уже шагая по дороге. Светловолосая голова Олега раскачивалась в такт шагам девушки, и она вдруг испытала прилив острой, почти болезненной нежности.

— Ты не умирай, — сказала она, прикоснувшись губами к этим мягким волосам. — Лада, сделай так, чтоб не умер он. Не то уйду за ним. Уйду — вот слово... — и, продолжая шагать, тихо заговорила старинное заклятье на счастье:

*— Да не сойдутся берега у бешеной реки.
Да не возьмёт тебя тоска в железные тиски.*

*Да ты сама, не оступаясь, по жёрдочке пройдёшь.
Да никогда в сплошную грязь лицом не упадёшь.*

*Да не обманет верный друг, останется стеной.
Да не сведёт любимый рук не за твоей спиной.*

*Да не упрячешь за душой постыдного гроша.
Да не окутается ржой летящая душа...*

... Гоймир провёз щекой по камню, задавил в себе стон и сел, оглядываясь вокруг. Он был один, голову раскалывала боль. Прикоснувшись к волосам, мальчик ощутил тёплую липкость и острую вспышку всё той же боли...

— Она сзади была, — сказал Гоймир и удивился тому, как дико звучит его голос. — О боги... сзади была... — в голосе прозвучало недоверие. Он снова тронул голову и посмотрел на пальцы, а потом — засмеялся горьким, стонущим смехом, внезапно отчётливо поняв, насколько была нелепа его затея. Даже если бы он убил Вольга — что дальше? Бранка возненавидела бы его. А убить ЕЁ он не смог бы никогда, он лгал себе и Олегу.

Жизнь превратилась бы в сплошную муку мученическую...

А сейчас? Встретивший свою пятнадцатую весну, Гоймир во многом жил моментом, и ему казалось, что тоска и боль будут сопровождать его до конца жизни. От этого можно избавиться, если...

Он посмотрел на лежащий рядом камас и, подняв его, повернул остриём к себе, целя в живот. Один точный удар на всю длину лезвия... недолгая вспышка боли... покой.

В следующую секунду он выронил оружие, тонко зазвеневшее на камне — словно камас заплакал. И в ответ ему заплакал сам Гоймир. Задыхаясь, судорожно всхлипывая, покачиваясь и не вытирая льющихся по лицу слёз.

Нет, он ни на секунду не испугался смерти или боли. Он боялся своей трусости — убить себя сейчас и было бы — трусость. Но, чтобы жить — казалось Гоймиру — нужны будут какие-то запредельные силы...

* * *

Небольшая, уютная комната неопределённо, но отчётливо принадлежала девушке. Лежать было удобно — похоже, не лавка под ним, а настоящая кровать с периной. Вот только голова начинала кружиться при любом движении. Лёгкое одеяло мешало видеть самого себя — Олег, неуверенно выпростав руку, откинул его.

Бок плотно закрывал бинт, слегка пахнущий уже знакомой мазью. Плечо тоже забинтовано. Олег осторожно повозился — кроме головокружения не было никаких неприятных ощущений. Похоже, он долго уже валяется без сознания, а его в это время починили...

Стараясь не делать резких движений, Олег устроился удобней и удовлетворённо вздохнул при мысли, что остался жив. Взгляд его бездумно скользил по окошкам, резному столику, половикам на полу, ковру с красивым орнаментом на стене, двум большим сундукам в углах, белёному печному боку... За косым оконным переплётом дул ветер, и Олег, поёжившись, натянул одеяло и спокойно уснул...

... Второй раз он проснулся от тихого смеха и лёгкого прикосновения ко лбу.

— Бранка, — сказал он радостно, ещё не открывая глаз. И широко распахнул их.

Бранка сидела рядом на табурете, держа на коленях поднос с дымящимися чашками.

Склонив привычным милым жестом голову к плечу, она улыбалась:

— Проснулся наконец.

— Как я тут оказался? — задал Олег естественный вопрос. — И что с Гоймиром?

— Живой, — равнодушно ответила Бранка. — А тебя я... привезла, так-то.

Она решила не говорить «принесла», зная, что парень может оскорбиться — они привыкли считать себя самыми сильными, ловкими, умелыми. Но Олег, как оказалось, думал о другом:

— Бранка... — он замялся, — тебе его не жаль?

— Кого? — девушка осторожно повернула поднос.

— Гоймира, — нетерпеливо пояснил Олег. Глаза Бранки сузились:

— А знаешь, что он за малым тебя не убил?! Из тебя крови вылилось, как из телка порезанного, он тебе потроха вспорол, я сама не управилась, Йерикку покликкала, мы в ту ночь до утра тебя у Белой Девки отбивали!

Она говорила горячо и быстро. А Олег всё равно не мог — вот глупость-то?! — разозлиться на Гоймира. Скорей жалел его и чувствовал себя немного виноватым, потому что Бранка сидела около НЕГО и жалела ЕГО. Подумав об этом, Олег протянул руку и кончиками пальцев коснулся губ девушки. Бранка умолкла, растерянно и почему-то умоляюще глядя на него. В светёлке повисла странная, напряжённая тишина. Улыбнувшись, Олег убрал ладонь от лица Бранки:

— Что ты принесла?

Девушка вздрогнула — словно проснулась.

— Й-ой, забыла!. . Вот тут жидель одна... суп да чай, тебе другого временем нельзя... ешь вот.

— Покорми меня, — жалобно сказал Олег. — Я лежу весь израненный, только язык и ворочается... и, может быть, даже совсем больной...

— Одно и отваги у парней, что воюют, — фыркнула девушка, аккуратно переставляя поднос на одеяло, — а потом плачутся да стонут... Открывай рот-то, быть так, покормлю с ложечки, а там повязки сменяю...

— Бранка, — тихонько сказал Олег, приподнимаясь, — я тебя люблю.

— Я знаю. — на миг прикрыла глаза девушка...

...Гостимир не удивился, когда Гоймир переступил порог дома. Скорей уж ему стало тоскливо. Но он поднялся из-за стола, за которым чинил рогатину и приветливо сказал старому другу и неудавшемуся шуруину:

— В гости? Проходи.

— Этот... — Гоймир словно задохнулся. Голова у него всё ещё была перевязана, хоть и прошло три дня — крепко его Бранка приложила. Рука сжимала меч. — Этот, — с трудом повторил он, — тать у тебя?

— У нас Вольг, — Гостимир выделил слово «у нас», — дома.

Он умолчал, что Олег — в светёлке Бранки. Но Гоймир, похоже, и сам догадался. Тёмный румянец хлынул у него по щекам, словно дурная вода, глаза вспыхнули. Больше ничего не говоря, Гоймир шагнул ко входу, но Гостимир поставил ногу на ступеньку:

— Не надо тебе туда. Добро?

Гоймир неверяще посмотрел в глаза Гостимиру. Будь он поспокойней сейчас — увидел бы в них острое нежелание ссоры и сочувствие. Но сейчас видел он только ногу на ступеньке...

— Пусти, — выдохнул он запалённо.

— Не надо тебе туда, — терпеливо сказал Гостимир.

— Я одно войду! — Гоймир шагнул назад, и меч с шипением полез из ножен, словно радуясь свободе.

— А и то, — спокойно согласился Гостимир, — ты рубиться горазд, мне — куда. Войдёшь.

Шипение повторилось и завершилось стуком — меч скользнул обратно.

— Род, — вырвалось у Гоймира, — так мне что оставили — смерть?

— Пойдём, попьём квасу, — предложил Гостимир, словно и не было ничего. — И не вини их, — он указал глазами вверх. — Помнишь, как сказано было: тот, кто чужую любовь убивает, собственную душу убивает. Так уж вышло. Не прикажешь.

— Была у меня душа — она, — ответил Гоймир. — А часом нет у меня души — одни голышты...

— Кидай добро вперёд — оно тебя там подождёт, — Гостимир положил ладонь на спину друга. — А Вольг — парень добрый. Ты прости, но осталось тебе без злобы счастья им желать — по-достоинству.

— Нет, — Гоймир повернулся и пошёл к выходу, ступая чунями так, словно они были сделаны из свинца. У самой двери обернулся, взялся рукой за косяк — выступили на тыльной стороне ладони струны сухожилий. — Не желаю я его им. Нету мочи желать.

И — вышел, чиркнув ножнами.

Гостимир, посвистывая сквозь зубы, смотрел ему вслед. Потом подошёл к двери, провёл ладонью по косяку. И свистнул уже громко, изумлённо.

В косяк, сколоченный из местной плотной, кручёной ветрами сосны были глубоко впечатаны, словно зубья капкана, следы пяти человеческих, когтями разведённых гневом — пальцев.

* * *

На шестые сутки после ранения Олег всю трескал твёрдую пищу и мечтал разбогатеть, наладив поставки отсюда того же бальзама. Но больше своего выздоровления удивляло его отношение к происходящему окружающих — в том числе — семьи Бранки. Они ничуть не сетовали на то, что он порушил намечавшуюся родственную связь с будущим князем. Похоже, Бранка не привирала, когда говорила, что девушки тут сами выбирают, с кем быть и кого бросать.

Часто заходили ребята. Но больше всего обрадовался Олег, когда зашёл Йерикка. Усевшись на табурет, пододвинутый ногой, скрестил руки на рукояти поставленного между ног меча и долго изучал Олега. Ясно было, что новостей от него не дождёшься, зато сейчас будут точно описаны моральный облик и трудное, короткое будущее Олега.

Угадал. Йерикка шевельнулся, сел удобнее и сказал:

— Тут в одной вёске есть двое мужиков. А прозванья у них — Преступляк и Кровопущенко... Ну, фамилии, по-земному.

— Ты к чему это? — напряжился Олег.

— Вот я и думаю, кто из вас кто. Судя по всему, Преступляк ты. А Кровопущенко...

— Ладно тебе, — рассмеялся Олег. Йерикка вдруг с интересом спросил:

— Слушай, а ты понимаешь, что Гоймир тебя чуть не убил?

Ответом был удивлённый взгляд — Олег о том и думать позабыл. Йерикка громко расхохотался, откинув голову:

— Да, Олег, я бы хотел иметь такого...

— Друга? — серьёзно спросил Олег. Горец посерьёзней и покачал головой:

— Да нет, друг у меня вроде уже есть... Я бы не отказался от такого младшего братишки, как ты! Жаль, что расстанемся...

— Может, ещё и встретимся, — Олег подмигнул. — Приедешь к нам, и мы с тобой Думу разгоним на х...р.

— Можно, — легко согласился Йерикка, не уточняя, что это за Дума и за что её разгонять. Олег продолжал развивать планы:

— И девчонки у нас тоже ничего.

Йерикка почему-то смутился. А Олег уже осторожно спросил — словно тропку на болоте нащупывал:

— Значит, ты на меня не сердишься, что... ну, короче...
— Я? — Йерикка поднял брови. — Погоди-погоди, а почему Я должен сердиться?
— Ну, ведь ты же меня предупреждал, — пожал голыми плечами Олег.
— Именно ПРЕДУПРЕЖДАЛ, а не бегал за тобой с мечом, чтобы заставить отказаться от Бранки. Ты выбрал? Выбрал. Теперь пожинай плоды своих грязных деяний... а мне на тебя сердиться не за что.
— Очень приятно слышать, — улыбнулся Олег. — Только... как с Гоймиром?
— Э, а вот это тоже твои проблемы, и тут тебе никто не поможет.
— А ещё друг, — с деланной обидой ответил Олег, но Йерикка не принял шутки:
— Драться вместе с тобой, закрыть тебя от пули или клинка, веселиться или вынести с поля боя, грустить или странствовать — это пожалуйста... и не только я. Но любовь... любовь, Олег, это такая стервозная штука... она только для двоих. И все проблемы, с ней связанные — тоже. А иначе это уже не любовь. — и Йерикка пропел:

*— Не бывает любви несчастной...
Может быть она горькой, трудной,
Беззащитной и безрассудной.
Но несчастной любви не бывает,
Даже если любовь убивает!
Тот, кто этого не усвоит —
И несчастной любви не стоит...*

— Слышал такое?
— Не-ет... — медленно ответил Олег. — Эрик, а у тебя есть девчонка?
— У меня? — Йерикка поднялся. — Ну, выздоравливай. Пойду, мне сегодня на поля.
Он очень быстро вышел, даже не пожав руку и оставив Олега в полнейшем недоумении — то ли обиделся, то ли что-то вспомнил, то ли просто не захотел ответить, то ли правда опаздывал?..

... Этим вечером Олег не мог уснуть. Он лежал в постели, положив под одеялом ногу на ногу и откинув голову на подушку. За окном висел искривлённый, разбитый ковш Большой Медведицы — Лося по-здешнему. Где-то снаружи смеялась девчонка — счастливо, взхлёб, как смеются лишь в юности. Ей отвечал неразборчивый, грубоватый мальчишеский басок — и вот смеются уже двое.

— Бранка, — вслух сказал Олег.

— Да?

Он вскинулся. Бранка стояла у дверей в своей обычной позе — головой к плечу, одетая в «уличные» рубашку и штаны, босиком, без пояса.

— Как ты, болезный? — весело спросила она, подходя и садясь у Олега в ногах.

— Лучше, чем когда бы то ни было, — Олег сел, как следует. — А теперь и вообще здорово.

— Что так? — спросила Бранка, ставя одну ногу на край кровати и обнимая колено.

— Ты же пришла. — улыбнулся Олег и протянул руку. Бранка вложила в неё свою.

— Так уж потому не спишь? Может, домовой давит, или просто — бессонница?

— Бессонница, — легко согласился Олег. — Без тебя — бессонница. И страшно. В темноте. Может, травки какой?

— Белены, — предложила Бранка. — Белая ночь, что темнота? — глаза у неё поблёскивали.

— Такая, — Олег погладил её по руке. — Какая бывает темнота, если моё солнышко исчезает на целый день? Вот сейчас ты уйдёшь... и опять будет темно...

— А если я останусь? — Бранка куснула нижнюю губу. — Хочешь ли?

Голова у Олега закружилась, как не кружилась уже несколько дней. Он, не сводя глаз с Бранки, спросил:

— А ты — ТЫ этого хочешь?

— Да.

Бывает, что мы принимаем ложь, как должное. И теряемся, если нам в глаза говорят правду. Почему-то ни Олег, ни Бранка не подумали даже, что «остаться» может означать просто просидеть вместе полночи, болтая о разном — как уже было.

Олег внезапно испугался. Испугался, что поведёт себя не так — и Бранка уйдёт. Он ещё толком не знал, чего хочет... но он совершенно точно НЕ ХОТЕЛ, чтобы Бранка уходила.

Девушка прикоснулась пальцами к вискам Олега (он вздрогнул) и, встав коленями на постель, несколько раз поцеловала его в губы — сухие, горячие, словно у мальчишки поднялась температура.

— Я не прошу с тебя ничего, — сказала она и, стоя на коленях, потянула через голову рубаху. — Ты волен уйти... как пожелаешь, когда пожелаешь...

Эти слова прозвучали нелепо. Олег чувствовал, что ему трудно дышать носом и открыл рот, который немедленно пересох, как и губы. Бранка, положив ладони на плечи Олега, закрыв глаза, наклонялась всё ниже и ниже — её груди коснулись напряжённых, твёрдых, как камень, мышц на груди мальчишки... и, когда они перестали целоваться, Олег быстрым, горячим шёпотом сказал:

— Подожди, подожди... давай перестанем... а то я сейчас... — он тихо хихикнул, — я сейчас в трусы сделаю, как в том сне...

— В каком сне? — сев, девчонка стаскивала штаны, подняв длинные, стройные ноги с изящными ступнями. — Снимай одежду...

— Ты мне снилась, — Олег отпихнул одеяло на пол и помедлил. Бранка стояла вновь на коленях, только теперь уже — без одежды. — Понимаешь, я... я это делал только во сне...

— Может стать, и это — сон? — ладони девушки сомкнулись на затылке Олега.

— Если так — я не хочу просыпаться, — прошептал он, прежде чем они снова начали целоваться. Наконец Бранка одышливо спросила:

— А до меня... целовался ли... ты? .

— А-га, — Олег жадно искал её губы, словно вокруг было темно; на самом деле он просто почти ничего не видел от переполнявшего его возбуждения. — Бранк, я больше не могу так!

Девушка соскользнула вниз и вбок, её лицо оказалось рядом с лицом Олега. Потом перекаtilась на спину...

...— Тебе... не... больно? .

— Мне хорошо... Вольг, жизнь моя... ещё чуть... по-терпи...

— Я... да... да... да...

Бранка закричала — негромко, Олег не обратил на это внимания, как и на то, что её пальцы свозят ногтями кожу у него на спине. Закрыв глаза, он очень слабо понимал, что делает — кроме того, что это доставляет ему невероятно, ни с чем не сравнимое наслаждение, которое с ним делит Бранка...

...Олег лёг на живот, щекой на плечо Бранки, носом в её шею. Посопел; девушка сказала:

— Щекотно, — и, засмеявшись, запустила пальцы в волосы Олега. Тот поднял голову, как-то странно глянул на неё: — Что ты?

— Да так... Я думаю — а как я жил раньше? Может, меня вообще не было?

— Глупый... Хотя, — она вздохнула, удобней устраивая светловолосую голову на подушке, — может стать, что и меня не было...

— Я у тебя первый — вот так, по-настоящему, — не спросил, а сказал Олег. — Послушай, давай... ещё раз.

— Сейчас. Погоди... Скажи мне по чести, верное слово скажи — ты меня не кинешь, пока...

— Я тебя НИКОГДА не кину, — и Олег закрыл её рот поцелуем.

... ЕСТЬ ВЕЩИ, ОТ КОТОРЫХ НЕ СПАСАЮТ НИ ВОЗРАСТ, НИ СВЕТЛАЯ

Интерлюдия: «Песня о Новом Времени»

*Как призывный набат,
Прозвучали в ночи тяжело шаги —
Значит, скоро и нам
Уходить и прощаться без слов...*

*По нехоженным тропам
Протопали лошади, лошади,
Неизвестно, к какому концу
Унося седоков...*

*Значит, время иное, лихое,
Но счастье, как встарь ищи...
И в погоню летим мы за ним,
Убегающим, вслед!*

*Только вот в этой скачке
Теряем мы лучших товарищей,
На скаку не заметив,
Что рядом товарищей нет...*

*И ещё будем долго
Огни принимать за пожары мы.
Будет долго зловещим
Казаться нам скрип сапогов!*

*О войне будут детские игры
С названиями старыми,
И людей будем долго делить
На СВОИХ и ВРАГОВ.*

*А когда отгрохочет,
Когда отгорит
И отплачется,
И когда наши кони
Устанут под нами скакать.*

*И когда наши девочки
Сменят шинели на платица —
Не забыть бы тогда!
Не простить бы!
И — не потерять... 48*

* * *

Йерикка пришёл в башню глубокой ночью, когда весь город спал — и пламя факелов заметалось, бросая текущие отблески на развешанное по стенам гридницы оружие, свидетельствовавшее о славе побед племени. Старый князь Крук, молча сидевший на своём месте во главе пустого дружинного стола, поднял голову.

— Они идут, — ответил Йерикка на невысказанный вопрос. — Всё, как говорили, дед. Час назад они начали высаживаться на побережье, до нас им не так уж долго. Между нами и ими сейчас наших племён — всего ничего, больше лесовиков, что после восстания сюда переселились. В остальные племена весть уже послана. Там собирают дружины и ополчения.

Крук сидел, опираясь на рукоять меча. Бесплезного меча.

ОНИ сядут на перевалы — и...

Старый князь остро пожалел, что не умер зимой, когда дошла весть о гибели любимого сына, отца Гоймира. Он пытался отогнать видения гибели родного города. ОНИ идут наказывать за непокорность детей, стариков и женщин. Весь горский народ. Они идут, чтобы разрушить всё, чем жил старый Крук, что было дорого ему и его людям. Что может противопоставить племя, мужчины которого погибли в боях? Куда вернутся они, когда придёт пора? На пепелище?

Уйти, мелькнула мысль. Сняться, уйти за Ключ-горы. Но от одной этой мысли князь вдруг ощутил боевое бешенство, не посещавшее его уже много лет. Уйти, чтобы жадная и жестокая нелюдь ворвалась в дома, опоганила очаги, осквернила труд поколений славян? Уйти — пряча глаза, пробираться чужими землями, не смея взглянуть на тех, кто из жалости станет кормить в пути детей и стариков? НЕТ!!! Легче умереть!

Умереть легко. Но как сохранить то, что есть душа племени? Никто не испугается смерти. Но с гибелью горцев уйдёт последние свободные славяне Мира. Хозяева придумают своим рабам новое имя, новые обычаи, новую веру — и смерть лишится пользы — единственного, что оправдывает её...

... Он открыл глаза. Йерикка стоял перед ним — рослый, плечистый, ладонь на рукояти меча. Он ждал.

— Можно уходом уйти, — медленно сказал князь. Ноздри Йерикки раздулись, он негромко, но чётко, печатая слова, ответил:

— Тот, кто ушёл с родной земли, не смеет на неё вернуться. Хорошо, если мы все погибнем. А если соседи отобьют врага? Как пойдём обратно, дед? Надо встать на перевалах и в долинах на закате. Надо сдерживать нелюдь до зимы. А там — как Род даст.

— С кем встать? — допытывался старый князь. — Где дружина моя? Ополчать кого?

— Мы встанем, — просто ответил Йерикка. И, хотя Крук знал ответ, в голосе его прозвучала искренняя горечь:

— А побьют вас, детки...

— Побьют, — согласился Йерикка. — Может, и всех побьют, дед. А младшие жить будут. Женщины им про нас расскажут. Вырастут они. И будет жить Рысь. И на нашей крови, на памяти о нас — крепче прежнего встанет племя. Славой умножится. Без людей, случилось, на одном-двух живых — выживали племена наши. А без чести, без родины, без памяти — и великий числом народ сгинет весь. Решай, князь.

Крук тяжело вздохнул. Трудно решиться на такое. Единственно верное решение, единственно возможное — решение, которого он сам себе никогда не простит, принеси оно победу или поражение. Цена будет страшной. Немногим лучше самой беды.

Но лучше.

— Вольга ушли, — сказал князь. — Нечего ему за наши дела голову класть. Род деда его, моего побратима — на нём.

— Сам прослежу, чтобы отослали. И провожатых найду, — Йерикка вскинул руку и вышел...

... На улицах города было прохладно. Над Логовом шумел ветер. Огоньки светились в домах — там, где ещё не спали.

А ОНИ уже шли сюда. Шли — наглые, уверенные в своей силе, такой неодолимой перед беззащитными племенами.

Что же. Пусть идут... и пусть радуются те, кто сможет ещё и УЙТИ отсюда. Может, и нет в племени мужчин. Но ВОИНЫ — есть. И перевалы на закате станут могилой для врага... и для тех, кто его задержит.

Или не сможет задержать.

Князь вошёл в спальню Гоймира. Внук спал на животе, повернув голову и тихо, мерно дыша. Во сне лицо его казалось совсем детским и беззащитным, а сильные руки — слишком тонкими. Рядом лежала на сундуке одежда — повязка упала на пол. Старик поднял её и пальцами погладил оскаленную Рысь. Положил повязку обратно на сундук и легко коснулся длинными узловатыми пальцами, привыкшими к мечу, волос спящего мальчика, словно прося прощенья.

— Уж тебе впрямь идти, — сказал Крук тихо. — Иных пошлю, тебя оставлю — а дальше как? Идти тебе, внучек... идти...

— Что ты, дед? — сонно спросил мальчик, поднимаясь на локте. — Неладно тебе?

— Вставай, Гоймиро, — сказал князь. — Тебе теперь долго дома не спать.

Мальчик сел, стукнув в пол босыми ногами. Широко раскрыл глаза...

... В этот миг ночи люди — сами не зная, почему! — проснулись почти во всех домах. Отчаянно залаяли, взвыли обычно молчаливые горские псы. Переменившийся тёплый и сырой ветер тащил с юго-запада невиданную грозовую тучу, но на чистом ещё небе заиграл всеми своими красками Большой Сполох.

И был это тридцатый день червня 98-го года Беды на Мире.

Интерлюдия: «Песенка»

*Когда ты молод, мой дружок,
Кругом — зелёный лес.
В гусях ты видишь лебедей,
А в девочках принцесс.*

*Тогда седлай скорей коня
И поспеши вперёд.
Туда, куда давно тебя
Душа твоя зовёт.*

*Когда стареешь, мой дружок,
Кругом желтеет лес.
Ты возвращаешься домой
Из чуждальных мест.*

*Пуškai увидят все тебя
Усталым и седым.
С тобою та, кого любил,
Когда был молодым.*

*Когда из мира уходит грусть,
Деревья все зеленеют,
Когда становится лебедем гусь,
А девочки так хорошеют.*

Когда слышен топот весёлых копыт,

*Лови своё время, проказник.
Пусть кровь молодая твоя кипит,
И на каждой улице — праздник !* ⁴⁹

Конец первой истории⁵⁰

⁴⁹ Стихи Ч.Кингсли.

⁵⁰ В тексте романа использованы как примеры народного творчества славян и анласов, а также в качестве стихов **О. С. Марычева** и **Звенислава Гордятича** стихи и песни следующих авторов: *В. Сорокин; Ю. Кузнецов; М. Гаврюшин; А. Драт; И. Давиденко; Дж. Селби; А. Васильев; Ю. Михайлов; А. Розенбаум; Д. Ревякин; В. Верещагина; В. Сидоров; В. Коркия; В. Высоцкий; Н. Фоменко* — а также русские народные песни, причеты, заговоры, славянские былины, русские солдатские и бардовские песни разных лет, стихи, былины и песни, созданные автором романа.